

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 3 января.

Содержаніе: I. Вы есте свѣтъ міра. Свящ. Н. Гр.—II. Православное духо-
венство и медицина. Свящ. В. Бажановъ.—III. Мои воспоминанія
Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Забѣтка. Изъ пастырской практики.

Вы есте свѣтъ міра.

Кто изъ насъ, пастырей церковныхъ, не воодушевлялся въ своей пастырской работѣ божественною высотой и небеснымъ достоинствомъ великаго и безмѣрно отвѣтственнаго нашего служенія въ мірѣ? Кто среди непрерывныхъ усилій „окрылить душу человѣческую, исхитить ее изъ міра и предать Богу, сохранить въ ней образъ Божій, если цѣль, поддержать, если въ опасности, обновить, если поврежденъ, *вселить Христа въ сердца Духомъ*“,—кто среди этихъ трудовъ и подвиговъ пастырскаго дѣланія нашего не утѣшался сопровождающими его благословеніями Божиими?..

Вы есте свѣтъ міра. И въ обычное время это великое и страшное слово нашего Пастыреначальника властно звучитъ въ нашей душѣ; въ день же Нового года ~~мы~~ всецѣло

охвачены имъ, ибо кто изъ насъ въ этотъ день не становится выше обыденной жизни, кто не поднимается въ міръ идеала и не переживаетъ состоянія восторга отъ созерцанія его красоты, неудержимо влекущей къ себѣ? И въ обычное время божественный призывъ свѣтитъ міру живительными лучами Христовой истины и Христовой правды заставляетъ работать наши опускающіяся руки и подкрѣпляетъ наши гнущіяся колѣна; въ день же Новаго года, на этомъ новомъ поворотѣ міровой и человѣческой жизни, онъ своею могучею силою—и хромымъ сообщаетъ быстроту оленя, и гугнивымъ даетъ ясность рѣчи...

Вы есте свѣтъ міра. Но какъ трудно освѣтить ночную тьму, которая въ наши дни становится все мрачнѣе, какъ трудно преломлять Христовы лучи въ средѣ, которая изъ года въ годъ становится все непроницаемѣе! Какъ невыразимо трудно намъ, пастырямъ церковнымъ, удержать въ своихъ рукахъ горящіе свѣтильники, когда люди всѣхъ званій и состояній стремятся вырвать ихъ у насъ и погасить! Кому неизвѣстно, что намъ приходится слышать столько несправедливыхъ упрековъ въ худомъ исполненіи обязанностей нашего служенія, какъ никому другому? Мы отовсюду окружены неумолимыми судьями, которые не колебаясь произносятъ надъ нашимъ дѣломъ строгіе приговоры и безъ всякаго смущенія готовы обвинять насъ въ разныхъ преступленіяхъ противъ нашего святого долга. И при этомъ всѣ изощряются въ искусствѣ „ловить наши недостатки не для того, чтобы оплакивать ихъ, но чтобы пересудить, не для того, чтобы уврачевать, но чтобы еще уязвить, и раны наши имѣтъ оправданіемъ собственныхъ своихъ недостатковъ“.

Вы есте свѣтъ міра—такъ говорятъ намъ, въ оправданіе своего враждебно суроваго къ намъ отношенія, и такимъ образомъ слово Спасителя сказанное для нашего утѣшенія и ободренія, обращаютъ въ средство борьбы съ нами. Но—*приидите и истязимся* вы, призванные и непризванные наши судьи!

Свѣтъ Христовъ льетъ свои благодатные лучи на нашъ русскій народъ, на всю нашу жизнь—и семейную, и обще-

ственную, и государственную уже цѣлое тысячелѣтіе. Сколько поколѣній пастырей и пасомыхъ смѣнилось на протяженіи этого огромнаго періода времени, и сколько при этомъ въ каждомъ поколѣніи было людей высокой вѣры и подлиннаго церковно-христіанскаго благочестія какъ среди пастырей, такъ и среди пасомыхъ! Всѣ они ярко свѣтили и словомъ, и жизнью, и дѣлами. Въ какой же мѣрѣ наше поколѣніе усвоило себѣ свѣтъ вѣры и благочестія нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ глубоко проникли лучи этого свѣта въ самую толщу нашей современной жизни, и какая почва для воздѣлыванія досталась въ удѣлъ намъ?

Съ какою отрадою отдыхаетъ нашъ взоръ въ эти праздничные, свѣтлые дни на богопреданной, благочестивой православно-христіанской семьѣ! Все здѣсь дышитъ взаимнымъ довѣріемъ, полною откровенностью, сердечною любовью. Въ отношеніяхъ старшихъ и младшихъ — ничѣмъ не запятанная чистота. Родители всецѣло ушли въ заботы о дѣтяхъ, о воспитаніи въ нихъ доброй воли, о наилучшемъ приготовленіи ихъ къ будущей честной жизни и дѣятельности, а дѣти отвѣчаютъ на это любовнымъ послушаніемъ и серьезной работой надъ своимъ образованіемъ. Радость и миръ обитаютъ въ такой семьѣ, и вы почувствуете, что вѣра въ Небеснаго Бога Отца, всѣмъ указавшаго опредѣленное мѣсто въ Его виноградникѣ, составляетъ здѣсь несокрушимый оплотъ счастья... Но, скажите, гдѣ въ настоящее время можно видѣть эти семьи, эти благословенные дома, которые заслуживаютъ названія церковей Божіихъ?—Есть ли они? Не перевелись ли они на святой Руси? Плачь, и рыданіе, и вопль—вотъ что всѣ мы слышимъ въ современной русской семьѣ. Послѣдняя разваливается, и разваливается потому, что люди, на словахъ ревнующіе о благочестіи, собственными руками распатываютъ ея основы, издѣваясь надъ святою нашею вѣрою, надъ Христовою Церковью и надъ ея служителями. Научите же насъ, какъ внести сюда, въ этотъ зловѣщій мракъ семейной жизни русскихъ православныхъ людей, свѣтъ Христовъ, всячески

изгоняемый отсюда множеством неприванныхъ просвѣтителей народа! Что могутъ сдѣлать пастыри церкви, когда около нихъ тысячи другихъ дѣятелей занимаются разрушительною работою? Вѣра, правда и благочестіе укореняются и процвѣтають только тамъ, гдѣ ихъ съ любовью принимаютъ и свободно подчиняются ихъ руководительству...

Отъ семьи перейдемъ къ школѣ. Сколько свѣта льется здѣсь черезъ наставниковъ и воспитателей въ воспримчивыя сердца нашихъ дѣтей,—и однакоже кто можетъ сказать, что здѣсь тьмы меньше, чѣмъ въ семьѣ? Невозможно исчислить всѣхъ жалобъ на дѣло школьнаго обученія и воспитанія русскаго юношества, которыя раздаются вкругъ насъ. Отовсюду несутся вопли настоящаго отчаянія, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что дѣти наши растутъ безъ всякой вѣры въ душѣ, безъ страха Божія въ сердцѣ, что они уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ отравлены убійственнымъ ядомъ отрицанія, самоубійствія, своеволія. Скажите же намъ, какъ вырвать изъ этого адскаго мрака нашу учащуюся молодежь? Что могутъ сдѣлать учителя Закона Божьяго, когда школу нашу окружаетъ непроглядная тьма общественнаго порока и нечестія, и когда дѣти лишь на самое короткое время оставляють эту тьму, а затѣмъ снова погружаются въ нее? Кого родители не приучають внимать голосу Божію, а окружающая среда влечетъ ко злу, тотъ и въ храмѣ Божіемъ остается глухимъ къ божественнымъ призывамъ...

А общество наше съ его многосложною жизнью? Кто не оплакивалъ общественныхъ нестроений нашего времени и кто не останавливался съ ужасомъ предъ этой бездной, которая поглощаетъ всѣ усилія наши водворить среди людей миръ, порядокъ, справедливость, уваженіе къ человѣческой личности, взаимное доброжелательство? Здѣсь уже тьма крошечная, и успешная борьба съ нею возможна ли въ настоящее время, когда пастыри Церкви изнемогають въ защитѣ коренныхъ основъ всякаго христіанскаго общежитія, а около нихъ идетъ ожесточенное преслѣдованіе всего, чему до сихъ поръ

поклонялся всякій вѣрующій и здравомыслящій гражданинъ? Нѣтъ, впереди насъ ждетъ еще худшее, и мы, можетъ быть, охотно уступили бы свое мѣсто нашимъ судьямъ, если бы призывный голосъ Божій—*вы есте свѣтъ міра*—не жегъ бы наше сердце такъ, какъ вѣдомо это только однимъ посланникамъ Божиимъ.

Но—что же? значить ли все нами сказанное, что мы бессильны вести священную борьбу во имя Христовой истины, святости и правды, что мы отказываемся держать въ своихъ рукахъ свѣтильники вѣры и благочестія, чтобы имъ освѣщать путь современному человѣку?—Нѣтъ и нѣтъ,—мы только даемъ отвѣтъ тѣмъ, которые готовы поставить намъ въ вину все зло современной жизни и тѣмъ лишить насъ смѣлости въ проповѣданіи новой христіанской жизни и настойчивости въ пастырскомъ попеченіи о гибнущей душѣ человѣка; мы только показываемъ, что пастырское наше дѣланіе встрѣчаетъ тысячу препятствій, и что для правильной оцѣнки его и для безпристрастнаго суда надъ нами нужно быть искреннимъ любителемъ истины и благожелательнымъ другомъ не только пастырей, но и пасомыхъ...

Вы есте свѣтъ міра. Съ волненіемъ сердечнымъ мы вслушиваемся въ это дивное слово Христово, которое, подобно молніи, освѣщаетъ нашъ путь въ мірѣ и cadaго изъ насъ дѣлаетъ непоколебимо вѣрнымъ слугою Божиимъ. Оно вызываетъ въ насъ радость и беззавѣтное желаніе принести въ жертву Іисусу Христу все, чѣмъ только мы можемъ служить Ему. Оно наполняетъ насъ увѣренностью, что наше дѣло рано или поздно совершить свое дѣйствіе въ мірѣ, что мы только недостойные посредники въ просвѣщеніи современнаго поколѣнія людей животворящимъ свѣтомъ Сына Божія, Который Самъ, ими же вѣсть судьбами, просвѣщаетъ и освящаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ мірѣ. Если мы слабы, какъ люди, обложенные плотью и кровью, то съ другой стороны—могучи и несокрушимы, какъ посланники Божіи, къ которымъ одинаково относится это слово Спасителя: „кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня; а кто принимаетъ Меня, принимаетъ Пославшаго Меня“. (Мѡ. 10, 40).

Свящ. Н. Гр.

Православное духовенство и медицина.

Главнымъ земнымъ благомъ челоуѣка считается здоровье. Это—истина неоспоримая: ее не понимаетъ развѣ тотъ, кто никогда не былъ знакомъ съ болѣзнями. „Никакое богатство не можетъ сравниться со здоровьемъ; здоровье есть капиталъ, который дороже всякаго золота“ (ср. Сирах. 30, 15—17). Въ дѣйствительности же заботы о здоровьѣ у насъ часто отступаютъ на задній планъ. Большинство людей не только не считаетъ нужнымъ заботиться о сохраненіи своего здоровья, но часто сознательно допускаетъ систематическія злоупотребленія этимъ даромъ. Повседневная жизнь русскаго общества, особенно въ интеллигентной его части, богата болѣе тонкими злоупотребленіями, которыми зато тѣмъ быстрѣе подтачивается здоровье. Получается довольно странная картина: люди какъ бы конкурируютъ между собою въ изобрѣтеніи средствъ и способовъ къ постепенному самоуничтоженію,—до такой степени безпорядочно-нездоровый образъ жизни многихъ нашихъ современниковъ входитъ въ обычай, правило, привычку. За образованными и состоятельными классами, живущими, въ большинствѣ случаевъ, ненормальной—первирующей жизнью городовъ, тянутся и крестьяне, этотъ нѣкогда крѣпкій и здоровый элементъ русскаго общества, воспринимая отъ нихъ такія привычки, которыми несомнѣнно парализуется его духовный ростъ и тѣлесная устойчивость. Нетрезвость, праздность и бездѣлье, сопровождаемая развивающейся страстью къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, требующимъ большихъ средствъ и свободнаго времени,—суть пороки столь же свойственные горожанину, какъ и представителю деревни. Результаты отмѣченной ненормальности не заставляютъ себя долго ждать, и вотъ начинается расплата, свидѣтельствующая, что люди отступаютъ отъ нормъ естественной жизни, нарушаютъ законы души и тѣла, законы жизни личной и общественной. Отрицательнымъ путемъ убѣждается челоуѣкъ въ правдѣ словъ великаго Апо-

стола: „все мнѣ позволительно, но не все полезно“ (1 Кор. 6, 12),—убѣждается поразительными знаменіями нашего времени, каковы: недолголѣтняя жизнь, усиленная заболѣваемость, повышенная смертность среди дѣтей и взрослыхъ. Можно ли оставаться равнодушнымъ къ такому положенію дѣла? Если кругомъ насъ жизнь исполнена болѣзней и страданій, если отовсюду слышатся голоса, а подчасъ и отчаянные крики, зовущіе на помощь,—то, безъ сомнѣнія, просящая помощь должна быть оказана словомъ, совѣтомъ, знаніями и самымъ дѣломъ.

Но для того, чтобы эта помощь была дѣйствительной и продуктивной, необходима широкая освѣдомленность общественныхъ дѣятелей въ спеціальной области, предметомъ которой служатъ болѣзни вообще, ихъ предупрежденіе и лѣченіе. Наука, изучающая способы предупреждать заболѣванія или же, при ихъ наличности, приводить послѣднія къ болѣе благопріятному исходу, въ возможно короткое время и съ возможно меньшими страданіями для больного, извѣстна подъ названіемъ медицины. Всѣ образованные люди, работающіе на пользу народа, должны усвоить и проводить настойчиво въ жизнь, главнымъ образомъ, тѣ профилактическія свѣдѣнія, которыя являются крайне необходимыми въ виду ихъ громаднаго положительнаго значенія и вліянія на здоровье. Важнѣйшая отрасль медицины, преслѣдующая профилактическія задачи, называется гигиеной. Отъ ея развитія и успѣшнаго примѣненія къ жизни зависитъ, до нѣкоторой степени, все будущее человѣчества. Гигіена освѣщаетъ всѣ неприглядныя стороны человѣческаго существованія, указывая, что необходимо дѣлать для устраненія вредныхъ условій нашей жизни, или, по крайней мѣрѣ, какими мѣрами возможно ослабить ихъ разрушительное вліяніе.

Гигіена имѣетъ за собою не только научное, но историческое и религіозное оправданіе. Слѣды ея находятся въ глубокой древности человѣческаго рода. Такъ, гигиеническія предписанія являются, или какъ требованія религіи, напр.,

у евреевъ, или какъ основы гражданскаго благосостоянія— въ законахъ Спарты, или какъ указанія разума и медицинскихъ наблюденій—въ школѣ отца медицины—Гиппократа. Въ настоящее время медицина, послѣ цѣлаго ряда научныхъ открытій и усилъ, достигла высокаго положенія у образованныхъ народовъ, опредѣливъ надлежащее мѣсто и роль родственной себѣ гигиенѣ, назначеніе которой состоитъ въ заботахъ объ охраненіи личнаго и общественнаго здоровья и въ предупрежденіи заболѣваемости вообще. Но цѣль гигиены только тогда будетъ достигнута, когда добытое ею знаніе сдѣлается краеугольнымъ камнемъ общественной и индивидуальной жизни. Для осуществленія этой цѣли должны быть призваны всѣ культурныя силы русскаго общества, въ томъ числѣ и наше православное духовенство.

Необходимость участія духовныхъ лицъ въ указанной работѣ вызывается русской дѣйствительностію, которая находится въ полномъ противорѣчій съ требованіями медицинскихъ наукъ и, въ частности, гигиены. Кто имѣетъ возможность всматриваться въ бытъ нашего простаго народа, тотъ не можетъ не замѣтить, что наше сельское, отчасти и городское простонародье по вопросу о болѣзняхъ, ихъ происхожденіи, сущности и свойствахъ, руководится самыми странными, нелѣпыми и противными здравому смыслу понятіями, соотвѣтственно которымъ смотритъ на различные способы врачеванія. Мы уже не говоримъ о томъ, что оно не имѣетъ никакого понятія о гигиеническомъ образѣ жизни, и поэтому неудивительно, что его взгляды на условія, благоприятныя для здоровья, и на уходъ за больными рѣзко расходятся съ выводами на этотъ счетъ научной гигиены. Вслѣдствіе экономической несостоятельности народа, а также—его умственной и нравственной неразвитости, онъ свыкается съ грязью, не умѣетъ цѣнить чистый воздухъ, опрятную и чистую одежду, мало заботится о правильномъ уходѣ и питаніи своихъ дѣтей, совсѣмъ не понимаетъ и не признаетъ правилъ санитарной медицины. Съ первыхъ дней своего по-

явленія на свѣтъ крестьянское дитя проходитъ цѣлый курсъ самыхъ антигигіеническихъ съ нимъ операцій: то его парятъ „въ горячемъ духу“, то правятъ ему члены, то, наконецъ, трясутъ его головою внизъ, чтобы не было „грыжи“, и пичкаютъ всевозможными соками и настоями. Послѣдующая жизнь деревенской дѣтвора также проходитъ безъ всякаго цѣлесообразнаго ухода—въ страшной грязи, съ прогорьклыми сосками, часто сдѣланными изъ какихъ-либо грязныхъ тряпокъ. Не меньшихъ гигіеническихъ отступленій исполненъ режимъ взрослыхъ: дворы — безъ отхожихъ мѣсть, избы—съ невозможно высокой температурой въ зимнее время и съ такими неудобствами, что, при взглядѣ на нихъ, покажется смѣшною рѣчь объ изоляціи больныхъ и эвакуаціи здоровыхъ въ случаѣ какой-либо эпидемической болѣзни. И только незнакомствомъ съ дѣйствительностію жизни или полнымъ равнодушіемъ и безучастнымъ къ ней отношеніемъ могутъ быть объяснены традиціонныя сужденія о непоколебимомъ здоровьѣ и закаленности русскаго крестьянства. Подобныя толки въ свое время, быть можетъ, и имѣли нѣкоторое основаніе, но теперь, въ связи съ причинами, о которыхъ частію мы замѣтили выше, говорить такъ не приходится. Крестьяне хвораютъ больше, чѣмъ думаютъ о нихъ остальные классы общества, и вы не найдете такого медицинскаго пункта или больницы, которыми въ достаточной степени обслуживались бы запросы мѣстнаго населенія: потребность во врачебной помощи всегда превышаетъ наличность и возможность ея выполненія.

Всякое благоустроенное общество старается приходить на помощь наиболѣе нуждающимся больнымъ при посредствѣ филантропическихъ и общественныхъ учреждений, больницъ, амбулаторій, врачей для бѣдныхъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, нельзя конечно думать, чтобы эти мѣры вполнѣ удовлетворяли всѣхъ нуждающихся въ медицинской помощи. Принимая во вниманіе огромныя пространства, занимаемыя нашимъ отечествомъ, и тотъ общеизвѣстный фактъ, что большинство

врачей группируется у насъ, по преимуществу, въ городахъ, мы, думается, не ошибемся, если скажемъ, что громадное количество людей, живущихъ по разбросаннымъ деревнямъ и селамъ, совершенно лишено всякой медицинской помощи. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду и тотъ общеизвѣстный фактъ, что пути сообщенія во многихъ мѣстахъ нашей родины находятся въ первобытномъ состояннн и во време весенней распутицы, половодья и снѣжныхъ заносовъ становятся положительно непроходимыми. При такихъ обстоятельствахъ, даже въ томъ случаѣ, когда врачъ живетъ относительно недалеко, больнымъ часто не представляется никакой возможности пользоваться его услугами. Остается для многихъ единственный способъ взаимопомощи, начало котораго скрывается въ глубокой древности, такъ сказать, въ колыбели челоуѣчества, т. е. самоврачеваніе. Что было въ старину, то же, въ большинствѣ случаевъ, существуетъ и въ настоящее время среди крестьянскаго населенія. Если нѣтъ людей, то приходится обращаться къ природѣ, и люди берутъ изъ нея все, что кажется имъ подходящимъ, производя опыты надъ своими больными „на удачу“, на „будь, что будетъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго, если большинство изъ простонародья въ своихъ медицинскихъ воззрѣніяхъ до сихъ поръ продолжаетъ считаться съ понятіями и преслѣдованіями, унаслѣдованными отъ своихъ предковъ, въ свою очередь воспитавшихся на устныхъ преданіяхъ древне-славянскаго язычества. На ряду съ грубыми опытами врачеванія заболѣвшихъ какими-либо „собственными деревенскими“ лѣкарствами, существуетъ специально народная медицина, основанная на существующей русскому челоуѣку вѣрѣ въ чудесное, сверхъестественное, когда, напримѣръ, извѣстныя страданія приписываются дѣйствию злого духа, котораго надо изгонять или умиловить. Изъ этого источника ведутъ свое начало многочисленные заговоры, заклинанія, молитвы, всевозможныя повѣрья и легенды, являющія собою часто искаженіе какихъ-либо библейскихъ фактовъ и сказаній и возникшія очевидно

въ періодъ борьбы христіанства съ язычествомъ. Примѣнительно къ этому міросозерцанію составляются своеобразные взгляды на происхожденіе, причину и лѣченіе болѣзней, которые пользуются большою устойчивостію въ сознаніи простаго народа, вслѣдствіе его безграничной и слѣпой вѣры въ силу таинственныхъ лѣкарствъ, составляющихъ секретъ ихъ изобрѣтателей, могущихъ, по народному повѣрью, не только прогонять болѣзни, но и насылать ихъ на людей, „изурочивать“ и портить послѣднихъ, особенно женщинъ, дѣлая изъ нихъ кликушъ. Такимъ образомъ вѣра въ цѣлебность употребляемыхъ средствъ есть главный факторъ, дѣйствующій преимуществу въ народной медицинѣ. Вопросъ о вліяніи мысли и чувства на фізіологическія и другія отправления человѣческаго организма уже давно обратилъ на себя вниманіе науки и освѣщенъ множествомъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что въ данномъ случаѣ имѣеть мѣсто „внушеніе“, какъ орудіе для достиженія положительныхъ или отрицательныхъ результатовъ. Отсюда понятно, если отъ такого врачеванія, вліяющаго непосредственно на нервную систему и воображеніе, съ кліентами происходятъ странныя и неожиданныя превращенія: „унимаются зубная боль, икота проходитъ, лихманки бѣгутъ прочь или, въ обратномъ направленіи, начинается поротье, головныя боли гнетуть чѣловѣка и съ нимъ дѣлаются припадки“. Если средства лѣченія первой категоріи, такъ сказать, экспериментальныя, несмотря на всю свою случайность, все же заключаютъ иногда нѣкоторыя задатки къ совершенствованію и признаются за достовѣрныя и научной медициной, то средства другого порядка, основанныя на мистицизмѣ и суевѣрїи, должны быть названы вредными и опасными для народнаго здоровья, и съ ними необходимо бороться и культурнымъ путемъ, и съ церковной кафедрой.

Свящ. *Василій Бажановъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія ¹⁾.

Вакаціальныя дни.

Лѣтнія каникулы въ прежнее время всегда начинались 15 іюля и продолжались до 1 сентября. Раньше 15 іюля распускали семинаристовъ только тогда, когда 15 число іюля приходилось въ воскресенье; въ этомъ единственномъ случаѣ роспускъ семинаристовъ былъ 14 іюля. Такое время для каникулъ въ старые годы назначалось въ тѣхъ видахъ, чтобы ученики семинаріи, возвратившись въ дома своихъ родителей, помогали имъ въ полевыхъ работахъ, горячая пора которыхъ падала именно на указанное время. И вотъ, многіе семинаристы, отдохнувши немного отъ учебныхъ занятій, принимались за тяжелый физическій трудъ, лежавшій на земледѣльцахъ. А духовенство, мало обеспеченное въ средствахъ своего содержанія,—въ особенности низшіе члены причта,—своими руками воздѣлывали кусокъ земли, отведенный въ распоряженіе причта того или другого села, видя въ этомъ немалое подспорье къ устроению своего благосостоянія. Семинаристы вмѣстѣ съ родителями убирали сѣно: гдѣ были луга, они оставались нескошенными до прибытія изъ города помощниковъ въ сельской работѣ. А уборка сѣна это одна изъ самыхъ легкихъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Другіе жали, возили снопы и слагали ихъ въ скирды и одѣвья, молотили, пахали, боронили и засѣвали поле. Конечно, не всѣ заняты были въ вакаціальные дни такою тяжелою работою,—не всѣ, но несомнѣнно многіе. Мнѣ не разъ случалось слышать рассказы и отъ лицъ, занимавшихъ архіерейскія каѳедры, какъ они (для примѣра назову Михаила, б. ректора Московской и Кіевской академій, потомъ

¹⁾ Въ 1910 году на страницахъ „Р. д. с. п.“ будутъ продолжены „Воспоминанія“ маститаго профессора; теперь будутъ даны академическіе годы ученія и службы автора.

епископа курскаго) въ былое время, живя въ вакацію у родителей, въ потѣ лица вмѣстѣ съ ними воздѣлывали землю, и въ воспоминаціяхъ объ этомъ не замѣчалось и тѣни горечи и ропота на тяжелую службу, переносимую въ годы юности. Все это рассказывалось тономъ умиленія, который выходилъ изъ чувства полной покорности нашего стараго духовенства даннымъ условіямъ его нероскошнаго положенія, при которомъ оно не могло обходиться безъ тяжкаго труда воздѣлыванія земли.

Не о себѣ я говорю, когда вспоминаю, какъ проводили вакацію,—время отдыха,—многіе семинаристы моего времени, принужденные раздѣлять труды отцовъ своихъ. Главнымъ образомъ этотъ трудъ лежалъ на дѣтяхъ низшихъ членовъ прѣчта; а такихъ было едва ли не большинство въ тогдашнихъ семинаріяхъ. Но и дѣти поповскія во многихъ мѣстахъ брались не только за грабли, но и за соху и за серпъ. И священники не рѣдко собственноручно обрабатывали свою землю.

Я, когда учился въ семинаріи, въ вакацію свободенъ былъ отъ тяжелаго физическаго труда, и не принималъ участія въ полевыхъ работахъ. И это не потому, чтобы я принадлежалъ къ числу счастливицевъ, которыхъ родители обладали хорошимъ достаткомъ и устранялись отъ черной работы, а потому, что мнѣ, лишившемуся отца еще во время обученія въ училищѣ, почти не приходилось вакаціи проводить въ деревнѣ, а почти всегда въ городѣ. Да и когда былъ живъ отецъ мой, онъ не занимался самъ черною полевою работою, а отдавалъ свою землю для обработки крестьянамъ изъ-полу, которые, за половинную долю собраннаго въ полѣ, обязывались исправно исполнить всю процедуру обработки земли, до свалки сноповъ на токъ или въ одѣвня, и сложенія обмолоченнаго хлѣба въ амбаръ. Только лугъ убиралъ онъ самъ. Но косили его крестьяне, а около скошеннаго сѣна копошились мы, малыя дѣти, перебирая его и снося въ кошны. А послѣ его смерти, мы не знали и этой легкой

работы. Какъ же пришлось проводить вакаціи мнѣ, бездомному юношѣ, не имѣющему родительскаго крова, гдѣ бы я могъ найти вѣрное пристанище въ тѣ дни и мѣсяцы, когда всѣ разъѣзжаются по домамъ своимъ?

Пріютъ находилъ я,—и хорошій пріютъ,—у добрыхъ родственниковъ, не оставлявшихъ безъ вниманія нашего сиротствующаго семейства.

Одну первую вакацію 1847-го года проводилъ я въ селѣ Верхозерьи Меленковскаго уѣзда у своего дяди, брата моей матери, священника Петра Ивановича Смирнова; и это была единственная вакація, проведенная мною въ селѣ, а не въ городѣ.

Памятно мнѣ путешествіе изъ Владиміра до Муромъ (сто двадцать верстъ). Идти пѣшкомъ такую длинную дорогу намъ было тяжело и затруднительно, хотя нѣкоторые изъ моихъ товарищей изъ селъ, расположенныхъ близъ Муромъ, не убоялись пѣшеходнаго путешествія, и тотчасъ же, по полученіи билета, взявши на плечи маленькія котомки, при сильной жарѣ, безъ оглядки, съ посохомъ въ рукѣ, поспѣшно пускались въ далекую дорогу въ родные кровы, и безъ отдыха въ сутки шагами успѣвали отмѣрять около восьмидесяти верстъ. Мы съ братомъ убоялись такого странствованія, а искали порожняковъ, при пособіи которыхъ мы могли бы за малую плату добраться до Муромъ. Порожняками назывались подводы, на которыхъ въ городъ привозили какіе-либо товары,—изъ Муромъ часто муку, и которыя, по сложеніи привезенной на нихъ клади, пустыя возвращались назадъ. Такая окказія,—возвращеніе изъ Владиміра въ Муромъ,—пустыхъ подводъ случалась частенько. И мы нашли порожняковъ около десятка подводъ, простыхъ телѣгъ самаго примитивнаго устройства, и насъ согласились везти на нихъ до Муромъ за баснословно дешевую плату, по нынѣшней оцѣнкѣ, за пятиалтынный съ брата, то-есть, за пятьдесятъ двѣ копейки на ассигнаціи, по нынѣшнему—за пятнадцать копеекъ. Насъ собралось человѣкъ десять, спутниковъ въ

одни края. По условію, на каждой порожней подводѣ нужно было сидѣть по одному сѣдоку, и никакъ не болѣе двухъ. Это въ тѣхъ расчетахъ, чтобы равномѣрнѣе была распределена тяжесть между всѣми подводами, и чтобы не была напрасно отягощена одна лошадь, когда другія будутъ везти пустыя телѣги. Но этого условія мы не исполняли аккуратно. Скучно одному сидѣть въ неказистой телѣгѣ, и при ѣздѣ довольно медленной. И вотъ мы, вопреки условію, нерѣдко забирались на одну повозку, чтобы въ товарищеской бесѣдѣ веселѣе коротать время скучнаго путешествія. А возница, ѣхавшій впереди, часто оглядывался назадъ, и если замѣчалъ непорядокъ, не разъ кричалъ на насъ, и требовалъ, чтобы каждый садился на свою лошадь, то-есть, на ту подводу, на которой сѣлъ первоначально. Прошло болѣе шестидесяти лѣтъ съ того времени, а у меня до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ громкій окрикъ передового нашего возницы, который можно привести въ примѣръ русскаго лаконическаго простонароднаго выраженія. „*На каряи! Сядь на сву*“. Вы не поймете этого выраженія, если повторить вамъ его отрывочно. А смыслъ его такой: Эй ты, который сѣлъ на подводу, везомую карею лошадью, сядь на свою. Мнѣ показалось очень характернымъ это выраженіе, и потому оно такъ долго сохранилось у меня въ памяти. вмѣстѣ съ тѣмъ сохранился и обликъ возницы, не разъ поднимавшагося на своей повозкѣ, чтобы покричать на насъ и привести насъ къ порядку. Но я долженъ сказать, что мы мало слушались своего возницы, и не смотря на его окрики, частенько гурьбою садились на одну подводу, оставляя инныя подводы совершенно пустыми.

Ѣзда на порожнякахъ, на простыхъ телѣгахъ, безъ всякой, хотя бы соломенной, подкладки, не представляла большихъ удобствъ. Но мы довольны были, что намъ удалось сто двадцать верстъ проѣхать на лошадяхъ, а не пѣхтурой идти, какъ тогда выражались.

Послѣ такого путешествія, мы явились въ Муромѣ бо-
 дрые и не истомленные. Остановившись въ Муромѣ, мы съ
 братомъ нѣсколько дней провели у своего дѣда въ Муром-
 скомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ исполнялъ должность
 казначея, и гдѣ мы по праздникамъ у него бывали, когда
 учились въ училищѣ. Изъ Мурома мы отправились пѣшкомъ
 въ село Верхозерье, гдѣ имѣли главное пребываніе въ про-
 долженіе всей вакаціи. Отъ Мурома до Верхозерья верстъ
 двадцать, и мы, не отягощенные никакою ношею, легко про-
 шли эту, сравнительно недалекую, дорогу. Въ Верхозерьи
 жилось намъ хорошо; здѣсь мы въ полномъ смыслѣ отдыха-
 ли. Ни къ какой работѣ насъ не принуждали и не пригла-
 шали: нашъ дядя, священникъ верхозерскій, самъ не зани-
 мался обработкою поля. Мы располагали временемъ съ пол-
 ною свободою, не занимаясь ничѣмъ серьезнымъ, и вмѣстѣ
 съ своими двоюродными братьями избирали для себя легкія
 приличныя развлеченія. Часто, чуть не ежедневно, купались
 въ озерѣ, которое было подъ самыми окнами того дома, гдѣ
 мы жили, ловили рыбу удочкой, и за этимъ занятіемъ иногда
 сидѣли по цѣлымъ днямъ. И какая радость была у насъ,
 когда на удочку попадалась какая-либо большая рыба! Схва-
 тивъ ее и снявъ съ уды, бѣжимъ домой, чтобы похвалиться
 своею удачею предъ родными. Часто катались по озеру на
 лодкѣ или ботникѣ, и лодка и ботникъ, стоя у берега, все-
 гда могли быть въ нашемъ распоряженіи. Я любилъ ѣздить
 на ботникѣ, когда рыбаки неводомъ ловили рыбу, и смотрѣть
 за тѣмъ, насколько удачна была ихъ ловитва. Озеро очень
 большое и очень обильное рыбою. Разъ случилось мнѣ ви-
 дѣть, какъ они неводомъ приволокли къ берегу такое коли-
 чество рыбы, что не знали, что съ нею дѣлать. Говорили,
 что пойманной рыбы будетъ пудовъ триста. Мелкую рыбу
 они опять побросали въ озеро, а болѣе крупную рыбою тот-
 часъ же нагроузили телѣги, и повезли ее для продажи и въ
 Муромъ, и въ Меленки, и въ ближайшія окрестныя села.
 Мнѣ въ ботникъ набросали очень много рыбы, такъ что я

просиль, чтобы они уменьшили количество дара, мнѣ ими предлагаемаго. И другимъ жителямъ своего села они готовы были давать столько, сколько кто хочетъ. Это было за день до праздника Преображенія Господня. А въ старые годы (не знаю, какъ теперь) на рыбу разрѣшалось по Уставу церковному въ Успенскій постъ только на Преображеніе, и Уставъ этотъ строго соблюдался. Уставъ и нынѣ тотъ же самый, что былъ пятьдесятъ, шестьдесятъ лѣтъ назадъ, но съ теченіемъ времени произошло значительное ослабленіе въ соблюденіи церковнаго Устава не только въ городахъ, но и въ селахъ. Такой даръ къ празднику Богъ далъ намъ, говорили тогда рыбаки и жители села Верхозерья, свято соблюдашіе посты церковные.

Само собою понятно, что во время вакаціи мы обязательно присутствовали на всѣхъ церковныхъ службахъ, какія совершались въ сельской церкви. Въ тѣ годы семинаристы считали грѣхомъ опустить богослуженіе въ какой-либо праздничный и воскресный день, гдѣ бы они ни были. И мы, лишь только слышимъ звонъ колокола, приглашающій на богослуженіе, бывало, оставляемъ свои забавы и развлечения, и спѣшимъ въ церковь. Соблюденіе такого обычая внушало намъ не школа только, а первѣе всего семья и родительская властная воля.

Случалось намъ вносить нѣкоторое оживленіе въ однообразіе вакаціального времяпрепровожденія. Это однообразіе видоизмѣнялось, когда мы по какому-либо случаю предпринимали путешествіе въ ближайшія селенія. Это было главнымъ образомъ въ храмовые праздники этихъ селеній. Такъ (помню) ѣздили мы на Успеніе въ село Рѣшное, отстоящее отъ Верхозерья верстахъ въ семи, и лежащее на другомъ берегу рѣки Оки. Тамъ въ этотъ день была небольшая ярмарка, на которую собиралось довольно много народа. Это было одно изъ имѣній богатаго помѣщика Шепелева, имѣвшаго нѣсколько желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Резиденція его была

на Выксѣ, верстахъ въ шести отъ Рѣшнаго, уже въ Нижегородской губерніи, гдѣ у него былъ устроенъ и домашній театръ, и звѣринецъ, и другія принадлежности старыхъ роскошныхъ дворянскихъ помѣстій. Нынѣ на Выксѣ, при содѣйствіи недавно скончавшагося инока Сергіевой обители Варнавы, устроенъ женскій монастырь, и, кажется, ничего нѣтъ изъ того, чѣмъ украшала Выксу барская затѣя богатаго помѣщика. Въ Рѣшномъ на берегу Оки построены были круглый дворецъ, называвшійся тогда мызою. Въ день праздника Шенелевъ пріѣзжалъ въ эту мызу. Оттуда съ балкона онъ бросалъ въ народъ мѣдныя, и иногда и серебряныя деньги, и толпы народныя бросались подбирать ихъ. Когда мы ходили по ярмаркѣ и глазѣли, появился экипажъ, на которомъ возсѣдалъ самъ владѣлецъ богатыхъ помѣстій. Тихо проѣзжая среди сборища народнаго, гдѣ большинство были его крѣпостные, онъ раскланивался съ народомъ, скидавшимъ предъ нимъ шапки, кивая головою то направо, то налево, и многіе бѣжали за его экипажемъ, можетъ быть, ожидая, не станеть ли онъ изъ экипажа бросать деньги, какъ бросалъ съ балкона своей мызы. Такія дворянскія прихоти нынѣ отошли въ область далекаго преданія.

Знакомыхъ у насъ въ Рѣшномъ никого не было, и мы здѣсь ни къ кому не заходили, — побродили по ярмаркѣ, повертѣлись между гуляющимъ народомъ, посмотрѣли на ярмарочную суету, и, ничего не купивъ (потому что не на что было), благополучно возвратились домой, получивъ пріятное развлеченіе отъ этого путешествія на чужой праздникъ. По возвращеніи, мы успѣли явиться въ церковь ко всенощной, которая служилась наканунѣ праздника Нерукотвореннаго Образа.

Другое путешествіе, болѣе продолжительное, было въ Иговскій погостъ, на праздникъ Флора и Лавра (18 августа). Здѣсь у насъ много родныхъ, и среди нихъ мы прожили нѣсколько дней, встрѣтивъ у нихъ рѣдкое родственное радушіе. Недѣля, проведенная здѣсь, пролетѣла, какъ одинъ день, и мы съ сожалѣніемъ разставались съ своими родными, старав-

шимися своею ласкою и другими выраженіями своей любви сдѣлать пріятнымъ для насъ наше пребываніе у нихъ.

Не преминули мы въ вакацію побывать и въ Васильевскомъ погостѣ, куда влекла насъ могила нашего родителя. Помолились мы надъ его могилою и въ той церкви, сооруженію которой онъ не мало содѣйствовалъ, въ которой столько лѣтъ священнодѣйствовалъ, и въ которую насъ водилъ въ наши юнѣйшіе годы. Тяжелыя воспоминанія оживали въ насъ, когда мы бродили по роднымъ мѣстамъ, не добровольно оставленнымъ нами, и горькія слезы невольно душили насъ, когда мы припадали къ сырой землѣ, сокрывшей останки безвременно скончавшагося нашего отца.

Другія вакаціи, во время моего обученія въ семинаріи (1848-го, 1849-го, 1850-го и 1851-го) я проводилъ въ г. Вязникахъ, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, гдѣ дѣдъ мой іеромонахъ Ириней былъ настоятелемъ, переведенный туда изъ казначеевъ Муромскаго Спасскаго монастыря въ концѣ 1847-го или въ началѣ 1848-го года. Монастырь былъ заштатный, и настоятели его назывались строителями, какъ и поминались въ церкви, и были большею частію въ санѣ іеромонаха.

Всѣ эти вакаціи проведены мною однообразно, тихо, спокойно, въ полномъ отдохновеніи, со всѣми удобствами, какія могла представить монастырская жизнь и благорасположеніе дѣда, настоятеля монастыря. Столомъ пользовались мы монастырскимъ и были имъ довольны; мясной пищи не видали, но за нею и не скучали. А въ Успенскій постъ и рыбы не было въ столѣ, за исключеніемъ праздника Преображенія Господня. Чай пили ежедневно; но въ постъ Успенскій, когда по Уставу не полагается разрѣшенія на рыбу, дѣдъ нашъ колебался, можно ли въ такіе строго-постные дни пить чай, и не велить, бывало, ставить самовара. Но потомъ подумавъ, что, можетъ быть, мы голодаемъ безъ чая, отмѣняетъ свое прежнее распоряженіе и, сказавъ: *нѣтъ*

иртъхъ, побѣждаѣи милосердіе Божіе, даетъ приказъ келейнику поставить самоваръ и приготовить все къ чаю.

Въ монастырѣ были и, вѣроятно, и теперь существуютъ хорошіе вишневые сады. Вишневья деревья были главными растеніями въ нихъ; но кромѣ вишневыхъ деревьевъ бѣли отборные сорта яблонь. Сады сдавались въ аренду. Но одинъ небольшой садъ въ углу монастыря, съ роскошною густою растительностію, называвшійся настоятельскимъ, въ аренду не сдавался, и оставался въ полномъ распоряженіи настоятеля. Здѣсь была бесѣдка, или крытая терраса, и на этой террасѣ я проводилъ почти все время, здѣсь читалъ и писалъ, когда то приходилось нужнымъ. Когда созрѣвали вишни, я могъ лакомиться ими, сколько было угодно: сладкія ягоды сами собою давались въ руку даже тогда, когда я сидѣлъ на террасѣ; за ними не нужно было идти далеко. Обиліе плодовъ было такъ велико, что они не истощались замѣтно, при самомъ усердномъ единоличномъ потребленіи ихъ. И когда приходила пора полного созрѣванія ихъ, настоятель разрѣшалъ или предлагалъ братіи монастыря собрать для себя часть перезрѣвающихъ ягодъ, и на ея часть приходилось ихъ очень довольно.

Имѣя пріютъ въ вакацію въ монастырѣ, я вель въ немъ жизнь вольнаго монастырскаго затворника, — въ городъ выходилъ рѣдко, и ни съ кѣмъ изъ городскихъ жителей не вель знакомствъ. Меня приглашали иные къ себѣ, но я въ юные годы былъ дикаремъ, чуждался общества, или стѣснялся бывать въ немъ, и на неоднократныя приглашенія отвѣчалъ отказомъ. Мнѣ не скучно было и въ монастырѣ; здѣсь я чувствовалъ себя вольнѣе, чѣмъ въ средѣ незнакомаго общества. Сверстники мои, жившіе въ Вязникахъ, могли видѣться со мною и посѣщать меня только въ монастырѣ.

Признаться долженъ, что мнѣ правилась монастырская жизнь, и подъ тѣми впечатлѣніями, какія я получалъ въ тихомъ монастырскомъ уединеніи, у меня зарождалась мысль навсегда поселиться въ монастырѣ и принять иночество. Съ

этою мыслию я долго серьезно носился, и въ настоящее время не могу дать себѣ отчета въ томъ, какъ, подъ какимъ вліяніемъ она съ теченіемъ времени ослабѣла во мнѣ. Божіимъ изволеніемъ такъ устроилось, что я вступилъ въ другой путь мірской семейной жизни, которая въ то время, когда я ходилъ тихій пріютъ въ монастырѣ, представлялась мнѣ многомятежною и неспокойною.

Развлеченій я никакихъ не имѣлъ, живя въ монастырѣ. Единственнымъ моимъ развлеченіемъ (если только это можно назвать развлеченіемъ) были частыя прогулки въ поле. Монастырь лежитъ на краю города, или при въѣздѣ въ городъ по шоссеиной дорогѣ изъ Владиміра въ Нижній-Новгородъ. Монастырь, какъ и весь городъ, лежитъ на низменномъ мѣстѣ, въ долину подъ горою... А близъ монастыря на горѣ разстилается поле, засѣянное рожью. На этомъ полѣ проложены узкія тропинки для одиночнаго цѣпнаго хожденія. Вотъ по этимъ тропинкамъ я любилъ ходить, и заходилъ далеко, куда только вели эти тропинки. Рожь высокая, въ ростъ человѣка: идешь по тропинкѣ, не видный никому, и видишь надъ собою только чистое, большею частью безоблачное, небо, и дума за думою, и мечта за мечтою зарождаются въ душѣ и перегоняютъ одна другую. Такъ среди поля, ласкаемый тихимъ шелестомъ колосистой ржи или легкимъ вѣтеркомъ, ходилъ я иногда по цѣлымъ часамъ, и душевное настроеніе гармонировало съ тою тишиною, какая замѣчалась въ природѣ, готовящей свои дары человѣку, труждающемуся надъ нею. Съ этихъ прогулокъ я всегда возвращался умиранный душею, и это общеніе съ безмолвною природою мнѣ доставляло больше удовольствія, чѣмъ веселое шумное гульбище.

Дня на два, на три прерывалось мое одиночное пребываніе въ монастырѣ. Въ десяти верстахъ отъ Вязниковъ, въ Преображенскомъ погостѣ, священствовалъ мой двоюродный братъ Василій Аѳиногеновичъ Либеровскій. Къ празднику своему, ко дню Преображенія Господня, онъ приглашалъ

меня, а вмѣстѣ со мною и моего старшаго брата, пока онъ не уѣхалъ въ академію. Ходили мы туда пѣшкомъ, и были принимаемы весьма радушно. Но я и тамъ, среди добрыхъ родныхъ, чувствовалъ себя какъ бы не въ своей тарелкѣ. Я чувствовалъ, что я среди общества какъ будто не на своемъ мѣстѣ, и, не смотря на доброе расположеніе окружающихъ, я стремился отъ нихъ въ тихую монастырскую келью.

Такой установился складъ моей жизни, когда я проводилъ вакацію въ монастырѣ.

Изъ четырехъ вакацій, мною проведенныхъ въ монастырѣ, въ каждую случались особенныя обстоятельства, оставившія ясный слѣдъ въ моей памяти.

Первая вакація (1848-го года), по случаю холеры, была очень продолжительна. Насъ, семинаристовъ, распустили въ іюнь мѣсяцѣ, до экзамена, который обыкновенно начинался 16 іюня. и распустили впредь до востребованія, которое послѣдуетъ, когда ослабѣетъ, или прекратится эпидемія, свирѣпствовавшая тогда очень сильно. Прожили мы въ Вязникахъ въ этотъ годъ отъ 15 іюня до 15 сентября. Экзамены, которые должны были быть произведены до вакаціи, производились въ сентябрѣ. Мнѣ памяты эти экзамены только тѣмъ, что меня спрашивали на нихъ по гражданской исторіи, по которой прежде въ теченіе двухъ лѣтъ мнѣ ни разу не приходилось отвѣчать ни предъ наставникомъ, ни на частныхъ экзаменахъ.

Эта вакація омрачилась для насъ однимъ печальнымъ происшествіемъ,—смертію нашего младшаго брата Ивана. Онъ учился въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и по своимъ способностямъ обѣщалъ изъ себя въ будущемъ незауряднаго дѣятеля. Въ 1848 году онъ долженъ былъ перейти въ семинарію, и мы надѣялись съ этого года всѣ трое жить вмѣстѣ, въ бурсѣ. Но случилось не то, на что мы рассчитывали. Въ Муромѣ холера появилась раньше, чѣмъ во Владимірѣ, и ученики Муромскаго училища распушены были дней на десять раньше,

тѣмъ семинаристы. Братъ нашъ Иванъ лѣтомъ болѣлъ лихорадкою, и отъ болѣзни организмъ его былъ значительно ослабленъ. Между тѣмъ, послѣ роспуска учениковъ, онъ рѣшился идти въ Вязники къ дѣду пѣшкомъ, а, можетъ быть, былъ вынужденъ къ тому по недостатку средствъ. Между тѣмъ дорога была не близкая, болѣе восьмидесяти верстъ. Усталъ, истомился онъ въ высшей степени отъ этого длиннаго пѣшеходнаго путешествія при сильной лѣтней жарѣ. Прибывъ въ Вязники и поселившись у дѣда, онъ отдохнулъ было, хотя мало укрѣпился силами. Черезъ недѣлю у него открылись холерные припадки, хотя не сильные. Но истощенный и ослабленный организмъ не выдержалъ болѣзни, и онъ тихо скончался. Заболѣвъ холерою, онъ предчувствовалъ, что близокъ конецъ его, и высказывалъ дѣду свои послѣднія распоряженія или желанія. По словамъ дѣда, одно изъ этихъ распоряженій состояло въ томъ, чтобы дѣдъ, въ случаѣ его кончины, уплатилъ муромскому булочнику пять копеекъ, которому онъ задолжалъ на такую сумму, надѣясь уплатить долгъ по возвращеніи въ Муромъ послѣ вакаціи. Упоминаю объ этомъ потому, чтобы дать понять, кому интересно слѣдить за нашею судьбою, какими капиталами мы располагали, когда учились въ училищѣ и семинаріи.

Пріѣзжаемъ мы съ старшимъ братомъ въ Вязники, въ надеждѣ провести вакаціи въ грозный холерный годъ всѣмъ братьямъ вмѣстѣ, и при входѣ въ келлію своего дѣдушки первый вопросъ нашъ былъ: гдѣ братъ Иванъ? Онъ указываетъ изъ окна на свѣжую могилу у монастырской церкви, и рассказываетъ, какъ онъ пришелъ изъ Мурома, и хотя отдыхалъ, но не казался человѣкомъ здоровымъ и потомъ вдругъ въ одинъ день его болѣзнь скрутила. Погрустили, пожалѣли мы о безвременно погибшемъ юношѣ братѣ, и, покорившись волѣ Божіей, помолились объ упокоеніи души его въ селеніяхъ праведныхъ.

Послѣ этого печальнаго событія, жизнь въ монастырѣ пошла обычнымъ порядкомъ, и мы въ Вязникахъ спокойно

прожили вакацію въ тревожное холерное время. Въ Вязникахъ холеры не было, и кромѣ нашего брата не было другой жертвы эпидемической болѣзни, которой въ то время боялись болѣе, чѣмъ въ послѣдующіе годы, при ея появленіи.

Въ вакацію 1849-го года старшій братъ мой, назначенный въ Кіевскую академію, прожилъ въ Вязникахъ только двѣ недѣли, и въ эти двѣ недѣли усиленно готовился къ пріемному экзамену въ академію, на которомъ поступающихъ въ академію экзаменовали въ то время рѣшительно по всеѣмъ предметамъ, не исключая естественной исторіи и сельскаго хозяйства. Въ своихъ заботахъ объ успѣшномъ приготовленіи къ экзамену въ короткій срокъ, находящійся въ его распоряженіи, онъ отчасти обращался къ моей помощи. Именно, онъ просилъ меня возобновить въ его памяти уроки по русской гражданской исторіи. Онъ зналъ, что я любилъ этотъ предметъ и внимательно изучалъ его. Учебной книги по этому предмету у него въ рукахъ не было. И вотъ мы, когда ложились спать (спали на полу въ залѣ небольшого помещенія настоятельскаго) предъ сномъ болѣе или менѣе продолжительное время вели съ нимъ бесѣды о главныхъ событіяхъ, составляющихъ содержаніе русской гражданской исторіи, и въ этихъ бесѣдахъ прошли или повторили весь курсъ русской исторіи. Дѣдъ нашъ спалъ въ другой комнатѣ, но слышалъ наши бесѣды. Разъ онъ обращается ко мнѣ съ такими словами: „Митрій ѣдетъ въ академію, а ты ему все что-то торочишь. Онъ долженъ больше твоего знать“. Я отвѣчалъ ему: „онъ больше моего и знаетъ. По ту науку, уроки по которой мы съ нимъ повторяемъ, онъ изучалъ давно, года два назадъ, а я въ настоящій годъ ею занимался. Естественно, что у меня свѣжѣе сохраняется въ памяти все содержаніе этой науки, чѣмъ у него, и онъ въ бесѣдахъ со мною возобновляетъ и освѣжаетъ въ своей памяти то, что прежде изучалъ, и что могъ нѣсколько призабыть“.

Братъ выѣхалъ изъ Вязниковъ въ послѣднихъ числахъ іюля. Скучновато мнѣ стало безъ него, и я, оставшись одинъ, участилъ свои уединенныя прогулки по полю, о которыхъ упоминалъ прежде. Съ нетерпѣніемъ мы, я и дѣдъ мой, ждали отъ него писемъ изъ Кіева, и первое обширное письмо доставило намъ большое удовольствіе. Онъ извѣщалъ насъ, что онъ съ своимъ товарищемъ Воскресенскимъ выѣхалъ изъ Владиміра 1 августа, — ѣхали они послѣшпо на перекладныхъ, нигдѣ не останавливаясь, и прибыли въ Кіевъ 6-го августа, задолго до назначеннаго срока (15—16 августа). Одно только въ письмѣ нѣсколько смущало насъ. Братъ имѣлъ видъ че-

ловѣка не крѣпкаго сложенія. А ему сказали по прїѣздѣ его въ академію, что при принятїи въ академію новопоступающихъ студентовъ на ихъ здоровье будетъ обращено особенное вниманіе, и слабосильные студенты будутъ отосланы назадъ, хотя бы они и хорошо выдержали экзамень. Братъ извѣщаль насъ, что онъ бонется, какъ бы онъ не оказался въ числѣ этихъ слабосильныхъ. Но, слава Богу, все обошлось хорошо, и онъ былъ принятъ въ академію подъ 4 № въ разрядномъ спискѣ.

Другое обстоятельство, памятное мнѣ изъ вакаціальныхъ дней 1849-года,—прїѣздъ въ Вязники архіепископа Пароенія. Онъ по епархіи ѣздилъ съ большою свитою, и въ Вязникахъ, помѣщеніе со свитою имѣя въ монастырѣ, пробылъ болѣе двухъ сутокъ. Свои келліи дѣдъ мой предоставилъ въ распоряженіе архіерея, а чуланчикъ подлѣ келліи отдалъ архимандриту Іерониму, всегда сопровождавшему архіерея во время его объѣзда епархіи. И свита размѣщалась по кельямъ монастырскимъ... Не знаю, гдѣ находилъ для себя помѣщеніе дѣдъ мой, настоятель монастыря. А мы, жившіе у него, спали въ сараѣ на сѣновалѣ. Дѣдъ мой старался какъ можно лучше принять архіерея, не забывалъ ублажать и его свиту. Архіерей ѣздилъ съ своимъ поваромъ, и этотъ поваръ распорядился, что нужно покупать для архіерейскаго обѣда. Архіерей видимо доволенъ былъ прїемомъ дѣда, и разъ обращается къ нему съ такими словами: „Старикъ! Вотъ ты меня такъ хорошо угощаешь. Вѣроятно, и свита моя у тебя не голодаетъ. Гдѣ ты берешь деньги на такое угощеніе?“ Дѣдъ мой замаялся, и не зналъ, что отвѣчать. Архіерей, видя его затрудненіе, говоритъ ему: „вотъ у тебя сады есть, и ты ихъ (какъ докладывалъ мнѣ), сдаешь въ аренду. Сколько ты берешь за этотъ садъ (говоритъ архіерей, указывая на довольно большой вишневый садъ, видный изъ окна)? „Двѣсти рублей“, отвѣчаетъ дѣдъ. (Деньги тогда считались на ассигнаціи). „Вотъ эти деньги ты не записывай въ приходо-расходныя монастырскія книги; а веди имъ особый счетъ и употребляй ихъ на экстренныя надобности. Прїѣдетъ къ тебѣ въ монастырь архіерей, и у тебя будетъ, чѣмъ принять и угостить его“.

И о насъ, внукахъ дѣда, была рѣчь у дѣда съ архіереемъ. Увидавъ въ келліи его учебныя книги, архіерей спросилъ: чьи это? Дѣдъ сказалъ, что у него проживаютъ въ вакацію два внука сироты, у которыхъ нѣтъ ни отца, ни матери. Одинъ ѣдетъ въ академію; другой, младшій, тоже учится хорошо и, можетъ быть, тоже поступитъ въ академію. Въ разговорѣ о насъ, дѣдъ между прочимъ сообщилъ

архіерею, что старшій внукъ, который ѣдетъ въ академію, любитъ общество, любитъ ходить къ знакомымъ, а младшій все сидитъ дома и никуда не хочетъ ходить... На это архіерей замѣтилъ, что „нехорошо чуждаться общества и быть дикаремъ. Скажите своему внуку, что я этого не одобряю“.

Проф. *Василій Швѣтцкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Изъ пастырской практики.

Недавно мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одного, не совсѣмъ обыкновеннаго, случая изъ пастырской практики, о которомъ я считаю нелишнимъ повѣдать.

Въ воскресенье 30 августа текущаго года около 8 часовъ утра, я былъ приглашенъ въ больницу при Псковскомъ Исправительномъ Арестантскомъ Отдѣленіи для напутствованія больного арестанта. Когда я со Святыми Дарами вошелъ въ особую, нарочно для этого отводимую въ больницѣ небольшую палату, предо мною былъ приведенный туда зараженъе, пожелавшій причаститься каторжанинъ, болѣвшій, по свидѣтельству мѣстнаго врача, туберкулезомъ легкихъ. Роста выше средняго, бѣлокурый, блѣдный, съ осунувшимся лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе не совсѣмъ еще слабого человѣка, такъ какъ при моемъ появленіи самъ всталъ, и, смотря на ковчежець со святыней на груди моей осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Прежде чѣмъ приготовить Св. Дары я, по обыкновенію, вступилъ въ бесѣду съ нимъ, чтобы видѣть, нормаленъ-ли онъ, насколько искренно его намѣреніе и др.,—словомъ подготовить его. На мои вопросы, какъ онъ себя чувствуетъ, давно-ли въ тюрьмѣ, какъ давно причащался, онъ сказалъ мнѣ: „Ужъ очень давно не причащался я, батюшка, одно время я рѣшилъ даже вовсе оставить и мысль о причащеніи. Но прошлая жизнь моя, полная всякой нравственной грязи, не даетъ мнѣ покоя. Давно хочется мнѣ излить наружу все, что накопилося у меня, что такъ гнететъ меня. Если позволите, то я все расскажу вамъ“. Я съ удовольствіемъ согласился слушать его. Сначала онъ сказалъ, откуда онъ, гдѣ учился, что состоялъ нѣсколько лѣтъ сельскимъ учителемъ. По мѣрѣ приближенія къ разсказу о своихъ злодѣяніяхъ,

онъ возбуждался больше и больше и, наконецъ, какъ то быстро, какъ бы скороговоркой выкрикнулъ: „двухъ чловѣкъ я сознательно убилъ; съ сестрой жилъ какъ съ женой четыре года; старика отца изводилъ грубостью, всегдашнею бранью; одинъ разъ даже убить его покушался“. Въ сильномъ волненіи былъ онъ въ это время; на лбу потъ выступилъ крупными каплями, дыханіе стало такое учащенное...

Насколько и, какъ могъ, я успокоилъ его и сталъ готовить Св. Дары. Совершили, затѣмъ, чинъ „о еже како вельми больному дати причастіе“, я прочиталъ послѣ исповѣди надъ нимъ разрѣшительную молитву и предложилъ ему приготовиться къ Св. Причащенію. Онъ перекрестился и со сложенными крестообразно на груди руками приготовился принять Св. Тайны. Только что собрался я преподать ему страха ради смертнаго Святыню, уже началъ: „Честнаго и Пречистаго“... вдругъ вижу: руки его распались, на лицѣ изобразился какой-то неопикуемый ужасъ, глаза выкатились и, что было у него силы, онъ ужаснымъ, какимъ-то страшно неестественнымъ голосомъ закричалъ: „ай, огонь, страшно, страшно, ай, ай, ай, караулъ, сожжешь, сожжешь“... Я въ первое мгновеніе совершенно растерялся; волосы на головѣ стали дыбомъ, когда, при зловѣщей больничной тишинѣ, раздался его ужасный вопль. Охраняя въ рукахъ своихъ Святыню, я поспѣшилъ отойти къ дверямъ камеры. На крикъ его прибѣжалъ съ другого конца корридора надзиратель, три—четыре больничныхъ служащихъ. Больной въ это время метался по палатѣ: бросался къ окну, къ стѣнѣ и, наконецъ, съ крикомъ—„огонь, огонь“ упалъ на койку, забился въ конвульсіяхъ, потомъ замолкъ, вытянулся, глаза его оставались полуоткрытыми, виднѣлись одни бѣлки, руки разбросались въ беспорядкѣ, изъ груди вырывался слабый стонъ. Я послалъ за больничнымъ фельдшеромъ, а самъ отправился въ храмъ служить Литургію. Около 11—12 часовъ дня больной сталъ проявлять признаки буйнаго помѣшательства, такъ что ему одѣта была смирительная рубашка. Всѣхъ поразила такая быстрая переѣна съ больнымъ, такъ какъ, по единогласному свидѣтельству фельдшера и служащихъ больницы, до сего времени онъ ничего ненормальнаго не проявлялъ,—напротивъ, былъ со всѣми вѣжливъ, разговорчивъ, общителенъ съ товарищами по заключенію. Осмотрѣвшій больного больничный врачъ нашелъ у него туберкулезъ мозга, призналъ его безнадежнымъ и—больного, какъ буйнаго, помѣстили въ клѣткѣ. Въ продолженіи 5—6 дней послѣ описаннаго случая онъ буйствовалъ, иногда отказывался отъ пищи; по-

томъ сталъ тише, что то про себя шепталъ, иногда вскакивалъ съ койки, обводилъ безумнымъ взглядомъ камеру, и снова молча опускался на койку. Такъ продолжалось дней 16-ть.

15-го сентября утромъ, когда я, по обыкновенію, зашелъ къ нему, онъ вдругъ говоритъ мнѣ: „причаститься желаю“. Физически за эти дни онъ сдѣлался очень слабъ, такъ что дни его были сочтены, но ничего похожего на помѣшательство, въ немъ уже не осталось. Около двухъ часовъ дня врачъ осмотрѣлъ его и нашелъ вполнѣ возможнымъ перевести его изъ кѣтки снова въ больницу, какъ больного только физически. Когда 16-го сентября утромъ я явился въ больницу и спросилъ больного: „не измѣнилъ онъ своего намѣренія“, то онъ отвѣтилъ: „желаю, батюшка, желаю принять Св. Тайны“. Вошли мы съ нимъ въ ту же палату. Искренно, съ полнымъ сознаниемъ онъ исповѣдался и съ вѣрою и благоговѣніемъ причастился Святыхъ Тайнъ. Затѣмъ далъ я ему просфору, онъ перекрестился, поцѣловалъ ее и, сказавши: „спасибо вамъ“, трудною, медленною походкою, отправился въ свою палату.

Считаю нужнымъ добавить, что со дня его заболѣванія—30 августа—каждый день за Литургіей подавалась „о спасеніи и прощеніи грѣховъ раба Божія Мануила“ особая просфора.

Пусть кто, какъ хочетъ, объясняетъ описанное, но я твердо убѣжденъ, что это событіе не заурядное и еще разъ подтверждаетъ, что Святыя Тайны—суть „огнь, недостойныя попяляяй“. Это съ одной стороны. Съ другой, убѣждаетъ въ томъ, что Богъ, „не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему“, по молитвамъ Святой Церкви подаетъ Свою милость людямъ раскаявшимся, но не успѣвшимъ принести плодовъ, достойныхъ покаянія. Воистину, значитъ „великая польза душамъ, когда моленіе о нихъ возносится въ то время, когда предлежитъ великая и страшная жертва“, какъ говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій.

Успенской церкви при Исковск. Исправит. Арестант. Отдѣленіи священникъ *Николай Колиберскій*.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го декабря 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовесму изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 2. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года января 10-го дня.

Содержаніе: I. Къ пастырскому новолѣтію. Свящ. Аѳ. Веселицкаго.—II. Православное духовенство и медицина. (Окончаніе). Свящ. В. Ба-жановъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣв-ницікій.—IV. Замѣтка. Уже-ли это гдѣ есть еще?

Къ пастырскому новолѣтію.

Существуютъ безспорно и въ природѣ и въ жизни че-ловѣческой такіе факты и явленія, которые при неизмѣнной повторяемости никогда не утрачиваютъ своей новизны и опредѣленнаго вліянія на наше самочувствіе, на нашу жизнь. Дивный свѣтъ утра, тайны ночи, чары весны всегда будутъ вліять на насъ одинаковымъ образомъ; то же можно сказать про смѣну годовъ, наступленіе новолѣтія. Новый годъ былъ и будетъ въ глазахъ людей особымъ, знаменательнымъ эта-помъ въ жизни, и думы и чувства, переживаемыя нами на „границѣ временъ“, всегда будутъ имѣть свой опредѣленный характеръ исключительной серьезности, торжественности. Невольно въ этотъ знаменательный день люди останавлива-ются мыслію, какъ на распутіи, и, озирая пройденную доро-

гу жизни, намѣчаютъ путь будущаго; вмѣстѣ съ этимъ, естественно, обмѣниваются они и сердечными пожеланіями, подсказываемыми неумирающей надеждой, новыхъ успѣховъ другъ другу въ жизни, новаго счастья. Итакъ, вмѣстѣ со всѣми, не рискуя впасть въ тривиальность, привѣтствуемъ и мы читателя съ „новымъ годомъ“, сердечно, съ упованіемъ христіанскимъ желая ему въ наступившемъ лѣтѣ новаго прочнаго счастья въ жизни и дѣйствительнаго успѣха въ трудахъ на благо Церкви Христовой и родного народа!

Но, чтобъ не возвратились наши пожеланія „тщи“, чтобы въ самомъ дѣлѣ жизнь наша впереди стала хотя немного свѣтлѣе и краше, и наши труды плодотворнѣе, будетъ не лишне бросить съ поворотнаго пункта, съ границы времени ретроспективный взглядъ на тѣневые стороны окружающей насъ дѣйствительности, среди которой застаесть насъ наступающій годъ. Кто знаетъ, не окажется ли въ нашей власти устранить ихъ съ пути или хотя отчасти ослабить пагубное вліяніе ихъ на жизнь и плодотворность предстоящей намъ дѣятельности въ области религіозно-нравственнаго обновленія родины.

Не подарилъ насъ, говоря по правдѣ, минувшій годъ ни особеннымъ счастіемъ въ смыслѣ духовнаго подъема общественной и, въ частности, религіозно-нравственной жизни, не далъ намъ удовлетворенія въ видѣ плодотворности, особенной продуктивности результатовъ общей работы дѣятелей и тружениковъ на благо народное. Сѣро, безцвѣтно и, какъ будто, безрезультатно протекла для насъ всѣхъ жизнь минувшаго года. Подавленность, разрозненность и малоплодность замѣтны были во всѣхъ сторонахъ жизнедѣятельности нашего общества; въ частности тѣ же явленія замѣчались и въ области церковно-религіозной. Нечѣмъ добрымъ помянуть только что минувшій годъ; но нельзя оставить безъ сильной оцѣнки и его тѣневыхъ сторонъ, безъ выясненія ихъ дѣйствительнаго смысла и значенія. Иначе, и наступившее новолѣтіе не выведетъ насъ изъ окружающаго насъ унынія

и безнадежности. Попытаемся же выяснить свое теперешнее положеніе и поищемъ выхода изъ гнетущей, унылой современности на просторъ болѣе свѣтлаго, отраднаго будущаго. Не подробный обзоръ прожитого и не программу будущаго хотѣлось бы представить, а просто—подѣлиться съ читателемъ тѣми немногими думами и мыслями, какія возникаютъ въ этотъ знаменательный часъ новолѣтія.

Начнемъ съ болѣе широкаго, общаго впечатлѣнія, какое производитъ прожитая только что полоса жизни и та дѣйствительность, среди которой застаеъ насъ новый годъ. Одно явленіе, захватывающее собой едва ли не всѣ стороны жизни, двухстороннее и само себѣ противорѣчивое, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и заставляетъ глубоко задуматься всѣхъ вольныхъ и невольныхъ ея участниковъ и созерцателей. Мы разумѣемъ необычную интенсивность, порывистость и широту жизненныхъ задачъ, какія ставитъ себѣ современный человѣкъ, съ одной стороны, и—крайнюю скудость результатовъ, почти полную бесплодность усилій и труда, какія влагаются въ нихъ, съ другой стороны. Кажется, никогда еще не было такъ развито въ людяхъ сознаніе общественнаго долга, сознаніе жить не для себя, а для другихъ; и сколько людей, безъ отдыха и покоя, отдаются общественному дѣлу, стараясь какъ можно больше быть „продуктивными, а въ результатъ не замѣчается соотвѣтственнаго такимъ усиліямъ внутренняго, дѣйствительнаго улучшенія и обогащенія жизни. Труды пропадаютъ безъ слѣда, напряженная дѣятельность не вноситъ новыхъ реальныхъ цѣнностей въ общественную жизнь: она также скудна, жалка, бѣдна и обильна лишь одними соціальными и всевозможными недугами. Жить становится все тяжелѣе, мучительнѣе, невыносимѣе. И, что замѣчательно, подобный трагизмъ характеризуетъ всѣ стороны современной жизни.

Возьмите литературу: ужъ то ли не стараются писатели, но плоды трудовъ ихъ скудны и убоги, и все громче и гром-

че раздаются изъ общества и изъ критическаго лагеря жалобы на неудовлетворенность. Писатели не даютъ того, чего отъ нихъ ждутъ и требуютъ. Отъ ихъ изобильныхъ количественно, но убогихъ качественно трудовъ никто не получаетъ внутренняго, духовнаго, нравственнаго удовлетворенія. И судъ общественнаго мнѣнія правъ: если не пошло и низко, то мелочно и пусто содержаніе твореній современныхъ корифеевъ литературы. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, такъ что невольно является въ читателяхъ подозрѣніе: ужъ не морочать ли гг. писатели головы своей читающей публики, зло и насмѣшливо предлагая ей завѣдомыя бессмыслицы и явную дрянь? Да, по правдѣ говоря, такой оцѣнки и заслуживаютъ послѣднія творенія зарвавшихся писателей, въ родѣ, на примѣръ, „Сына человѣческаго“—Л. Андреева и многихъ многихъ другихъ.

А въ иныхъ областяхъ нашей мятущейся современности развѣ не то же? Въ педагогическомъ мірѣ, на примѣръ, снаружи, на словахъ—какое безкорыстное и широкое стремленіе послужить воспитанію, образованію юношества и сколько сътованій на внѣшнія препятствія, сдерживающія святыя порывы нашей педагогіи. Но много ли найдете педагоговъ-наставниковъ, задыхающихся на работѣ, отъ которыхъ была бы истинная польза юношеству, которые вели бы дѣло, вникая въ запросы юныхъ душъ? Не будемъ распространяться, а скажемъ только, что наивенъ тотъ человѣкъ, который счелъ бы современное учащееся юношество счастливымъ и сталъ бы утверждать, что ему дается то, чего оно жаждетъ и просить...

Впрочемъ, для насъ ближе иная область—духовно-религіозныхъ интересовъ и страшнѣе и отвѣтственнѣе предъ собственной совѣстію та же ненормальность, раздвоенность между внѣшней, показной и идейной, внутренней, стороной въ нашей жизни и дѣятельности. Да, мучительно горько сознаться,—тотъ же недугъ, та же язва современности отражается и здѣсь, губить и наше дѣло, превращая его изъ живого и

дѣйственаго въ нѣчто формальное, бесплодное, хотя совнѣ многотрудное, мучительное, въ родѣ миѣической Сизифовой работы. Но въ чемъ же кроется главная причина этого всеобъемлющаго недуга современности? Думается, не въ чемъ иномъ, какъ въ забвеніи истиннаго смысла ученія Начальника жизни, Господа Иисуса,—ученія, возвѣщаннаго міру чуть не двѣ тысячи лѣтъ назадъ и до сихъ поръ не усвоеннаго, непринятаго за руководственное начало нашей жизни. Источникъ жизни, всего плодотворнаго въ ней указалъ намъ всѣмъ ясно и непреложно. Это—сердце наше, это внутренній человекъ, это—творческое богоподобное начало въ насъ. И про него-то преступно, на погибель себѣ, забываетъ современный человекъ. Дѣйствительно новое содержаніе, новыя цѣнности можемъ внести мы въ духовную, идейно-нравственную жизнь человечества только изъ своего сердца, изъ той таинственной творческой лабораторіи, которая именуется духомъ, душой, вдунутой въ насъ Творцомъ-Создателемъ. А мы, забывая это, принимаемъ за „плодотворный“ трудъ механическую работу нашей физической природы, нашего мозга, нервовъ и, отдаваясь ей, думаемъ, что творимъ нѣчто цѣнное, непреходящее, новое. Большая ошибка. Это,—безъ участія творчества духа,—рабскій трудъ, это—„работа вражія“, недостойная человека. И вотъ ей-то предается человечество въ различныхъ многообразныхъ формахъ, предается до изнеможенія, до потери силъ, до полного погашенія въ себѣ живого творческаго начала, духа Божія.

Работаютъ нервы, работаетъ мозгъ механически, необходимо, по насилію ложно направленной воли,—и думаетъ человекъ, что онъ исполняетъ свое назначеніе и считаетъ себя дѣятельнымъ участникомъ въ жизни человечества, чувствуетъ даже нравственное удовлетвореніе. Къ такой „работѣ вражіей“, духовной каторгѣ, надо сознаться, принуждаетъ отчасти современнаго человека неумолимый законъ экономическаго развитія въ видѣ возрастанія матеріальныхъ нуждъ и требованія ихъ удовлетворенія путемъ усиленнаго труда;

но это не может оправдать общаго нашего увлеченія купить матеріальное довольство дорогой цѣной гибели души, забвенія о высшемъ назначеніи жизни, о свободѣ духа. А это высшее право духа попирается теперь на каждомъ шагу, и люди приносятъ его въ жертву ненасытной мамонѣ со спокойной совѣстію, даже забывая искренно о своемъ рабскомъ плѣненіи бездушнымъ вещамъ, матеріальному благополучію. И вотъ предъ нами воочію предстаютъ горькіе результаты такого ложнаго пониманія смысла жизни, смысла и цѣнности труда. Писатель, съ утра до ночи работающій нервами и мозгомъ, наводняющій міръ своими твореніями, не даетъ людямъ ни новой мысли, ни свѣжаго чувства, потому что не изъ сокровища сердца, не изъ творческихъ духовныхъ глубинъ износитъ онъ свои произведенія,—на это у него нѣтъ и времени,—а всѣ труды его—продуктъ низшихъ психо-физическихъ силъ, которыми злоупотребляетъ его ненасытная къ внѣшнему успѣху и матеріальному довольству животная воля. То же можно сказать и про другіе роды дѣятельности во всѣхъ областяхъ общественной и политической жизни. Дѣятели трудятся изъ всѣхъ силъ безъ отдыха, но плодотворность ихъ усилій падаетъ очевидно. Непроизводительный трудъ, мертвая работа, застой жизни, уныніе, печаль и все усиливающаяся тягота, мука жизненнаго бремени—вотъ что характеризуетъ нашу безотрадную дѣйствительность.

И кто не сознается изъ насъ, призванныхъ служить высшимъ религіозно-нравственнымъ запросамъ народной жизни, что тотъ же тлетворный духъ начинаетъ овладѣвать и нами! Снаружи, совнѣ и у насъ замѣчается усиленіе, напряженіе и расширеніе дѣятельности, а внутри—тлѣніе и разложеніе въ видѣ общаго упадка народной религіозности, отсутствія оживленія и подъема нравственности христіанской. Ясно,—ложное направленіе жизни проникло и въ высшую сферу религіозно-нравственной жизни, подмѣнивъ внутренній ея смыслъ и цѣнность внѣшнимъ, ложнымъ мѣриломъ для оцѣнки истинной плодотворности дѣятельности нашей. И

здѣсь начинается цѣнится внѣшняя широта и захватъ трудоспособности, а не качественность и плодотворность усилій дѣятелей.

Стоитъ лишь приглядѣться внимательно къ дѣятельности современнаго духовенства, чтобы ясно увидѣть и здѣсь тотъ же общераспространенный уклонъ въ сторону внѣшняго расширения, осложненія и интенсивности ея прямо въ ущербъ внутреннему содержанію, личному творчеству и жизненной силѣ, истинной продуктивности труда. Осложнившіяся, расширившіяся служебныя обязанности пастыря съ присоединеніемъ еще побочныхъ, но ставшихъ обычными почти для всѣхъ насъ занятій, захватываютъ у насъ все время безъ остатка. Особенно это замѣтно на распредѣленіи служебнаго времени большинства городского духовенства. Въдѣ у бѣднаго пастыря, какъ говорится, не бываетъ минуты свободной: законоучительство въ двухъ—четырехъ учебныхъ заведеніяхъ, ежедневная служба въ храмѣ, обслуживаніе религіозныхъ нуждъ прихожанъ, становящихся все болѣе и болѣе претенціозными—все это не даетъ священнику ни отдыха, ни срока. Прибавьте еще сюда же проповѣдничество, ставшее насущной потребностію, и будетъ понятно подавляющее иго постоянной, неизбывной работы. И тѣ же условія жизни, развѣ лишь въ нѣсколько меньшей степени, распространяются и на сельское духовенство.

Что же можетъ дать пастырь, зарвавшійся на подобной работѣ, кромѣ механически—корректнаго исполненія возложенныхъ на него и служебнымъ долгомъ, и экономической нуждой обязанностей? О привнесеніи жизненнаго, творческаго начала въ свое дѣло ему некогда подумать; захваченный вплотную внѣшней дѣятельностію, онъ не имѣетъ времени жить внутренней духовной жизнью, возвращать и приумножать въ себѣ новыя духовныя цѣнности, а раздаетъ и расточаетъ и въ словѣ и дѣлѣ лишь готовое богатство церковно-религіознаго опыта, давно выработанное другими и часто утратившее уже силу жизненности, непосредственности. И вотъ ре-

зультатомъ такихъ жизненныхъ условій въ дѣятельности нашей являются мертвыя слова, бесплодныя дѣла; а живые люди, наши пасомые ждуть отъ насъ вдохновенныхъ живыхъ словесъ, исходящихъ отъ сердца, жаждутъ видѣть въ насъ примѣръ плодотворнаго христіанскаго дѣланія. Но что мы дадимъ на эти запросы, если наша личная духовная жизнь не имѣетъ ни возможности, ни простора для своего развитія, углубленія?

Откровенно говоря, намъ некогда подумать о своемъ сердцѣ, о своей душѣ, о личной духовной жизни: такъ мы оказываемся подавленными своей внѣшней дѣятельностію. И при такомъ положеніи, въ которое увлекаетъ насъ общій лихорадочно-дѣятельный по внѣшности темпъ жизни, трудно исполнимымъ является завѣтъ апостола: „духа не угашайте!“ Но, дорогой читатель; не будемъ впадать въ уныніе и, разъ открывъ общую причину безжизненности и малоплодности усилій и трудовъ современныхъ общественныхъ дѣятелей, позаботимся не поддаться окончательно этому стихійному, слѣпому подчиненію внѣшней власти вещей надъ духомъ, а по возможности освободиться отъ него. Если гдѣ, то именно въ нашемъ религіозно-духовномъ дѣланіи подобное забвеніе и небреженіе о развитіи и углубленіи собственнаго духа можетъ привести прямо къ гибели. „Духа не угашайте“—эту великую заповѣдь апостола слѣдуетъ намъ поставить во главу предстоящей въ грядущемъ году пастырской дѣятельности, и это—наше самое сердечное пожеланіе всѣмъ собратіямъ и соработникамъ на нивѣ Христовой.

Въ этомъ отношеніи лучшимъ и ободряющимъ примѣромъ могла бы послужить намъ личная жизнь самыхъ выдающихся по жизненности и плодотворности своей дѣятельности свѣтилъ Церкви Христовой, каковы, на примѣръ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и святитель Николай. Ихъ біографіи, особенно въ художественномъ изображеніи Фаррара, поражаютъ насъ удивительною широтой, глубиной и богатствомъ проявленія ихъ личной духовной

жизни. Читая ихъ жизнеописанія, мы сразу видимъ, откуда почерпали, изъ какихъ сокровищницъ выносили они то неизсякаемое богатство религіознаго воодушевленія, глубину и силу богословской мысли, какія завѣщали, какъ вѣчное наследство, послѣдующимъ временамъ. Всѣ эти духовныя сокровища созданы ихъ сердцемъ, ихъ умомъ, которыми они умѣли жить широко и глубоко, заботливо воздѣлывая и питая эти высшія стороны своей духовной природы, и они-то произрастили неумирающіе, вѣчно животворные плоды во благо христіанскому міру.

На ряду съ отмѣченной только что пагубной подавленностию и ослабленіемъ личной духовной жизни у современнаго человѣка и, какъ мы убѣждены, въ прямой связи съ этимъ явленіемъ стоитъ другая черта, характеризующая наше духовенство по преимуществу. Это—наша идейная разрозненность, отсутствіе стремленія къ жизненному взаимообщенію, коопераціи, обмѣну мыслями въ своей пастырской дѣятельности. Особенно эта черта рѣзко сказывалась за послѣдній истекшій годъ и отражалась скуднымъ содержаніемъ нашей духовной періодической печати.

Странные, загадочные признаки обнаруживала за послѣднее время наша духовная періодическая печать и жизнь нашего духовенства, поскольку она отражается въ ней. Грустно какъ-то становится на душѣ отъ этихъ зловѣщихъ признаковъ у каждаго, кому дорого въ людяхъ одно нетлѣнное вѣчное начало—вѣра Христова, кто любитъ Христа, Его Церковь святую и радуется ея радостями, печалится ея скорбями-печалями. Странно и загадочно и тревожно-мучительно то затишье, то молчаніе,—унылое и малодушное, которое больше и больше охватываетъ своими мертвящими узами это царство жизни, движенія, гласовъ сладкихъ, неизглаголаныхъ. Годъ отъ году, все меньше и меньше доносится на просторъ, въ міръ бодрыхъ жизненныхъ голосовъ изъ нѣдръ этого духовнаго благодатнаго царства; не слышно ихъ въ нашихъ, нарочито на то существующихъ печатныхъ органахъ, обиль-

ныхъ числомъ, но скудныхъ духомъ неугасимой нравственной и религіозной энергіи. Разумѣемъ мы весьма замѣтное уменьшеніе непосредственныхъ, жизненныхъ отголосковъ, отзвуковъ религіозной жизни, религіозно-нравственной дѣятельности, идущихъ въ нашу повременную духовную печать прямо изъ глубины народныхъ массъ, изъ нѣдръ православно-русскаго населенія, отъ его духовныхъ руководителей, сельскихъ пастырей.

Укажемъ, на ближайшій примѣръ, на нашъ, спеціально посвященный нуждамъ пастырства журналъ. Не взирая на радушное приглашеніе его, обращенное къ духовенству, дѣлиться съ читателемъ своими мыслями, своей пастырской практикой, духовнымъ опытомъ,—все рѣже и скуднѣе встрѣчаются на его страницахъ отзвуки живой религіозной дѣйствительности. Пастыри молчатъ, не подають голоса о своемъ существованіи и дѣятельности. Имъ какъ будто нечѣмъ подѣлиться съ собратіями, они какъ бы не надѣются ни на сочувствіе, ни на сорадованіе со стороны своихъ собратій. Печальный, безотрадный признакъ, не обѣщающій привести къ добрымъ результатамъ. Понятно, конечно, обремененіе многосложностию обязанностей, не дающее досуга для литературнаго труда; можно отчасти согласиться и съ тѣмъ, что безцвѣтность и подавленность современныхъ переживаній общества отнимають охоту дѣлиться ими съ подобными себѣ тружениками.

Но есть же и въ современной жизни и дѣятельности духовенства положительная сторона, есть же, вѣримъ мы, факты и явленія свѣтлые, отрадные, которые выпадаютъ на долю нашу. Вѣдь отъ вѣка „свѣтъ во тьмѣ свѣтилъ, и тьма его не объяла“. Такъ почему же въ этомъ дѣлѣ хранить молчаніе, почему не дѣлиться намъ другъ съ другомъ частными успѣхами въ Христовомъ дѣланіи и тѣмъ не поддерживать взаимно свои силы, свою энергію? „Въ единеніи—сила“—вотъ принципъ жизни, похищенный у насъ сынами вѣка сего и, къ великому сожалѣнію, забываемый нынѣ нами на вредъ

себѣ. Не о нашемъ ли единеніи въ духовномъ подвигѣ молился Пастыреначальникъ: „Отче, соблюди ихъ, да и ти едино будутъ, якоже и мы“.

Представимъ только себѣ сиротливое одинокое положеніе нашего собрата-пастыря, осужденнаго жить и трудиться гдѣ-нибудь въ отдаленномъ глухомъ уголкѣ обширнаго отечества. Кругомъ—ни одной сочувствующей его дѣлу и понижающей его интеллигентной души, одна бѣдная, обездоленная, темная, грубо-порочная, хотя и тянущаяся къ свѣту сѣрая народная масса. День изо дня трудится надъ воздѣлываніемъ такой нивы одинокій пастырь, и—ни откуда живого слова ободренія, привѣта. Но вотъ въ рукахъ его нашъ духовный журналъ, и читаетъ онъ безыскусственно набросанныя строки, въ которыхъ другой его собратъ изъ другого такого же заброшеннаго уголка сообщаетъ о своемъ подобномъ же скромномъ подвигѣ жизни и бодро смотритъ впередъ, радуясь успѣху дѣла Божія. Развѣ же подобное чтеніе не способно укрѣпить заброшеннаго, забытаго труженика, спасти отъ унынія? „Слава Богу, не одинъ я и не напрасно прилагаю здѣсь свой трудъ, есть и въ другихъ мѣстахъ соработники въ томъ же святомъ дѣланіи, и несутъ они тотъ же пастырскій крестъ!“—подумаетъ онъ въ эту минуту и, кто знаетъ, не легче ли, не радостнѣй ли покажется ему свой жизненный путь! „Я—не одинъ, насъ много“—это животворная, ободряющая мысль.

Или представьте другой случай. Молодой, не искушенный опытомъ собратъ нашъ теряется въ недоумѣніяхъ, какъ поступить въ извѣстномъ затрудненіи, какъ побѣдить неизбежную постигшую неудачу въ только что начатой жизни. Опять въ скромномъ журналѣ, единственно доступномъ въ его медвѣжьемъ углу, находитъ онъ братскій сердечный совѣтъ и нравственную поддержку со стороны старшаго собрата, выраженные въ простой задушевной статьѣ. И вотъ, убѣжденный въ идейномъ, духовномъ общеніи съ другими собратіями, самъ онъ, въ минуту жизни трудную или при ра-

достномъ усиѣхѣ своего собственнаго дѣла, рѣшается подѣлиться съ ними и своими думами и своимъ опытомъ. Развѣ же возможность и осуществимость такого пастырскаго взаимобщенія не великое, благотворное, жизненное явленіе!..

Итакъ, пожелаемъ, дорогой читатель, въ наступающемъ лѣтѣ себѣ и всѣмъ собратіямъ нашимъ большаго единенія и духовнаго общенія и въ личной жизни, и въ печати для приумноженія своихъ силъ въ трудномъ подвигѣ нашего служенія. „Духа не угашайте“ и „общенія не забывайте“,—вотъ наши пожеланія всѣмъ собратіямъ на предстоящій новый годъ.

Свящ. *Аванасій Веселицкій.*

Православное духовенство и медицина.

(Окончаніе 1).

Народное здоровье находится въ тѣсной связи съ культурой населенія, его матеріальнымъ благосостояніемъ и умственнымъ развитіемъ,—это истина неоспоримая. Слѣдовательно, все, что повышаетъ благосостояніе и образованіе народа, вмѣстѣ съ тѣмъ является могучимъ факторомъ улучшения и народнаго здоровья. Уничтоживъ странное въ нѣкоторомъ отношеніи міросозерцаніе народа, его оригинальные взгляды на всѣ вопросы жизни, до вопросовъ самоврачеванія включительно, и не давъ ему ничего лучшаго, мы сдѣлали бы его въ высшей степени несчастнымъ. Поэтому, прежде чѣмъ судить народъ со стороны его невѣжества, руководящіе классы должны щедрою рукою внести въ среду его свѣтъ знанія и науки. Въ данномъ случаѣ принято возлагать большія надежды на хорошія народныя книги, на школы и почему-то меньше всего сосредоточивается вниманія на Церкви и духовенствѣ, несмотря на то, что послѣднее могло бы служить лучшимъ органомъ для передачи и

¹⁾ См. № 1-й за 1910-й г.

сообщенія народу полезныхъ знаній. Правда, дѣльныя книги и брошюры, имѣющія обращеніе въ народѣ, могутъ безспорно принести ему большую пользу. Но правда и то, что, за многими исключеніями, нашъ народъ въ цѣломъ не привыкъ еще къ серіозному самостоятельному чтенію, и школы, несмотря на ихъ видимое возрастаніе въ числѣ, еще не оказываютъ достаточнаго вліянія на развитіе народа. Въ дѣлѣ поднятія народнаго умственнаго уровня требуется руководство, которое народъ принялъ бы съ полнымъ довѣріемъ и любовью. Изъ всѣхъ сословій, имѣющихъ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ, по самому своему положенію, слагавшемуся исторически, первое мѣсто занимаетъ духовенство. И намъ кажется, что ему-то и принадлежитъ наибольшее право стать лучшимъ орудіемъ для врачеванія больного всевозможными заблужденіями и суевѣріями народнаго сознанія. Религіозный элементъ ничуть не можетъ быть тормазомъ въ дѣлѣ устраненія отмѣченныхъ недочетовъ въ жизни народа. Идея врача-христіанина нашла бы лучшее воплощеніе въ лицѣ пастырей церкви, по всей справедливости, имѣющихъ своею задачей миссію быть не только духовными врачами, но и охранителями народнаго здоровья, врачами душъ и тѣлесъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Указанная мысль имѣетъ за собой библейское основаніе.

„Болѣзнію не пренебрегай, говоритъ ветхозавѣтный мудрецъ, но помолись Господу, и Онъ исцѣлитъ тебя; и дай мѣсто врачу, ибо и его создалъ Господь“ (Сирах. 38, 9—12). Здѣсь указывается правильная религіозная точка зрѣнія на болѣзнь и ихъ врачеваніе. Первымъ условіемъ исцѣленія отъ болѣзни названа молитва, при помощи которой вызывается врачующая благодать Божія; вторымъ—врачъ съ его знаніемъ и искусствомъ. Молясь вмѣстѣ съ больнымъ, чтобы Господь помогъ ему облегчить и исцѣлить страждущаго (14 стихъ), врачъ пріобрѣтаетъ Божественное озареніе и помощь къ естественнымъ знаніямъ и врачебнымъ средствамъ. Подобно всякому человѣку, врачъ есть орудіе въ рукахъ Божі-

ихъ для достиженія высочайшихъ цѣлей, смыслъ которыхъ иногда не всѣмъ бываетъ понятенъ. Вотъ гдѣ заключается отвѣтъ на многія неразрѣшимыя естественнымъ путемъ загадки въ области медицинской практики. Это бываетъ, на примѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда искренно-вѣрующій врачъ особымъ Промысломъ Божіимъ направляется именно туда, гдѣ онъ особенно нуженъ, когда Высочайшій Разумъ вразумляетъ его въ критическую минуту и даетъ ему успѣхъ тамъ, гдѣ, по даннымъ науки и соображеніямъ разума, не было никакой надежды на спасеніе больного. То, что мы сказали, есть идеаль врачей и пастырей, реальное воплощеніе котораго въ наши дни мы видѣли только въ лицѣ приснопамятнаго о. Іоанна Кронштадтскаго. Съ еще большей ясностію раскрывается въ высшей степени сложная и отвѣтственная пастырская миссія въ Евангеліи. Господь Іисусъ Христосъ, образу Котораго должны слѣдовать и подражать пастыри Церкви, былъ высшимъ Врачемъ душъ и тѣлесъ. Такъ люди смотрѣли на Спасителя во время Его земной жизни: города и селенія Галилеи, чрезъ которые проходилъ Онъ, были полны несчастныхъ, увѣчныхъ, разслабленныхъ; ихъ приносили на носилкахъ, они наполняли собою улицы и дороги. Многіе умоляли Господа, прося позволенія коснуться только краемъ ризъ Его, и всякій, прикасавшійся съ вѣрою, былъ здоровъ (Матѣ. 14, 34—36; Марк. 6, 54 и др.). Словомъ, Небесный Врачъ шель, окруженный всякаго рода бѣдствующихими, страждущими, и въ этомъ заключались особыя свойства Его царскаго величія. Столь великое обиліе благодати, проявленное къ несчастнымъ и больнымъ, служило завершеніемъ мессіанской дѣятельности Іисуса Христа, Сына Божія. Своимъ обращеніемъ къ ученикамъ, между прочимъ, въ такихъ словахъ: „болящія исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте“ (Матѣ. 10, 8), Господь, очевидно, повелѣвалъ имъ быть охранителями народнаго здоровья. Для блага людей дана имъ власть: утишать скорби страждущихъ, тѣхъ, которые находятся подъ игомъ

злого духа, — освободить отъ него и даже умершихъ возвращать къ жизни. Понятно, что происхожденіемъ своимъ эта власть обязана только особенной силѣ Божіей, силѣ необыкновенныхъ благодатныхъ дарованій, которыми св. апостолы были одарены въ преизбыткѣ. Наши пастыри — продолжатели апостольскаго дѣла. Пастырь-врачъ, несущій къ одру больного драгоценныя сѣмена вѣры и знанія, зрѣлище прекрасное, съ которымъ не можетъ сравниться ни одинъ видъ общественнаго служенія и дѣятельности. Но идеѣ онъ долженъ смотрѣть на свое дѣло помощи и утѣшенія страждущимъ, какъ на высокій жребій, назначенный ему Богомъ, въ которомъ не только благо для пасомыхъ, но и его собственное благо. Стремясь добросовѣстно исполнить свою миссію, онъ естественно долженъ поставить на второй планъ ея вещественныя плоды и выгоды, чтобы его дѣятельность вполнѣ отвѣчала слову Господа: „туне пріясте, туне дадите“. При такомъ взглядѣ на пастырское-врачебное дѣло, послѣднее переходитъ изъ области матеріальныхъ отношеній въ область духа, гдѣ и сосредоточивается истинное пастырское міросозерцаніе. Изъ этого единственнаго источника можетъ создаваться рѣшимость спѣшить не туда, гдѣ выгодно пастырю, а гдѣ онъ нужнѣе, искать той особенной радости и довольства, которыя получаютъ не изъ личныхъ выгодъ, а отъ сознанія пользы и счастья, которыя принесены имъ въ міръ печали и скорбей. Терпѣливый и радушный уходъ за больными считается, наконецъ, служеніемъ Самому Господу, и это служеніе непременно восполняется на страшномъ Судѣ Божіемъ (Матѣ. 25, 34—36).

Пастырство, въ связи съ искусствомъ врачеванія, наилучшимъ образомъ приближается къ осуществленію главной своей задачи — обращенія заблуждающихся и даже язычниковъ къ вѣрѣ Христовой. Исторія Церкви во многихъ случаяхъ подтверждаетъ эту мысль. Извѣстно, напримѣръ, что святи-тель Варсонофій, Тверской архіепископъ (память его 11-го апрѣля), будучи еще игуменомъ одного Казанскаго монасты-

ря, лѣчилъ всѣхъ приходишихъ къ нему отъ болѣзней и многоразличныхъ недуговъ, чѣмъ привлекалъ къ себѣ великое множество татаръ. Кротостію, терпѣніемъ и безкорыстіемъ въ дѣлѣ врачеванія онъ располагалъ къ себѣ ихъ сердца, а затѣмъ съ большимъ успѣхомъ обращалъ ихъ въ христіанство. Изъ жизни многихъ миссіонеровъ, самоотверженно отдававшихъ свои труды, знаніе и даже самую жизнь,—по заповѣди Спасителя (Іоанн. 15, 12—13),—на дѣло служенія вѣренной имъ паствѣ, мы узнаемъ, какихъ благословенныхъ успѣховъ была исполнена ихъ миссія. Такъ, въ сознаніи всего христіанскаго міра навсегда сохранится добрая память о необыкновенной миссіонерской и врачебной дѣятельности среди прокаженныхъ бельгійскаго священника Даміана Вейстера, сначала десять лѣтъ проповѣдаващаго евангеліе на Сандвичевыхъ островахъ (1863—1873 гг.). Поселившись затѣмъ въ 1873 г. на уединенномъ островѣ Молокаи, о. Даміанъ посвятилъ всего себя на служеніе многочисленнымъ страдальцамъ-прокаженнымъ. Изъ своихъ посмертныхъ записокъ открылась та ужасная правда жизни, которую онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу. Отчаяніе, гнетущая тоска и развратъ—вотъ что онъ встрѣтилъ на островѣ, гдѣ были тысячи прокаженныхъ. Это положительно былъ островъ живыхъ мертвецовъ. Но, вдохновенный вѣрою въ помощь Божию, о. Даміанъ не отшатнулся отъ столь страшной бездны человѣческаго горя и порока. Словомъ любви и терпѣливымъ уходомъ за несчастными онъ въ очень короткое время переродилъ ихъ. Смертельная болѣзнь въ значительной степени была парализована его попеченіями и мѣропріятіями, и самая жизнь прокаженныхъ своимъ содержаніемъ стала имѣть молитву и трудъ, т. е. такія начала, которыя до сихъ поръ были неизвѣстны этимъ отбросамъ общества. За время своего служенія на островѣ о. Даміанъ обратилъ къ христіанской вѣрѣ и напутствовалъ въ вѣчную жизнь около трехъ тысячъ чело­вѣкъ. Ничто не могло служить препятствіемъ въ достиженіи цѣли для побѣдоносной вѣли мужественнаго миссіонера.

„Меня жалѣютъ, писалъ онъ, а я счастливѣйшій изъ миссіонеровъ“. Наконецъ, чрезъ 13 лѣтъ неутомимаго служенія, въ 1885 году, онъ съ полнымъ самообладаніемъ узналъ, что проказа коснулась и его. Не смотря на развившуюся болѣзнь, удивительный пастырь не покидалъ своего поста. Чрезъ четыре года невѣроятныхъ мученій великій другъ прокаженныхъ скончался, радостно сказавъ незадолго до смерти: „какъ благъ Господь! Я дожилъ до того, что оставляю здѣсь послѣ себя двухъ священниковъ и нѣсколько сестеръ въ больницѣ. Мнѣ осталось сказать: нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ. Дѣло прокаженныхъ обезпечено, и я могу отойти“¹⁾. Достойная жизнь этого пастыря-христіанина являетъ собою дивный примѣръ для подражанія!

Не преслѣдуя задачи положительнаго рѣшенія даннаго вопроса, который въ своемъ практическомъ направленіи и осуществленіи *оставляетъ желать очень многого*, констатируемъ однако, что жизнь вседневно зоветъ насъ къ активному участию въ помощи всѣмъ мѣрами страждущимъ ближнимъ. Сущестующій пробѣлъ въ подготовкѣ пастырей къ ихъ дѣятельности въ указанномъ смыслѣ сказывается съ особенною силою въ наши дни, когда жизнь выдвигаетъ на очередь вопросы, требующіе отъ пастырей всесторонней осведомленности въ различныхъ областяхъ знанія, не исключая и медицины. Игнорировать эти многоразличные вопросы и оставаться въ состояніи полного къ нимъ равнодушія—для духовенства значило бы, что оно сознательно нарушаетъ требованія пастырскаго долга и отступаетъ отъ своего прямого назначенія—идти туда, гдѣ въ немъ чувствуется большая необходимость, гдѣ оно было бы „на мѣстѣ“. Не бѣда, если

¹⁾ „Жизнь о. Даміана“ изъ ж. „Радость христіанина при чтеніи Библии, какъ слова жизни“. Годъ 2-й, VII кн. 1893 г. Стр. 73—5. Москва.

школа выпускаетъ насъ безъ практической подготовки къ дѣлу и безъ всякаго понятія „объ экспериментахъ жизни. Сама жизнь есть высшая школа, и она въ рѣшительную минуту, и, конечно, не безъ Промысла Божія, научаетъ насъ приобретать необходимыя знанія и опытъ. Въ рассматриваемомъ вопросѣ нельзя жаловаться и на существующія законоположенія, которыми въ дѣйствительности не исключается возможность частной инициативы. Правда, по дѣйствующему въ Россіи законодательству (врачебный уставъ въ XIII томѣ свода законовъ), никто не можетъ заниматься никакою отраслюю врачебной или ветеринарной практики, не имѣя диплома или свидѣтельства отъ военно-медицинской академіи или университетовъ. На обязанности медицинскаго департамента Минист. Вн. дѣлъ лежитъ наблюдать за производствомъ медицинской практики. (Ст. 125—128), главнымъ же образомъ за тѣмъ, чтобы лѣченіе людей производилось испытанными врачами, и отвращать всякій вредъ отъ врачеванія лицами несвѣдущими, въ особенности людьми суевѣрными и знахарями.

Но это запрещеніе заниматься врачеваніемъ для лицъ, не имѣющихъ медицинскаго званія, не относится однакоже до оказанія помощи страждущимъ по челоуѣколюбію. И только въ этомъ послѣднемъ отношеніи духовенство имѣетъ за собою нравственное право проявлять какъ можно болѣе челоуѣколюбія къ своей паствѣ. При существующемъ упрекѣ и порицаніи духовенству въ томъ, что оно „малодѣятельно, живетъ только для себя, своею замкнутою, созерцательною жизнію, не принося видимой пользы обществу“,—возможныя практическія выступленія послужили бы большимъ огражденіемъ отъ несправедливыхъ, болѣею частію, наветовъ на спеціальное пастырское дѣло, котораго общество не понимаетъ, а потому и отвергаетъ. Что не могла дать подготовительная пастырская школа, при благоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ быть устранено путемъ самообразования и устройствомъ временныхъ курсовъ по медицинѣ для духовен-

ства. Последнее было бы радикальнымъ средствомъ подвинуть вопросъ ближе къ его практическому разрѣшенію, открывъ пастырямъ церкви возможность на законной почвѣ оказывать помощь больнымъ въ легкихъ, не вызывающихъ сомнѣній, случаяхъ. Прихожане охотно пошли бы навстрѣчу цѣлесообразному въ данномъ случаѣ проекту открытія при церквахъ небольшихъ аптечекъ. Что же касается профилактическихъ данныхъ медицины, то, по нашему мнѣнію, такія могутъ быть предметомъ живой бесѣды пастыря съ пасомыми и въ настоящее время. Читенія о томъ, какъ предохранить себя отъ болѣзней, въ особенности эпидемическихъ, пастырская проповѣдь, иллюстрируемая фактами изъ этой области, съ надлежащими выводами въ формѣ полезныхъ совѣтовъ и наставленій, хочется думать, — одинъ изъ благодарныхъ способовъ единенія пастыря съ пасомыми, того единенія, которое въ наши дни представляетъ собою весьма трудную задачу для духовенства.

Свящ. *Василій Бажановъ.*

Мои воспоминанія.

(Окончаніе ¹⁾).

Вакацію 1850 года я провелъ въ Вязникахъ одинъ; братъ изъ Кіева не могъ пріѣхать туда, и не смотря на то, что архіерей Пароеній не одобрялъ моего отчужденія отъ общества, прожилъ въ монастырѣ, не выходя изъ него къ знакомымъ. Меня не тяготило вольное затворничество. Скромный и въ высшей степени застѣнчивый, я тяготился посѣщеніями людей стороннихъ, и чувствовалъ себя неловко, когда приходилось мнѣ бывать среди общества, даже въ монастырѣ, когда у дѣда бывали гости или случайные посѣтители.

¹⁾ См. № 1-й за 1910-й г.

Достопамятнымъ событіемъ въ эту вакацію былъ прїѣздъ въ Вязники архіерея, но не прежняго Пароенія, послѣ двадцатидевятилѣтняго управленія Владимірскою епархіею переведеннаго въ Воронежъ, а его преемника Іустина, переведеннаго во Владиміръ изъ Костромы, останавливавшагося тоже въ монастырѣ, въ келліи дѣда. Іустинъ (Михайловъ) былъ товарищъ знаменитаго Иннокентія (Борисова) по семинаріи и академіи и кончилъ курсъ въ Кіевской академіи въ 1823 году, былъ студентомъ перваго курса Кіевской академіи, по ея преобразованіи въ 1819 году. Но прїѣздъ этого новаго архіерея произвелъ и оставилъ по себѣ совершенно не такое впечатлѣніе, какъ прїѣздъ его предшественника Пароенія. Преосвященный Пароеній, во время объѣзда по епархіи, всегда сохранялъ полное благодушіе и былъ милостивъ и ласковъ къ духовенству тѣхъ сель и городовъ, которые онъ посѣщалъ, и дни посѣщенія его были свѣтлыми, праздничными днями. А преосвященный Іустинъ во время объѣзда епархіи, въ особенности на первыхъ порахъ, являлъ себя очень грознымъ владыкою. Вспыльчивый и раздражительный, онъ въ рѣдкомъ селѣ сохранялъ полное хладнокровіе и спокойствіе. Большою частію при обзорѣннн церквей, онъ раздражался гнѣвными, сердитыми словами. Замѣтитъ какую-либо неисправность въ книгахъ или нечистоту въ церкви, начинаетъ кричать на священника, и однимъ крикомъ не довольствуется, а велитъ священнику становиться на колѣна, и это въ присутствіи прихожанъ, къ явному униженію пастыря,—можетъ быть, любимаго и чтимаго прихожанами. Въ Вязникахъ ревизія церквей и церковныхъ книгъ прошла весьма благополучно, и священники вязниковскіе думали, что избѣжали гнѣва грознаго владыки, молва о вспыльчивости котораго не мало безпокоила ихъ. Не тутъ-то было. Нашелся случай, при которомъ и имъ пришлось выслушать рѣзкіе бранчивые нападки на нихъ своего начальника-архипастыря. Уѣздный предводитель дворянства устроилъ обѣдъ для высокаго гостя, и на этотъ обѣдъ, вмѣстѣ съ

почетными представителями города, пригласилъ и городское духовенство, въ томъ числѣ и моего дѣда, настоятеля мѣстнаго монастыря. Вязниковскіе священники, ничтоже сумняся, приняли приглашеніе и явились на званый обѣдъ. Увидѣвъ ихъ въ другой комнатѣ, архіерей вскочилъ съ своего мѣста, поспѣшно вышелъ къ нимъ и началъ ихъ бранить, и бранилъ сильно. Бранилъ онъ за то, какъ они, безъ его позволенія, осмѣлились явиться туда, гдѣ архіерей. Предводитель дворянства старался успокоить владыку, указывая на то, что приглашенные имъ священники люди весьма почтенные, что ихъ уважаетъ весь городъ, и что, если кто виноватъ въ настоящемъ случаѣ, то не они, а онъ, предводитель дворянства, пригласившій ихъ къ себѣ. Хотѣли заступиться за нихъ и другіе. Но архіерей не хотѣлъ слушать ни чьихъ оправданій и извиненій. Указывалъ онъ на примѣръ губернатора, къ которому вѣроятно, въ тотъ домъ, гдѣ онъ, не посмѣли бы, безъ его позволенія, явиться мелкіе подчиненные ему чиновники. Священники провинились предъ владыкою и заслужили его гнѣвъ тѣмъ, что не сочли нужнымъ прежде, чѣмъ явиться на званый обѣдъ, испросить на это его позволеніе. Мой дѣдъ, рассказывавшій мнѣ объ этомъ, говорилъ, что „я стою ни живъ, ни мертвъ, когда архіерей бранилъ священниковъ, и ждалъ, что вотъ и до меня дойдетъ очередь“. Но гнѣвное слово владыки не коснулось его. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ, когда получилъ приглашеніе на обѣдъ, спросилъ архимандрита Іеронима, ѣздившаго по епархіи и съ Іустиномъ, какъ прежде съ Пароеніемъ, и Іеронимъ сказалъ ему, что ѣхать нужно: вѣроятно-де, онъ докладывалъ объ этомъ архіерею.

Горячность и несдержанность архіерея, разразившаяся бурнымъ потокомъ сердитыхъ словъ, безъ всякой серьезной причины, произвела немалое смущеніе во всемъ обществѣ приглашенныхъ на обѣдъ, и на всѣхъ произвела тяжелое впечатлѣніе, и въ теченіе всего обѣда чувствовалась какая-то натянутость. Не было замѣтно обычнаго при подобныхъ

обѣдахъ общаго оживленія. А тѣ, на кого обрушился неза-
служенный гнѣвъ владыки, не рады были той чести, какой
удостоились отъ предводителя дворянства, и обѣдъ послужилъ
для нихъ не въ сытость и сладость, а въ немалое огорченіе.

Понятно само собою, что подобное отношеніе архіерея
къ подчиненному духовенству не могло способствовать воз-
вышенію его авторитета среди свѣтскаго общества, о чемъ
бы неизлишне было ему позаботиться для усиленія его влі-
янія въ средѣ мірянъ. Въ разсказанномъ случаѣ сочувствіе
общества было на сторонѣ напрасно униженнаго и оскор-
бленнаго духовенства. Но легко можетъ статья, что послѣ
такого обращенія архіерея съ священникомъ, иные изъ мі-
рянъ, прежде уважавшіе своего пастыря, стануть относиться
къ нему съ большимъ или меньшимъ пренебреженіемъ.

Наше смиренное духовенство того времени покорно вы-
носило рѣзкія (чтобы не сказать, грубыя) проявленія гнѣва
своихъ владыкъ. Но находились смѣльчаки, хотя чрезвы-
чайно рѣдкіе, которые дерзали давать отпоръ нападкамъ
архіерея, казавшимся имъ несправедливыми,—и говорили,
что грозный архіерей нерѣдко понижалъ тонъ, когда встрѣ-
чалъ смѣлый отвѣтъ со стороны напрасно бичуемаго имъ.
Разсказывали, что, бывши въ Муромѣ, преосвященный Іустинъ
раскричался въ церкви на соборнаго протоіерея Троеполь-
скаго, отъ котораго въ свое время не мало терпѣлъ отецъ
мой. „На колѣна!“ Громко говоритъ онъ ему. Ваше пре-
освященство (отвѣчаетъ ему Троепольскій)! Вы старше меня
саномъ, но я старше васъ годами. Мнѣ, старому, заслужи-
нному протоіерею, тяжело и не пристало становиться предъ
вами на колѣна, въ виду подчиненнаго мнѣ духовенства и
въ виду гражданъ, привыкшихъ чтить и уважать меня. И
архіерей послѣ такого отвѣта смягчилъ и умѣрилъ гнѣвъ
свой.

А какъ легко преосвященный Іустинъ смотрѣлъ на по-
добныя вспышки своего гнѣва, не думая, что онъ ими глу-
боко оскорбляетъ духовенство, показываетъ слѣдующій слу-

чай. Разъ на публичномъ экзаменѣ онъ, совершенно неза-
служенно, обозвалъ дуракомъ учителя духовнаго училища
священника. Оскорбленный публично и напрасно, учитель-
священникъ плакалъ отъ огорченія и искалъ утѣшенія у
своего ближайшаго начальства и знакомыхъ. Ему посовѣто-
вали обратиться къ преосвященному и попросить у него про-
щенья и извиненія въ томъ, что онъ заслужилъ гнѣвъ его.
Когда же, явившись къ нему, священникъ со слезами изло-
жилъ предъ нимъ скорбь свою, преосвященный сказалъ ему:
„а я и забылъ о томъ. Стоитъ обращать вниманіе на всякое
слово, которое можетъ сорваться съ языка“.

Послѣднюю вакацію (1851 года) я короткое время про-
велъ въ Вязникахъ, не болѣе двухъ недѣль. Будучи назна-
ченъ въ Кіевскую академію, я долженъ былъ спѣшить туда
къ пріемному экзамену. А дорога была не близкая; такого
скараго и удобнаго переѣзда, какой даютъ нынѣ желѣзныя
дороги, тогда не было. Болѣе тысячи верстъ нужно было
ѣхать на лошадахъ, и въ экипажахъ мало удобныхъ. Въ
концѣ іюля я оставилъ Вязники, съ чувствомъ глубокой бла-
годарности простившись съ тихимъ монастырскимъ пріютомъ
своимъ въ вакаціальные дни. Особенно трогательно было мое
прощаніе съ дѣдомъ, который намъ заступалъ мѣсто отца и
заботился о насъ, какъ отецъ. Старъ онъ уже былъ, хотя
и крѣпокъ силами; но отпуская меня говорилъ, что Богъ не
приведетъ намъ повидаться на этомъ свѣтѣ, что и случилось.
Онъ скончался черезъ два года, послѣ моего отъѣзда. И бла-
годарныя, но вмѣстѣ и тяжелыя, чувства волновали меня,
когда я прощался какъ бы навсегда съ своимъ благодѣтелемъ,
никогда не оставлявшимъ своего попеченія о насъ. И у дѣ-
да моего, когда онъ благословлялъ меня въ далекій путь,
видны были на глазахъ слезы.

Отправляя меня во Владиміръ, дѣдъ нанялъ для меня
тарантасъ, на которомъ я, на тройкѣ лошадей, съ удобствомъ
доѣхалъ до Владиміра и прямо пріѣхалъ въ бурсу, въ кото-
рой прожилъ пять лѣтъ.

Въ настоящій разъ бурса не показалась мнѣ такою, какою я привыкъ ее видѣть. Довольно обширное зданіе обыкновенно населено было сотнею молодыхъ людей: въ немъ всегда замѣтно было большое оживленіе, и бросалась въ глаза кипучая жизнь. Проявленія этой кипучей жизни напоминали собою переливы разнообразныхъ цвѣтовъ на широкомъ цвѣтушемъ лугу. А теперь, пріѣхавъ въ бурсу въ вакацію, я нашелъ въ ней однѣ пустыя стѣны, и въ нихъ ни одной живой души. Изъ жилыхъ комнатъ вынесены были столы и койки. Мертвая тишина, царившая въ опустѣломъ домѣ, производила какое-то гнетущее впечатлѣніе на душу. Неприятно было слышать, когда даже небольшой стукъ въ одномъ мѣстѣ гулко разносился по отдаленнымъ пустымъ комнатамъ, и говоръ случайныхъ людей, входившихъ въ тотъ или другой номеръ, сопровождался эхомъ, производимымъ голыми стѣнами. Особенно жутко, казалось мнѣ, было бы ночью, если бы я рѣшился одинъ ночевать здѣсь. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, я не захотѣлъ короткое время своего послѣдняго пребыванія во Владимірѣ провести въ бурсѣ. Отдавши свой небольшой чемоданъ комиссару, я просилъ его беречь его, и сказалъ ему, что я буду навѣдываться въ бурсу, но не остановлюсь здѣсь. Оправившись нѣсколько послѣ дороги, я пѣшкомъ отправился въ Красное село, отстоящее отъ Владиміра въ полутора или двухъ верстахъ, изъ котораго крестьянки въ учебную пору приносили молоко въ бурсу для продажи,—отправился къ своему товарищу Александру Михайловичу Сперанскому, назначенному вмѣстѣ со мною въ Кіевскую академію. Онъ проживалъ въ Красномъ селѣ въ кельѣ своей матери, вдовы тамошняго священника. Они съ радостію встрѣтили меня; у нихъ я провелъ вечеръ и ночевалъ, и мы долго пріятно бесѣдовали о предстоящемъ намъ далекомъ путешествіи, и о пріемныхъ экзаменахъ въ академіи. Насъ стращали, что экзамены будутъ строгіе. Но мы ихъ не боялись, и надѣялись, что они сойдутъ для насъ вполне благополучно.

На другой день мы вмѣстѣ съ Сперанскимъ отправились въ городъ и начали собираться въ дорогу. 1 августа были во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, слушали здѣсь литургію и помолились святынь, тамъ хранимой. 2-го августа, по указанію Правленія, отправлялись во Врачебную Управу для освидѣтельствованія нашего здоровья. Здѣсь посмотрѣли только, привита ли намъ оспа, и признали насъ благонадежными для продолженія курса ученія въ академіи. Затѣмъ въ Правленіи снабдили насъ нужными намъ документами и деньгами. Изъ документовъ самый нужный былъ для дороги подорожная на двѣ лошади по казенной надобности. Денегъ для уплаты за дорогу на почтовыхъ станціяхъ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ рублей на мелкія принадлежности туалета (бѣлье, носовой платокъ и галстукъ), намъ дали весьма достаточно,—болѣе пятидесяти рублей на каждого. Такихъ большихъ денегъ мы никогда не имѣли въ рукахъ. Отпустилъ насъ въ путь съ обычными благожеланіями и далъ намъ напутственное благословеніе инспекторъ Виталій, у котораго предъ отъѣздомъ мы пили чай. Ректора Евѳимія въ то время не было во Владимірѣ. Онъ былъ настоятелемъ Переславскаго Данилова монастыря, а лѣтомъ, въ вакацію, обыкновенно проживалъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

Имѣя подорожную по казенной надобности (даже двѣ), мы не сразу ею воспользовались. Намъ посовѣтовали до Москвы нанять вольныхъ ямщиковъ, Ёдучи на перекладныхъ по почтѣ (говорили намъ), вы будете трястись, на каждой станціи останавливаться, прописывать подорожную и перекладывать свои вещи. А вольный ямщикъ лихо провезетъ васъ до самой Москвы на бойкой тройкѣ въ хорошемъ тарантасѣ, который не въ примѣръ лучше почтовой телѣжки. Мы послушались этого совѣта и наняли вольнаго ямщика, съ которымъ доѣхали до Москвы съ большимъ удобствомъ, какого не имѣли бы, если бы ѣхали на почтовыхъ.

До Москвы изъ Владиміра мы ѣхали вчетверомъ въ одномъ просторномъ экипажѣ. Къ намъ присталъ Павелъ Ва-

сильничъ Пospѣховъ, братъ кievскаго профессора, уже изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Онъ ѣхалъ въ академію волонтеромъ, и примкнувши къ намъ, уже на оставлялъ насъ до Кіева. Еще съѣлъ съ нами и доѣхалъ до Москвы Михаилъ Тимоѣевичъ Преферансовъ. Онъ отправлялся въ Петербургъ, рѣшившись поступить добровольцемъ въ Медико-хирургическую академію. Это былъ очень способный молодой человекъ, и если бы онъ не поѣхалъ въ Медико-хирургическую академію, его навѣрно послали бы въ какую-либо духовную академію. Въ Медико-хирургической академіи онъ успѣвалъ хорошо и мечталъ быть въ ней профессоромъ. Но это ему не удалось. Въмѣсто профессуры ему досталось служить полковымъ врачомъ. Будучи полковымъ врачомъ, онъ жилъ въ какомъ-то захолустномъ мѣстечкѣ или городѣ Финляндіи и писалъ оттуда, что онъ скорѣе согласился бы быть священникомъ въ послѣднемъ селѣ Владимірской губерніи, чѣмъ нести ту долю, которая ему досталась.

Въ Москвѣ пробыли мы болѣе двухъ сутокъ и осмотрѣли въ ней всѣ достопримѣчательности. Первымъ дѣломъ нашимъ въ Москвѣ было побывать въ Кремлѣ и посѣтить Московскіе кремлевскіе соборы и монастыри (Чудовъ и Вознесенскій) и поклониться тамошнимъ святынямъ. Будучи въ Кремлѣ, я счелъ долгомъ явиться къ Синодальному ризничему Саввѣ, впоследствии архіепископу харьковскому, а потомъ тверскому,—сочелъ долгомъ потому, что извѣстенъ былъ ему, какъ ученикъ Муромскаго духовнаго училища, гдѣ Савва (тогда Иванъ Михайловичъ Тихомировъ) былъ учителемъ. Но со мной, послѣ выѣзда изъ Владиміра, неразлучны были и мои товарищи, ѣдущіе въ Кіевъ,—Сперанскій и Пospѣховъ. О. Савва (тогда іеромонахъ) принялъ насъ, какъ своихъ земляковъ, весьма любезно, долго задержалъ насъ и долго бесѣдовалъ съ нами и не хотѣлъ отпустить насъ безъ угощенія. Когда мы сидѣли у него, къ нему заѣзжалъ архимандритъ Леонидъ, впоследствии архіепископъ ярославльскій, тогда, кажется, ректоръ Московской семинаріи. Ему отреко-

мендовалъ насъ отецъ Савва, и при этомъ выразился, что эти добрые его земляки своимъ визитомъ доставили ему не малое удовольствіе.

Отыскали мы въ Москвѣ другого земляка, молодого мелкаго чиновника, недавно кончившаго курсъ семинаріи, знакомаго Поспѣхову. Онъ охотно согласился быть нашимъ чичероне и водилъ насъ по Москвѣ, почти не разлучаясь съ нами. Съ нимъ ходили мы смотрѣть на вновь отстроенную, но, кажется, еще не открывшуюся Николаевскую желѣзную дорогу, какъ на невиданную нами диковинку. Но когда мы увидали ее, мы немало удивились: совершенно не въ такомъ, а въ болѣе грандіозномъ видѣ представлялась она въ нашемъ воображеніи. На Преображеніе водилъ насъ нашъ чичероне на гулянье въ Сокольники. Поглазѣли мы на гуляющихъ москвичей, посмотрѣли на ихъ увеселенія; но мы были сторонними зрителями этихъ увеселеній, не принимая въ нихъ никакого участія. Даже не манили насъ къ себѣ шипящіе самовары, которыхъ много разставлено было подъ деревьями, владѣльцы или владѣлицы которыхъ приглашали гуляющихъ освѣжиться у нихъ чашкою чая. Не возбуждали нашего аппетита и крики мальчиковъ, разносившихъ, вѣроятно, горячіе пирожки: „съ пылу, съ жару, десять копѣекъ за пару“ ...

Изъ Москвы до Тулы мы опять ѣхали не на почтовыхъ лошадахъ, а наняли вольныхъ ямщиковъ. Въ Тулѣ мы ночевали въ гостинницѣ, и останавливались въ ней почти на цѣлые сутки, — останавливались потому, что здѣсь былъ учителемъ городского училища мой ближайшій землякъ Иванъ Тихонычъ Остроумовъ, уроженецъ того же Васильевскаго погоста, въ которомъ и я провелъ свое дѣтство, и онъ чрезъ моего брата просилъ меня непременно заѣзжать къ нему, когда я поѣду въ Кіевъ. Этотъ Иванъ Тихонычъ Остроумовъ былъ замѣчательный человѣкъ; необыкновенно даровитый, но сгубившій себя и испортившій свою карьеру пьянственною

страстію ¹⁾. Михайль Измаиловичъ Богословскій, товарищъ И. Т. Остроумова по семинаріи и академіи, кончившій курсъ С.-Петербургской академіи въ 1831 году первымъ студентомъ, отзывался о немъ въ бесѣдѣ съ моимъ братомъ и мною, что „Иванъ Тихонычъ былъ выше всѣхъ насъ цѣлою головою“. Но вмѣсто того, чтобы быть первымъ въ числѣ студентовъ и первымъ кончить, Иванъ Тихонычъ кончилъ послѣднимъ, и при окончаніи академическаго курса не былъ удостоенъ академической степени, а выпущенъ былъ студентомъ, „за неисправимое его пьянство и буйство“, какъ значится, по свидѣтельству Н. П. Глубоковскаго, въ документахъ академической конференціи. Во Владимірѣ въ старыя годы говорили, что онъ въ пьяномъ видѣ нанесъ оскорбленіе дѣйствиємъ инспектору академіи, чуть ли не знаменитому Иннокентію (Борисову), и за это выпущенъ былъ изъ академіи съ волчьимъ аттестатомъ, въ которомъ прописаны были его нетерпимые недостатки. По окончаніи курса академіи въ 1831 году, онъ лѣтъ девять нигдѣ не могъ пристроиться, нигдѣ не могъ получить мѣста, а жилъ въ Васильевскомъ погостѣ, въ кельѣ своей матери, зарабатывая кое-что уроками у сосѣднихъ помѣщиковъ, которые уважали его за его умъ и снисходительно относились къ его слабости. Будучи мальчикомъ, я почти постоянно видѣлъ его и очень хорошо до сихъ поръ помню этого своего земляка. Онъ часто заходилъ въ нашъ домъ для бесѣды съ моимъ отцомъ и былъ пріятный человѣкъ, когда былъ трезвъ. После смерти своей матери, онъ изгналъ изъ себя пьянственнаго бѣса, и поступилъ на службу, сначала въ Муромѣ, гдѣ и женился, а изъ Мурома перешелъ въ Тулу на мѣсто учи-

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ, главнымъ образомъ по моимъ указаніямъ, сообщены въ статьѣ И. Н. Глубоковскаго, помѣщенной въ 3 № Христіанскаго Чтенія за 1909 г.: „Преосв. Іоанъ (Кратировъ)“. На пріемной дочери И. Т. Остроумовъ женатъ былъ Кратировъ. Христ. Чт. 3 № 1909 г., стр. 428—431.

теля городского училища, гдѣ я и видѣлся съ нимъ въ 1851 году. Пріятно было для него свиданіе со мною, и среди оживленной бесѣды о нашей общей родинѣ я съ удовольствіемъ выслушалъ отъ него признаніе, что онъ совершенно освободился отъ той слабости, отъ которой такъ много пострадалъ и потерялъ, и что нынѣ онъ не такой, какимъ я зналъ его въ Васильевскомъ погостѣ.

Изъ Тулы мы поѣхали слѣбно на почтовыхъ, нигдѣ не останавливаясь. Я предъявлялъ на станціяхъ свою подорожную, и расплачивался съ станціоннымъ смотрителемъ, а мои товарищи смотрѣли за перекладкою нашихъ вещей и индѣ торопили ямщиковъ, чтобы они скорѣе запрягали лошадей.

Въ Кіевѣ мы пріѣхали 14 августа 1851 года на разсвѣтѣ. Когда мы подъѣхали къ Братскому монастырю, гдѣ находится академія, и вступили въ ограду монастыря, насъ первѣе всего поразили здѣсь толпы богомольцевъ, которые разлеглись на травѣ и спали. Ко дню Успенія въ Кіевѣ собираются тысячи богомольцевъ, и для всѣхъ ихъ не находится мѣста въ гостинницахъ, и они разбредаются по монастырямъ, и на травѣ, на открытыхъ мѣстахъ устроятъ ночлегъ свой.

Въ академической корпусъ, гдѣ жили студенты, мы вошли, когда еще всѣ спали. Сонный служитель взялъ и отнесъ наши вещи въ свободный номеръ, въ которомъ, сказалъ онъ, мы можемъ имѣть временное помѣщеніе. Я зналъ, что въ томъ корпусѣ, въ который вступилъ я, живетъ братъ мой. Но я раннимъ утромъ не сталъ сразу искать его; да и некого было спросить о немъ; въ коридорахъ было пусто; студенты еще не пробудились. Я рѣшилъ подождать для этого болѣе поздняго часа, когда начнется въ корпусѣ обычная будничная жизнь.

Такъ я водворился въ академіи, съ которою съ тѣхъ поръ не разставался до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. А какъ мнѣ жилось въ академіи, объ этомъ, Богъ дастъ, я расскажу въ послѣдующее время.

Проф. *Василій Пьеницкій.*

ЗАМѢТКА.

Уже ли это гдѣ есть еще?

По существующимъ церковнымъ постановленіямъ выборъ имени новорожденному младенцу предоставляется прежде всего родителямъ.—Въ случаѣ смерти послѣднихъ это право естественно переходитъ къ воспріемникамъ новорожденного, ближайшимъ родственникамъ его и, наконецъ, священнику, совершающему крещеніе. Въ послѣднемъ случаѣ священникъ долженъ руководствоваться существующими на сей случай правилами и обычаями, то есть, долженъ давать новорожденному имя того святого, память котораго совершается въ день чтенія надъ младенцемъ молитвы, въ день рожденія, а также въ день крещенія, или въ восьмой день по рожденіи.—Кромѣ того священнику вмѣняется въ обязанность не давать крестьянскимъ дѣтямъ именъ труднопроизносимыхъ, малоупотребительныхъ въ крестьянскомъ быту, чтобы эти имена не могли исказить часто до неузнаваемости, чтобы изъ Воинфатія, напримѣръ, не вышло „Канифаса“.

Такъ, повторяю, должно бы быть по церковнымъ канонамъ, но не такъ бываетъ на дѣлѣ.—Въ дѣйствительности же право выбора имени новорожденному присвоилъ почти исключительно себѣ священникъ.—Съ желаніемъ родителей, тѣмъ болѣе родныхъ и воспріемниковъ, съ ихъ вкусомъ въ данномъ случаѣ, многіе положительно не хотятъ считаться. Счастливые исключенія составляютъ жители городовъ, свѣтлыхъ и бойкихъ мѣстечекъ и приходоу, богачи, интеллигенція и, наконецъ, друзья—пріятели священника изъ крестьянъ.—Конечно, узурпаторство священниковъ въ данномъ случаѣ не было бы вопіющимъ зломъ и кровною обидой для прихожанъ, если бы они выборъ имени производили по указаннымъ выше правиламъ. Къ великому позору нашему и глубокому прискорбію, среди іереевъ есть такіе, которые въ выборѣ новорожденному имени видятъ одно изъ средствъ мести негодившимъ имъ родителямъ, близкимъ роднымъ и воспріемникамъ ребенка. Особенно часто злоупотребляютъ правомъ выбора имени младенцу внѣбрачному.—Тутъ ужъ старается иной іерей изо всѣхъ силъ „насолить“ и несчастной матери и ни въ чемъ неповинному ребенку.—Послѣднему дается такое имя, котораго крестьянамъ не выговорить и не запомнить.—При повѣркѣ по метрикамъ и отысканіи лицъ, подлежащихъ призыву для отбыванія воинской повинности, когда приходится перерывать метрическія книги за де-

сятки дѣтъ, меня страшно поразило множество именъ трудныхъ и малоупотребительныхъ, коими названы были при крещеніи виѣбрачныя дѣти.—Какихъ тутъ именъ и нѣтъ только! Вотъ нѣсколько этихъ именъ на выдержку: Авивъ, Северіанъ, Кассіанъ, Фалалей, Прокуль, Провъ, Пудъ, Миронъ, Пафнутій, Іоакимъ, Голиндуха, Нимфодора, Хіонія, Андроникъ, Іуда и т. д. въ этомъ же родѣ. Всѣ перечисленные имена и имъ подобныя кажутся, какъ ни дико и странно это, смѣшными простолудину и обидными, какъ бы бранными. При одномъ произнесеніи какого-либо имени въ родѣ, на примѣръ, Голиндухи, Прокула, Северіана, многіе изъ неразумной молодежи покатываются со смѣха, а имена—Іуда, Фалалей—у многихъ давно стали бранными и презрѣнными, синонимами—первое лицемѣрія и продажности, второе—ротозѣйства.—Такимъ образомъ, обычай нѣкоторыхъ іереевъ изъ мести или по какой иной причинѣ давать младенцамъ имена трудно произносимыя и малоупотребительныя даетъ многимъ поводъ кощунствовать: высокочтимыя имена Христовыхъ угодниковъ, свѣтильниковъ міра, дѣлать мишенью грубыхъ шутокъ и издѣвательствъ. Такъ свойственно поступать не служителю Христа, а его врагу.—Всѣмъ сказаннымъ мечь и издѣвательства духовнаго „отца“ надъ только что появившимся, ангельски чистымъ и невиннымъ младенцемъ, не всегда кончается, а идетъ далѣе,—здѣвая и безъ того уже наказанную въ своей совѣсти, хотя и провинившуюся, но все же дорогую и лучшую въ мірѣ для ребенка женщину—его мать.—Такъ, записывая въ метрическія книги актъ рожденія и крещенія виѣбрачнаго младенца, порою забываютъ всякія правила приличія и чистоплотности, именуя родильницу не дѣвицей, какъ пишется во всѣхъ другихъ официальныхъ документахъ и бумагахъ, а „дѣвкой“... Какую скверностію (да проститъ читатель за грубое выраженіе) пахнетъ отъ этого выраженія, не достойнаго іерея,—обязаннаго по сану своему быть чуткимъ, отзывчивымъ къ чужому несчастью.

Человѣка, поскользнувагося на жизненномъ пути, священникъ долженъ, по примѣру Самого Христа, поддержать, возбудивъ въ немъ раскаяніе и желаніе исправиться, а не бросать въ него камень въ видѣ насмѣшки и издѣвательства. Вспомнить нужно священнику, что провинившаяся дѣвица и безъ его насмѣшекъ не смѣетъ глазъ поднять на людей и сгораеть отъ стыда за свою ошибку.—Лучшіе даже изъ простого народа, малоразвитаго и грубоватаго, вполне понимаютъ эту простую истину, щадятъ стыдливость несчаст-

ной матери и съ осужденіемъ смотрять на тѣхъ, кто старается лягнуть челоуѣка безсильнаго, ударить челоуѣка лежачаго.— „Не забыть мнѣ, рассказывалъ одинъ знакомый учитель (изъ крестьянъ), какъ безчелоуѣчно обошелся одинъ священникъ съ дѣвицей—матерью, дочерью просфорни! Нужно было прочитавъ молитву, положенную въ 40-й день по рожденіи. Обычно эту молитву священникъ читалъ послѣ обѣдни и при томъ въ боковомъ придѣлѣ храма, вдали отъ любопытнаго глаза.— На этотъ разъ, дабы посмѣяться надъ бѣдной женщиной, прочитавъ молитву около дверей храма между утреней и обѣдней, онъ принесъ ребенка къ главному алтарю: и родильница стораая отъ стыда, торопливо прошла чрезъ весь храмъ, положила три положенныхъ по уставу поклона, судорожной рукой схватила ребенка и, поцѣловавъ Крестъ, кубаремъ выкатилась изъ церкви, мѣста всепрощенія, со слезами на глазахъ. А самъ виновникъ слезъ все время, пока несчастная пробиралась къ своему ребенку, барахтавшемуся предъ царскими вратами, стоялъ противъ иконы Богородицы и ехидно улыбался, переводя свой взглядъ съ родильницы на народъ. Къ чести послѣдняго, добавлялъ рассказчикъ, я не замѣтилъ, чтобы кто (изъ народа) раздѣлилъ „радость“ своего духовнаго „отца“: никто не улыбнулся“.

Давно пора бросить позорный обычай мстить прихожанамъ и издѣваться надъ ними при нареченіи имени младенцамъ.— Говорю, конечно, о тѣхъ изъ іереевъ, которые указаннаго обычая придерживаются. (Новгор. епарх. вѣдом.).

Свящ. *Смирновъ.*

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 5-го января 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовсму изданію на мѣсть
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 17 января.

Содержаніе: I. Расширеніе программъ церковно-приходской школы. Свят. В. Цестряковъ.—II. Созидатели и разрушители. Свят. І. Набнвачъ.—III. Изъ жизни западныхъ христіанъ за истекшій годъ. Н. Гумилевскій.—IV. Библейское повѣствованіе о началѣ міра и наука. Перев. П. И. Селивановской.

Расширеніе программъ церковно-приходскихъ школъ.

Вопросъ о расширеніи программъ церковно-приходскихъ школъ въ недалекомъ будущемъ станетъ предметомъ официальнаго разсмотрѣнія, для чего въ настоящее время собирается необходимый матеріаль. И слава Богу,—скажемъ мы, такъ какъ вопросъ этотъ давно назрѣлъ и требуетъ своего разрѣшенія.

Въ періодической печати (не говоримъ уже о частныхъ бесѣдахъ) нерѣдко приходится прочитывать самыя разнообразныя нареканія на церковно-приходскую школу. Правда, во всѣхъ этихъ нареканіяхъ не мало тенденціозности и преувеличиванія; но все же нельзя не признать нѣкоторыхъ

изъ нареканій заслуживающими вниманія. На первомъ мѣстѣ необходимо поставить указаніе на то, что церковно-приходская школа, сравнительно со школою свѣтскою—земскою и министерскою, даетъ меньше знаній, особенно практическихъ. Недостатокъ этотъ, по нашему мнѣнію, существуетъ, и онъ долженъ быть устраненъ.

Мы не будемъ въ настоящей разѣ останавливаться на деталяхъ программы: этотъ вопросъ разработаютъ специалисты дѣла; выскажемъ лишь общія основныя пожеланія, какъ они выяснились у насъ личнымъ опытомъ и знакомствомъ со школами разныхъ типовъ, и прежде всего скажемъ относительно Закона Божія. Церковно-приходская школа главнѣйшей своей цѣлью имѣетъ воспитаніе дѣтей въ духѣ преданности вѣрѣ и Церкви Православной. Это ея основная задача, это ея душа, которая останется для нея неизмѣнной. Преподаваніе Закона Божія должно занимать въ ней первенствующее мѣсто, съ соответствующимъ количествомъ уроковъ. Законъ Божій въ настоящее время въ церковно-приходской школѣ сравнительно съ школою министерскою и земскою (всею чаще при единствѣ законоучителя) проходитъ по однимъ и тѣмъ же учебникамъ и въ одномъ и томъ же объемѣ. Между тѣмъ, при тѣсной связи ея съ Церковью, при большемъ количествѣ уроковъ, Законъ Божій долженъ быть пройденъ въ ней и шире и основательнѣе; поэтому и учебники этого предмета должны быть болѣе распространенные. Такъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ необходимо было бы изучить наизусть съ краткимъ объясненіемъ главнѣйшія мессіанскія мѣста: они составляютъ душу всего Ветхаго Завѣта. Въ новозавѣтной исторіи желательно болѣе обширное и обстоятельное изученіе бесѣдъ Господа съ обязательнымъ чтеніемъ ихъ по Евангелію. Въ отдѣлѣ о богослуженіи слѣдуетъ расширить изученіе дѣтьми наизусть церковныхъ молитвословій и пѣнопѣній, такъ какъ въ настоящей программѣ, а особенно на практикѣ, дѣло это доведено до крайняго minimum'a. Наконецъ, согласно часто высказываемому пожеланію миссіоне-

ровъ, принятому IV миссіонерскимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ, необходимо въ краткій катехизисъ, изучаемый въ одноклассныхъ школахъ, внести элементы миссіонерскаго характера, хотя о главнѣйшихъ истинахъ, пререкаемыхъ заблуждающимися.

Наконецъ, сугубаго вниманія заслуживаетъ церковное пѣніе. Слѣдовало бы со всею послѣдовательностію и настойчивостію провести обязательность этого предмета прежде всего для учащихся церковно-приходскихъ школъ. Въ настоящее время, особенно въ тѣхъ школахъ, гдѣ учительницами состоятъ окончившія епархіальныя женскія училища, нерѣдко церковнаго пѣнія совсѣмъ не существуетъ, въ то время какъ въ земскихъ и министерскихъ училищахъ на это уже обратили серіозное вниманіе, и за уроки пѣнія полагается особая плата.

Не отрицаемъ, что все высказанное нами здѣсь, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, осуществляется въ жизни и теперь, но не столько какъ законъ или норма, сколько какъ дѣло частной инициативы и энергіи завѣдывающаго школой и учащаго персонала.

Что касается предметовъ общеобразовательныхъ—русскаго языка, ариметики и родиновѣдѣнія, то въ этомъ отношеніи можно высказать одно общее пожеланіе: программа церковно-приходскихъ школъ должна быть сравнена съ программой школы министерской. Педагогическій опытъ и средства, касающіяся этой стороны дѣла, у министерской школы богаче, чѣмъ у школы церковно-приходской, а чужой опытъ и знаніе всегда могутъ принести большую пользу. Такъ, въ изученіи русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ слабо поставлено обученіе дѣтей письменному изложенію мыслей; въ то время, какъ въ министерскихъ и земскихъ училищахъ на выпускномъ экзаменѣ даютъ обыкновенно переложеніе, а иногда даже краткое самостоятельное описаніе, въ церковно-приходскихъ школахъ довольствуются однимъ диктантомъ.

Крайне необходимо ввести въ программу церковно-приходскихъ школъ ознакомленіе съ исторіей и географіей Россіи, что такъ настойчиво проводится въ министерскихъ училищахъ, и что почти отсутствуетъ въ церковно-приходскихъ школахъ.

Нужно ли говорить о томъ, что уравненіе программъ министерской и церковно-приходской школы есть требованіе жизни? Школьное образованіе дѣлаетъ большіе шаги впередъ: за него дѣятельно взялись города, земства. Для него не скупится на щедрыя ассигновки Государственная Дума. Завися отъ всѣхъ этихъ учрежденій матеріально, церковно-приходская школа должна снять съ себя всѣ упреки, уничтожить всякій поводъ къ нимъ, а это будетъ лишь тогда, когда она, кромѣ своихъ специальныхъ особенностей, во *всѣхъ другихъ отношеніяхъ* будетъ стоять наравнѣ со всякой другой школой и ни въ чемъ не будетъ ей уступать.

Нужно принять во вниманіе и интересы учащихся дѣтей. При совмѣстномъ существованіи школъ разныхъ типовъ, при частномъ передвиженіи родителей съ одного мѣста на другое, весьма часты случаи перехода учениковъ изъ одной школы въ другую; неизбѣжно при этомъ сравненіе качествъ школъ разныхъ типовъ какъ въ сознаніи дѣтей, такъ и родителей. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ дѣти являются даже страдательнымъ элементомъ. Такъ, напримѣръ, сплошь и рядомъ дѣтей, окончившихъ церковно-приходскую школу, не принимаютъ во второй классъ министерскихъ двухклассныхъ училищъ на томъ основаніи, что дѣти не учили исторіи и географіи, а принимаютъ всего лишь въ третью группу; такимъ образомъ дѣтямъ приходится тратить одинъ лишній годъ.

Въ настоящее время въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія идетъ усиленное соревнованіе. Выдержать его можетъ только тотъ, кто хорошо вооруженъ, кто движется впередъ и усовершенствуетъ дѣло.

Свящ. В. Пестряковъ.

Созидатели и разрушители.

Православный приходъ, какъ многочисленная христіанская семья, какъ нельзя больше имѣть нужду въ благоустройствѣ внутреннемъ и порядкѣ внѣшнемъ. Вождь приходской семьи—пастырь по идеѣ неотдѣлимъ отъ нея, онъ пасетъ разъ врученное ему отъ Бога стадо во все время своего земного странствованія, управляя имъ, врачуя его благодатію священства и пролагая пути впередъ.

Дорого для прихода долготнее служеніе одного и того же заботливаго пастыря. Оно всегда оставляетъ свой слѣдъ, свой религіозно-нравственный обликъ на укладѣ жизни всей церковной общины. Но къ глубокому прискорбію Церкви, въ наше время рѣдкіе изъ пастырей проходятъ тяжелое поприще свое въ одномъ и томъ же приходѣ. Это хожденіе изъ прихода въ приходъ, отъ храма къ храму часто служатъ причиною слабаго роста религіозно-нравственной жизни православныхъ приходовъ.

Если мертвыя творенія рукъ человѣческихъ на созданіе свое требуютъ и времени и силы физической, и однако могутъ быстро подвергнуться разрушенію отъ грозныхъ явленій природы, то для прочности живого сложнаго дѣла, какъ союзъ живыхъ душъ въ церковной общинѣ, нужны не однѣ силы физическія, а и духовныя.

Возьмите домашнее хозяйство поселанина и прослѣдите, какъ оно развивалось и крѣпло. Въ это хозяйственное дѣло многихъ лѣтъ вложены сила, энергія и капиталъ и притомъ не одного лишь человѣка, а, можетъ быть, всей семьи или поколѣнія. Представьте себѣ, что нажитое честнымъ трудомъ имѣніе переходитъ въ наслѣдство неразумному и лѣнивому сыну. Съ переменною хозяина переменилась и картина въ хозяйствѣ. Опустошается поле, разрушается ограда въ саду, чрезъ нее все дальше и глубже ползутъ шлемелы, обвили они благородные злаки и деревья, засорили цвѣтники. И вотъ на

томъ, когда-то радовавшемъ васъ уголкѣ, бродить скотъ, безъ жалости уничтожающій плоды долготѣльныхъ трудовъ.

Идетъ разрушеніе...

Глубоко гнетущее впечатлѣніе производитъ подобная картина. Точно такимъ же впечатлѣніемъ отравляется душа наша, когда мы видимъ разрушеніе живого человѣческаго сада, приходской общины. И если совершенно постороннему, ничего въ дѣло не вложившему чувству обидно и больно видѣть небрежность и нерадѣніе, то какъ это нерадѣніе будетъ рѣзать сердце тѣхъ, кто своими усиліями создавалъ тотъ садъ. Представимъ себѣ благоустроенный приходъ. Съ внѣшней стороны,—въ немъ благолѣпный храмъ, просторная теплая школа, удобные причтовые дома; съ внутренней,—есть приходскій совѣтъ, всѣ прихожане православные, усердные къ храму, пастырей почитаютъ, всѣ дѣти школьнаго возраста учатся. Благодаря настойчивости причта въ поученіяхъ и бесѣдахъ и исправному истовому богослуженію, религіозно-нравственное вліяніе Церкви замѣтно стало отражаться на жизни прихода: сократилось пьянство и свадебныя гулянья, вывелись и уличныя безобразія. Лучи свѣта Христова проникли внутрь народной косности, объединяя всѣхъ и вся въ храмъ, какъ училищѣ благочестія и религіознаго просвѣщенія. Въ приходѣ—читальня, союзъ трезвости.

Кто работалъ надъ благоустройствомъ прихода, кому изъ пастырей, можетъ быть, пришлось пролагать первую борозду на заросшей нивѣ Христовой и въ ширь и въ глубину, тѣ, навѣрное, рассказали бы намъ, сколько трудовъ, усилій и терпѣнія стоило имъ посвятить въ приходѣ зерно христіанско-общественнаго самосознанія.

Работа просвѣщенія прихода, всего чаще при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ одиночку, среди мрака невѣжества съ одной только путеводной звѣздой—свѣтомъ Христова Евангелія,—для многихъ пастырей не легкой крестъ и подвигъ. Въ жертву ему отдаются и благополучіе семьи и

здоровье. Дорогою цѣною въ наше время „разрухи“ достигается приходское благоустройство.

Но вотъ Промыслъ Божій призываетъ пастыря къ иному дѣланію, на ниву другую.

Съ спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга оставляетъ онъ родную ниву, живой садъ приходской церкви, и уходя проситъ Вседержителя Творца, да ниспошлетъ Онъ Святаго Духа Животворящаго на сѣмя и всходы и пошлетъ дѣлателей иныхъ на ниву. Съ такими мыслями чаще всего расстаются ревностные пастыри со старыми, трудами ихъ упорядоченными приходами. Но и на новомъ мѣстѣ много старой работы. Опять начинать зданіе, можетъ быть, съ самаго основанія, съ фундамента. Пойдетъ та же изнурительная напряженная работа. Одно, другое преткновеніе,—и мысль сама собою невольно улетаетъ туда, въ старое гнѣздо.

Остались добрыя души и вдали помняція стараго пастыря, и вотъ какъ въ письмахъ передаютъ онѣ свои настроенія: „Дорогой батюшка! послѣ ухода Вашего въ церкви пашей все перепуталось. Въ храмѣ служба пошла кое-какъ: ни пріятнаго цѣнія, ни внятнаго истоваго чтенія не слышимъ, все искажается. Порядокъ, введенный Вами въ церкви, теперь нарушенъ. Въ приходской читальнѣ чтеній за всю зиму ни одного не было. Воскресное богослуженіе—утреня съ обѣдней бываетъ всего два часа. Школа, трезвость и приходскій совѣтъ заброшены“.

Какъ не задуматься надъ содержаніемъ такого письма? Что было достигнуто съ постоянными усиліями въ теченіе многихъ лѣтъ, на что затрачено столько энергіи лучшихъ годовъ жизни, во что вложена была живая душа и часть сердца,—все это разрушается такъ безжалостно.

Какъ идетъ время—дни и ночи, такъ идетъ день за днемъ и жизнь человѣческая. Въ духовной жизни не такъ; здѣсь можно идти или впередъ, или назадъ. Люди въ духовной жизни или развиваются, преуспѣвая въ добродѣтеляхъ, или же падаютъ, погружаясь въ пороки.

Благодарное потомство обязано умножать полученное отъ предковъ наслѣдство, а если оно не умножаетъ, то значить, расточаетъ подобно неразумному сыну, которому не въ прокъ отцовское богатство. Что въ домѣ то и въ церковной общинѣ, приходѣ.

Внимательный пастырь, сѣющій сѣмя Слова Божія на приходскую ниву, наблюдая за паствою, не можетъ не видѣть, что успѣху проповѣди его мѣшаетъ коренной врагъ православнаго русскаго народа — пьянство. На глазахъ у всѣхъ падало хозяйство прихожанъ, — разрушались семьи, гибли души, пастырю Богомъ врученныя. Словомъ убѣжденія пастырь призываетъ людей объединиться для борьбы съ пьянствомъ. Образовался союзъ, поставившій цѣлью своею „отрезвленіе прихода“. Люди вступали въ него и, подкрѣпляемые взаимообщеніемъ и обѣтами, учились воздержанію.

Но выходить изъ прихода трезвый настоятель; преемнику достается воздѣланное поле. Но онъ не раздѣляетъ взглядовъ предшественника, или просто равнодушенъ къ горю народному и больше всего любить свой покой. И вотъ онъ готовъ разрушить дѣло предшественника. Но пусть же здравый смыслъ, совѣсть іерейская подскажутъ ему, что нѣтъ же ничего худого въ томъ, что прихожане его, связанные обѣтомъ, не бродятъ пьяными по улицѣ, не сквернословятъ, не заводятъ шинковъ. Пусть же пастырь не срываетъ и цвѣтка, не имѣ выращеннаго, пусть не бросаетъ шутокъ и насмѣшекъ по адресу своего собрата, и соблазномъ своего поведенія не искушаетъ паству.

Пастырь для паствы—и первый молитвенникъ, за нимъ молится вся церковь. Долгъ его научить паству словамъ молитвы. Да будутъ въ молитвенномъ общеніи всѣ, какъ одна душа.

Лучшій, испытанный на опытѣ методическій приемъ обученія массъ молитвенному тексту—это хоровое заучиваніе. Начало ему —въ школѣ, изъ нея переносится въ храмъ,

и все это отливается въ общенародное пѣніе, своимъ возникновеніемъ обязанное первымъ христіанамъ. Люди набожные, впечатлительные такъ сочувствуютъ ему, что считаютъ за честь для себя посреди церкви воспѣть Богу хвалебную пѣснь. Свыклись—и дѣло привилось въ приходѣ, и,—что особенно дорого,—незамѣтно, постепенно безъ труда эта масса заучила общеупотребительныя церковныя молитвы. Вотъ лекціи насущно-нужныя въ нашихъ сельскихъ приходахъ.

Побывайте вы за богослуженіемъ, гдѣ общее пѣніе привилось. Вслушайтесь, какая волна могучихъ звуковъ наполняетъ своды храма; и никто здѣсь не стоитъ, какъ посторонній, случайный гость, а всѣ свои, родные, въ одинъ голосъ сливаюшіе смиренную молитву Отцу Небесному. *Общее пѣніе* есть дорогое приобрѣтеніе для прихода—имъ нужно дорожить, и не только беречь его, но и развивать.

А вотъ отцы, которые отправляютъ богослуженіе, какъ выражаются сами, „на почтовыхъ“, тяготятся общимъ пѣніемъ. Чтець и псаломщикъ у нихъ сплошь и рядомъ самовольно выкидываютъ любое изъ службы, оставляя изъ устава одинъ остовъ и, такимъ образомъ, съ легкимъ сердцемъ самоуправно уничтожаютъ плоды долготѣльныхъ трудовъ пастырскихъ. Самъ собою навязывается вопросъ: будетъ ли въ такомъ приходѣ обновленіе, возрожденіе, не наоборотъ ли—жизнь по Христу не расширится, а сузится? Заглохнуть живыя общенародныя обращенія къ Богу, постепенно будетъ замирать и церковная жизнь, а это будетъ грознымъ признакомъ упадка вѣры и униженіемъ достоинства Церкви.

Наше православное богослуженіе есть и должно остаться цвѣтомъ религіозной жизни нашей. Въ немъ православная душа, безъ различія званія и положенія, находитъ отраду и утѣшеніе. Благодареніе Богу! Народъ любитъ торжественное богослуженіе, какъ цѣнить и благоговѣйныхъ пастырей. Съ дѣтства воспитанный подъ вліяніемъ Церкви, онъ какъ въ радостные, такъ и въ скорбные дни земной жизни своей

только и отдыхаетъ душой въ родномъ храмѣ. Эту живую народную струну священный долгъ пастыря особенно блюсти. Чѣмъ больше времени, да еще съ участіемъ и сознаниемъ, прихожане проведутъ въ храмѣ, тѣмъ дальше они отъ соблазновъ „міра“, въ грѣхахъ лежащаго, особенно въ переживаемое время, когда нѣкоторые проповѣдники полагаютъ спасеніе земли нашей въ облегченіи подвиговъ и нарушеніи святости праздниковъ.

Церковь молится: „вечера всего совершенна“... Вечерняя—необходимая составная часть нашего православнаго богослуженія, ею начинается, по уставу, церковный день. Посмотрите же, какъ въ приходскихъ храмахъ далеко не всѣ настоятели считаются со временемъ и часами отправления богослуженій, и выраженіемъ изъ типикона: „аще изволитъ настоятель“, отцы стараются прикрыть всѣ нарушенія устава. Будничная служба проходитъ безъ вечерни. Даже тамъ, гдѣ прежними настоятелями введены воскресныя торжественныя вечерни, которыя такъ охотно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посѣщались благочестивыми богомольцами, новые настоятели, принимая приходъ, упраздняли, а будничныя вечерни переносили на утро;—правильно ли это? Неужели великаго труда стоитъ для причта въ недѣлю израсходовать одинъ только часъ на воскресную вечерню и себѣ для очищенія совѣсти и людямъ на утѣшеніе?

Какъ-то по неотложнымъ обстоятельствамъ намъ необходимо нужно было ѣхать въ городъ въ воскресный день. Выѣхали послѣ литургіи. Почевать дорогою пришлось на хуторѣ, въ домѣ нѣмца, съ которымъ мы часто заводили бесѣды на религіозныя темы. До сего дня вспоминаю, какъ нѣмецъ, возвратившись изъ молитвеннаго собранія, дѣлалъ намъ замѣчаніе: „плѣхо, батюшка, что воскресный вечеръ ви оставили безъ молитвы свой приходъ“. По служебнымъ обязанностямъ, посѣщая сосѣдніе приходы, мы съ грустью узнавали, что только въ рѣдкихъ изъ нихъ бываютъ воскре-

сныя вечерни, а гдѣ и были раньше, теперь выводятся. Дѣло молитвы идетъ не къ созиданію, а къ разрушенію.

И приходится задуматься: пасемъ ли мы дѣйствительно словесное стадо, врученное намъ, глубоко ли проникнуты мы, пастыри, сознаниемъ нашего священнаго долга? Ничуть не сомнѣваемся, что есть и въ наше *дряблое* время пастыри—искренніе молитвенники, пастыри-подвижники и просвѣщенные дѣлатели. Свѣтять они приходу, къ нимъ съ упованіемъ льнетъ православное народное сердце. Можетъ быть, не широкъ кругъ свѣта отъ нихъ, за то въ своей паствѣ онъ проникаетъ глубоко.

Но мы, рядовые іереи, подражаемъ ли этимъ одушевленнымъ дѣателямъ? Если мы не способны сами къ инициативѣ, если не способны сами влить живую струю въ жизнь прихода, то будемъ же идти по проторенному трудами нашихъ собратій и признанному плодотворнымъ пути. Пусть мы за свою службу не проложимъ новой борозды на приходской нивѣ, но не позволимъ же никому, на радость врагамъ вѣры нашей, топтать воздѣланную почву. Напротивъ, будемъ беречь все созданное доброе въ приходѣ предшественниками нашими и съ уваженіемъ чтить память дѣлателей отъ дней древнихъ.

Священникъ *Іоаннъ Набывачъ.*

Изъ жизни западныхъ христіанъ за истекшій годъ.

Въ жизни западнаго христіанства въ послѣднее время все болѣе отражаются результаты того ложнаго направленія, которое принято имъ послѣ его отдѣленія отъ вселенской Церкви. Католичество, понявшее идею единства Церкви въ смыслѣ безусловнаго подчиненія всѣхъ вѣрующихъ папѣ и въ теченіе среднихъ вѣковъ налагавшее тяжелый гнетъ на всѣ стороны жизни западно-европейскихъ народовъ, теперь вынуждено бороться съ либерализмомъ, объявившимъ, что

христианство и вообще всякая религія есть главное препятствіе для научнаго и культурнаго развитія. Эта борьба особенно ожесточенно ведется во Франціи, гдѣ радикальное правительство постепенно лишаетъ католическую церковь не только ея прежнихъ привилегій, но и всякихъ правъ. Въ истекшемъ году борьба сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на школьномъ вопросѣ. Французское правительство, отстаивая якобы свободу совѣсти, требуетъ, чтобы религія была совершенно исключена изъ школъ. Католическое духовенство въ отвѣтъ на это вполне справедливо утверждаетъ, что изгнаніе религіи изъ школы ведетъ не къ свободному выбору вѣроисповѣданія, а къ атеизму, который впоследствии неизбѣжнымъ результатомъ своимъ долженъ имѣть и упадокъ нравственности. Поэтому французское духовенство, во главѣ съ своими епископами, угрожаетъ церковными наказаніями тѣмъ родителямъ-католикамъ, которые посылаютъ своихъ дѣтей въ безрелигіозныя правительственныя школы. Епископы опубликовали списокъ учебниковъ, которые недопустимы съ католической точки зрѣнія, и за употребленіе которыхъ католическія дѣти и ихъ родители подлежатъ отлученію отъ св. причащенія. Съ своей стороны, школьные учителя и составители учебниковъ ведутъ судебныя процессы противъ епископовъ и требуютъ возмѣщенія тѣхъ убытковъ, которые причиняются имъ епископскими распоряженіями о неподачѣ школъ и неупотребленіи учебниковъ. Очень возможно, что правительство воспользуется этими процессами, чтобы штрафами сломить настойчивость епископовъ. Къ сожалѣнію, нравственное превосходство не всегда остается на сторонѣ послѣднихъ, и именно потому, что они отстаиваютъ не чистое вселенское христианство, а католичество. Осуждая безрелигіозные учебники за то, что они искажаютъ исторію, чтобы внушить учащимся недовѣріе и даже ненависть къ католической религіи, католическіе богословы сами, для защиты католичества, не могутъ не извращать исторіи, которая всецѣло говоритъ противъ него. По-

мимо того, католическая, особенно іезуитская, система воспитанія настолько извѣстна съ своей отрицательной стороны, что противниками ея оказываются даже люди вполне благомыслящіе. Но крайне прискорбно то, что вмѣстѣ съ католическими заблужденіями отбрасывается и все христіанство и даже всякая религія.

Въ средѣ самихъ католиковъ не прекращается сознаніе необходимости произвести въ католической церкви коренныя реформы; сознаніе это выражается въ такъ называемомъ модернистскомъ движеніи, приближающемся къ протестантскому рационализму. Среди русскихъ католиковъ-поляковъ усиливается маріавитство, которое окончательно выдѣлилось изъ католической церкви; въ истекшемъ году организація маріавитской общины завершилась поставленіемъ маріавитскаго генеральнаго министра Яна Ковальскаго въ епископы. Это поставленіе совершено соборомъ старокатолическихъ епископовъ, во главѣ съ архіепискомъ утрехтскимъ Гулемъ. Такимъ образомъ, маріавитство вошло въ общеніе съ старокатоличествомъ, а тѣмъ, сдѣлало шагъ къ единенію и съ Православной Церковью, съ которой старокатолики давно уже стремятся сблизиться.

Въ противоположность католичеству, протестантство основывается на неправильно понятомъ принципѣ христіанской свободы. Принципъ этотъ въ своемъ крайнемъ пониманіи сводится къ тому, что каждый можетъ вѣровать такъ, какъ ему лично представляется правильнымъ, такъ что даже среди протестантскихъ пасторовъ встрѣчаются люди, не признающіе Иисуса Христа Богомъ, и т. п. Въ этомъ отношеніи знаменателенъ законопроектъ, принятый въ истекшемъ году 6-мъ очереднымъ генеральнымъ синодомъ евангелической церкви Пруссіи. Законопроектъ опредѣляетъ порядокъ разбирательства дѣлъ по обвиненію пасторовъ въ ученіи, несогласномъ съ лютеранскими символическими книгами. Для этого учреждается особая коллегія, которая должна обсуждать не истинность или ложность ученія, высказываемаго пасто-

ромъ (такъ какъ за пасторомъ признается полное право на свободу вѣрованія и даже проповѣданія), а лишь вопросъ о томъ, совмѣстимы ли его воззрѣнія съ служеніемъ церкви. Однако и въ случаѣ признанія коллегіей несовмѣстимости ученія какого-либо пастора съ служеніемъ церкви и отрѣшенія его отъ занимаемой имъ должности, онъ все же сохраняетъ титулъ пастора и можетъ рассчитывать на пенсію изъ церковнаго пенсіоннаго фонда. Такимъ образомъ, истинная вѣра христіанская совершенно утрачиваетъ свое значеніе.

При такомъ положеніи дѣла неудивительно, что у самихъ протестантскихъ пасторовъ возникаетъ сомнѣніе, „имѣетъ ли въ настоящее время пастырская должность право на существованіе“. Рефератъ на эту тему былъ предложенъ пасторомъ Тиле на Висбаденскомъ съѣздѣ союза нѣмецкихъ пасторскихъ ферейновъ. Самъ референтъ, отрицая богоустановленность пастырской должности, все-таки находитъ ее необходимой для истолкованія и научной обработки Св. Писанія и для связи членовъ церкви. Но уже самая постановка подобнаго вопроса свидѣтельствуетъ о разложеніи протестантской церковной жизни.

Н. Гумилевскій.

Библейское повѣствованіе о началѣ міра и наука ¹⁾.

Противорѣчатъ ли результаты естествознанія библейскому повѣствованію о началѣ міра?—Какъ представляетъ себѣ современное естествознаніе происхожденіе земли?—Разрѣшило ли естествознаніе мировую загадку?—Удивительное согласіе библейскаго повѣствованія о началѣ міра съ естествознаніемъ.—Нѣтъ ли ошибокъ въ повѣствованіи о началѣ міра?

Современное естествознаніе предлагаетъ въ общихъ чертахъ слѣдующее ученіе о происхожденіи земли и жизни на ней.

Матерія, изъ которой состояли небесныя тѣла, находилась первоначально въ газообразномъ состояніи. Эта газообразная матерія, придя по какой-то причинѣ въ движеніе или находясь въ вѣчномъ движеніи, соединилась въ громадныя шары, которые стали обращаться вокругъ своихъ осей. Солнце со всѣми принадлежащими къ нему планетами, какъ земля съ луной, тоже образовали въ незапамятныя времена такую сдѣвленную массу, которая, благодаря все ускоряющемуся вращенію, сдѣлалась раскаленно-горячей. Благодаря излученію теплоты въ холодное мировое пространство, масса эта сгустилась еще болѣе, а съ уменьшеніемъ объема увеличилась скорость вращенія. Эта скорость сдѣлалась такъ велика, что отдѣлилась часть массы, и изъ нея образовалась

¹⁾ Предлагаемая статья есть переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора унив-та св. Владиміра, прот. П. Я. Свѣтлова, отдѣльной главы популярной апологіи христіанства Вильгема Штудемунда „Есть ли христіанство истина?“ (Wilh. Studemund Ist das Christentum Wahrheit? Eine Vertheidigung des Christentums für das Volk. Zeipzig. 1903). Апологія съ краткостью, задушевностью и убѣдительностью соединяетъ въ существенномъ согласіе съ современнымъ состояніемъ апологетической науки. Предполагается и далѣе дать шесть главъ изъ этой популярно-научной апологіи въ видѣ отдѣльных очерковъ подъ заглавіемъ: „Слово ли Божіе Библія?“—„Что думать о Христѣ?“—„Христіанство и дарвинизмъ“—„Чудо и наука“—„Есть ли жизнь за гробомъ?“—„Есть ли Богъ?“

крайняя изъ окружающихъ солнце планеть. Такія отдѣленія происходили много разъ; такимъ образомъ образовались остальные планеты, между ними и земля.

Сначала, по этому ученію, на землѣ, даже послѣ того, какъ она, вслѣдствіе излученія теплоты въ холодное міровое пространство, покрылась крѣпкой корой, не появлялось и признака той жизни, которая теперь въ такомъ изобиліи украшаетъ ее. (Библия говоритъ по этому поводу: земля была пустынна и неустроена.) Земля продолжала понемногу охлаждаться, вслѣдствіе чего атмосферныя осадки, переставши такъ сильно испаряться, какъ раньше, образовали первобытное море. (Библия говоритъ по этому поводу: тогда сотворилъ Богъ твердь и отдѣлилъ воду подъ твердью отъ воды надъ твердью). Это первобытное море было, вѣроятно, значительно больше, но въ то же время значительно мельче, чѣмъ современные моря, т. к. поверхность земли имѣла тогда совсѣмъ другую форму. Благодаря поднятіямъ и опущеніямъ были вызваны многократныя перевороты на земной поверхности, слѣды которыхъ ясно можно различить по разнымъ слоямъ земли. Эти перевороты становятся тѣмъ рѣже, чѣмъ плотнѣе дѣлается земная кора и чѣмъ труднѣе вслѣдствіе этого дѣлается внутреннему огню, могущество котораго и теперь еще проявляется въ землетресеніяхъ и вулканическихъ изверженіяхъ, потрясти ее. Вотъ какимъ образомъ земная поверхность приобрѣла свой теперешній видъ, а суша прочно отдѣлилась отъ моря. (Библия говоритъ слѣдующее: Богъ сказалъ: да соберется вода подъ небесной твердью въ особыя мѣста, такъ чтобы видна была суша. И стало такъ. И Богъ назвалъ сушу землей, а собраніе водъ назвалъ Онъ моремъ).

Затѣмъ возникла на землѣ первая жизнь. Рядомъ съ единичными низшими видами животныхъ получилъ широкое распространеніе міръ растений. Теперешнихъ деревьевъ и цвѣтовъ еще не было, росли только громадныя болотныя растенія и папоротники, изъ которыхъ образовались большіе

залежи каменного угля. (Библия говоритъ такъ: и земля произвела зелень, траву, сѣющую сѣмя по роду ея и дерево, приносящее плодъ, въ которомъ сѣмя его по роду его). Въ слѣдующихъ слояхъ земли появляется первое широкое выступленіе міра животныхъ, а именно, сначала явились рыбы, огромныя ящерицы и другія, америбиі, а затѣмъ также и птицы. (Библия говоритъ слѣдующее: Богъ сотворилъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода по роду ихъ и всякую птицу пернатую по роду ея). Затѣмъ появился въ большомъ количествѣ и нѣкоторыя громадной величины млекопитающіяся. Это было время слоновъ-великановъ (мамонтвъ) и другихъ громадныхъ животныхъ. (Въ Библии же сказано: и Богъ сказалъ: да произведетъ земля душу живую по роду ея: скотовъ, и гадовъ, и земныхъ животныхъ, каждаго по роду ихъ). Послѣ всѣхъ твореній возникъ человѣкъ. Въ древнѣйшихъ слояхъ земли еще нѣтъ его слѣдовъ. (Библия также учитъ, что человѣкъ явился завершеніемъ сотворенія міра). Итакъ слѣдующіе другъ за другомъ слои земли показываютъ, что земная жизнь развивалась въ высшія и совершеннѣйшія формы. Совершилось ли это развитіе постепенно или скачками,—относительно этого въ современномъ естествознаніи существуютъ разные взгляды.

Если бы мы даже приняли, что эти воззрѣнія, которыхъ придерживается большая часть современныхъ естествоиспытателей, соотвѣтствуютъ истинѣ, все-таки этимъ не разрѣшилась бы совсѣмъ міровая загадка. Какъ разъ самые важные вопросы остаются безъ отвѣта. Ты спрашиваешь: откуда произошла первобытная газообразная матерія?—наука не даетъ тебѣ на это никакого отвѣта. Точно также никто не можетъ отвѣтить, откуда произошло въ ней движеніе. Утверждать, что движеніе существовало вѣчно, значитъ отказываться отъ объясненія движенія. Другой, находящійся въ связи съ послѣднимъ, вопросъ: откуда произошла жизнь? Естествоиспы-

татели, не желающіе признавать Бога Творцомъ жизни, должны отвѣчать: „она возникла сама собою“. Это утверженіе однако не научно и противорѣчитъ результатамъ естествознанія, такъ какъ одинъ изъ наиболѣе твердо установленныхъ законовъ природы есть тотъ, что жизнь возникаетъ только изъ жизни. По этому вопросу въ очень красивой и ясной формѣ высказался, къ сожалѣнію, рано умершій вѣрующій естествоиспытатель Друммондъ въ своей широко распространенной книгѣ: „Законъ природы въ духовномъ мірѣ“.

Существуетъ еще много другихъ вопросовъ, на которые естественная наука не умѣетъ отвѣтить и, какъ для нея все болѣе выясняется, никогда не найдетъ отвѣта. Къ такимъ вопросамъ принадлежатъ, напримѣръ: какъ можно объяснить, согласно съ естественными науками, ощущеніе, сознаніе и свободу воли? Это открыто высказалъ извѣстный естествоиспытатель Дюбуа-Реймонъ, въ своихъ двухъ докладахъ, надѣлавшихъ много шума: „О границахъ естествознанія“ и „Семь міровыхъ загадокъ“.

Какъ, однако, просто можно разрѣшить всѣ эти вопросы, признавши: „Это создано Богомъ“. Итакъ, новѣйшее естествознаніе не только не дѣлаетъ излишнимъ Творца, но наоборотъ доказываетъ, что при отрицаніи Бога возникаетъ много неразрѣшимыхъ загадокъ.

Второе, что бросается въ глаза въ этомъ ученіи современнаго естествознанія о возникновеніи земли и жизни на ней, это тотъ фактъ, что оно соприкасается съ библейскимъ повѣствованіемъ о началѣ міра во многихъ пунктахъ и именно тамъ, гдѣ это возрѣніе, не ограничиваясь простыми предположеніями, покоится на твердо установленныхъ научно фактахъ. Неустроенная земля; отдѣленіе воды въ атмосферѣ; раздѣленіе моря и суши; послѣдовательность въ развитіи растений, водныхъ и земныхъ животныхъ и наконецъ людей—все это съ полнотою и точностью находится въ библейскомъ повѣствованіи о сотвореніи міра. Послѣдовательность здѣсь не нарушается. Сказаніе о сотвореніи міра не повѣствуетъ

о томъ, что человѣкъ былъ созданъ раньше всего, а мiръ животныхъ сотворенъ потомъ для человѣка; оно не допускаетъ также, что раньше произошли земныя животныя, а потомъ водныя—нѣтъ, оно сохраняетъ послѣдовательность, соотвѣтствующую истинѣ. Въ немъ нельзя также найти тѣхъ странныхъ и сказочныхъ вещей, которыя заключаются въ другихъ разсказахъ о происхожденiи мiра, дошедшихъ до насъ отъ древнихъ временъ.

Поэтому-то многіе выдающіеся естествоиспытатели находятъ библейское повѣствованіе о началѣ мiра достойнымъ удивленiя. Знаменитый естествоиспытатель Карль-Эрнетъ ф. Баэръ говоритъ по этому поводу: „Итакъ, нападки на Моисеево сказаніе о сотворенiи мiра кажутся теперь смѣшнымъ анахронизмомъ, т. к. новѣйшее естествознаніе давно уже пришло съ этимъ сказанiемъ къ соглашенiю. Если понимать его не буквально, а по существу, то нельзя не сознаться, что болѣе возвышеннаго объясненiя древности намъ не оставила, да оно врядъ ли и можетъ быть дано“. Профессоръ ботаники въ Килѣ Рейнке пишетъ въ своей прекрасной книгѣ „Мiръ, какъ твореніе“: „Современная наука имѣетъ случай воздать должное удивленіе пониманiю природы автора книги Бытiя (1 книга Моисея)“. И даже Геккель, самъ Геккель, хвалитъ библейское сказаніе о сотворенiи мiра, которое выгодно отличается отъ мифологической нестроты сказанiй большей части другихъ народовъ древности. Онъ пишетъ: „мы можемъ отдать дань искренняго и справедливаго удивленiя величественному пониманiю природы у іудейскаго законодателя, выраженному въ его простомъ и естественномъ изложенiи своей гипотезы о происхожденiи мiра; удивленіе это, однако, не мѣшаетъ намъ отрицать въ немъ такъ называемое „божественное откровеніе“. Если эти и другіе люди, съ знаменитыми въ естествознанiи именами, говорятъ съ такимъ уваженiемъ о библейскомъ повѣствованiи, то на насъ не должно производить впечатлѣнiя, когда болѣе мелкіе умы пишутъ и говорятъ объ этомъ съ насмѣшкой и презрѣнiемъ.

Откуда же однако авторъ свидѣтельства о сотвореніи міра знаетъ такъ точно, какъ развилась земля и жизнь на ней? Въ тѣ древнія времена объ этомъ не имѣлъ понятія ни одинъ человѣкъ, даже величайшіе ученые древнихъ культуртурныхъ народовъ. Онъ, вѣдь, не изслѣдовалъ земные слои, а это такая вещь, угадать которую невозможно. Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: это ему открыто было Богомъ. Естественно, что это было сдѣлано въ такой формѣ, которая могла быть усвоена людьми тѣхъ временъ. Ему не было ничего открыто относительно того, что земля движется вокругъ солнца, или что Богъ создалъ небесныя тѣла изъ первобытной туманности. Я думаю, даже нѣкоторые изъ моихъ читателей подумали по поводу того, что я говорилъ относительно ученій современнаго естествовѣдѣнія о развитіи небесныхъ тѣлъ изъ газообразнаго состоянія: „Это я плохо понимаю, это кажется мнѣ неправдоподобнымъ“. Какъ же могли это понять въ тѣ древнія времена люди, которые во многихъ отношеніяхъ были какъ дѣти.

Библия не есть естественно-научная книга, которая должна сдѣлать излишнимъ естествовѣдѣніе. Свидѣтельство о сотвореніи міра должно намъ только показать, что міръ созданъ Богомъ, что человѣкъ есть вѣнецъ творенія, и что прообразомъ для человѣческой рабочей недѣли съ днемъ отдыха—субботой служить, что Богъ создалъ вселенную въ шесть дней, а въ седьмой—почилъ отъ дѣлъ Своихъ.

Нѣкоторые возражаютъ: „написанное нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ повѣствованіе о сотвореніи вселенной поразительно согласуется съ результатами естественныхъ наукъ, однако же въ единичныхъ пунктахъ согласованія нѣтъ. Не можетъ быть истиной сказаніе Моисея о томъ, что только на четвертый день, только послѣ созданія міра растений, были сотворены солнце, луна и звѣзды. Далѣе, вселенная не можетъ быть сотворена въ теченіе шести дней, приблизительно шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ, какъ объ этомъ гово-

рится въ Библии, такъ какъ естествоиспытатели принимаютъ промежутокъ въ сотни тысячъ лѣтъ, даже милліоны лѣтъ⁶.

Для меня бы не послужило ни малѣйшимъ соблазномъ, если бы въ повѣствованіи о сотвореніи міра дѣйствительно нашлись нѣкоторыя неточности, при условіи, если бы эти неточности касались только естественно-научныхъ, но не религіозныхъ вопросовъ. Но я не думаю, чтобы тамъ можно было найти какія-либо неточности, достойныя вниманія. Оба только что названные пункта не представляютъ также большихъ затрудненій.

а) Можетъ ли солнце и звѣздный міръ возникнуть только на четвертый день? Если правильно понять разсказъ Библии о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, то видно, что онъ согласуется съ возрѣніями современнаго естествознанія. А именно, естествознаніе предполагаетъ, что земля въ тѣ ранніе періоды, когда она была болѣе горяча, вся была окутана водяными парами и туманомъ такой густоты, что чрезъ нихъ не проникалъ ни одинъ солнечный лучъ. Только послѣ охлажденія земной поверхности исчезли туманъ и пары, и только тогда солнце, луна и звѣзды пріобрѣли значеніе для земли. Только тогда Богъ допустилъ эти свѣтила до земли—вотъ въ какомъ смыслѣ надо это понимать, потому что въ первой главѣ Библии разсказывается о сотвореніи міра только постольку, поскольку оно касается земли. Достопримѣчательно то, что въ первоначальномъ еврейскомъ текстѣ стоитъ въ этомъ мѣстѣ не слово *bara*, онъ создалъ, но слово *asa*, онъ приготовилъ. Растенія же, которыя, согласно свидѣтельству Библии, возникли уже на третій день, совершенно непохожи на наши теперешніе деревья и цвѣты, которые, безъ сомнѣнія, не могутъ произрастать безъ солнечнаго свѣта. Это были огромныя болотныя растенія, не имѣющія такихъ листьевъ, какъ наши деревья,—растенія, могущія достигнуть мощнаго развитія только въ теплыхъ болотахъ и для которыхъ вполне достаточно было тогдашняго полумрака.

в) Сотворенъ ли міръ въ шесть дней? Говорятъ, что вселенная не могла быть сотворена въ 24 часа, взятые шесть разъ, но что нужно было долгое, бесконечно долгое время, пока земля и жизнь на ней достигла своего теперешняго развитія. На это можно возразить, что всемогущій Богъ при желаніи могъ бы создать всю вселенную въ одинъ часъ. Однако изъ результатовъ естествовѣдѣнія и для меня непровержимо ясно, что Онъ этого не сдѣлалъ, но допустилъ, чтобы прошли большіе промежутки времени, пока земля и жизнь на ней приобрѣли свой теперешній видъ. Повѣствованіе о сотвореніи міра не противорѣчитъ этому. Правда, что дни, о которыхъ тамъ идетъ рѣчь, принимаются обыкновенно за сутки, состоящія изъ 24 часовъ. Но кто намъ сказалъ, что Божьи дни длятся только 24 часа? Въ 90 псалмѣ, который, по преданію, происходитъ отъ Моисея, сказано: „Тысяча лѣтъ передъ Тобой, какъ одинъ день, прошедшій вчера, и какъ ночное бдѣніе“. Еврейское слово *jôm* означаетъ не только сутки, состоящія изъ 24 часовъ, но и вообще промежутокъ времени любой величины. Итакъ, ничто не мѣшаетъ смотрѣть на дни творенія, какъ на періоды творенія, безразлично какой величины—въ нѣсколько ли тысячъ, или нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ.

Перев. *И. И. Селивановской.*

Безграничное невѣжество и наглое кощунство, какъ извѣстно, стали обязательными свойствами освободительной дешевки въ ея экскурсіяхъ въ области религіи, предписываемыхъ ей партійною тактикою. Но иногда отъ этого низкаго сорта, такъ сказать, литературы не отстаютъ по части такого же легкаго трактованія вопросовъ религіи сочиненія, претендующія на высшій разрядъ, даже на научно-философское значеніе. Во „Введеніи въ философію“ *проф. Гулярова* (Кіевъ 1907), обильномъ экскурсіями или, точнѣе, вылазками противъ религіи и богословія во вкусъ освободительной

дешевки, преподносится обязательнымъ его читательницамъ много афоризмовъ, за которые и философія не погладитъ по головкѣ, въ родѣ, напр., такихъ: „Ссылаться на Бога при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ значить не давать никакого отвѣта“ (стр. 23, 33), „религія избѣгаетъ рефлексіи“ (10), „Воскресеніе Христово не можетъ быть доказано ни разумомъ, ни свидѣтельствомъ самого евангелія“ и т. п.; но среди всего этого вздора рекордъ побивается сообщеніями о Библии съ ея ученіемъ о началѣ міра: оно называется „старою и наивною сказкою“, „слишкомъ наивною, чтобы входить въ ея критику“ (82 и 159—160). Въ пренебреженіи къ Библии здѣсь авторъ опередилъ дарвинистовъ, матеріалистовъ и разныхъ ихъ товарищей, обыкновенно усердно занимающихся счетами съ Библіей, но зато остался позади науки, ради которой онъ „старается“ и отъ имени которой выступаетъ. Кромѣ Рейнке, Геккеля и Бэра, упомянутыхъ Штудемундомъ, можно привести много другихъ ученыхъ съ такими же отзывами о библейской космогоніи въ Книгѣ Бытія, какіе даны Боэромъ и Рейнке. У послѣдняго см. всю 36-ю главу книги *Die Welt als That* Berlin 1899, подъ загл.: „Die mosoische Schöpfungslehre, р.р. 470—483“. Рекомендую ее вниманію желающихъ знать мнѣніе подлинной науки о Библии изъ первоисточниковъ безъ посредства постороннихъ ей и религіи „россійскихъ филозофовъ“. Въ открытомъ письмѣ проф. Ладенбургу, въ отвѣтъ на его рѣчь о противорѣчій науки и религіи, проф. ботаники Е. Деннертъ опровергаетъ Ладенбурга указаніемъ на противоположный взглядъ среди ученыхъ, представляющихъ въ совокупности громкихъ своихъ именъ саму науку въ лицахъ. Въ частности о первой книгѣ Библии химикъ *Бишоффъ* говоритъ: „Не изъ строгаго изслѣдовація, не на пути наблюденія и опыта черпалъ знанія свои безсмертный авторъ Бытія. Онъ былъ приведенъ къ истинѣ другимъ источникомъ знанія.—Божественнымъ вдохновеніемъ“.—Физикъ *Бю* говоритъ: „Или Моисей въ наукѣ былъ такъ же свѣдущъ, какъ наше столѣтіе, или онъ былъ просвѣщенъ Богомъ, писалъ по вдохновенію отъ Него“. Даже *Гельмгольцъ*, говоритъ проф. Деннертъ въ одномъ изъ своихъ популярно-научныхъ очерковъ, выражаетъ свое удивленіе, что Библия какимъ-то образомъ совпадаетъ съ новѣйшими выводами естествознанія.—Конечно, болѣе освободительной дешевки и ея имитаціи заслуживаетъ вниманія въ вопросѣ о цѣнности Библии съ научной точки зрѣнія мнѣніе самаго ученаго ботаника и богослова *Деннерта*: „Не считая нужнымъ подробно останоавли-

ваться на совпадении библейскаго повѣствованія о началѣ міра въ его деталяхъ съ современною наукою, я кратко указалъ бы только хотъ на слѣдующіе пункты, которыми это повѣствованіе въ противоположность космогоническимъ сказаніямъ другихъ религій представляется именно въ свѣтѣ современныхъ научныхъ знаній *въ высшей степени удивительнымъ*, какъ: сотвореніе свѣта прежде небесныхъ свѣтилъ, растений—прежде солнца“ и т. п. (См. подр. Prof. E. Dennert „Ist Gott tot? Gott-Welt-Mensch? Drei Kernfragen der Weltanschauung naturwissenschaftlich beleuchtet. Stuttgart 1908, р.р. 116—118).—Знаменитый среди геологовъ *Квентинетъ* пишетъ: „Эта книга (книга Бытія) имѣетъ столь много истиннаго, что мы съ уваженіемъ къ надревнѣйшей точкѣ зрѣнія осмѣливаемся еще въ настоящее время утверждать: Моисей былъ великимъ геологомъ, откуда бы ни почерпнулъ онъ свои свѣдѣнія въ геологій“...—Другой геологъ *Дж. Дарсонъ*: „Когда бы, кѣмъ бы ни была сдѣлана попытка изобразить исторію міроздавнія, попытка эта не можетъ представить чего-нибудь болѣе высокаго и достойнаго, чѣмъ библейское повѣствованіе о твореніи“.—Физикъ *Амперъ* говоритъ: „Послѣдовательность, въ которой появляются органически-образованныя существа, составляетъ точную послѣдовательность шести дней творенія, какъ представляетъ ее намъ книга Бытія. Или Моисей имѣлъ такое же глубокое образованіе въ наукахъ, какое существуетъ въ наше столѣтіе, или же онъ былъ просвѣщенъ Богомъ“.—Основатель палеонтологій *Кювье* пишетъ: „Моисей оставилъ намъ космогонію, истинность положеній которой удивительнѣйшимъ образомъ подтверждается со дня на день“. Выходитъ, что не Библия, а сообщенія дешевки о Библии, какъ о старой сказкѣ, относятся къ области сказокъ, которымъ могутъ вѣрить лишь легковѣрные недоучки.

Ред. перев.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го января 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года января 24-го дня.

Содержаніе: I. Поучительныя стороны въ жизни миссіи Владимірской епархіи. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Закоподательство о расторженіи браковъ православныхъ христіанъ и проекты его преобразованія. Павелъ Прохоровичъ.—III. Жизнь Иисуса—легенда или историческій фактъ? Перев. П. И. Селивановской.—IV. О виѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Свящ. В. Каменскій.

Поучительныя стороны въ жизни миссіи Влади- мірской епархіи.

Передъ нами отчетъ о дѣятельности Владимірскаго епарх. Православнаго братства во имя святаго благовѣрнаго Александра Невскаго за послѣдній 28 годъ его существованія. Польза такихъ отчетовъ понятна. Для дѣятелей всякаго общественнаго организованнаго дѣла отчетъ является памяткой, указывающей на пройденный путь, дающій возможность каждому участнику дѣла убѣдиться въ его ростѣ и развитіи. На постороннихъ, не входящихъ въ составъ общества, отчетъ можетъ дѣйствовать какъ агитаціонное средство, какъ реклама, показывающая всякому интересующемуся, что въ

данномъ обществѣ дѣлается, какъ ведется дѣло. Финансовая сторона всякаго отчета важна въ томъ отношеніи, что каждаго жертвователя она убѣждаетъ въ надлежащемъ поступленіи его жертвы и показываетъ, на что эта жертва израсходована ¹⁾.

Такъ какъ всякій опытъ организованной церковно-общественной дѣятельности имѣетъ свои поучительныя стороны, то не лишнимъ считаемъ остановиться хотя на нѣкоторыхъ болѣе выдающихся сторонахъ дѣятельности Владимірскаго Братства.

Отчетъ составленъ весьма обстоятельно, довольно широко и разносторонне рисуя какъ жизнь расколо-сектантскаго міра, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ мѣры, какія принимаются къ охраненію православныхъ отъ расколо-сектантскаго вліянія и къ обращенію заблудшихъ на путь истины.

Въ миссіонерскомъ отношеніи Владимірская епархія должна быть признана весьма неблагополучной: въ ней насчитывается 245 приходовъ со старообрядческимъ населеніемъ; однихъ лишь старообрядцевъ во Владимірской епархіи насчитывается свыше 40 тысячъ душъ обоого пола. Борьба съ расколомъ и сектантствомъ несомнѣнно затрудняется въ этой епархіи тѣмъ, что здѣсь расколъ и сектантство представляются не однородной массой, а дробятся на множество сектъ и толковъ: въ этомъ ихъ слабость, но въ этомъ же и затрудненіе для приходскихъ пастырей, которые должны быть готовы дать всякому вопрошающему отвѣтъ, и священникъ никогда не можетъ увѣренно знать, къ чему ему готовится и откуда можетъ прійти опасность для его прихода.

¹⁾ По личному опыту свидѣтельствуемъ всю пользу такихъ отчетовъ даже для небольшихъ и небогатыхъ средствами приходскихъ организацій—братствъ, попечительствъ. При умѣломъ пользованіи отчетами всегда можно привлечь нѣсколько новыхъ членовъ и пособать кое-что на доброе дѣло. Отчетъ такихъ приходскихъ организацій вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ вполнѣ замѣнить такъ называемую приходскую лѣтопись.

Кромѣ старыхъ условій, не потерявшихъ своей силы и въ настоящее время (какъ, на примѣръ, удаленность глухихъ мѣстъ отъ центровъ просвѣщенія, отдаленность деревень отъ приходскихъ храмовъ и т. д.), отчетъ отмѣчаетъ и новыя условія, которыя содѣйствуютъ устойчивости раскола; сюда слѣдуетъ отнести настойчивую пропаганду раскола мѣстными и пришлыми расколоучителями, а особенно превратное пониманіе старообрядцами манифеста отъ 17 апрѣля 1905 года, какъ признаніе якобы правоты старообрядчества.

Изъ новыхъ явленій въ жизни старообрядчества отчетъ отмѣчаетъ организацію старообрядцами своихъ общинъ, устройство соборовъ неокружниками, вызовъ начетчиковъ въ разныя мѣста епархіи для публичныхъ бесѣдъ съ миссіонерами, торжественную закладку архіерейскимъ (?) богослуженіемъ старообрядческаго храма, крестный ходъ съ одной фабрики на другую.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ указаніе отчета на то обстоятельство, что въ темной средѣ старообрядчества стала развиваться охота къ чтенію сочиненій нашихъ современныхъ церковныхъ писателей. Явленіе это, кромѣ свѣтлой, имѣетъ и свою темную сторону, такъ какъ старообрядцы, по недостатку просвѣщенія, берутъ изъ этихъ книгъ одни отрывки, безъ связи съ содержаніемъ всей книги, и направляютъ ихъ противъ православія. Особенно усердно пользуются они въ этомъ случаѣ рѣзкими критическими отзывами о церковной жизни православія. Въ сектѣ странниковъ замѣчается новое любопытное явленіе: видя въ вѣротерпимости особія козни антихриста, нѣкоторые изъ нихъ стали удаляться въ пустыни Томской епархіи.

Изъ сектантскихъ заблужденій среди православнаго населенія Владимірской епархіи усиленно пропагандируется штундобаптизмъ, и пропаганда эта пользуется замѣтнымъ успѣхомъ. Въ дѣятельности этой секты отчетъ отмѣчаетъ устройство библейскихъ вечеровъ, воскресныхъ миссіонерскихъ вечеровъ, пѣвческихъ собраній, разъѣзды штундист-

скихъ пропагаторовъ съ хорошо организованными хорами, широкое распространеніе въ народѣ сектантской литературы—журналовъ, листовъ и брошюръ. Въ средѣ молоканъ уклеинскаго и донскаго толка отчетъ отмѣчаетъ крайнее религиозное разложеніе, результатомъ котораго является въ одной части, особенно среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, охлажденіе къ вопросамъ вѣры и крайнее религиозное отрицаніе, въ духѣ Ренана и Толстого; въ другой—переходъ въ штундобаптизмъ. Въ нравственной жизни молоканъ отмѣчается развитіе распущенности, семейныхъ раздоровъ, пьянства и воровства. Въ нѣкоторыхъ приходяхъ среди молоканъ донскаго толка, особенно среди женщинъ, замѣчаются и свѣтлое явленіе—неудовлетворенность жизнію въ сектантствѣ и стремленіе къ переходу въ православіе.

Изъ мѣропріятій, какія употреблялись съ цѣлью вразумленія заблудшихъ, отчетъ на первомъ мѣстѣ ставитъ публичныя и частныя бесѣды со старообрядцами и православными тѣхъ приходовъ, гдѣ силенъ расколъ. Заслуживаетъ вниманія энергичная дѣятельность епархіальнаго миссіонера, проведшаго въ отчетномъ году 60 публичныхъ бесѣдъ. Любопытно, что нѣкоторыя изъ бесѣдъ устраивались по вызову самихъ старообрядцевъ. Думаемъ, что здѣсь сама жизнь разбиваетъ нашумѣвшую въ свое время „органическую миссію“, принципиально отвергающую полемическія бесѣды съ заблудшими, какъ ненужную и вредную логомахию. Заслуживаетъ всякаго одобренія и подражанія одинъ изъ помощниковъ миссіонера, организовавшій для практическихъ занятій миссіонерскій кружокъ, при чемъ для занятій ему приходилось по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отправляться за 6 верстъ изъ мѣста своего жительства. Радостное явленіе составляетъ привлеченіе къ миссіонерскому дѣлу и свѣтскихъ людей, учителей, крестьянъ и одного кондуктора желѣзной дороги.

Церковно-приходскія школы епархіи оказывали дѣлу миссіи свои услуги, онѣ привлекали къ селѣ и дѣтей старообрядцевъ, нѣкоторыя изъ нихъ были даже переполнены

дѣтьми старообрядцевъ. Заслуживаетъ вниманія поддержка, какую оказывало братство церковно-приходскимъ школамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ; за противосектантскую дѣятельность нѣкоторые учителя получали отъ братства пособіе отъ 60 рублей до 120.

Изъ другихъ учрежденій Братства заслуживаютъ быть отмѣченными библіотеки братства и его отдѣленій и древле-хранилище.

Пожеланія, какія можно было бы сдѣлать этому высоко-полезному учрежденію, слѣдующія.

„Въ помѣщеніи библіотеки-читальни, какъ гласитъ отчетъ, бесплатно пользовались книгами и журналами лица изъ градскаго духовенства, преподаватели духовно-учебныхъ заведеній и особенно воспитанники семинаріи. Но были и платные подписчики въ количествѣ 16 человекъ, съ коихъ поступило въ пользу библіотеки 7 р. 85 коп.“. По нашему мнѣнію, плата за чтеніе, давшая къ тому же такой незначительный результатъ, при отсутствіи въ наше время охоты и вкуса къ религіозно-нравственному чтенію, едва ли полезна и можетъ только отбивать читателей, особенно при существованіи другихъ библіотекъ—бесплатныхъ. Недостаточна и невелика, по нашему мнѣнію, сумма, отпускаемая Братствомъ на бесплатную раздачу листовъ: такъ, на бесплатную раздачу старообрядческихъ листовъ отпущено было 25 р. и противосектантскихъ—32 р.; всего 57 рублей; это слишкомъ мало, особенно въ то время, какъ на напечатаніе отчета истрачено 210 рублей. Считая въ среднемъ стоимость листовъ 50 коп. за сотню, получимъ всего около 12 т. листовъ. На епархію, гдѣ 40 тысячъ однихъ лишь старообрядцевъ, это слишкомъ мало, особенно если принять во вниманіе то усердіе, съ какимъ, напримѣръ, сектанты наводняютъ деревню своей литературой.

Отмѣчая въ старообрядчествѣ развитіе взаимопомощи (12 стр.), отчетъ ничего не говоритъ о томъ, существуетъ ли вообще въ епархіи хотя зачатки организованной приходской

благотворительности, огромное значеніе которой въ миссіонерскомъ дѣлѣ признано IV миссіонерскимъ съѣздомъ въ Кіевѣ.

Не видно, наконецъ, изъ отчета и того, какъ осуществляется во Владимірской епархіи 17 пунктъ выработанныхъ тѣмъ же съѣздомъ и одобренныхъ св. Синодомъ мѣропріятій—объ устройствѣ торжественныхъ богослуженій въ приходахъ, зараженныхъ сектантствомъ и расколомъ, торжества же старообрядцевъ, съ крестными ходами, пріѣздами лже-епископовъ, отчетъ отмѣчаетъ. Свящ. В. Пестряковъ.

Законодательство о расторженіи браковъ православныхъ христіанъ и проекты его преобразованія.

(Историко-критическая справка).

Для лицъ православнаго исповѣданія расторженіе браковъ допускается въ настоящее время: 1) въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянія другого супруга, или неспособности его къ брачному сожитію; 2) въ случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ приговоренъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или же сосланъ на поселеніе въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; 3) въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія другого супруга (X т. ч. I ст. 45). Допускается расторженіе брака также въ случаѣ обоюднаго добровольнаго согласія супруговъ поступить въ монашество, если они не имѣютъ малолѣтнихъ дѣтей, нуждающихся въ призрѣніи (т. IX Зак. сост. ст. 413 п. 1).

Итакъ, первымъ поводомъ къ разводу дѣйствующее законодательство указываетъ прелюбодѣяніе другого супруга.

Дѣло о разводѣ по прелюбодѣянію по 224 ст. Устава дух. консисторій вчиняется духовнымъ судомъ той епархіи, въ предѣлахъ которой имѣетъ мужъ постоянное мѣстожитель-

ство, опредѣляемое однимъ изъ трехъ признаковъ: или мѣстомъ служенія мужа, или мѣстомъ, въ коемъ мужъ приписанъ къ какому-либо сословію, или всегдашнимъ жительствомъ его. Такимъ образомъ, подсудность бракоразводныхъ дѣлъ по прелюбодѣянiю опредѣляется не мѣстомъ совершенія преступленія, а мѣстомъ жительства мужа.

Слѣдственная часть ведется духовнымъ судомъ слѣдующимъ образомъ: допрашиваются свидѣтели, указанные сторонами, провѣряются документы (метрическіе акты, письма и др.) и осматривается мѣсто, гдѣ совершено преступленіе. Свидѣтели допрашиваются или въ консисторіи при гражданскомъ депутатѣ (ст. 251 Уст. дух. консист.), или полиціей при депутатѣ съ духовной стороны по заранѣе составленнымъ консисторіею вопроснымъ пунктамъ. Осмотръ мѣста преступленія, или повальный обыскъ, производится полиціей при депутатѣ съ духовной стороны.

Уставъ дух. консисторій (ст. 240, 245 и 246) требуетъ, чтобы судоговоренію предшествовало увѣщаніе супруговъ примириться. Тотъ же Уставъ указываетъ существо судоговоренія въ слѣдующемъ. „Истець, говорится въ 247 ст. Уст., изъясняетъ улики и доказательства, представляетъ документы, буде имѣеть, и указываетъ свидѣтелей преступленія, если таковыя были, а отвѣтчикъ изъясняетъ свои оправданія“.

Въ установленіи факта прелюбодѣянiя духовные судьи стѣснены предписанною имъ теоріею формальныхъ доказательствъ. Собственное признаніе отвѣтчика въ нарушеніи святости брака не принимается въ уваженіе (т. X, ч. I ст. 47 и Уст. дух. консист. ст. 250). Необходимы доказательства. Доказательства бываютъ главныя и второстепенныя. Главными доказательствами преступленія признаются: 1) показанія по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей-очевидцевъ и 2) прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими актами и прямыми уликами въ незаконной связи съ постороннимъ лицомъ. Затѣмъ, прочія доказательства,

какъ то: письма, обнаруживающія преступную связь отвѣтчика; показанія свидѣтелей, не бывшихъ очевидцами преступления, но знающихъ о томъ по достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ или по слухамъ; показанія обыскныхъ людей о развратной жизни отвѣтчика и пр.—тогда только могутъ имѣть свою силу, когда соединяются съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, или же когда въ своей совокупности они обнаруживаютъ преступленiе (Уст. дух. консист. 249 ст.).

Дѣленiе доказательствъ на главныя и второстепенныя существовало уже въ прежде дѣйствовавшемъ законодательствѣ, по которому доказательства не только раздѣлялись на совершенныя и не совершенныя (сводъ зак. 1832 года, т. XV, ст. 1023), но и главную роль при рѣшенiи бракоразводныхъ дѣлъ имѣло ихъ значенiе, а не совокупность обстоятельствъ, и не внутреннее убѣжденiе судьи. Такъ, напр., три свидѣтеля подъ присягой говорятъ о томъ, что они видѣли обвиняемаго супруга въ дѣйствии прелюбодѣянiя. Для развода вполне достаточно было этого показанiя, хотя бы судья былъ увѣренъ въ лживости свидѣтельскихъ показанiй. Дѣйствующее законодательство уже не усваиваетъ такого рѣшающаго значенiя дѣленiю доказательствъ. Приговоръ основывается на совокупности обстоятельствъ и внутреннемъ убѣжденiи судьи.

Святѣйшiй Синодъ иногда отказывался отъ точки зрѣнiя Уст. дух. консисторiй. Онъ неоднократно дѣлалъ опредѣленiя, что нельзя строго держаться теорiи формальныхъ доказательствъ. Но опредѣленiя эти, какъ частнаго характера, а не общаго, вызванныя тѣми случаями, когда консисторiи требовали отъ ищущей развода стороны доказательнаго матеріала исключительно въ видѣ свидѣтелей-очевидцевъ, не могутъ служить нормой, обязательной во всѣхъ случаяхъ духовнаго судопроизводства по бракоразводнымъ дѣламъ. Не могутъ служить эти опредѣленiя обязательной нормой для духовныхъ судовъ тѣмъ болѣе, что и въ самомъ Уставѣ дух.

консистерій есть статья (249), дѣлящая доказательства на главные и второстепенныя...

Въ бракоразводныхъ дѣлахъ бываютъ случаи, когда отвѣтчикъ на обвиненіе истца, прибѣгая къ косвенной самозащитѣ, обвиняетъ его (истца) съ своей стороны въ нарушеніи супружеской вѣрности. Это—такъ называемое встрѣчное обвиненіе. Въ случаѣ доказанной виновности истца бракъ остается въ силѣ (т. X, ч. I ст. 45). Встрѣчное обвиненіе, согласно ст. 247 и 249 Уст. духов. консист., должно быть заявлено не позже судоговоренія.

Иногда отвѣтчикъ не только защищается обвиненіемъ истца въ прелюбодѣянніи, но съ своей стороны стремится къ разводу. Это—такъ называемый встрѣчный искъ. О срокѣ предъявленія встрѣчнаго иска нѣтъ указаній въ Уст. дух. консистерій. Не указываетъ опредѣленнаго срока для вчиненія встрѣчнаго иска и практика духовнаго суда.

Просьба о расторженіи брака по прелюбодѣянію не можетъ быть удовлетворена: 1) если тотъ же фактъ послужить основаніемъ для потерпѣвшаго супруга возбудить противъ виновнаго супруга уголовное преслѣдованіе за нарушеніе супружеской вѣрности (Улож. о наказ. ст. 1585¹⁾), и 2) если ищущій развода супругъ самъ будетъ уличенъ въ нарушеніи супружеской вѣрности.

Послѣдствія, которыми сопровождается разводъ по прелюбодѣянію таковы. Разводъ прекращаетъ брачный союзъ

¹⁾ „Состоящее въ бракѣ, изблеченное въ прелюбодѣянніи, лицо подвергается за сіе, по жалобѣ оскорбленнаго въ чести супруга: заключенію въ монастырь, если въ томъ мѣстѣ находятся монастыри его исповѣданія, или же въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ и, сверхъ того, если оно принадлежитъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, предается покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства. Лицо, съ коимъ учинено прелюбодѣяніе, если оно съ своей стороны не состоитъ въ бракѣ, приговаривается: или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ; или къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ и, если оно исповѣдуетъ христіанскую вѣру, предается также церковному покаянію“.

между супругами и ведет за собою утрату ими всякихъ личныхъ и имущественныхъ правъ относительно другъ друга. Образовавшееся, благодаря расторгнутому браку, родство, а также права состоянія мужа, перешедшія на жену, сохраняются (X т. ч. I ст. 101, а также указъ 1 деп. сен. 1903 г. № 9773 по поводу женъ евреевъ). Расторгнутый бракъ входитъ въ число тѣхъ трехъ браковъ, на которые имѣетъ право православный христіанъ. До 24 мая 1904 года супругъ виновный въ расторженіи брака осуждался, по ст. 253 Уст. дух. консисторій, на всегдашнее безбрачіе и предавался семилѣтней эпитиміи. Невинный супругъ могъ вступить въ новый бракъ (ст. 253 Уст. дух. консист.). Закономъ же 24 мая 1904 года отмѣнено осужденіе на безбрачіе лицъ, виновныхъ въ нарушеніи супружеской вѣрности. Однако, въ случаѣ вторичнаго прелюбодѣянія, виновный во вторичномъ нарушеніи чистоты брака не можетъ вступить въ новый бракъ. Вскорѣ послѣ этого закона (23—30 іюня 1904 года за № 3258) было издано разъяснительное опредѣленіе Св. Синода. Согласно этому опредѣленію священникъ не въ правѣ вѣнчать разведенныхъ по прелюбодѣянію и виновныхъ въ немъ въ теченіе двухъ лѣтъ безусловно, а послѣ этого срока (въ теченіе еще 5 лѣтъ), только при достовѣрномъ со стороны священника раскаяніи виновнаго...

Вторымъ поводомъ къ разводу по 45 ст. I ч. X т. служить „неспособность къ брачному сожитію“. Неспособность къ брачному сожитію (*impotentia*) имѣетъ силу, какъ поводъ къ разводу, тогда, когда будетъ доказано, что она возникла до брака. Искъ о разводѣ по неспособности къ брачному сожитію одного изъ супруговъ можетъ быть вчиненъ и ранѣе, какъ черезъ 3 года по совершеніи брака (т. X. ч. I ст. 48)...

Третьимъ поводомъ къ разводу служить по дѣйствующему законодательству (таже ст.) приговоръ одного изъ супруговъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а также ссылка на поселеніе въ Сибирь съ лише-

ніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Судебный приговоръ о лишеніи правъ состоянія не разрушаетъ брака, если другая, не ограничиваемая въ правахъ, сторона не проситъ о разводѣ; разрушаетъ же бракъ совершенный въ установленномъ порядкѣ разводъ, который возбуждается просьбою, основанною на приговорѣ суда.

По закону 14 декабря 1892-го года ссылка на поселеніе въ Сибирь одного изъ супруговъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (т. X ч. I ст. 50) служитъ основаніемъ къ просьбѣ о расторженіи брака. Если оба супруга подверглись ссылкѣ, то бракъ ихъ остается въ силѣ. Присужденіе къ ссылкѣ служитъ основаніемъ къ подачѣ прошенія о расторженіи брака: 1) невиновнымъ супругамъ, если они не пожелаютъ слѣдовать за осужденнымъ на мѣсто ссылки и желаютъ вступить въ новый бракъ и 2) самимъ осужденнымъ во время нахождения ихъ на мѣстѣ ссылки. Невиновные супруги, если не пожелаютъ идти за осужденными супругами въ Сибирь, имѣютъ право просить о разводѣ. Супруги приговоренныхъ въ каторжныя работы и ссылкѣ на поселеніе¹⁾ имѣютъ право просить о разводѣ непосредственно послѣ вступленія приговора уголовного суда въ законную силу; супруги же приговоренныхъ къ ссылкѣ на житье въ Сибирь—по истеченіи двухъ лѣтъ со дня вступленія въ законную силу судебного приговора о ссылкѣ (Уст. Дух. Консист. ст. 225, т. X ч. I, ст. 50). Самимъ виновнымъ, если супруги не послѣдовали за ними, предоставляется

¹⁾ Въ нашемъ законодательствѣ различаются слѣдующіе роды ссылки: 1) ссылка въ каторжную работу, въ рудники, на заводы, фабрики и другія работы въ Сибирь и на островъ Сахалинъ (т. XIV, уст. о ссылкѣ ст. 1 и 3); 2) ссылка на поселеніе въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Сибири или Закавказья (*ibid.*, ст. 1 и 7); 3) ссылка на житье въ сибирскія губерніи или вообще въ отдаленныя мѣста, кромѣ сибирскихъ губерній (*ibid.*, ст. 1 и 7); 4) ссылка въ Сибирь на водвореніе за бродяжничество (*ibid.*, ст. 9) и 5) ссылка-переселеніе въ Сибирь по приговору обществъ.

право просить о расторженіи брака съ дозволеніемъ вступить въ новый: ссыльно-каторжнымъ перваго разряда черезъ три года, втораго разряда—черезъ два года, третьяго—черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, а ссыльно-поселенцамъ и сосланнымъ на житье—черезъ два года по вступленіи судебного приговора въ законную силу (т. XIV уст. о ссыльн., ст. 409).

Четвертымъ поводомъ къ разводу указывается въ дѣйствующемъ законодательствѣ (45 ст. I ч. X т.) „безвѣстное отсутствіе другаго супруга“.

„Когда одинъ изъ супруговъ, говорится въ 54 ст. I ч. X т., отлучившись по какому-либо случаю изъ мѣста своего жительства, будетъ въ продолженіе пяти лѣтъ или болѣе находиться въ совершенно безвѣстномъ отсутствіи, то оставшемуся супругу дозволяется о расторженіи брака и о дозволеніи вступить въ новое супружество просить свое епархіальное начальство“. Безвѣстное отсутствіе удостоверяется въ порядкѣ, указанномъ закономъ 14 янв. 1895 г. Этотъ законъ требуетъ, чтобы просьба о расторженіи брака заключала въ себѣ обстоятелиныя отвѣты на указанные въ законѣ вопросы. Консисторія же, смотря по даннымъ, удостоверяющимъ безвѣстное отсутствіе, или прекращаетъ дѣло, или же высылаетъ черезъ полицію повѣстки къ родителямъ и родственникамъ супруговъ, а также и ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя могутъ имѣть и дать свѣдѣнія о безвѣстномъ отсутствующемъ. Кромѣ этого средства для удостовѣренія въ томъ, что отлучившійся отъ мѣста своего жительства супругъ отсутствуетъ безвѣстно, примѣняется публикація о безвѣстномъ отсутствующемъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“... Въ случаѣ, если отсутствующій супругъ не будетъ найденъ, невинному супругу разрѣшается вступить въ новый бракъ...

Таково дѣйствующее законодательство о разводѣ браковъ православныхъ. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе, это—скудость поводовъ къ разводу. Даже такія явленія, какъ сумасшествіе и сифилисъ не допускаются, какъ поводъ

къ разводу ¹⁾). Между тѣмъ названныя болѣзни дѣлають брачное сожитіе такимъ же, если еще не болѣе, ненормальнымъ явленіемъ, какъ и неспособность къ брачному сожитію.

Указаннымъ недочетомъ не исчерпываются недостатки бракоразводнаго законодательства. Недостатокъ этотъ касается матеріи бракоразводныхъ дѣлъ; есть еще недостатки въ области процессуальной. Неудовлетворительность существующаго законодательства о разводѣ браковъ православныхъ издавна обращала на себя вниманіе законодателя. Начиная 1870 года учреждаются одна за другой комиссіи, имѣющія своей цѣлью реформировать бракоразводное законодательство. Интересно то, что первыя по времени комиссіи видѣли недостатки въ области бракоразводнаго процесса и для усовершенствованія законодательства предлагали въ немъ преобразованія процессуальнаго характера; вторыя же усматривали недостатки въ матеріальной области дѣйствующаго законодательства о разводѣ, а потому и мѣропріятія для улучшенія его предлагали матеріальнаго свойства

Павелъ Прокоповичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сумасшествіе по русскому законодательству (т. X ч. I ст. 37) въ томъ только случаѣ признается поводомъ къ признанію брачнаго сопряженія недѣйствительнымъ, если произошло до брака; послѣбрачное сумасшествіе не имѣетъ силы, какъ поводъ къ разводу, и не вліяетъ на судьбу брака. Сифилисъ былъ признанъ Св. Синодомъ поводомъ къ разводу, какъ фактъ, удостовѣряющій нарушеніе супружеской вѣрности больнымъ супругомъ (Протоколъ Св. Синода отъ 26 марта 1809 г., № 96).

Жизнь Иисуса — легенда или историческій фактъ? ¹⁾

Павелъ Эбертъ.

Введение.

Въ наше время снова взоры всѣхъ, ищущихъ истины, обращаются къ лицу Иисуса Христа. Среди нашей богатой и пресыщенной культурной жизни возвышается въ своемъ спокойномъ и простомъ величии личность Иисуса Христа и предлагаетъ свое руководительство всѣмъ ищущимъ правды и раздираемымъ внутренними сомнѣніями. Никакіе историческіе герои, никакіе гении, какъ бы ни было велико ихъ обаяніе, не сравнятся съ этимъ Высочайшимъ Образцомъ святости ученія и жизни. Какъ много прекраснаго и великаго ни свершили эти герои мысли и дѣла, все же ни одинъ изъ нихъ не произноситъ для нашего болѣзненно-возбужденнаго времени, для умственной и нравственной борьбы современнаго человѣка послѣдняго умиротворяющаго слова. Это дѣлаетъ одинъ Иисусъ Христосъ, и благо намъ, что мы къ Нему возвращаемся.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: Кто же Онъ былъ? Современная религіозно-историческая школа утверждаетъ: все, что до сихъ поръ проповѣдывалъ Иисусъ христіанамъ черезъ апостоловъ и о.о. и учителей Церкви, все, что вдохновляло великихъ церковныхъ композиторовъ, — все это ложно. Но что же тогда истинно? Замѣчательно, что у современныхъ богослововъ отрицательнаго направленія мы не находимъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что было высказано Штраусомъ (въ его „Жизни Иисуса“ и „Старая и новая вѣра“); но тогда какъ Штраусъ совершенно послѣдовательно заявилъ: „Мы уже не христіане!“ — современная религіозно-историческая школа трубить на весь міръ: „мы несемъ вамъ истиннаго Христа“. Новѣйшіе теологи преподносятъ современному человѣку пригото-

¹⁾ *Paul Ebert. Das Leben Iesu—Sage oder Geschichte?*

вленный Штраусомъ душевный ядъ, украшенный цвѣтами такъ называемыхъ „результатовъ новѣйшаго научнаго изслѣдованія“ и сильно разбавленный Густавомъ Фрэнсеномъ въ его новѣйшемъ романѣ; напитокъ этотъ, приготовленный по вкусу широкой публики, съ жадностью ею поглощается. Если намъ удастся въ послѣдующемъ изложеніи подорвать основы разсужденій Штрауса, то мы надѣемся нанести этимъ ударъ и современному новому направленію. Въ настоящее время „Жизнь Іисуса“ Штрауса издана дешевымъ народнымъ изданіемъ и въ большомъ количествѣ распространяется въ широкихъ слояхъ народа; поэтому дать критическую оцѣнку его сужденіямъ по самому насущному вопросу для всякаго вѣрующаго христіанина является весьма своевременнымъ дѣломъ.

1. *Ходъ развитія и характеристика Давида - Фридриха Штрауса.*

Штраусъ родился въ Людвигсбургѣ (Виртембергъ) въ 1808 году. Въ 1830 году онъ сдѣлался викаріемъ, а въ 1832 году мы его находимъ на должности помощника профессора въ теологической семинаріи въ Тюбингенѣ, откуда недалеко было и до званія профессора теологіи. Въ 1835 году появилось его сочиненіе „Жизнь Іисуса“ въ двухъ томахъ, насчитывающихъ 1500 страницъ. Трудъ 28-ми-лѣтняго сочинителя надѣлалъ много шума. Онъ взволновалъ не только его товарищей по наукѣ, но и широкія слои общества. Въ томъ же 1835 году Штраусъ за свои черезчуръ свободные критическіе взгляды былъ лишенъ мѣста помощника профессора въ Тюбингенѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ литераторомъ и жилъ исключительно своими авторскими трудами. Одинъ только разъ онъ попытался снова вступить на академическое поприще: онъ получилъ въ 1839 году профессорскую кафедру въ Цюрихѣ. Но противъ него поднялась буря негодованія. Одинъ швейцарскій кантонъ съ 250,000 жителей возсталъ противъ профессуры Штрауса: правительство было свергнуто,

а Штраусу до его поступления на должность была предложена отставка съ 1000 фр. содержанія. Его сочиненіе „Жизнь Іисуса“ стоило ему всей его жизненной карьеры. Съ этого времени всѣ его сочиненія дышать горечью, даже ненавистью противъ всѣхъ присяжныхъ теологовъ. Въ 1864 году впервые появилось народное изданіе его сочиненія, о которомъ мы будемъ говорить подробнѣе.

За нѣсколько недѣль до его смерти, послѣдовавшей 8-го февраля 1874 года, появилась его книга „Старая и новая вѣра“, которой онъ еще разъ возбудилъ сильное волненіе. По его собственному свидѣтельству, этой книгой, въ которой онъ окончательно порывалъ съ христіанствомъ, онъ приносилъ свое послѣднее слово, которое онъ намѣренъ былъ сказать міру; это послѣднее слово было признаніе матеріалистическаго воззрѣнія на основахъ дарвинизма. Здѣсь онъ ставитъ два многозначительныхъ вопроса: „Христіане ли мы?“ и „Есть ли у насъ религія?“ На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ категорическимъ отрицаніемъ, на второй же—условнымъ утвержденіемъ. Это зависитъ оттого, считаемъ ли мы наше чувство зависимости отъ вселенной и ея законовъ религіей, или же нѣтъ. На этомъ чувствѣ мы, конечно, не будемъ строить культъ служенія Богу. Штраусъ надѣялся сначала, что онъ сможетъ удовлетворить свою личную потребность созданія культа въ сообществахъ свободомыслящихъ и друзей свѣта. Но сколько разъ онъ ни пытался узнать свою плоть и кровь въ жалкихъ и фривольныхъ попыткахъ этихъ людей, все это никогда не удавалось. Хотя Штраусъ признаетъ чрезвычайно послѣдовательнымъ со стороны свободныхъ сообществъ, что они совершенно отказываются отъ догматическаго преданія и основываются только на естествознаніи и исторіи, но здѣсь нѣтъ почвы для религіознаго общества. Онъ говоритъ: „я присутствовалъ при нѣсколькихъ богослуженіяхъ свободныхъ общинъ и нашелъ ихъ чрезвычайно сухими и безжизненными; я жаждалъ хоть намека на библейскую легенду или на христіанскій празд-

ничный календарь, чтобы удовлетворить хоть немного фантазію и чувство; но напрасно. Нѣтъ, такой путь не годится. Послѣ разрушенія церковнаго зданія невыносимо грустно соизидать что-либо на голомъ, жалкомъ, пустынномъ мѣстѣ“.

Эта „церковь разума“ имѣла слишкомъ мало замащиваго. Поэтому Штраусъ и его послѣдователи рѣшили лучше отказаться отъ всякаго рода церкви. Они стремятся, держа свой умъ открытымъ для всѣхъ высшихъ интересовъ человѣчества, прежде всего къ національной жизни. Они стараются поддерживать свое національное сознаніе изученіемъ исторіи, расширяя въ то же время свои знанія по естественнымъ наукамъ. „Въ общемъ“, говоритъ Штраусъ, „мы находимъ въ сочиненіяхъ нашихъ великихъ писателей, въ произведеніяхъ нашихъ великихъ композиторовъ столько матеріала и поощренія для ума и чувства, фантазіи и юмора, что больше и желать нельзя. Мы идемъ своей дорогой осчастливленные“, „мы“, говоритъ Штраусъ отъ имени и культурной части общества, „не только ученые или художники, но и чиновники, военные, купцы и помѣщики“, — словомъ, всѣ, которымъ средства позволяютъ такой благородный и дорогой культъ; простой народъ, конечно, исключень изъ этого числа, онъ долженъ довольствоваться болѣе доступнымъ матеріаломъ, напр., изъ національныхъ поэтовъ.

Итакъ, если человѣкъ умираетъ, если на челѣ его выступаетъ предсмертный потъ, его не должны подкрѣплять молитвы присутствующихъ, слово Божіе или слова утѣшенія изъ устъ Христа, Который представляетъ Собой только мифологическую личность. — Нѣтъ, пусть ему въ это время читаютъ вслухъ какое-либо краткое поэтическое произведеніе, напр. Лессинговскаго „Иатана мудраго“. Это напоминаетъ намъ слова Берлинскаго фізіолога Дю-буа-Реймона, сказанныя имъ однажды: „Попробуйте утѣшить толпу женщинъ, больныхъ ракомъ, произведеніями Гетэ или Бетховена.“

Штраусу выпало на долю рѣдкое счастье необыкновенно полно пережить свою научную жизнь; путь, пройденный его

мышленіемъ, не лишень извѣстнаго трагизма. Онъ началъ свое жизненное поприще въ качествѣ учителя и проповѣдника евангелія, а кончилъ грубымъ и ничтожнымъ матеріализмомъ, отнявшимъ у него вѣру въ Бога Живого, поставившимъ на мѣсто истиннаго Спасителя „Натана мудраго“ и указавшимъ встревоженной совѣсти, вмѣсто словъ Писанія, на мудрыя изреченія національныхъ писателей. Мы спросимъ себя: какимъ образомъ возможно было подобное развитіе? Штрауса побуждалъ издать „Жизнь Иисуса“ не только чисто-научный интересъ къ предмету изслѣдованія. Онъ былъ полонъ честолюбія и хотѣлъ создать что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее, небывалое, что доставило бы ему мѣсто рядомъ съ религіозными реформаторами и другими героями исторіи человѣчества.

Его честолюбивыя стремленія не принесли ему ожидаемаго внутренняго удовольствія. Одно время онъ носился съ мыслью написать біографію Лютера, но затѣмъ отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ внутренняя религіозная борьба, приведшая Лютера къ ученію объ оправданіи одною вѣрою, была ему „противна“, а результатъ ея, это именно ученіе, казалось ему „безсмыслицей“ (См. „Избранныя письма“, изданныя Веллеромъ, стр. 373). Если онъ самъ чувствовалъ, что не годится, въ виду отсутствія религіозности, въ біографы Лютера, „ученика“ (sic!) Христа, то съ его стороны было большою дерзостью принятыя за жизнь Учителя. Никто безнаказанно не разбираетъ жизненный образъ Того, о Комъ еще старій Симеонъ пророчествовалъ: „Се, лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многихъ во Израили“. Его разрушительная критическая работа, которую онъ произвелъ надъ четырьмя евангеліями, принесла ему внутреннюю духовную смерть, которую онъ очень хорошо чувствовалъ, но которую онъ самъ въ своемъ письмѣ къ одному изъ друзей, написанномъ въ 1864 году, въ возрастѣ 56 лѣтъ, еще за 10 лѣтъ до смерти, объяснялъ, какъ старческую слабость. Онъ пишетъ (стр. 471): „Субъективная,

въ узкомъ смыслѣ личная жизнь совершенно во мнѣ умерла; я вижу въ этомъ дѣйствіе старости, которая, при сносномъ состояніи здоровья, проявляется у меня въ вялости и пресыщенности. Для себя я уже ничего не желаю, такъ какъ надѣяться мнѣ не на что... То, что въ молодые годы особенно оживляетъ переписку между друзьями, это надежды и планы, обольщенія и разочарованія сердечныя, противорѣчія и борьба въ жизни,—все это въ наши годы частью пронеслось мимо, частью же повторяется въ такой слабой степени, что едва ли стоитъ сообщать объ этомъ издалека. Осталась покорность, а она молчалива“.

Эта молчаливость дѣлается чрезвычайно краснорѣчивой, если вспомнить одно мѣсто изъ болѣе ранняго письма къ тому же другу:

„Пусть дочери филистеровъ (презрительное названіе вѣрующихъ) радуются, когда видятъ одного изъ нашихъ ослабѣвающимъ въ рѣшительный моментъ жизни (при приближеніи смерти)!“

Штраусъ умеръ несчастнымъ, въ концѣ своей жизни одинокимъ и озлобленнымъ человѣкомъ.

2. Народное изданіе „Жизни Іисуса“ Давида - Фридриха Штрауса.

Штраусъ былъ отъ природы холодною, аристократической натурой, смотрѣвшей съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на массу, не умѣющую понять настоящую истину. Но мало-по-малу онъ убѣждался, какъ важно завоевать симпатіи народной массы. Поэтому онъ написалъ повое, обработанное для народа, изданіе своей „Жизни Іисуса“. Но книга эта не можетъ быть дѣйствительно популярной; стиль въ ней черезчуръ отвлеченный и чтеніе ея утомляетъ. Кто хочетъ писать для народа, долженъ прежде всего любить народъ, а у Штрауса этой любви не было. Онъ говоритъ въ предисловіи къ народному изданію (стр. VI), въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ о вызванномъ критикой его „Жизни Іисуса“

расколѣ умовъ: „Трещина эта образовалась въ срединѣ Священнаго Писанія, другими словами—въ сердцахъ многихъ вѣрующихъ христіанъ, а особенно протестантовъ. Каждый такой сердечный расколъ могъ бы считаться однимъ изъ христіанскихъ подвиговъ покаянія; къ этому прибавляется еще необходимость поломать себѣ немного голову и приобрести такимъ образомъ нѣкоторое количество разума“.

Человѣкъ, такъ спокойно относящійся къ сердечному расколу безчисленнаго количества христіанъ, лишившихся вслѣдствіе этого раскола своей вѣры, — такой человѣкъ не можетъ любить народъ. Поэтому Штраусу въ его народномъ изданіи „Жизни Иисуса“ нигдѣ не удается сердечный тонъ, который могъ бы ему завоевать народныя симпатіи. Въмѣсто этого отъ его книги вѣетъ на насъ сдержанностью, какъ будто бы онъ предчувствовалъ, что напрасны будутъ его бурныя выходки противъ Христа четырехъ евангелій.

Содержаніе книги интересно благодаря ея легкомысленному, фривольному тону и стилю. Своихъ теологическихъ противниковъ онъ сравниваетъ съ „полевыми мышами“. Человѣку науки не стоитъ сражаться съ такимъ „сбродомъ“. Онъ же займется этими „гадинами“ только ради шутки, только для того, чтобы всѣ могли увидѣть „какъ они странно выкручиваются и какіе дѣлаютъ козлиные прыжки“. (1, 82). О представителяхъ Церкви онъ говорилъ въ тонѣ социаль-демократа: „Кто хочетъ изгнать поповъ изъ церкви, тотъ прежде всего долженъ изгнать чудо изъ религіи“. (Предисловіе, VII). Уже эти чисто формальные недостатки должны были бы удержать книгоиздательство отъ широкаго распространенія этой книги. А книгоиздательство, наоборотъ, еще снабдило эту книгу предисловіемъ, въ которомъ имя покойнаго автора упоминается съ преувеличеннымъ восхваленіемъ: „Среди руководящихъ умовъ новаго времени ни одинъ не оказалъ болѣе сильнаго вліянія на ходъ развитія нѣмецкой духовной жизни, какъ Штраусъ. Первое появленіе „Жизни Иисуса“ въ 1835 году было всемірно-историческимъ

фактомъ, съ которымъ можетъ сравниться только выступленіе Мартина Лютера. Это былъ поворотный пунктъ на путь освобожденія нѣмецкихъ умовъ отъ гнета Церкви, вѣрующей въ чудеса. Распространенная во многихъ изданіяхъ и въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ, книга эта остается и до нашихъ дней завѣщаніемъ и арсеналомъ оружія, которымъ свободные умы борются съ вѣчно стремящейся къ завоеваніямъ старой церковью“.

Здѣсь „Жизни Иисуса“ приписывается совершенно ею незаслуженное значеніе. Собственно говоря, Штраусъ имѣлъ въ своей жизни только одну научную идею: стремленіе обратить личность историческаго Христа въ миѳъ. Вся его послѣдующая работа была проникнута этой его идеей. Она весьма послѣдовательно привела его къ дальнѣйшимъ выводамъ: къ отказу отъ Гегелевской философіи, къ отрицанію Бога и къ переходу въ лагерь матеріалистовъ. Она же заставила его не обращать вниманія на дальнѣйшія научныя изслѣдованія въ области жизни Иисуса. Все положительное, съ чѣмъ онъ согласился во 2-мъ и въ 3-мъ изданіи, показало ему вскорѣ измѣной его основному положенію, и отъ всего этого онъ отказался въ 4-мъ изданіи. Штраусъ не изучалъ всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій Евангелія, хотя какъ разъ время между 1835 годомъ, когда появилась его книга, и 1864 годомъ, когда впервые вышло народное изданіе его книги, было необыкновенно богато новыми изслѣдованіями. Штраусъ, весьма хорошо чувствующавшій, что онъ отсталъ въ области науки, утѣшалъ себя тѣмъ, что „критика забралась въ дебри, гдѣ не растутъ необходимые плоды“. Онъ упрямо отказывался приступить къ новымъ изслѣдованіямъ. Онъ благоговѣнно ссылался на старый взглядъ Тюбингенской школы, будто евангелія возникли въ началѣ и срединѣ второго столѣтія, будто евангеліе отъ Марка было написано третьимъ лицомъ и представляетъ собою искусную компиляцію двухъ первыхъ—отъ Матѳея и отъ Луки. Передъ глазами Штрауса прошло безчисленное количество

критиковъ Евангелія, удостовѣряющихъ, что три первыя евангелія были написаны въ первомъ столѣтїи и признающихъ евангеліе отъ Марка древнѣйшимъ и важнѣйшимъ источникомъ евангелій отъ Матѳея и Луки. Штраусъ не имѣлъ понятія обо всѣхъ этихъ научныхъ приобрѣтеніяхъ. Итакъ, мы можемъ сказать, что когда Штраусъ писалъ свое народное изданіе, онъ уже былъ въ отношеніи евангельской критики человѣкомъ, умершимъ для науки. Мы не выразимся черезчуръ рѣзко, если скажемъ, что благодаря распространенію этого народнаго изданія, тѣ изъ чптателей, которые не въ состояніи подвергнуть научной провѣркѣ утверждения Штрауса, будутъ обмануты, не говоря уже о томъ, что научная критика сдѣлала со времени смерти Штрауса большіе успѣхи. *Переводъ П. И. Селивановской.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

О виѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ.

Въ Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ ¹⁾ свящ. А. Любимовымъ помѣщена статья подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Между прочимъ въ ней останавливаются на себѣ особенное вниманіе слѣдующія глубокоправдивыя слова: „При надлежащей постановкѣ дѣла, собесѣдованія невольно привлекаютъ къ себѣ народную массу, давая ей нѣчто жизненное и живое, развивая любознательность, обогащая умъ и воздѣйствуя на душу и сердце“.

Съ приведенными словами нельзя не согласиться. Видимо, авторъ самъ ведетъ рекомендуемымъ способомъ означенныя бесѣды, за что по справедливости заслуживаетъ достойную похвалу. Что таковыя бесѣды достигаютъ своей цѣли, въ доказательство приведу, въ видѣ иллюстраціи, слѣдующее наблюденіе, имѣвшее мѣсто въ г. Казани.

¹⁾ Ся. № 22-й за 1908 годъ, стр. 925-я.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія въ г. Казани распространены и пользуются большими симпатіями со стороны публики. Но особенно привлекательными по своей простотѣ и задушевности были собесѣдованія въ чайной общества трезвости. Означенныя бесѣды происходили по воскреснымъ днямъ, около 7 часовъ вечера. Главными руководителями бесѣды состояли архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря Андрей (нынѣ епископъ Мамадышскій) и преподаватель духовной семинаріи Александръ Ал. Воронцовъ (нынѣ священникъ одной изъ городскихъ церквей). Изрѣдка въ этихъ бесѣдахъ принимали участіе нѣкоторые студенты духовной академіи и слушатели миссіонерскихъ курсовъ. Отецъ архимандритъ Андрей велъ преимущественно литургическія бесѣды, а преподаватель Ал. Воронцовъ по Священному Писанію. Вотъ одна изъ такихъ бесѣдъ.

Залъ для собесѣдованій по обычаю полонъ народомъ всякаго званія. За столикомъ у передней стѣны по обыкновенію занимаютъ мѣсто руководители. Отецъ Андрей,—какъ по-просту его называютъ,—беретъ тему для бесѣды „Необходимость праздничнаго отдыха и разумное имъ пользованіе“. Все имъ сказанное передается просто и задушевно; такъ и сквозитъ искреннее желаніе своимъ живымъ словомъ воздѣйствовать на почтенную публику и побудить ее быть творцами слова, а не только слушателями его. Бесѣда его по существу нѣ вызвала со стороны присутствовавшихъ живого обмѣна мыслей, хотя была выслушана съ рѣдкимъ вниманіемъ. На очереди—преп. А. Воронцовъ; онъ предлагаетъ вниманію слушателей евангельское повѣствованіе „Воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа“. Передавъ со свойственнымъ ему искусствомъ священно-историческое событіе въ простой формѣ разсказа, онъ съ обычной простотой обращается къ публикѣ съ предложеніемъ: не угодно ли кому что-либо спросить по поводу сказаннаго?—Тотчасъ изъ числа посѣтителей выступаютъ лица съ своими недоумѣніями,—и вотъ начинается живая вопросоотвѣтная бесѣда. Соблюдая очередь, руко-

водитель, по мѣрѣ возможности, даетъ каждому вопрошающему надлежащіе отвѣты. Мало этого. Нѣкоторые посылаютъ безымянные записки съ недоумѣнными вопросами; такъ, въ числѣ такихъ вопросовъ, какъ мнѣ помнится, были разрѣшены слѣдующіе: „Дѣйствительно ли Христосъ воскресъ? Не былъ ли Онъ мнимоумершимъ? Какъ могъ Иисусъ Христосъ проходить сквозь запертыхъ дверей? Дѣйствительно ли Онъ принималъ пищу, и какъ могъ принимать ее, когда тѣло Его по воскресеніи измѣнилось? и т. под. Если въ одинъ разъ бесѣда не оканчивалась вслѣдствіе большого количества вопрошающихъ, то она откладывалась до слѣдующаго раза. Такимъ образомъ, избранный предметъ бесѣды исчерпывался со всѣхъ сторонъ и освѣщался по всѣмъ даннымъ науки обстоятельно и основательно, при взаимной поддержкѣ руководителей. Эти бесѣды иногда затягивались до поздняго времени, и, видимо, слушатели съ неохотой расходились, когда объявлялся конецъ собесѣдованіямъ.

Разохотившіеся совопросники не оставляли въ покоѣ своихъ руководителей даже по дорогѣ въ квартиру, каждый наперерывъ стараясь получить отвѣтъ на тотъ или иной вопросъ.

Нельзя, конечно, не привѣтствовать разумно поставленныхъ собесѣдованій „Такія собесѣдованія,—скажу словами автора указанной въ началѣ статьи,—несомнѣнно свяжутъ во едино духовенство съ народомъ, привлекутъ симпатіи народа къ своимъ отцамъ духовнымъ и возвысятъ авторитетъ духовенства въ народѣ. Священникъ В. Каменскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 19-го января 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 5—6.

1910-го года 31 января—7 февраля.

Содержаніе: I. По поводу газетныхъ сужденій о семинарскихъ волненіяхъ. Святиц. В. П. — II. Законодательство о расторженіи браковъ православныхъ христіанъ и проекты его преобразованія. (Продолженіе). Павель Прокоповичъ. — III. Жизнь Іисуса—легенда или историческій фактъ (Продолженіе)? Перев. П. И. Селивановской. — Забѣга. Прекрасный обычай.

По поводу газетныхъ сужденій о семинарскихъ волненіяхъ.

Безпорядки, прокатившіеся въ послѣднее время волною во многихъ духовныхъ семинаріяхъ, обратили на себя вниманіе какъ друзей, такъ и недруговъ духовно-учебныхъ заведеній. Всѣ такъ или иначе стараются освѣтить причину этого, по однимъ, печальнаго, по другимъ—симптоматическаго явленія. Со стороны лѣвой печати слышится не столько трезвое и спокойное выясненіе факта, сколько шиканье и свистъ, радостное подхихиканье, что и понятно. Въ недавнюю эпоху духовенство оказало революціи плохую услугу,

войдя почти поголовно въ составъ правыхъ партій, ставши на сторону законности и порядка. Въ случаѣ, если бы революція взяла верхъ, духовенству несомнѣнно пришлось бы жестоко расплатиться за свою патріотическую работу и мужество, которыя ему во всякомъ случаѣ поставлены въ счетъ. Но „въ сумрачные дни третьейіюньской думы“, въ дни „реакціи“ счетовъ не сведешь; вмѣсто штурма могутъ быть только вылазки, легкіе наскоки, ядовитая критика и насмѣшка надъ жизнію и дѣятельностію духовенства, надъ строемъ церковной жизни, оплеваніе отдѣльныхъ представителей духовенства, особенно неугодныхъ лѣвой кликѣ, да радостный вой въ случаѣ какой-либо непріятности или прискорбнаго явленія въ церковной жизни. Общій лейтъ-мотивъ этого сорта изданій въ отношеніи семинарій—это жалоба на суровый церковный режимъ, якобы существующій въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Причина семинарскихъ волненій— это суровая церковная дисциплина, излишняя религіозность. Врачество отъ семинарскихъ волненій, указываемое этими газетами, понятно: превращеніе духовной школы въ свѣтскую, открытіе широкаго доступа семинаристамъ въ университетъ, возможное сокращеніе богословскихъ дисциплинъ и расширеніе общеобразовательнаго элемента. Хотя пункты съ требованіемъ всего вышесказаннаго, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, неизмѣнно встрѣчаются во всѣхъ семинарскихъ петиціяхъ, но выставляютъ ихъ какъ основную причину семинарскихъ безпорядковъ рѣшительно нѣтъ основаній. При болѣе строгомъ режимѣ, чѣмъ теперь, семинаріи существовали и до освободительнаго движенія десятки лѣтъ и тѣмъ не менѣе безпорядковъ въ нихъ не было. Существуетъ и теперь не мало свѣтскихъ учебныхъ заведеній средняго типа, съ суровой дисциплиной, со спеціальной программой, не дающей доступа въ университетъ, предопрѣляющей съ дѣтства карьеру чловѣка (кадетскіе корпуса, фельдшерскія и земледѣльческія училища, учительскія семинаріи), однако тамъ мы не видимъ тѣхъ требованій и тѣхъ безпорядковъ,

какія спорадически повторяются въ семинаріяхъ. Нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, исполнѣ установленное, что въ семинарскихъ безпорядкахъ доминирующую роль играютъ не старшіе классы, какъ можно было бы ожидать, а классы младшіе. Но нельзя же серьезно говорить о мальчикахъ 15—17 лѣтъ, которые чувствуютъ непреодолимое влеченіе къ университетской наукѣ и настолько авторитетны, что свободно могутъ критиковать семинарскую науку, программы, учебники, сравнивать ихъ съ программами иныхъ учебныхъ заведеній, высказывать неудовлетворенность ими. Напротивъ, какъ это ни грустно, въ современномъ семинаристѣ замѣчается даже чрезмѣрное самопревозношеніе (если и заслуженное, то „предками“—старой семинаріи) своею развитостію сравнительно съ гимназистомъ. Если бы можно было осуществить тотъ рецептъ, какой прописываютъ лѣвыя газеты для прекращенія семинарскихъ безпорядковъ, то семинаріи должны бы, какъ таковыя, прекратить свое существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, предоставить семинаристамъ полную возможность не бывать въ храмѣ, не исполнять тѣхъ обязанностей, какія лежатъ на каждомъ православномъ христіанинѣ, открыть для нихъ свободное хожденіе, куда угодно, и прежде всего въ театръ, сократить всякое религіозное вліяніе и внушеніе, такъ какъ оно приводитъ-де къ обратнымъ результатамъ, сократить преподаваніе богословскихъ предметовъ въ пользу наукъ свѣтскихъ—что же останется тогда въ семинаріяхъ церковнаго? И если поголовное бѣгство семинаристовъ отъ рясы и службы Церкви приведетъ къ оскуднѣнію въ образованныхъ пастыряхъ, то какой же смыслъ будетъ самого существованія семинарій? Въ настоящее время духовенство въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей поставлено въ такія выгодныя условія, *какихъ не знаетъ ни одно сословіе*. Не говоримъ уже о дешевизнѣ этого обученія, объ отсутствіи для дѣтей почти всякаго конкурса, подъ бременемъ котораго стонуть дѣти въ гимназіяхъ или реальныхъ училищахъ. Всего цѣннѣе здѣсь то, что духовенство всегда

можетъ быть покойно за своихъ дѣтей на случай своей смерти или потери здоровья; былъ бы сынъ (или дочь) не глупъ и не лѣнивъ да учился—казенное содержаніе ему дадутъ, и слѣдовательно, образованіе, полученное отцомъ, и карьера послѣдняго вполне обезпечены и для сына. Этого удобства, созданнаго правительствомъ, заботами архипастырей и усиліями самого духовенства, нѣтъ ни въ одномъ сословіи, даже въ военномъ, тоже привилегированномъ въ этомъ вопросѣ. Превращеніе семинарій въ общеобразовательныя учрежденія, невыполненіе ими лежащей на нихъ задачи—давать образованныхъ пастырей поведетъ къ тому, что и народъ, и правительство придутъ къ признанію полной ихъ ненужности какъ школъ церковныхъ, а для тѣхъ грошей, какіе несетъ въ церковь вѣрующій народъ въ видѣ восковой свѣчки, найдется не мало и своихъ приходскихъ нуждъ, и рано или поздно *народъ укажетъ и дастъ имъ свое мѣстное назначеніе*, разъ увидитъ, что они тратятся на подготовку студентовъ университета, а не пастырей церкви.

Изъ того, что забастовки случаются и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, принимая иногда прямо эпидемическій характеръ, въ достаточной мѣрѣ видно, что ни свѣтскій режимъ воспитанія, ни общеобразовательная программа вовсе не гарантируютъ спокойствія въ учебныхъ заведеніяхъ. Средство, какое указываютъ прогрессивныя газеты, едва ли приведетъ къ процвѣтанію семинаріи, а скорѣе будетъ постепеннымъ ихъ упраздненіемъ.

По-иному объясняетъ причину семинарскихъ безпорядковъ „Новое Время“, отводя главное мѣсто вопросу о столѣ. „Желудочные вопросы, пишетъ оно, во всѣхъ этихъ волненіяхъ играютъ немаловажную роль. Семинаріи вѣрны традиціямъ, такъ какъ и искони онѣ волновались изъ-за щей или каши прежде всего, а потомъ къ этому присоединяли уже и другія требованія. И это естественно. Хозяйственная часть въ семинаріяхъ и училищахъ поставлена ненормально“. Виноватыми въ этомъ случаѣ, по мнѣнію газеты, ректора и

смотрителя: „въ большинствѣ это люди болѣе науки, чѣмъ дѣйствительной жизни, жизни практической“.

Здѣсь, пожалуй, справедливо лишь указаніе на недовольство столомъ, какъ на поводъ къ семинарскимъ дебошамъ, но придавать столу значеніе причины было бы большимъ преувеличеніемъ и едва ли и сами бунтующіе семинаристы всю „идейность“ своихъ волненій сведутъ только на щи да кашу. Нельзя же отказать тысячамъ молодыхъ юношей въ существованіи у нихъ всякаго идеализма, хотя бы и ложнаго, и всякихъ иныхъ интересовъ кромѣ желудочныхъ; нельзя, далѣе, отказать хотя въ небольшой дозѣ практическаго ума, который всегда подскажетъ, что жертвовать карьерой, аттестатомъ изъ-за щей и каши вовсе не умно. Давно пора уже разсѣять и нареканія на столъ и вообще на постановку хозяйственнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Контроль здѣсь поставленъ основательнѣе и шире, чѣмъ въ другихъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ наблюдать за этимъ дѣломъ, кромѣ епархіальнаго архіерея и учебнаго начальства, могутъ отчасти епархіальные съѣзды и избранные ими члены правленія, которые, при желаніи, могутъ и знать и исправлять то, что они найдутъ въ экономической жизни духовно-учебныхъ заведеній неправильнымъ.

Контроль епархіальныхъ съѣздовъ въ отношеніи духовно-учебныхъ заведеній доходитъ часто даже до скрупулезности, до расхода на мѣлъ и тряпки для классныхъ досокъ. Кто внимательно слѣдилъ въ послѣднее время за періодической печатью, тотъ знаетъ, что такъ называемыя разоблаченія злоупотребленій вовсе не касались духовно-учебныхъ заведеній и такія злоупотребленія всегда были большою рѣдкостію. Да, наконецъ, какой можетъ быть разговоръ о скудости стола и о злоупотребленіяхъ тамъ, гдѣ едва сводятся концы съ концами? При той, весьма скромной платѣ за содержаніе, какая существуетъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (80—

150 р.)¹⁾, едва ли и можно придумать что-нибудь повкуснѣе, кромѣ щей и каши, особенно если принять во вниманіе вздоржаніе жизни за послѣднее время. Не столь это трудная экономика, чтобы не могло понять духовенство и учащаяся молодежь. Мало виноваты въ неудовлетворительности семинарскаго стола и прямые начальники этихъ учебныхъ заведеній. Если не наука, какъ думаетъ „Новое Время“, то педагогическое дѣло и административное, канцелярія, сношенія съ разными начальственными лицами и учрежденіями, обязательное почему-то участіе во всѣхъ мѣстныхъ торжествахъ, отнимають у нихъ массу времени, но не настолько, чтобы не давало никакой возможности вникать въ училищное хозяйство; для экономическаго дѣла есть у нихъ не мало помощниковъ: члены правленія, инспекторъ и даже сами воспитанники, такъ какъ во многихъ семинаріяхъ существуютъ дежурные воспитанники по кухнѣ.

Ближе къ истинѣ въ выясненіи причины семинарскихъ безпорядковъ стоитъ газета „Колоколь“ (№ 1126), объясняющая безпорядки слѣдствіемъ агитаціи извнѣ, а вопросъ матеріальнаго содержанія называющая лишь благовиднымъ предлогомъ. Но нельзя не признать нѣсколько одностороннимъ объясненіе „Колокола“ того, какимъ образомъ агитаціонная зараза проникаетъ въ духовно-учебныя заведенія, почему она пользуется здѣсь видимымъ успѣхомъ. Газета снимаетъ въ этомъ вопросѣ всякую отвѣтственность съ духовенства и

¹⁾ Интересно сравнить эти цифры за содержаніе съ тѣми, какія существуютъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ краткая выдержка изъ Отчета Попечителя Кіевскаго Учебнаго округа: „Плата въ гимназическихъ пансіонахъ колеблется между 280 и 430 руб.; плата эта вовсе не высока, особенно если принять во вниманіе, что пансіонеры не вносятъ особой платы за ученіе. Надо, впрочемъ, замѣтить, что быстрый ростъ цѣнъ на продовольствіе неизбѣжно поведетъ къ возвышенію платы за содержаніе въ пансіонахъ; въ этомъ смыслѣ уже и возбуждены ходатайства нѣкоторыми гимназіями. Съ вновь поступающихъ пансіонеровъ, сверхъ платы за содержаніе, взимается отъ 40 до 50 р. на первоначальное обзаведеніе“ (стр. 8).

взваливаетъ ее *цѣлкомъ* на духовно-учебныя заведенія. „Обличители духовенства, пишетъ газета, мало знакомы съ тѣмъ, какъ обстоитъ дѣло. Въ семинаріяхъ воспитываются по преимуществу дѣти сельскаго духовенства, крестьянъ или разночинцевъ, также живущихъ не въ городѣ. Мальчика отвозятъ въ духовное училище 10-ти иногда 9 лѣтъ, и съ этой поры вліяніе семьи на него совершенно (?!) прекращается, ибо онъ видится съ нею только въ рождественскія и лѣтнія кашкулы. И такъ продолжается самое меньшее 10 лѣтъ“. Проводя въ школьныхъ стѣнахъ всѣ переходные возрасты отъ дѣтства къ отрочеству и юности, воспитанникъ „все это время совершенно (?!) лишенъ вліянія семьи, ибо можетъ ли короткій промежутокъ каникулярнаго времени пребыванія подъ роднымъ кровомъ оставить прочныя слѣды на душѣ ребенка или подростка?“

Роль семьи переходитъ къ другимъ факторамъ—товариществу и начальствующему персоналу. Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что послѣднее отстранилось отъ своихъ обязанностей и предоставило воспитательную часть исключительно товариществу, подъ вліяніемъ котораго и складывается нравственная личность и міросозерцаніе ученика“... „Если нѣкоторые ректора и стараются энергично бороться съ дурными сторонами семинарской жизни, то преподавательскій персоналъ считаетъ это внѣ своихъ обязанностей и почему-то убѣжденъ, что его отношенія къ ученикамъ исчерпываются спрашиваньемъ въ очередь. Есть и такіе „профессора“ и представители инспекціи, которые, ради дешевой популярности, готовы преклониться предъ главарями революціонныхъ кружковъ и ради ихъ одобренія въ присутствіи учениковъ издѣваются надъ училищнымъ начальствомъ или тѣми учениками, которые находятъ въ себѣ рѣшимость идти противъ теченія“.

Кто знакомъ съ жизнію нашихъ семинарій, тотъ не можетъ не признать въ словахъ газеты „Колоколь“ много горькой правды.

Но глубоко, по нашему мнѣнію, ошибается „Колоколь“, снимая всякую отвѣтственность за семинарскія волненія съ родителей, полагая что въ духовной средѣ въ настоящее время все благополучно, думая, что духовная семья совершенно лишена возможности вліять на своихъ дѣтей, отданныхъ въ училище.

Если бы нужно было указать главный недугъ жизни современнаго духовенства, который отражается пагубно и на воспитаніи дѣтей, то это будетъ обмирщеніе, отсутствіе пастырскаго идеализма, уменьшеніе церковности. Что это такъ, доказываетъ хотя бы такое явленіе. Наше городское духовенство, обеспеченное, прекрасно обставленное, болѣе развитое, читающее и мыслящее, казалось бы болѣе сельскаго должно ревновать о славѣ Церкви и служеніе ей почитать за великое счастье, какое только возможно на землѣ. Такъ, быть можетъ, и бываетъ на словахъ, а на дѣлѣ 99% городскихъ священниковъ отдають дѣтей своихъ въ гимназіи, реальные училища; въ духовныя училища, если и опредѣляютъ своихъ дѣтей, то убогенькихъ, успѣхъ которыхъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ весьма сомнителенъ. Почему же такъ, какова причина и мотивы? Разные, а самый главный, тотъ, что горекъ уже кажется родителямъ іерейскій хлѣбъ, и сладостны тѣ перспективы, какія открываетъ свѣтская школа для своихъ болѣе способныхъ и удачливыхъ учениковъ. Словесные мотивы этого явленія слышатся самые разнообразныя, а основная причина одна, сей часъ нами указанная.

Что укладъ жизни современнаго духовенства далекъ не только отъ идеала, но и отъ той простоты, какою отличалась жизнь нашихъ предковъ, это и въ достаточной мѣрѣ разъяснено беллетристикой, и непосредственное наблюденіе каждаго свидѣтельствуетъ о томъ; черезъ это страдаетъ и воспитаніе нашей молодежи. „Подолія“ о домашнемъ воспитаніи въ нашемъ духовномъ быту отзывается такъ: „Наше духовенство въ большинствѣ случаевъ проявляетъ удивитель-

ное равнодушіе къ педагогическимъ вопросамъ. Въ каждой священнической семьѣ можно найти какой-либо модный свѣтскій журналъ, но часто въ цѣломъ благочинническомъ округѣ не сыщешь ни одного нумера педагогическаго журнала. Пѣтъ у нашего духовенства интереса къ вопросамъ воспитанія, а потому и ведется оно несмысленно и случайно, — и дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, растутъ безъ надлежащаго нравственнаго руководства“... Вопросъ, добавляють „Церковныя Вѣдомости“ къ сказанному, поднятый „Подолоіей“, заслуживаетъ особаго вниманія духовенства. Вѣдь нужно сказать по истинѣ, что ни въ одной сколько-нибудь культурной семьѣ не удѣляется такъ мало вниманія домашнему воспитанію, какъ въ нашей духовной средѣ. Удивительно ли, что бурсачество, полная неспособность къ повиновенію училищнымъ порядкамъ и въ особенности поразительная грубость составляютъ темное пятно въ нашей училищной жизни и именно въ низшихъ классахъ, куда являются мальчики, только что вышедшіе изъ семейной среды“¹⁾.

Можно ли говорить о томъ, что духовная семья лишена всякой возможности вліять на своихъ дѣтей, учащихся въ духовныхъ школахъ, если эти дѣти проводятъ дома почти треть года? Если принять во вниманіе авторитетъ родителей въ глазахъ дѣтей, дѣтскую откровенность съ родителями, если, съ другой стороны, обратить вниманіе, что воспитывающее вліяніе училищной корпораціи простирается на сотни дѣтей, то во всякомъ случаѣ необходимо признать, что вліяніе семьи и школы будетъ по силѣ почти равно. Къ сожалѣнію, вліяніе семьи иногда бываетъ прямо отрицательнымъ. Какъ всего чаще смотритъ большинство родителей, особенно сердобольныхъ, простоватыхъ маменекъ, на дѣтей, прибывшихъ изъ школы на лѣтнюю побывку на каникулы? — Какъ на мучениковъ, которые въ училищѣ не знали ласки, добраго слова не слышали, отъ голода, холода, несправедли-

¹⁾ Церковныя Вѣдомости 1909, № 50. Прибавленія, стр. 2374.

востей всякихъ настрадались. По традиціи такой взгляды идетъ отъ старой бурсы, отъ помяловщины, которой теперь уже и въ поминѣ не стало. Отсюда каникулярное время — сугубое кормленіе, полное отдохновеніе и полная свобода отъ всякаго труда. Въ то время какъ у свѣтскихъ (особенно это нужно сказать о нѣмцахъ) каникулы тратятся на болѣе основательное приготовленіе пройденнаго въ школѣ, на изученіе того, что имѣетъ быть изучаемо въ слѣдующемъ классѣ, иногда на предметы, вовсе не изучаемые въ школѣ, — музыку, языки; рисованіе, — духовное юношество тратитъ каникулы зря, безъ толку, лишь у нѣкоторыхъ каникулярное время наполняется чтеніемъ и то бессистемнымъ, того, что подвернется подъ руку. Мнимыя тяготы семинарскаго существованія пользуются полнымъ довѣріемъ родителей по традиціи; понятно, что молодежь нерѣдко къ былямъ прибавляетъ цѣлую кучу небылицъ съ понятной цѣлью — разжалобить родителей, вытянуть изъ тощаго родительскаго кармана лишній рубль на приватное улучшеніе пищи (на самомъ дѣлѣ рубли эти идутъ далеко не на щипу). Грустно, а порою и стыдно бываетъ слушать, какъ въ духовной средѣ критикуется жизнь семинаріи, особенно экономическая сторона ея, и какъ люди, уже пожившіе иногда съ видимымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ выслушиваютъ всякій вздоръ о червяхъ въ ѣдѣ, о гниломъ мясѣ, и т. д. И рѣдко находится мужественный человѣкъ, который скажетъ, что трудно на скудные гроши кормить пирожнымъ и что на восковыя свѣчки, какія приносить мозолистая рука бѣдняка, нельзя и права мы не имѣемъ заводить особой роскоши въ нашихъ школахъ. Юношескіе пороки — какъ куреніе табаку, вниопитіе — наслѣдуются не только отъ школы, но и отъ семьи; вліяніе въ этихъ вопросахъ наслѣдственности — фактъ общепризнанный.

Большинство семинарскихъ волненій приходится на рождественскій и Великій постъ, и это не случайно. Въ семинаріяхъ посты соблюдаются строго и скоромный столъ даже

частный преслѣдуется. Молодежь, утомленная продолжительной учебной четвертью, ослабѣваетъ и начинаетъ выражать свои протесты противъ стола по понятной причинѣ—потому что не приучена вообще къ посту, *не приучена прежде всего дома.*

Въ духовномъ кругу постъ для родителей еще существуетъ, но для „паничей“—какой же постъ? Это даже любой деревенскій мужикъ знаетъ, что паничей въ школѣ морили голодомъ, много пришлось поднять труда, и имъ скоромнымъ нужно подправить ослабѣвшія силы.

По старымъ традиціямъ въ духовенствѣ нѣтъ довѣрія къ своей школѣ и это не можетъ не отражаться дурно и на молодежи? Большинство епархіальныхъ сѣздовъ, гдѣ собирается цвѣтъ духовенства, для начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній—это пытка, гдѣ приходится выслушать самые недвусмысленные намеки, упреки, предположенія, требованія. Въмѣсто того, чтобы широко и всесторонне освѣтить жизнь училища, столкнуться съ училищнымъ начальствомъ относительно согласной дѣятельности въ дѣлѣ воспитанія, большинство сѣздовъ занимается тѣмъ, что отыскиваетъ—и въ этомъ полагаетъ свою главную цѣль—малѣйшіе дефекты въ экономической сторонѣ жизни училищъ. Такое настроеніе сѣздовъ неизбежно отражается и на настроеніи дѣтей; скрыто и незамѣтно, помимо воли самихъ сѣздовъ, громовымъ рѣчамъ на сѣздахъ, нѣкоторое время спустя, сопровождаютъ разбиваемыя стекла, грубости начальству, протесты противъ лицъ, не угодившихъ сѣздамъ и воспитанникамъ. Какъ вообще покладисты сѣзды и снисходительны къ дѣтямъ, показываетъ хотя бы резолюція Кіевск. сѣзда, высказавшаго пожеланіе о томъ, чтобы неуспѣвающимъ ученикамъ разрѣшено было сидѣть въ одномъ классѣ по три ¹⁾ года:

¹⁾ Въ постановленіи сѣзда говорится объ оставленіи на *второй* годъ. Это постановленіе сдѣлано въ виду тѣхъ мѣръ предупрежденія, какія предприняло духовно-учебное заведеніе, котораго касается это поста-

вѣдь это есть не что другое, какъ полное содѣйствіе всякой бездарности и лѣни за счетъ болѣе способныхъ учениковъ.

Таковы мысли, вызываемыя газетными разговорами о семинарскихъ волненіяхъ. Пожеланія, какія мы могли бы высказать духовной школѣ, въ цѣляхъ ея оздоровленія, слѣдующія.

Чѣмъ больше будетъ въ духовенствѣ святой ревности, идеализма и любви къ своему дѣлу, чѣмъ выше духовенство будетъ ставить и понимать свое служеніе, тѣмъ меньше будетъ волненій въ семинаріяхъ, тѣмъ больше дѣти будутъ дорожить семинаріей и той тернистою, святою дорогою, какую она открываетъ. Въ разсужденіяхъ о реформѣ семинарій, о превращеніи ихъ въ общеобразовательныя учрежденія, о широкой дорогѣ семинаристовъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія необходимо духовенству помнить, что это вопросъ не только его личный, или вопросъ благополучія и карьеры одного Серези или Миши, но вопросъ всей Церкви, *всего русскаго пастырства*, что для общеобразовательной школы Церковь средствъ давать не будетъ, да для общеобразовательнаго дѣла есть и болѣе компетентное учрежденіе—Министерство Народнаго Просвѣщенія: учрежденія его и теперь открыты для всѣхъ желающихъ. Въ этомъ духѣ духовенство должно бы дѣйствовать и на молодежь, и усиленное вліяніе его несомнѣнно имѣло бы свои добрые результаты. Полезно было бы расширить компетенцію епархіальныхъ съѣздовъ духовенства и на педагогическую сторону жизни духовно-учебныхъ заведеній ¹⁾, такъ какъ теперь она сужена только

новленіе, и въ силу каковыхъ мѣръ неисправимо лѣнныя ученики увольнялись изъ заведенія въ первый годъ обученія въ томъ или другомъ классѣ. Но все же постановленіе съѣзда играетъ въ руку лѣнныимъ ученикамъ и ихъ родителямъ. Практика показала, что предпринятые мѣры предупрежденія принесли и приносятъ великую пользу самимъ же учащимся и ихъ родителямъ: неуспѣвающихъ воспитанниковъ теперь совсѣмъ мало, тогда какъ раньше ихъ было безъ числа.

Ред.

¹⁾ Едва-ли отъ этого была-бы польза: надо жить жизнью заведенія, чтобы съ пользою направлять и исправлять ее.

Ред.

сферой экономическихъ вопросовъ, при чемъ расширение это должно быть направлено не на отрицательную только сторону и критику существующаго, а и на положительную—на созданіе возможно лучшихъ условій для педагогическаго дѣла.

Во внѣшнемъ строѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній есть не мало сторонъ, исправленіе которыхъ благотворно вліяло бы на семинарскую молодежь. Нѣтъ особыхъ резонныхъ основаній въ пользу, напримѣръ, того, чтобы наши духовно-учебныя заведенія усиленно насаждать въ крупныхъ административныхъ центрахъ, иногда даже по нѣсколькѣ одного и того же типа. Гораздо скромнѣе, серіознѣе, развитѣе и трудолюбивѣе выходятъ юноши изъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній, чѣмъ столичныхъ, хотя и уступаютъ послѣднимъ въ лоскѣ, „натертости“ и пронырливости. Это особенно замѣтно въ духовныхъ академіяхъ, гдѣ собирается молодежь изъ разныхъ епархій. Самое содержаніе учебныхъ заведеній обходится гораздо дешевле въ провинціи, чѣмъ въ крупныхъ городахъ.

Отвѣтственность за всякіе непорядки и нестроенія, особенно въ дѣлѣ воспитанія, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ трудно возлагать на всю педагогическую корпорацію, такъ какъ съ учителей, обремененныхъ множествомъ уроковъ, заваленныхъ письменными работами нельзя же требовать двойной работы. Гораздо раціональнѣе всю отвѣтственность *вполнѣ* возложить на начальниковъ заведеній, но за то имъ должна быть предоставлена и вся полнота власти и правъ въ организаціи порядка и надзора за учащимися, въ выборѣ для школы педагоговъ и въ удаленіи тѣхъ изъ нихъ, которые по своимъ качествамъ будутъ оказывать вредное вліяніе на учащихся.

Институтъ помощниковъ инспектора, существующій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, едва ли можетъ быть признанъ отвѣчающимъ своему назначенію. Обычно на эту должность назначается зеленая молодежь, только что вышедшая изъ-за школьной семьи, сама еще не вполнѣ опредѣливша-

яся; на свою службу такіе педагоги смотрять только какъ на временную переходную ступень. Воспитательныя функціи помощниковъ инспектора сведены въ настоящее время къ *minimum*'у, выражаясь исключительно въ надзорѣ за внѣшнимъ поведеніемъ учащихся. Между тѣмъ для воспитанія необходимо, чтобы воспитатель любилъ и вполнѣ отдавался своему дѣлу, постоянно былъ при ученикахъ, жилъ съ ними одною жизнію, смотрѣлъ на свое дѣло какъ на жизненный подвигъ, удѣлъ, данный ему отъ Бога. По нашему мнѣнію, воспитатель долженъ бы быть по крайней мѣрѣ для каждаго класса семинаріи, а если два или нѣсколько отдѣленій въ классѣ, то для каждаго отдѣленія класса, *жить вмѣстѣ съ учениками, раздѣлять вмѣстѣ съ ними столъ*, быть вполнѣ педагогомъ, подъ вліяніемъ, а не только подъ надзоромъ котораго долженъ быть каждый шагъ, всякая мысль, настроеніе учащагося. Не полезнѣ ли были бы въ этомъ случаѣ вдовыя священники, лучшіе, какіе могутъ найтись въ епархіи, и лица монашествующіе, которыми въ настоящее время не бѣдны наши академіи ¹⁾?

Для поднятія пастырскаго духа въ молодежи полезны были бы пастырскіе кружки семинаристовъ, во главѣ, на примѣръ, съ духовниками семинарій, гдѣ будущіе пастыри обмѣнивались бы своими наблюденіями надъ пастырской жизнію дѣятельностію, слышали бы живое слово и призывъ къ пастырскому дѣланію и подвигу.

Священникъ В. П.

¹⁾ Да, въ настоящее время дѣло помощниковъ инспектора сведено къ внѣшнему надзору за учащимся. Но этотъ институтъ былъ бы вполнѣ цѣлесообразнымъ и полезнымъ, если бы помощниковъ было столько, чтобы каждый помощникъ завѣдывалъ отдѣльнымъ классомъ или отдѣленіемъ класса, а не какъ теперь, когда на 500—600 воспитанниковъ—четыре помощника инспектора.

Законодательство о расторженіи браковъ православныхъ христіанъ и проекты его преобразованія.

(Продолженіе ¹⁾).

Еще въ 1870 г. особый Комитетъ, учрежденный согласно Высочайшему соизволенію послѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ 1864 г., въ своемъ проектѣ преобразованія духовно-судебной части указывалъ на недостатки бракоразвода. Но какъ только-что указанный Комитетъ, такъ и современныя ему пресса и общество средство исправленія существовавшихъ недостатковъ видѣли въ томъ, чтобы передать дѣла прелюбодѣянія въ судъ свѣтскій и оставить за судомъ духовнымъ самый фактъ развода. Исходя изъ соображеній что 1) дѣла прелюбодѣянія по самому своему характеру и существу суть дѣла свѣтскаго, а не духовнаго суда; что 2) производство дѣла по прелюбодѣянію въ свѣтскомъ судѣ, при наличности у него большаго числа способовъ для правильнаго удостовѣренія факта прелюбодѣянія, имѣетъ больше гарантій за успѣхъ и правильность изслѣдованія; что 3) съ передачею этихъ дѣлъ въ свѣтскіе суды нисколько не колеблется церковный характеръ брака, какъ таинства, ибо свѣтскій судъ изслѣдуетъ лишь фактъ прелюбодѣянія и постановляетъ о немъ свой приговоръ, а разводъ или отказъ въ немъ остаются прерогативою Церкви; и что, наконецъ 4) производство дѣлъ о разводѣ по прелюбодѣянію (какъ и по неспособности къ брачному сожитію) будетъ совершаться сходно съ производствомъ дѣлъ о бракахъ, заключенныхъ по обману, насилію или въ сумасшествіи,—дѣлъ, вчиняемыхъ и разсматриваемыхъ въ уголовномъ судѣ и духовному суду подлежащихъ только въ послѣдней инстанціи процесса—въ рѣшеніи вопроса дѣйствительности или недѣйствительности брака,—коми-

¹⁾ См. № 4-й за 1910-й г.

тетъ выработалъ слѣдующій порядокъ производства дѣлъ о расторженіи браковъ по неспособности къ супружеской жизни и по прелюбодѣянiю.

1) Просьбы о расторженіи брака по неспособности одного изъ супруговъ къ брачной жизни обращаются къ епархіальному архіерею, который дѣлаетъ распоряженіе объ увѣщаніи супруговъ, чтобы они остались въ брачномъ союзѣ. Если увѣщаніе не достигнетъ цѣли, предоставляется супругу-просителю обратиться въ судъ свѣтскій, который, въ случаѣ признанія дѣйствительной неспособности оговоренной въ ней супруга, сообщаетъ свое опредѣленіе епархіальному архіерею для расторженія брака.

2) Желаящіе расторженія брака по нарушенію святости онаго прелюбодѣянiемъ обращаются къ епархіальному архіерею, который дѣлаетъ распоряженіе объ увѣщаніи супруговъ къ примиренію. Если увѣщаніе окажется безуспѣшнымъ, предоставляется супругу-просителю обратиться въ судъ свѣтскій, который постановляетъ рѣшеніе по обвиненію въ прелюбодѣянiи и, въ случаѣ признанія событія прелюбодѣянiя доказаннымъ, сообщаетъ копію съ этого рѣшенія архіерею. Архіерей вновь дѣлаетъ распоряженіе объ увѣщаніи супруговъ къ примиренію, и, если примиреніе не послѣдуетъ, распоряжается о расторженіи брака.

Составленный комитетомъ проектъ былъ разосланъ на заключеніе въ духовныя консисторіи и епархіальнымъ архіереямъ. Съ мнѣніемъ комитета, выраженнымъ въ проектѣ, согласилось меньшинство какъ консисторій, такъ и епарх. архіереевъ. Вопросъ о передачѣ дѣлъ о прелюбодѣянiи суду свѣтскому разсматривался въ Синодѣ, и мнѣнія здѣсь по нему также раздѣлились. Для устраненія разногласія оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Толстой далъ Св. Синоду согласительное предложеніе, для насъ имѣющее значеніе благодаря тѣмъ сравнительно новымъ доводамъ въ пользу проекта, какія въ немъ (согласительномъ предложеніи) приведены. Противники даннаго проекта мотивировали неприемлемость его

такъ: „Доколѣ бракъ признается таинствомъ церковнымъ, соединяющимъ брачущихся въ плоть едину (Матѣ. 19, 5) на всю жизнь, при твердой вѣрѣ, что „еже Богъ сочета, чело-вѣкъ да не разлучаетъ (— 6), дотолѣ дѣла о расторженіи браковъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не могутъ быть изъяты изъ вѣдомства суда духовнаго и переданы въ вѣдомство суда свѣтскаго“. Оберъ-прокуроръ Синода въ согласительномъ предложеніи приводитъ такія данныя противъ только что приведенной мотивировки о неприемлемости проектируемой реформы: „До учрежденія у насъ Св. Синода всѣ дѣла брачныя подлежали исключительно духовной власти, а въ 1722 году Петръ Великій предоставилъ свѣтскому суду дѣла о насильственномъ къ браку восхищеніи, о кровосмѣшеніи и о посяганіи къ женитьбѣ дѣтей безъ воли родителей. Затѣмъ, по закону 18 ноября 1836 года, свѣтскому уголовному суду переданы дѣла о многобрачїи, а по закону 6 февр. 1850 года дѣла о брачныхъ сопряженіяхъ, совершившихся въ сумасшествїи одного или обоихъ брачавшихся.

Согласительнымъ предложеніемъ оберъ-прокурора Св. Синода разногласіе между членами Св. Синода не было устранено.

Послѣ странствованія въ Министерствѣ Юстиціи, куда проектъ былъ отправленъ согласно Высочайшему повелѣнію, прекращается исторія даннаго проекта.

Идея, положенная въ основаніе реформы законодательства о разводѣ, проектированной Комитетомъ 1870 года, благодаря своей жизненности, не умерла. 6-го марта 1902 года была учреждена по всеподаннѣйшему докладу министра юстиціи особая комиссія при этомъ министерствѣ съ участіемъ двухъ представителей отъ духовнаго вѣдомства. Цѣль ея учрежденія—пересмотръ дѣйствующихъ въ отношеніи лицъ православнаго исповѣданія правилъ производства дѣлъ о расторженіи браковъ по прелюбодѣянїю супруговъ. Проектированный этой комиссіей порядокъ производства дѣлъ о расторже-

ни браковъ вслѣдствіе прелюбодѣянiя очень напоминаетъ по своей идеѣ проектъ реформы бракоразводнаго законодательства, составленный Комитетомъ 1870 года.

По проекту Комиссiи 1902 года „дѣло начинается подачею окружному суду просьбы супругомъ, требующимъ развода. Искъ предъявляется по общимъ правиламъ Уст. гр. судопр., т. е. по мѣсту жительства отвѣтчика; но по просьбѣ обѣихъ сторонъ, а также и одной, дѣло можетъ быть переведено въ судъ по мѣсту совершения прелюбодѣянiя. Вслѣдъ за подачею въ окружной судъ искового прошенiя, истецъ подаетъ духовному начальству той епархіи, въ которой живетъ супругъ просителя, заявленіе о производствѣ увѣщанiя супругамъ прекратить несогласіе и продолжать оставаться въ брачномъ союзѣ. Увѣщаніе производится по порученію епархіальнаго начальства довѣреннымъ лицомъ, по возможности обомъ супругамъ совмѣстно, для чего духовное лицо въ правѣ вызывать супруговъ къ себѣ при содѣйствіи мѣстной полиціи. Увѣщанiя могутъ быть производимы не далѣе, какъ въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ со времени дачи дѣлу движенiя. Когда увѣщанiя: а) не достигнутъ своей цѣли, или б) въ продолженіе означеннаго срока не будутъ окончены, либо г) вовсе не будутъ произведены, тогда епархіальное начальство выдаетъ о томъ удостовѣреніе для предъявленiя въ гражданскій судъ. По представленіи истцемъ вышеупомянутаго удостовѣренiя, судъ приступаетъ къ производству по дѣлу, каковое, не исключая и провозглашенiя резолюціи, происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. По встрѣчному иску отвѣтчика о совершенiи самимъ истцемъ прелюбодѣянiя, какъ повода къ разводу, особаго обряда увѣщанiя духовною властью къ примиренію не производятся. Если окончательнымъ рѣшеніемъ гражданскаго суда въ искѣ будетъ отказано, то дѣло въ семь судѣ и оканчивается. Въ случаѣ же, если гражданскимъ судомъ признана будетъ наличность учиненнаго однимъ или обоими супругами прелюбодѣянiя, то, по вступленіи въ законную силу рѣшенiя гра-

жданскаго суда, рѣшеніе сообщается въ епархіальный судъ, по мѣсту жительства отвѣтчика,—о чемъ и увѣдомляются стороны. вмѣстѣ съ рѣшеніемъ сообщаются епархіальному суду свѣдѣнія о мѣстожительствѣ сторонъ. По полученіи рѣшенія изъ гражданскаго суда, епархіальный судъ постановляетъ рѣшеніе о разводѣ, если не имѣется основаній къ прекращенію дѣла: за смертью одной изъ сторонъ, или за признаніемъ брака недѣйствительнымъ, или за примиреніемъ. При расторженіи брака, виновный супругъ или оба супруга, если они оба оказываются виновными, подвергаются эпитиміи по церковнымъ правиламъ. Рѣшенія епархіальнаго начальства по дѣламъ о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія объявляются сторонамъ не позже, какъ черезъ три мѣсяца со времени полученія рѣшенія гражданскаго суда. На рѣшеніе епархіальнаго начальства недовольный онымъ супругъ имѣетъ право принести въ 2-хъ мѣсячный срокъ жалобу Свят. Синоду. Рѣшеніе епархіальнаго начальства о расторженіи брака вступаетъ въ законную силу и приводится немедленно въ исполненіе (т. е. безъ представленія на утвержденіе Свят. Синода)¹⁾: 1) когда въ установленный срокъ не подана въ Синодъ жалоба, и 2) когда, при разсмотрѣніи принесенной жалобы, рѣшеніе утверждено Св. Синодомъ. Супругъ не въ правѣ просить о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія: а) если онъ ранѣе возбудилъ дѣло о наказаніи виновнаго супруга по уголовнымъ законамъ и б) если прелюбодѣяніе совершено супругомъ по побужденію другого супруга, домогающагося развода, или съ его согласія. Искъ о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія можетъ быть предъявленъ лишь до истеченія одного года съ того времени, когда нарушеніе супружеской вѣрности стало извѣстнымъ истцу. Искъ о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія не допускается по прошествіи 10

¹⁾ По дѣйствующему законодательству всѣ дѣла о разводѣ, за исключеніемъ дѣлъ о разводѣ по лишенію всѣхъ пр. сост. и ссылкѣ въ Сибирь, представляются на утвержденіе Свят. Синода.

лѣтъ со времени совершения прелюбодѣянiя... На все время производства дѣла о расторженiи брака вслѣдствiе прелюбодѣянiя какъ въ гражданскомъ, такъ и въ духовномъ судѣ, гражданскiй судъ, по ходатайству одного изъ супруговъ можетъ разрѣшить супругамъ жить раздѣльно“ (Церк. Вѣд. за 1907 г. прилож. къ № 11 стр. 103).

Въ оправданiе этихъ преобразованiй комиссiя въ объяснительной запискѣ приводитъ мотивы, нѣсколько напоминающiе мотивы, высказанные Комитетомъ 1870 года въ пользу проектированной имъ реформы. „Въ преобразованныхъ свѣтскихъ судахъ, говорится въ запискѣ комиссiи, въ противоположность старымъ судебнымъ установленiямъ, рѣшенiе дѣлъ предоставлено свободному внутреннему убѣжденiю судей съ освобожденiемъ ихъ отъ стѣснительныхъ правилъ оцѣнки доказательствъ и юридической квалификацiи подлежащихъ обсужденiю судей фактовъ. При такомъ способѣ рѣшенiя дѣлъ, законодатель, очевидно, долженъ былъ рассчитывать, главнымъ образомъ, на судей юридически образованныхъ и обладающихъ судебнымъ и житейскихъ опытомъ, а потому могущихъ съ успѣхомъ разобраться въ вопросахъ права, и поставленныхъ въ живое и постоянное соприкосновенiе съ жизнью и обычаемъ. Этими условiямъ въ отношенiи дѣлъ о разводѣ по прелюбодѣянiю духовные суды не удовлетворяютъ и удовлетворять вполнѣ не могутъ. Между тѣмъ, компетентность свѣтскаго суда, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, собственно для изслѣдованiя факта прелюбодѣянiя, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнiя. Прелюбодѣянiе по своему существу, какъ нарушенiе извѣстной правовой нормы, есть явленiе строго юридическаго характера, и фактически рѣшенiе вопроса о томъ, совершено ли прелюбодѣянiе, производится и нынѣ свѣтскими судами—отчасти уголовными, въ случаѣ просьбы со стороны оскорбленнаго супруга о наказанiи по уголовнымъ законамъ, отчасти же—гражданскими, при разсмотрѣнiи дѣлъ о признанiи ребенка прижитымъ въ прелюбодѣянiи (согласно п. 2 ст. 132 зак. гражд. и ст.

1346—1356 Уст. гражд. судопр.), а также дѣль о расторженіи браковъ у раскольниковъ (ст. 1356 того же Уст.) и у лицъ нѣкоторыхъ христіанскихъ и всѣхъ нехристіанскихъ исповѣданій въ Варшавскомъ судебномъ округѣ (ст. 1619 тамъ же), при чемъ никакихъ нареканій на дѣятельность свѣтскаго суда по этимъ дѣламъ не возникаетъ“. Предугадывая старое возраженіе противниковъ передачи дѣль прелюбодѣянія въ судъ свѣтскій, утверждающихъ, что предполагаемая реформа несогласна съ понятіемъ брака, какъ таинства церковнаго, комиссія 1902 года въ своей объяснительной запискѣ заявляетъ, что она „не можетъ съ своей стороны не считаться съ руководящимъ положеніемъ самаго понятія о бракѣ, какъ таинствѣ Православной Церкви, совершаемомъ и расторгаемомъ духовною властью согласно церковнымъ правиламъ и постановленіямъ закона, твердо укоренившимся притомъ въ сознаніи русскаго народа. Высказываясь, во вниманіе къ приведенному руководящему соображенію, за необходимость и въ будущемъ сохранить за духовною властію самое расторженіе брака, комиссія полагала, что указаннаго начала нисколько не колебала бы передача въ свѣтскій судъ производства одного изслѣдованія о наличности прелюбодѣянія и предоставленіе сему суду постановлять окончательныя рѣшенія лишь объ отказѣ въ искѣ за отсутствіемъ означеннаго событія, либо его недоказанностью“...

Кромѣ передачи бракоразводныхъ дѣль по прелюбодѣянію въ вѣдѣніе суда свѣтскаго,—что было проектировано раньше комитетомъ 1870 года,—комиссія 1902 года предлагала внести въ бракоразводный процессъ слѣдующія измѣненія: во-первыхъ, ограничить временемъ такъ называемое пастырское увѣщаніе супруговъ; во-вторыхъ, предоставить епархіальному духовному суду рѣшать дѣла о разводѣ по прелюбодѣянію безъ утвержденія Св. Синода (въ настоящее время дѣла о разводѣ по прелюбодѣянію представляются на утвержденіе Св. Синода); въ Синодъ же дѣла о разводѣ по прелюбодѣянію, по проекту комиссіи, переносятся въ случаѣ

поступленія жалобы заинтересованной стороны; для подачи таковой жалобы установленъ двухмѣсячный срокъ. Въ-третьихъ, комиссія предлагаетъ опредѣлить срокъ вчиненія иска, — именно: искъ о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія можетъ быть предъявленъ до истечения года съ того времени, когда нарушеніе супружеской вѣрности стало извѣстнымъ истцу. И, наконецъ, въ-четвертыхъ, комиссія предлагаетъ подчинить десятилѣтней давности дѣла о разводѣ по прелюбодѣянню, такъ что искъ о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія не допускается, по проекту комиссіи, по прошествіи десяти лѣтъ со времени совершенія прелюбодѣянія.

Павелъ Прокоповичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жизнь Иисуса—легенда или историческій фактъ?

(Продолженіе ¹⁾).

3. Штраусовскій способъ изображенія.

Богословамъ 17-го и 18-го столѣтія не доставало историческаго чутья; они разсматривали религіозные вопросы съ точки зрѣнія разума. Наше время, наоборотъ, придаетъ большое значеніе историческимъ изслѣдованіямъ. Препрежнее ученіе объ Иисусѣ Христѣ оно замѣнило вопросомъ, соответствуетъ ли исторіи личность Иисуса. Можно ли смотрѣть на Иисуса Христа, какъ на историческую личность? Вотъ вопросъ, который теперь разбирается. Уваженіе къ историческимъ фактамъ въ настоящее время очень велико, и это совершенно справедливо. Всѣ должны преклоняться передъ фактами. Фактъ заключаетъ въ себѣ нѣчто настолько могущественное и покоряющее, что съ твердымъ его установленіемъ исчезаетъ возможность несогласія и противорѣчія. Однимъ, твер-

¹⁾ См. № 4-й за 1910 г.

до установленных фактомъ можно опровергнуть груду противоположныхъ мнѣній. Поэтому борьба умовъ перешла отъ логическихъ доказательствъ и научныхъ построений къ фактамъ. Здѣсь происходитъ самая горячая борьба, и Штраусъ былъ однимъ изъ первыхъ, призывавшихъ къ этой битвѣ. Единственной его цѣлью было устраненіе библейскихъ фактовъ. Всю энергію своей жизни онъ вложилъ въ эту борьбу. Если бы библейскіе факты оказались недостоверными, то больше не потребовалось бы никакихъ доказательствъ, и догматическое христіанство получило бы смертельный ударъ. Штраусъ тремя путями старался достигнуть своей цѣли: критикой Библии, отрицаніемъ чудесъ и введеніемъ понятія о мифѣ.

Посмотримъ, какъ онъ велъ свои доказательства.

На безпристрастнаго читателя четыре евангелія производятъ двойственное впечатлѣніе: во-первыхъ, — впечатлѣніе соотвѣтствія, такъ какъ онѣ повѣствуютъ намъ объ одной и той же жизни Іисуса, объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и рѣчахъ, согласуясь даже въ словесной передачѣ; но съ другой стороны, они производятъ впечатлѣніе сильнаго различія, причемъ не только первыя три евангелія отличаются отъ Іоаннова, но и всѣ они различаются между собой. Къ этому нужно прибавить, что въ одномъ и томъ же евангеліи по два раза повторяются однѣ и тѣ же событія и рѣчи. Благодаря этому, для толкователей писанія возникаютъ трудности и задачи, рѣшеніе которыхъ безпрестанно занимаетъ богословскую науку. Для того, чтобы выставить повѣствованіе евангелистовъ въ недостоверномъ свѣтѣ, Штраусъ открылъ цѣлый походъ противъ ихъ мнимыхъ противорѣчій. Всѣ различія, всѣ повторяющіеся рассказы, всѣ необъясненные и, благодаря отдаленности временъ, вѣроятно, совершенно необъяснимые факты—все это истолковывалось въ худую для повѣствованій сторону; всѣ библейскія и внѣбиблейскія свидѣтельства о подлинности и достоверности евангелій пренебрегались или, если это было возможно, пере-

толковывались такимъ образомъ, что совершенно лишались убѣдительности. Результаты этой критической работы были для евангелій рѣшительными: ни одно изъ нихъ не было признано истиннымъ и апостольскимъ, всѣ они разсматривались, какъ записки людей, которые сами стояли вдали отъ всѣхъ этихъ событій, и къ нѣкоторымъ истиннымъ фактамъ и рѣчамъ прибавляли всевозможныя сказочныя подробности, а полученные такимъ образомъ рассказы украшали еще произведениями собственной фантазіи. Такимъ путемъ пришелъ Штраусъ къ выводу, что наши евангелія представляютъ собою позднѣйшее изложеніе мифовъ, образовавшихся черезъ 100 лѣтъ послѣ смерти Іисуса.

Въ предѣлахъ нашей статьи, конечно, невозможно изложить шагъ за шагомъ всѣ безчисленныя возраженія Штрауса, да въ этомъ и нѣтъ необходимости. Достаточно будетъ показать на одномъ маленькомъ примѣрѣ, какъ сомнителенъ казался Штраусу впослѣдствіи, въ часы критики самого себя, его собственный критическій методъ, чтобы каждый убѣдился, что Штраусъ самъ произнесъ приговоръ надъ своей библейской критикой.

Выше всего ставилъ Штраусъ первое евангеліе, хотя оно, по его мнѣнію, конечно, было написано не Маттеемъ, а связано съ его именемъ потому, что „тогдашній сборщикъ податей считался особенно искуснымъ въ письмѣ“.

„То обстоятельство, что нѣкоторыя исторіи въ этомъ евангеліи повторяются по два раза, напримѣръ: чудесное насыщеніе, требованіе знаменій, упрекъ, изгнаніе бѣсовъ—это вполне удовлетворительно (по Штраусу) объясняется тѣмъ, что подобныя исторіи доходили до автора изъ различныхъ источниковъ и съ различными подробностями, а поэтому считались имъ за различныя исторіи; этимъ онъ доказалъ, что умъ его былъ совершенно не критическій“ (I, 58).

Кто попытается составить себѣ наглядное представленіе объ ученіи и дѣлахъ Іисуса, тотъ не можетъ не признать, что повторенія словъ и дѣлъ Іисуса совершенно естественны

и даже до такой степени неизбѣжны, что если бы евангелія не содержали въ себѣ этихъ повтореній, то это было бы однимъ изъ доказательствъ противъ ихъ достовѣрности. Одинъ изъ выдающихся современныхъ журналистовъ сказалъ однажды: „Повтореніе это самая сильная риторическая фигура!“ Повтореніе является для учащихъ полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ, содѣйствующимъ усвоенію необходимаго учебнаго матеріала. Итакъ, мы можемъ предположить, что Иисусъ такъ же, какъ и ап. Павелъ, неоднократно повторяющій одно и тоже въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ (3, 1), часто пользовался своими важнѣйшими и прекраснѣйшими изреченіями и при всякомъ удобномъ случаѣ старался вѣдрять ихъ въ сознаніе учениковъ. Никого не должно также удивлять, что исключительно однородная манера Иисуса соединять поученія съ испѣвленіями нерѣдко приводила къ сходнымъ положеніямъ. Точно также и то обстоятельство, что по евангельскимъ повѣствованіямъ борьба съ фарисеями приводила неоднократно къ одинаковымъ или, по крайней мѣрѣ, сходнымъ результатамъ, служить однимъ изъ доказательствъ достовѣрности Евангелія. Наблюдая окружающую его дѣйствительность, Шраусъ и самъ началъ сомнѣваться въ убѣдительности выведеннаго изъ повтореній доказательства недостовѣрности Евангелія. Онъ пишетъ въ письмѣ къ своему другу Мэрклину, помѣченномъ мартомъ 1837 года, т. е. временемъ, когда выходило въ свѣтъ третье изданіе „Жизни Иисуса“: „Когда я прошлымъ лѣтомъ жилъ на берегу Боденскаго озера, я увидѣлъ въ одно воскресное утро маленькую дѣвочку, сидящую на ступенькѣ монастыря Вейнгартена и держащую на колѣняхъ маленькаго котенка; дѣвочка держала передъ котенкомъ пучекъ травы и настойчиво повторяла: „ну, кушай!“ Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я шелъ черезъ деревню, находящуюся между Лангенаргенемъ и Линдау; названіе ея я забылъ. Въ концѣ деревни находилась большая липа и подъ ней скамеечка; на скамеечкѣ сидѣлъ мальчикъ съ котенкомъ на рукахъ, а передъ котенкомъ

ползали и вытягивали рожки дюжина больших улитокъ; мальчикъ прижималъ мордочку котенка къ улиткамъ и повторялъ: „кушай же!“ Увидя это, я долженъ былъ себѣ сказать: какъ критикъ, ты бы навѣрно объявилъ это вариацией одной и той же темы“.

Подобные случаи, одинъ изъ которыхъ, описанный въ томъ же письмѣ, мы приведемъ дальше, преслѣдовали пошавшаго на путь ложной критики ученаго, какъ привидѣнія, и не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Однако, свои сомнѣнія онъ повѣрялъ только интимнымъ друзьямъ.

Второе ложное основаніе по которому Штраусъ объявилъ недостоверность евангелій, было отрицаніе описанныхъ тамъ чудесъ.

Штраусъ въ одномъ изъ писемъ къ Мерклину („Избранные письма“, изданныя Целлеромъ, стр. 183) говоритъ: „Я не историкъ, у меня все вытекаетъ изъ догматическаго, вѣрнѣе анти-догматическаго интереса“; его догматическимъ, вѣрнѣе, антидогматическимъ основоположеніемъ было отрицаніе чуда.

Въ то время, какъ послѣдователи теологіи Ритнеля занимаютъ въ вопросѣ о чудесахъ неясное и сбивчивое положеніе, а большинство, какъ Гарнакъ въ своемъ знаменитомъ объясненіи чудесъ („Сущность христіанства“, стр. 16—19), предпочитаетъ соединять отрицаніе съ утвержденіемъ, Штраусъ даетъ ясный и смѣлый отвѣтъ и этимъ выгодно отличается отъ боязливыхъ и смущенныхъ новѣйшихъ писателей. Онъ ничего не хочетъ знать о смягченіи понятія о чудесахъ, потому что, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, ослабленное чудо не есть болѣе чудо (I, 76). Онъ утверждаетъ, что чудо это такой случай, когда Богъ—или черезъ Него чудотворецъ—разрываетъ цѣпь естественныхъ событій и вводитъ нѣчто сверхъестественное (I, 74). Такого случая историческое изслѣдованіе, поскольку оно слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ, не можетъ обнаружить нигдѣ. Пусть единичное чудо удостоверяется правдивыми и честными свидѣтеля-

ми,—оно содержитъ въ себѣ такую внутреннюю неправдоподобность, что свидѣтельство даже достовѣрнѣйшаго чловѣка теряетъ свою силу. Ему можно было бы въ лицо сказать, что онъ говоритъ вздоръ. Въ общемъ, самыя достовѣрныя свидѣтельства часто обманываютъ, чему можно привести безчисленные примѣры; поэтому свидѣтельское показаніе, которому противопоставляется твердая увѣренность въ неправдоподобности утверждаемаго факта, производитъ впечатлѣніе пера, положеннаго на одну чашку вѣсовъ, тогда какъ другую чашку занимаетъ пудовая гиря. Поэтому изслѣдователь исторіи, которому приходится сталкиваться съ повѣствованіемъ о чудѣ, скорѣе допускаетъ, что этотъ фактъ не истиненъ, чѣмъ, что онъ представляетъ собой дѣйствительное чудо (I, 74—76). Разказы Библии о явленіяхъ Бога, о небесныхъ голосахъ, о предсказаніяхъ и снахъ, о появленіи ангеловъ и демоновъ, о путешествующихъ звѣздахъ, исцѣленіяхъ больныхъ, и т. д.,—все это находится внѣ области достовѣрнаго опыта. Въ мірѣ дѣйствительномъ такихъ явленій нѣтъ, здѣсь все управляется установленными Богомъ законами природы. Признаніемъ чуда отрицаются законы природы, и Богъ противорѣчитъ Самъ Себѣ.

„Иисусъ никакъ не могъ простымъ благословеніемъ умножить до грандіозныхъ размѣровъ количество пищевыхъ продуктовъ или обратить воду въ вино, а тѣмъ болѣе Онъ не могъ наперекоръ закону о тяжести ходить по поверхности воды. Воскрешать мертвыхъ невозможно, и если Онъ не былъ мечтателемъ, то не могъ пробужденіе мнимо-умершаго выдавать за воскрешеніе мертваго. Точно также немыслимо, чтобы отъ Его слова или прикосновенія исцѣлялись слѣпые, глухіе и пораженные проказой. Съ подобными утвержденіями мы встрѣчаемся въ области сказки или суевѣрія, но никогда на почвѣ историческихъ фактовъ“ (I, 137).

Изъ всѣхъ возраженій, приводимыхъ Штраусомъ противъ чудесъ, мы разберемъ только его главную мысль, что чудо нарушаетъ такъ называемую связность природныхъ явле-

ній. Мы ограничимся только нѣсколькими краткими указа-
ніями, почему мы это существенное возраженіе противъ чу-
десъ считаемъ шаткимъ.

Штраусъ утверждаетъ, что чудо противно природѣ и
разуму, такъ какъ оно нарушаетъ связность природныхъ
явленій и поэтому направлено противъ Бога, какъ Создателя
природы и ея законовъ, и что всякій, говорящій о чудѣ, го-
ворить вздоръ. Лейбницъ (умершій въ 1705 году), одинъ изъ
величайшихъ и всеобъемлющихъ мыслителей, считалъ чудо
не только возможнымъ, но и необходимымъ. Неужели и онъ
говорилъ вздоръ? Положеніе, что чудо невозможно, почерп-
нуто не изъ опыта, но изъ теоріи. Изъ того факта, что
обыкновенно чудесъ не бываетъ, нельзя заключить, что чудо
никогда не могло совершиться; это было бы отступленіемъ
отъ перваго правила логическихъ умозаключеній, гласящаго,
что отъ множественности нельзя дѣлать заключенія къ все-
общности; это значило бы принимать за основаніе то, что
должно быть доказано. Если Штраусъ думаетъ, что воля Бога
безпрестанно направлена на осуществленіе законовъ природы
въ ихъ святости, то такимъ неподвижнымъ установленіямъ
законовъ природы онъ оттѣсняетъ Бога, Законодателя, на
второй планъ. Богъ, связанный природными законами, это
уже не христіанскій, Животворящій, Свободный Богъ. Какъ
Творецъ всего міра, Богъ имѣетъ неограниченную власть въ
области природы и ея законовъ. Во всей, призванной Бо-
гомъ къ существованію, природѣ немислимо такое мѣсто или
время, гдѣ бы не присутствовалъ Всемогущій Богъ, упра-
вляющій и властвующій надъ всѣми твореніями. „Что бы это
былъ за Творецъ“, восклицаетъ Бейшлагъ, „если бы Онъ
держалъ вѣчно—запертыми двери созданнаго Имъ дома, а
Самъ пребывалъ бы внѣ его, позволяя созданнымъ Имъ ду-
хамъ разыгрывать внутри роль безконтрольных хозяевъ“.

Итакъ, если Штраусъ не признаетъ чудесъ, то мы мо-
жемъ поставить вопросъ прямо: какъ онъ относится къ раз-
сказамъ о чудесахъ въ Евангеліи? Вѣдь рассказы эти помѣ-

щены въ Евангеліи, и ихъ нужно какъ-нибудь объяснить. Нужно сознаться, что Штраусъ не пускается въ дешевыя, чтобы не сказать, вздорныя толкованія, которыя простымъ словамъ повѣствованія придаютъ совершенно другой смыслъ и до тѣхъ поръ ихъ передѣлываютъ, пока они не приобретутъ значеніе, какъ-разъ противоположное непосредственному смыслу. Штраусъ признаетъ, что рассказы о чудѣ стремятся быть рассказами историческими; но чтобы отнять у нихъ историческій смыслъ, онъ утверждаетъ, употребляя при этомъ своеобразное выраженіе, что они „пропитались мифами“ (I, 80). Какимъ же образомъ мифъ противопоставляется исторіи? Въ то время, какъ исторія имѣетъ дѣло съ фактами, мифъ только облекается въ историческій костюмъ; чтобы произвести болѣе правдоподобное впечатлѣніе; на самомъ же дѣлѣ это только поэтическая фантазія. Въ евангеліяхъ мы находимъ изложеніе Христовыхъ идей, облеченныхъ неумышленно въ форму поэтической легенды. То обстоятельство, что Штраусъ измѣнилъ впоследствии неумышленную поэтическую легенду въ сознательно составленную, не мѣняетъ сущности дѣла.

Какимъ образомъ мысль Штрауса пришла къ подобнымъ выводамъ? Предположеніе о мифахъ возникло у него частью вслѣдствіе библейскаго, частью вслѣдствіе внѣ-библейскаго вліянія. Въ то время наука начала разсматривать древнѣйшія событія изъ греческой и римской исторіи, какъ легенды. Нибуръ въ своей знаменитой „Римской исторіи“ проложилъ для этого широкій путь. Лоренцъ Бауэръ написалъ въ 1802 году мифологію Ветхаго и Новаго Завѣта, а Штраусъ перенесъ это на евангельскую исторію и сталъ разсматривать эту послѣднюю, какъ легенду. Сюда присоединились и библейскія вліянія. Штраусъ указалъ на ожиданіе Мессіи, жившее въ народѣ. Чѣмъ больше людей приходили къ тому убѣжденію, что Иисусъ есть Мессія, тѣмъ охотнѣе они переносили на Него все, ожидаемое благодаря ветхо-завѣтнымъ пророчествамъ и прообразамъ о Мессіи, и связывали Его жизнь съ

жизнью Моисея, Самуила, Давида, Илии и Елисея. Штраусъ пишетъ:

„Хотя бы Иисусъ и родился въ Назаретѣ, но какъ Мессія, сынъ Давида, Онъ долженъ былъ родиться въ Виелеемѣ, потому что такъ предсказалъ пророкъ Михей. Пусть Иисусъ и произносилъ рѣзкія слова осужденія противъ страсти къ чудесамъ Своихъ соотечественниковъ, слова эти извѣстны и намъ; но первый освободитель народа Моисей творилъ чудеса,—значитъ, и послѣдній его освободитель Мессія, Которымъ считался Христосъ, тоже долженъ былъ творить чудеса. Въ то время, т. е. во времена мессіанскія, слѣпыя должны были прозрѣть и глухіе услышать: такъ предсказывалъ Исаія: „тогда хромоу будетъ прыгать, какъ олень, а нѣмоу заговорить“. Итакъ, чудеса, которыя долженъ былъ творить Иисусъ, въ качествѣ Мессіи, были извѣстны въ подробностяхъ. Такимъ образомъ въ первой христіанской общинѣ могли возникнуть, даже должны были возникнуть сказанія объ Иисусѣ, созданныя совершенно безсознательно“ (I, 76).

Въ основѣ этихъ выводовъ нашего критика лежитъ утвержденіе, что Иисусъ былъ Мессіей, во всякомъ случаѣ считался таковыми Своими послѣдователями. Невольно возникаетъ вопросъ: какъ же это случилось, что Его сочли за Мессію? Не было ли въ Его личности чего-либо такого, что ставило бы Его высоко надъ всѣми другими, и за что народъ израильскій облекъ Его такимъ исключительнымъ достоинствомъ? Такъ какъ естественный ходъ такихъ мыслей привелъ бы насъ къ Иисусу, описываемому евангелистами, то Штраусъ въ этомъ мѣстѣ уклоняется и заявляетъ, что идея никогда не можетъ обнаружиться во всей своей полнотѣ въ единичномъ родовомъ индивидуумѣ. Единичный человѣкъ не можетъ быть абсолютнымъ обнаруженіемъ идеи, онъ можетъ служить только относительно высшей точкой ея развитія. Иисусъ подчиняется общему принципу, что единичный никогда не можетъ быть единственнымъ. Какъ бы высоко ни стоялъ Иисусъ, все же Онъ стоитъ среди человѣчества. Онъ

имѣть такое же значеніе для религіи, какъ Сократъ для философіи или Аристотель для науки. Правда, Онъ своимъ вліяніемъ создалъ эпоху, но, какъ и всѣ другіе, имѣетъ границы и односторонности. Его трудъ долженъ быть не только продолженъ, но и законченъ и усовершенствованъ. Легко можетъ явиться другой, который Его превзойдетъ. Если бы возсталъ человѣкъ, въ которомъ бы воплотился религіозный духъ новаго времени, то онъ не нуждался бы въ помощи Іисуса, онъ своимъ самостоятельнымъ умомъ сталъ бы продолжать начатое дѣло (1, 106). Содержащіяся въ Евангеліи легенды нельзя поэтому по существу приписать одному лицу, это скорѣе произведеніе цѣлаго сообщества, въ данномъ случаѣ древне-христіанской общины. Содержимое Евангелія—это свободное творчество древне-христіанской народной фантазіи. Здѣсь встаетъ передъ критикомъ особенно трудная задача. Въ каждомъ отдѣльномъ разсказѣ, содержащемъ легендарныя черты, нужно разобраться, весь ли онъ не соотвѣтствуетъ исторіи, или же только его легендарныя подробности. Нужно много искусства и сноровки, чтобы отдѣлить нѣжную ткань легенды, которая обвиняетъ евангельскую исторію.

Если евангельское повѣствованіе представляетъ собой поэтическое творчество древне-христіанской общины, то возникаетъ естественный вопросъ: каково же было происхожденіе этихъ общинъ? Истинный отвѣтъ будетъ гласить, что ихъ происхожденіе было духовное и коренится въ вѣрѣ въ личность Христа, и хотя Штраусъ утверждаетъ, что идея не любитъ обнаруживаться во всей своей полнотѣ въ единичномъ родовомъ индивидуумѣ, но зато Богъ восхотѣлъ сдѣлать это. Это было желаніе Отца—явить въ Немъ всю полноту Божества. Историческіе писатели имѣли основаніе считать древнѣйшія сказанія греческой и римской исторіи мифами, въ виду большой отдаленности этихъ временъ. Время, къ которому относятся эти сказанія, было временемъ доисторическимъ. Іисусъ же явился на свѣтъ во времена

историческія, сознательныя. Евангельскія повѣствованія опираются на почву исторической жизни. Время, когда Иисусъ приступилъ къ дѣятельности такъ же, какъ и тогдашнія жизненныя условія, являются для насъ болѣе ясными и понятными, чѣмъ какая-либо другая древняя эпоха. Факты, съ которыхъ начинается христіанство, не случились гдѣ-нибудь скрытно и втайнѣ; наоборотъ, все произошло открыто, днемъ, на глазахъ у цѣлаго народа, въ присутствіи правительства, т. е. Верховнаго Судилица и римскаго намѣстника.

Итакъ, былъ свѣтлый историческій день, когда произошли событія, о которыхъ повѣствуетъ Евангеліе. Если и при такихъ обстоятельствахъ историческое повѣствованіе Евангелія можетъ быть названо легендой, то остается только спросить, какимъ же послѣ этого фактамъ можно вѣрить? Къ четыремъ евангелистамъ нужно относиться съ такой же исторической справедливостью, какъ и къ Ливію или Тациту.

Наполеонъ имѣлъ въ 1808 году, во время своего пребыванія въ Веймарѣ, знаменитый разговоръ съ Виландомъ. Когда онъ коснулся жизни Иисуса и назвалъ ее легендой, то Виландъ заявилъ, что нетрудно и сказочно-волшебный жизненный путь Наполеона, приведшій его отъ простаго артиллерійскаго лейтенанта къ французской коронѣ, разсматривать какъ легенду. Когда же Виландъ сталъ указывать на исполнившіяся пророчества Христа и апостоловъ и, возбужденный насмѣшливымъ лицомъ Наполеона, говорилъ все съ большимъ жаромъ, Наполеонъ неожиданно прервалъ его словами: „я не вѣрю, что Иисусъ Христосъ существовалъ когда-нибудь“, на что Виландъ съ серіознымъ прямушіемъ возразилъ: „Государь, съ такимъ же основаніемъ, я черезъ годъ могу не вѣрить, что когда-либо существовалъ Наполеонъ“. Здѣсь Наполеонъ перемѣнилъ тему разговора.

Но—могутъ намъ возразить—развѣ ветхозавѣтныя пророчества не могли, если не породить, то, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать образованію мнѳовъ, особенно если Иисусъ

считали пророкомъ, а вѣдь необходимымъ доказательствомъ пророческаго дара были всевозможныя чудеса? Мы же можемъ поставить встрѣчный вопросъ: почему же Иоанну Крестителю не приписываютъ чудесъ, вѣдь всѣ, даже противники Иисуса, считали его пророкомъ? Ему не приписываютъ чудесъ, потому что онъ ихъ не творилъ, хотя и почитался пророкомъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что Господу Иисусу Христу приписываются чудеса потому, что Онъ ихъ творилъ.

Кромѣ того, утверждаютъ, что во времена Иисуса, хотя это были и сознательныя, историческія времена, замѣчается склонность къ образованію легендъ; отсюда почему же нельзя предположить, что мифическими легендами была окружена и исключительная личность Христа? Дѣйствительно, нужно признать, что легендъ тогда существовало много. Но литературное ихъ изложеніе мы находимъ не въ Новомъ Заветѣ, а въ такъ называемой апокрифической литературѣ. Въ древней церкви былъ критико-историческій принципъ не допускать мифовъ въ литературу новозавѣтную. Стоитъ только заглянуть въ апокрифическія евангелія, чтобъ результатъ сравненія съ подлинными былъ очевиденъ. Въ апокрифическихъ евангеліяхъ обнаруживается полное незнаніе мѣстности, гдѣ происходили описываемыя событія, а также историческихъ условій, при которыхъ эти событія совершались, въ то время какъ въ нашихъ евангеліяхъ мы находимъ полное соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ. Въ апокрифическихъ евангеліяхъ все въ высшей мѣрѣ фантастично, а самыя невозможнѣйшія и исторически недопустимыя отношенія разсматриваются, какъ нѣчто естественное. На мѣсто чудесъ выступаетъ безцѣльное колдовство. Иисусъ еще ребенкомъ творить въ Египтѣ удивительныя чудеса, напримѣръ, создастъ источникъ, въ которомъ Марія моетъ свои платья, или возвращаетъ въ прежнее состояніе принца, обращеннаго въ осла.

Иисусъ Христосъ въ апокрифахъ—это не ребенокъ, который учится, какимъ Его изображаютъ евангеллисты; нѣтъ, Онъ знаетъ все. Но что еще хуже, Онъ любитъ хвастаться и обожествлять Себя въ Своихъ чудесахъ. Ребенокъ-Иисусъ изображенъ злымъ, мстительнымъ, Который командуетъ своими товарищами и играетъ съ ними шутки, благодаря способности творить чудеса. Онъ бросаетъ весь матеріаль красильщика въ красильный котелъ и устраиваетъ такъ, что когда красильщикъ его вытаскиваетъ, то различный матеріаль окрашенъ соответствующими красками; Онъ превращаетъ своихъ товарищей въ козловъ и тому подобное. Если бы Штраусъ былъ правъ, то мы бы имѣли въ евангеліяхъ Новаго Завѣта начало этихъ легендъ и сказаній, которыя продолжались бы въ апокрифическихъ евангеліяхъ и были послѣдними членами въ этомъ порядкѣ развитія. Но это невозможно, такъ какъ мы нигдѣ не находимъ перехода отъ евангелій Новаго Завѣта къ евангеліямъ апокрифическимъ. Они раздѣлены глубокой пропастью: съ одной стороны исторія, съ другой—миѳъ. Церковь ревностно слѣдила за тѣмъ, чтобы никакой миѳъ не изуродовалъ образы святыхъ Божьихъ людей.

Съ критическимъ изслѣдователемъ легко можетъ случиться, что онъ, руководствуясь предубѣжденіемъ, отвергнетъ показанія честныхъ и добросовѣстныхъ свидѣтелей, чтобы замѣнить ихъ предположеніями, часто совершенно недостоверными. Такъ поступилъ Штраусъ съ евангеліями.

Если что-либо во всемірной исторіи основательно доказано достоверными показаніями высоко въ нравственномъ отношеніи стоящихъ свидѣтелей, то именно жизнь Господа нашего Иисуса Христа, съ Его святымъ ученіемъ, величайшими чудесами, потрясающими страданіями и Божественнымъ воскресеніемъ. Если евангельскія свидѣтельства не доказываютъ всего этого,—значитъ, вообще никакимъ свидѣтельствамъ нельзя вѣрить. Отрицая эти факты, мы будемъ имѣть право отрицать всѣ историческіе факты. Попытка обратитъ

евангельскія повѣствованія въ миѡы, легенды и сказанія ложная и въ нравственномъ отношеніи гибельная. У несчетнаго числа людей, для которыхъ образъ Христа служитъ побужденіемъ ко всему хорошему, страданія Его обѣщаютъ освобожденіе отъ грѣховъ, а Божественное воскресеніе—надежду на будущую жизнь, отнимется такимъ образомъ нравственная опора, и они лишатся утѣшенія въ прощеніи грѣховъ и надежды на вѣчную жизнь. Что евангельскія повѣствованія о Христѣ истинны, въ этомъ удостовѣряютъ насъ не только результаты научнаго изслѣдованія, но также и наши сердца, такъ какъ Христосъ очищаетъ отягченную грѣхами совѣсть. Его высокая и святая личность должна быть истинной. Ленау пишетъ:

„Неужели все высшее такъ пусто и печально? Неужели все это только призраки, ложная тѣни, сказки, миѡы и символы?“

„Нѣтъ! Кого хоть разъ потрясли до глубины сердца жалобы человѣчества, тотъ не можетъ примириться съ мыслью, что все его утѣшеніе погребено“.

„Съ исчезновеніемъ вѣры въ Христа, жизнь превращается въ путешествіе ночью по пустынѣ, гдѣ никто не даетъ отвѣта на наши вопросы, гдѣ бродитъ стадо звѣрей“.

Переводъ *И. И. Селивановской*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Некрасивый обычай.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей епархіи среди духовенства практикуется много довольно некрасивыхъ обычаевъ, изъ которыхъ нѣкоторые слѣдовало бы совершенно уничтожить, а нѣкоторые измѣнить къ лучшему.

На этотъ разъ мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ по поводу обычая духовенства ходить по домамъ прихожанъ въ праздники Пасхи, Рождества Христова, а также со святойводой наканунѣ и въ самый праздникъ Крещенія Господня.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ обычай этотъ поставленъ иначе, тамъ онъ безспорно имѣетъ много назидательнаго.

У насъ же во многихъ мѣстахъ онъ принялъ такую уродливую форму, что вызываетъ одни лишь справедливыя наре-

канія прихожанъ, а въ мѣстахъ, зараженныхъ сектантствомъ, прямо таки служить во вредъ Православной Церкви.

Насколько мнѣ извѣстно изъ личныхъ наблюдений и опыта, дѣло это у насъ поставлено такъ. По окончаніи богослуженія духовенство торопится нанести визитъ прежде всего мѣстной интеллигенціи, большинство которой въ нынѣшнее время встрѣчаетъ духовныхъ лицъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Затѣмъ переходитъ уже къ прихожанамъ „попроще“, но къ такимъ, гдѣ можно надѣяться на относительно хорошую „благодарность“. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ—трехъ дней праздника духовенство „поздравитъ“ съ праздникомъ всѣхъ зажиточныхъ прихожанъ. Бѣднѣйшіе же прихожане этой чести не удостоиваются. Не нужно быть особенно наблюдательнымъ, чтобы видѣть, какой отрицательный взглядъ на духовенство остается у этой части прихожанъ.

Правда, есть приходы, гдѣ духовенство переходитъ изъ дома въ домъ, не исключая никого, и мнѣ кажется, что первоначально такой обычай практиковался вездѣ, его и слѣдовало бы поддерживать. Въ этомъ едва ли можно видѣть что либо предосудительное, если только преслѣдуются не одніи лишь экономическія цѣли.

Посѣщеніе же духовенствомъ прихожанъ по выбору слѣдовало бы совсѣмъ прекратить во избѣжаніе соблазна. Въ особенности нужно быть осторожнымъ тамъ, гдѣ сектантство успѣло уже бросить сѣмена своего лжеученія. (А гдѣ его теперь нѣтъ?) Тамъ вѣдь каждый шагъ духовенства взвѣшивается и подвергается критикѣ. Сектанты не упускаютъ использовать ни одного случая, который хотя отчасти можетъ служить успѣху ихъ проаганды. Извѣстно, что сектанты, въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія цѣли, прежде всего стараются подорвать въ глазахъ православныхъ авторитетъ духовенства. Въ данномъ же случаѣ почва для этого весьма подходящая, и чѣмъ можно поручиться, что на этой почвѣ никто не соблазнится (Екатерин. епарх. вѣдом.).

Діакопъ *И. Шимковъ.*

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го января 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу-*
Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года февраля 14-го дня.

Содержаніе: I. Апологія христославленія. Свящ. А. Веселицкій.—II. Зако-
нодательство о расторженіи браковъ православныхъ христіанъ и
проекты его преобразованія. (Окончаніе). II. Прокоповичъ.—III.
Жизнь Иисуса—легенда или историческій фактъ? (Продолженіе). Пе-
рев. Н. П. Селивановской.—IV. Замѣтка. Новый способъ пастыр-
скаго воздѣйствія на приходъ. (Пенз. епарх. вѣд.).

Апологія „христославленія“.

(Послѣтпраздничное размышленіе пастыря).

Русь православная не такъ давно опять праздновала за-
веденнымъ порядкомъ святыя дни Рождества Христова, такъ
и называемыя въ народѣ „святками“. Что пережили въ эти
святыя дни православные люди? Одни, правда немногіе, испы-
тываютъ дѣйствительное оживленіе религіознаго чувства и
подъемъ духовныхъ силъ; для другихъ, большинства, отъ
праздничнаго времяпрепровожденія осталось горькое сознаніе
суетно потраченнаго времени, чувство душевной пустоты и
нравственной неудовлетворенности. Слѣдуетъ сознаться, что
религіозно-нравственное, животворное значеніе великихъ

праздниковъ и у насъ, на Руси православной, все болѣе утрачивается, и праздничное время просто превращается въ опредѣленную обычаемъ пору отдохновенія отъ трудовыхъ будней, но и эта цѣль не достигается вслѣдствіе рабства чело-вѣка предъ выполніемъ утомительныхъ свѣтскихъ обычаевъ и вредныхъ душѣ и тѣлу развлеченій, соединенныхъ съ праздниками.

Подобная утрата благотворнаго значенія праздниковъ для современныхъ христіанскихъ обществъ ясна и понятна: лишите любой общепринятой обычай внутренняго смысла, отнимите у извѣстнаго факта, явленія ихъ внутреннее значеніе, и они неизбежно превратятся въ ненужныя, а часто и прямо стѣснительныя для жизни мертвыя формы. Освободите христіанскіе праздники отъ ихъ идейнаго религіознаго содержанія и религіознаго освященія, которыя однѣ придаютъ имъ высойкій духовный смыслъ и служатъ религіозному подъему празднующихъ, и отъ святыхъ дней останется одно лишь „праздное время“ да еще словесное традиціонное наименованіе его церковнымъ терминомъ, часто ничего не говорящимъ ни уму, ни сердцу современнаго, холоднаго къ вѣрѣ, христіанина. И въ результатѣ—одно „томленіе духа“, которое заслуженно и переживается во очію нашимъ индифферентнымъ современнымъ христіанскимъ обществомъ въ самые свѣтло-радостныя по смыслу и значенію для дѣйствительно и живо вѣрующаго христіанина святые праздничныя дни.

Не такъ, надо думать, справлялись великіе праздники древле на святой Руси, не говоря уже о возвышенномъ характерѣ ихъ у христіанскихъ обществъ первыхъ вѣковъ. Возглавлялись они и въ началѣ и въ продолженіи и въ концѣ Церковію—торжественнымъ болослуженіемъ и обрядами-обычаями, ясно и могуче оживляющими празднуемое событіе и раскрывающими внутренній смыслъ торжества. И были тогда священныя времена, великіе праздники для христіанъ вѣрнымъ средствомъ утвержденія въ вѣрѣ, подъема, оживленія религіознаго чувства. Особенно заботливо и плодотворно

въ смыслѣ оживленія вѣры обставлены у насъ Церковію, ея чиноположеніями, обычаями, главнѣйшія празднества Пасхи и Рождества Христова: слѣдуетъ только представить несказанную духовную красоту и внутреннюю содерательность богослуженій этихъ дней, а также выникнуть въ значеніе древне-исконнаго, нарочито-русскаго обычая „христославленія“, чтобы понять, откуда почерпали наши благочестивые предки обильный источникъ свѣтло-радостнаго религіознаго воодушевленія въ эти святые великіе дни. Не наша ли, отсюда, вина, что мы, маловѣрные, индифферентные и, вдобавокъ, непокорные часто уставамъ Церкви, потомки своихъ вѣрующихъ предковъ, сами лишаемъ себя несказанныхъ духовныхъ благъ, какія имъ приносили праздники. Не считая обязательнымъ для себя даже посѣщеніе богослуженій, современное общество наше еще болѣе легкомысленно относится и къ прочимъ, приуроченнымъ изрѣвле къ двумъ главнымъ праздникамъ, установленіямъ родной Православной русскаго Церкви. Это болѣе ярко сказывается на отрицательномъ отношеніи нашего общества, печати и даже, стыдно сознаться, самаго духовенства къ исконному русскому обычаю „христославленія“ рождественскаго и пасхальнаго.

Вотъ о немъ-то, этомъ обычаѣ, и хотѣлось бы сейчасъ, подъ впечатлѣніемъ не такъ давно минувшихъ праздниковъ, высказать нѣсколько положительныхъ, апологетическихъ думъ. Думается и думалось намъ всегда, что наше „славленіе“ по своей идейной основѣ, по своей психологіи—обычай настолько драгоцѣнный, незамѣнимый и животворный въ смыслѣ оживленія и поддержанія въ вѣрующихъ религіознаго воодушевленія, что размыслить о немъ, взять его подъ защиту отъ пренебрежительнаго отношенія къ нему,—прямой долгъ всякаго вѣрующаго, а тѣмъ болѣе—пастыря.

Обобщимъ сначала ходячіе отрицательные мнѣнія и взгляды на „христославленіе“, а потомъ, посильно, выскажемъ свое мнѣніе. Говорятъ, славленіе вообще явленіе въ современной церковно-приходской жизни устарѣвшее, арха-

ическое, обычай, утратившій всякое значеніе въ смыслѣ религіозно-воспитательнаго средства. Славленіе — это просто средство для православнаго духовенства подѣ благовиднымъ религіознымъ предлогомъ собирать избыточные добротныя даянія съ прихожанъ, пользуясь ихъ праздничной, благодушной настроенностію. Предполагать какое-либо религіозное воздѣйствіе на пасомыхъ отъ стремительныхъ и кратковременныхъ посѣщеній ихъ домовъ славящимъ причтомъ было бы напрасно: кромѣ ненужной суеты и нарушенія мирнаго праздничнаго времяпровожденія, славленіе ничего не приноситъ православному обывателю. Одинъ уже внѣшній видъ славящаго кортежа, снѣжно переходящаго изъ дома въ домъ по селеніямъ и обычно сопровождаемаго подводой, нагруженной даяніями, способенъ производить лишь соблазнъ и насмѣшки надъ бѣднымъ причтомъ. И кто знаетъ, сколько обидной горечи приходится выносить при этомъ самимъ славельщикамъ — особенно батюшкамъ, не успѣвшимъ утратить еще чуткости ко всякому нравственному униженію. Не мало выпадаетъ невольнаго стыда и стѣснительныхъ тревогъ и на долю тѣхъ прихожанъ, которые не располагаютъ по бѣдности добротными даяніями и деньгами въ вознагражденіе праздничнаго посѣщенія причта.

Это все относится еще къ славленію въ сельскихъ приходяхъ; а что сказать про несообразность и „архаичность“ славленія по домамъ православныхъ въ большихъ городахъ? Здѣсь еще ярче выступаетъ вся неумѣстность древле-русскаго обычая среди современной жизненной обстановки; эти движущіеся по шумнымъ улицамъ на нѣсколькихъ извозчикахъ цоѣзда славящихъ батюшекъ, пѣвчихъ, сторожей, привлекающіе вниманіе прохожихъ; эти звонки въ переднихъ, переполохъ или смущеніе свѣтскихъ хозяевъ, спѣшащихъ вручить поскорѣе батюшкѣ рубль, и, еще хуже, и чаще — отказъ со стороны прислуги и врученіе оставленнаго господами несчастнаго рубля тутъ же въ прихожей, или, наконецъ, прямой отказъ — „не приказано принимать!“ Не легче бываетъ

причту, если его члены нравственно чутки, и въ тѣхъ домахъ, гдѣ оказывается хозяевами, конечно, лицемѣрное радушіе. Чтобы не оскорбить ихъ, и батюшка и причтъ должны, по приглашенію, глотать и куски праздничныхъ пироговъ и рюмки различныхъ мадеръ, не скупясь на банальныя, привѣтливыя фразы... Да, здѣсь, въ городахъ еще не умѣстиѣе стаетъ древній обычай, и правы тѣ городскіе батюшки, которые сами, уступая духу времени, постепенно выводятъ его изъ своей церковно-приходской практики...

Однимъ словомъ, съ какой бы стороны ни взглянуть на дѣло, вѣковой православно-русскій обычай христославленія отживаетъ свое время, и его, какъ не имѣющій больше значенія, пора бы оставить совершенно и повсюду. И развѣ у современнаго пастыря и вообще духовенства не найдется другихъ способовъ и средствъ для поддержанія и оживленія взаимообщенія между ними и приходомъ, кромѣ этого христославленія по великимъ праздникамъ? Эти же минутныя посѣщенія домовъ прихожанъ не могутъ дать пастырю возможности для дѣйствительнаго сближенія съ прихожанами и для религіознаго вліянія на нихъ. Если вся цѣль славленія сводится къ одному унизительному сбору добродетельныхъ даяній, изъ-за которыхъ, вѣроятно, возникъ и самый этотъ русско-церковный обычай, то самое лучшее—безъ сожалѣнія разстаться съ нимъ при современномъ стремленіи духовенства добиться приличнаго обезпеченія законнымъ путемъ. Пусть хотя однимъ поводомъ будетъ меньше для униженія и осмѣянія православнаго духовенства въ глазахъ пасомыхъ, особенно городскихъ слоевъ населенія... Таковы нынѣ у насъ ходячія мнѣнія и взгляды въ обществѣ относительно славленія, ихъ раздѣляетъ и наша печать, какъ публицистическая, такъ и художественно-литературная. Желаящій можетъ найти въ современныхъ произведеніяхъ нашихъ бытописателей не мало каррикатурно-юмористическихъ описаній выполненія этого церковнаго обычая, взятыхъ изъ сельской и городской жизни. Но, что замѣчательно и, конечно, прискорбно,—то же

отношеніе къ себѣ находить праздничное славленіе и въ средѣ самого духовенства, особенно его передовыхъ представителей; критическія сужденія о немъ и требованія его упраздненія, какъ обычая отжившаго, унижительнаго для духовенства и безплоднаго въ религіозныхъ цѣляхъ, раздаются теперь и на епархіальныхъ сѣздахъ и въ статьяхъ духовныхъ журналовъ. Ясное дѣло, вѣковому обычаю Церкви, какъ нѣкому ненужному, безцѣльному пережитку, грозитъ серьезная опасность полного упраздненія изъ церковно-приходской практики.

Свящ. Аѳ. *Веселичкій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Законодательство о расторженіи браковъ православныхъ христіанъ и проекты его преобразованія.

(Окончаніе ¹⁾).

Итакъ Комиссія 1902 года,—какъ Комитетъ 1870 года,—замѣчала недостатки бракоразводнаго законодательства и указывала способы, какъ избавить его отъ нихъ. Но, какъ Комитетъ 1870 года, такъ и Комиссія 1902 года въ изысканіи средствъ исправленія бракоразвода не шли дальше измѣненія существующаго порядка въ производствѣ развода по прелюбодѣянію. Реформу эту нельзя назвать мелкой, незначительной; но нельзя ее назвать и всеисчерпывающей, окончательной реформой, избавляющей бракоразводное законодательство отъ всѣхъ его недостатковъ. Комитетъ и Комиссія опускали изъ виду слишкомъ ограниченное число поводовъ къ разводу, на что было обращено вниманіе въ совѣмъ недавнее время, именно въ Отдѣлѣ по брачнымъ дѣламъ Предсоборнаго Присутствія и въ Совѣщаніи 1909 года. „Въ современномъ зако-

¹⁾ См. № 5—6-й за 1910-й г.

подательствѣ, говорилъ Н. М. Кутеновъ, поводы къ разводу являются недостаточными и не отвѣчаютъ жизненнымъ требованіямъ. На основаніи данныхъ практики можно сказать, что количество дѣлъ бракоразводныхъ по неспособности, безвѣстному отсутствію и за ссылкою одного изъ супруговъ въ Сибирь ничтожно въ сравненіи съ подавляющимъ количествомъ дѣлъ по прелюбодѣянію. Много поступаетъ просьбъ о расторженіи браковъ вслѣдствіе жестокаго обращенія, нанесенія тяжкихъ оскорбленій, зараженія сифилисомъ, сумасшествія, постоянного пьянства, мотовства, злонамѣреннаго оставленія однимъ супругомъ другого, отказа въ выдачѣ содержанія женѣ и пр. Конечно, всѣ таковыя просьбы оставляются безъ послѣдствій, такъ какъ по указаннымъ причинамъ нельзя просить о разводѣ. Между тѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ просьбъ иногда предъявляются иски о разводѣ по прелюбодѣянію и съ свидѣтелями-очевидцами. Слѣдовательно, состоявшееся соглашеніе между супругами заставляетъ прибѣгать къ созданію единственнаго повода къ разводу—прелюбодѣянія. Между тѣмъ, законъ не допускаетъ развода по соглашенію, и такимъ образомъ обходится законъ. Впрочемъ, практика увеличила число какъ судебныхъ доказательствъ, напр.; удостовѣреніе врачебно-полицейскаго комитета о состояніи жены подъ его надзоромъ,—такъ и причинъ, напр., расторгалась браки по неспособности на почвѣ психической (то же отвращеніе) и по случаю зараженія сифилисомъ“.

Рациональнымъ средствомъ противъ недостатковъ, указанныхъ Н. М. Кутеновымъ, и будетъ средство, настойчиво диктуемое практикой,—именно: увеличеніе числа поводовъ къ разводу.

Къ такому выводу пришли двѣ послѣдующія комиссіи, работавшія надъ разрѣшеніемъ бракоразводнаго вопроса.

Отдѣлъ по брачнымъ дѣламъ особаго присутствія при Свят. Синодѣ для разработки вопросовъ, подлежащихъ раз-

смотрѣнію на помѣстномъ соборѣ русской Церкви, послѣ обсуждения принялъ слѣдующіе поводы къ разводу:

- а) прелюбодѣяніе одного или обоихъ супруговъ;
- б) неспособность къ брачному сожитію;
- в) болѣзненное состояніе, устранившее возможность супружескаго сожитія и вредно отражающееся на потомствѣ (проказа, сифились, сумасшествіе послѣбрачное и т. п.);
- г) безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ или злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого въ теченіе не менѣе 5-ти лѣтъ;
- д) ссылка по суду и административная, т. е. выселеніе лицъ, удаляемыхъ обществомъ за порочное поведеніе изъ своей среды;
- е) жестокое обращеніе съ супругомъ, при установленіи виновности судомъ.

Какъ видимъ, новыми поводами къ разводу служатъ: 1) прелюбодѣяніе обоихъ супруговъ, 2) болѣзненное состояніе, устранившее возможность супружескаго сожитія и вредно отражающееся на потомствѣ (проказа, сифились, сумасшествіе послѣбрачное и т. п.), 3) злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого въ теченіе не менѣе 5-ти лѣтъ,—и 4) жестокое обращеніе съ супругомъ, при установленіи виновности судомъ.

Интересно, какіе мотивы побудили членовъ отдѣла признать ту или другую причину, какъ поводъ къ разводу?

Прелюбодѣяніе обоихъ супруговъ было принято, какъ поводъ къ разводу по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, принято было во вниманіе, что только лишь въ началѣ XIX столѣтія (что видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Синода) появилось и утвердилось возрѣніе о нерасторжимости брака по винѣ обоихъ супруговъ. Затѣмъ было признано, что, если духовный судъ, защищая бракъ, какъ таинство, заботится о святости его и, въ случаѣ нарушенія ея однимъ изъ супруговъ чрезъ прелюбодѣяніе, расторгаетъ его, то тѣмъ болѣе онъ долженъ такъ поступать, когда свя-

тость брака оскверняется, такъ сказать, вдвойнѣ,—обоими супругами. Наконецъ, высказано было и то соображеніе, что при обоюдномъ прелюбодѣянїи, послѣдствіемъ котораго является рожденіе дѣтей, можетъ наступить такая сложность семейныхъ отношеній, которая способна сдѣлать совершенно невыносимую совмѣстную жизнь согрѣшившихъ супруговъ.

Относительно болѣзни—сифилиса было высказано только лишь то, что онъ, какъ болѣзнь, отражающаяся губельно на потомствѣ и устраняющая возможность супружескаго сожитія, дѣлаетъ бракъ явленіемъ ненормальнымъ и посему подлежащимъ расторженію.

Такимъ же ненормальнымъ явленіемъ дѣлаетъ бракъ и сумасшествіе одного изъ супруговъ, потому что, какъ было установлено психіатрами на VI и VII пироговскихъ сѣздахъ, сумасшествіе знаменуетъ собою психическую смерть; при сумасшествіи устраняется возможность психическаго общенія съ людьми, больной супругъ лишень навсегда возможности участвовать фізіологически въ бракѣ, вноситъ нерѣдко разстройство въ матеріальную жизнь другого супруга, мѣшаетъ воспитанію дѣтей. Жертвы, приносимыя ему здоровымъ супругомъ и семьей,—жертвы, которыхъ онъ не въ состоянїи понять и оцѣнить, для него излишни; необходимо же ему лишь обезпеченіе постоянного за нимъ ухода, а для послѣдняго не нуженъ обязательно бракъ. Оно можетъ быть болѣе гарантировано обязательствомъ здороваго супруга доставлять въ случаѣ развода средства, необходимыя для призрѣнїя душевно-больного супруга, или, въ случаѣ несостоятельности перваго,—средствами общества или государства. Для избѣжанія ошибокъ въ опредѣленїи неизлѣчимости болѣзни признаны достаточными средства: 1) 5-лѣтняя продолжительность болѣзни и 2) экспертиза 3-хъ спеціалистовъ.

Злонамѣренное оставленіе, какъ поводъ къ разводу, по докладу проф. Заозерскаго, легшему въ основаніе рѣшенія Отдѣла, имѣетъ за собою каноническое право (Прав. Вас. Вел. 9, 35, 46), законодательство Юстиніана (117 новелла),

Василія Македонянина (Шрохиронъ) и русское право (исключено изъ основаній брачнаго развода не далѣе, какъ въ началѣ XIX в.). Къ признанію его таковымъ, т. е. поводомъ къ разводу, побуждаетъ также, какъ постоянно наблюдаемое явленіе,—раздѣльная жизнь супруговъ, свидѣтельствующая о разрушеніи брака.

Въ пользу послѣдняго повода развода, проектированнаго Отдѣломъ (жестокаго обращенія съ супругомъ), каноническихъ основаній, какъ было заявлено, нѣтъ. Принимается же онъ, какъ средство противъ жестокости многихъ буяновъ-мужей.

Итакъ, Отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія обратилъ свое вниманіе, какъ видимъ, на главный недостатокъ бракоразводнаго законодательства, на матеріальную сторону въ брачномъ разводѣ, а не на процессуальную, на что было обращено вниманіе Комитета 1870 и Комиссіи 1902 г.г. Отдѣлъ проектируетъ увеличить число поводовъ къ разводу. Реформа эта, хотя и слабо она мотивирована,—по существу своему есть реформа значительная и коренная. Вопросъ же процессуальнаго характера, вопросъ о передачѣ дѣлъ прелюбодѣянія въ свѣтскій судъ, не въ такой степени занимаетъ вниманіе членовъ Отдѣла Предсоборнаго Присутствія, въ какой онъ занималъ членовъ Комитета и Комиссіи. Удивительнѣе всего, что и рѣшается онъ въ другомъ духѣ. Отдѣлъ in concreto рѣшилъ оставить дѣла прелюбодѣянія въ вѣдѣніи суда духовнаго. Очевидно, члены отдѣла не хотѣли понять, подобно противникамъ этого преобразованія, проектированнаго еще въ 1870 и 1902 г.г., что разводъ по прелюбодѣянію (каковой остается въ компетенціи духовной власти) и установленіе факта прелюбодѣянія не одно и то же. Не хотѣли понять, что никакого хищенія церковной власти не произойдетъ съ передачей компетенціи разслѣдованія факта прелюбодѣянія свѣтскому суду, ибо Церковь какъ всегда расторгала браки, такъ будетъ расторгать ихъ и при новомъ порядкѣ бракоразводнаго процесса. Отдѣлъ допускаетъ разводъ въ случаѣ жестокаго обращенія съ супругомъ, при установленіи виновно-

сти судомъ. Значить, судъ устанавливаетъ фактъ жестокаго обращенія съ супругомъ. Отдѣлъ не усмотрѣлъ, чтобы въ данномъ случаѣ Церковь сказала только „исполнительнымъ органомъ“ свѣтской власти? Но вѣдь какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ дѣлахъ развода по прелюбодѣянiю функціи свѣтской власти и духовной остаются совершенно однѣ и тѣ же!..

Не смотря на данный дефектъ, нельзя отказать въ рациональности проекту реформы бракоразводнаго законодательства, предлагаемому Отдѣломъ Предсоборнаго Присутствiя. Воздерживаясь отъ личныхъ доводовъ въ пользу рациональности данного проекта реформы, сошлемся на фактъ, недавно обсуждавшійся на столбцахъ прессы. Разумѣемъ проектъ развода, составленный Особымъ Совѣщанiемъ при Св. Синодѣ въ составѣ бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода П. П. Извольскаго, его товарища Роговича, юрисконсульта К. И. Дылевскаго, управляющаго канцелярiей Синода С. П. Григоровскаго, оберъ-секретаря С. Г. Рункевича, участвовавшихъ на нѣкоторыхъ засѣданiяхъ представителей отъ медицинскаго Совѣта Министерства Вн. Дѣлъ, проф. В. М. Бехтерева, лейбъ-акушера Отта, лейбъ-медика Л. Б. Бертенсона, подъ предсѣдательствомъ сначала митрополита кiевскаго Флавіана, а затѣмъ преосвященнаго Иннокентiя Тамбовскаго. Бракоразводный проектъ этого совѣщанiя свидѣтельствуетъ о единомыслии видныхъ медиковъ и знатоковъ бракоразводнаго вопроса, входившихъ въ составъ Комиссiи, и членовъ Отд. Предс. Присутствiя.

По дѣйствующему законодательству, бракъ можетъ быть расторгнутъ въ случаѣ: 1) прелюбодѣянiя одного изъ супруговъ; 2) неспособности къ брачному сожитiю; 3) безвѣстнаго отсутствiя въ теченiе 5 лѣтъ и 4) присужденiя къ ссылкѣ съ лишенiемъ правъ.

Совѣщанiе дополнило первый пунктъ указанiемъ, что обоюдное прелюбодѣянiе супруговъ также служитъ поводомъ къ разводу.

Неспособность къ брачному сожителству понимается въ бракоразводной практикѣ, какъ неспособность къ совершенію полового акта, и служить поводомъ къ разводу, если она произошла до брака и продолжается не менѣе 3-хъ лѣтъ, причемъ импотентъ по разводѣ осуждается на всегдашнее безбрачіе, а право иска принадлежитъ только здоровому супругу. Совѣщаніе, на основаніи заявленій представителей медицины, внесло слѣдующее дополненіе: бракъ расторгается независимо отъ времени появленія импотенціи, до или послѣ брака, за исключеніемъ случая импотенціи, какъ слѣдствія возраста. Право иска предоставляется обоимъ супругамъ, но по истеченіи 3-хъ лѣтняго срока со времени заключенія брака. Супругъ, по неспособности котораго бракъ расторгается, можетъ вступить въ новый бракъ, испросивъ разрѣшенія духовнаго суда и представивъ медицинское удостовѣреніе объ излѣченіи.

При обсужденіи этого проекта профессоры Бертенсонъ и Отто указали, что надо обратить вниманіе главнымъ образомъ на неспособность къ дѣторожденію, а не къ брачному сожителству. Церковь, расторгая браки по неспособности къ брачному сожителству и не допуская развода въ случаѣ неспособности къ дѣторожденію, освящаетъ какъ бы стремленіе супруговъ лишь къ плотскому наслажденію.

Срокъ безвѣстнаго отсутствія одного изъ супруговъ, какъ поводъ къ разводу, совѣщаніе сократило съ 5 до 3 лѣтъ.

Ссылка въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, какъ поводъ къ разводу, оставлена Особымъ Совѣщаніемъ безъ измѣненія.

Кромѣ дополненій къ нынѣ дѣйствующимъ поводамъ къ расторженію брака, Совѣщаніе выработало еще слѣдующіе новые поводы: 1) душевную болѣзнь одного изъ супруговъ; 2) заболѣваніе супруга сифилисомъ; 3) дурное или жестокое обращеніе между супругами; 4) намѣренное оставленіе одного супруга другимъ и 5) уклоненіе одного изъ супруговъ отъ православія.

Относительно душевной болѣзни Совѣщаніе установило положеніе, что поводомъ къ расторженію брака служить душевная неизлѣчимая болѣзнь одного изъ супруговъ, длаящаяся 3—5 лѣтъ, безотносительно ко времени вступленія въ бракъ, и засвидѣтельствованная въ присутствіи врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія. Супругъ, возбуждающій искъ, долженъ представить удостовѣреніе объ обезпеченіи средствами существованія душевно-больного супруга.

Поводомъ къ расторженію брака признанъ сифилисъ при условіи, если при наличности его, по заключенію экспертовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заболѣванія, брачное сожитіе представляетъ опасность для здороваго супруга или для потомства. Супругъ, по болѣзни котораго расторгнуть бракъ, можетъ вступить въ новый бракъ съ разрѣшенія духовнаго суда и предъявленія суду удостовѣренія медицинскаго учрежденія о прекращеніи болѣзни. Л. Б. Бертенсонъ предложилъ признать достаточнымъ поводомъ къ разводу „опасныя по своей заразительности для супруговъ и потомства хроническія болѣзни“, включая сюда и венерическія; но Совѣщаніе отклонило это предложеніе.

Относительно жестокаго обращенія Совѣщаніе выработало положеніе, что поводомъ къ разводу служитъ жестокое или дурное обращеніе между супругами, причиняющее нравственныя и физическія страданія, сопряженныя съ опасностью для здорова и жизни, и устраняющія возможность супружескаго сожителства“ („Русск. Слово“ 1909 г. № 86).

Какъ видимъ, дѣломъ реформы законодательства о расторженіи браковъ православныхъ христіанъ занимались четыре комиссіи. Результаты работы этихъ комиссій заключаются въ проектахъ, составленныхъ ими; реальныхъ же результатовъ дѣятельность комиссій не дала. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать пользы за трудами комиссій. Какъ законодатель, такъ и обыкновенный читатель найдутъ пользу въ

ихъ дѣятельности. Какъ первому, такъ и второму она укажетъ, что недостатки развода кроются и въ процессуальной и въ матеріальной части его по дѣйствующему законодательству, укажетъ также и мѣры устраненія недостатковъ. Съ этими мѣрами можно и не согласиться; но онѣ все-таки помогутъ разсѣять туманъ, покрывающій этотъ сложный и больной вопросъ и рѣшить послѣдній съ возможной обстоятельностью.

Павель Прокоповичъ.

Жизнь Иисуса—легенда или историческій фактъ?

(Продолженіе¹⁾).

1) *Исторія рождества.*

Исторія рождества Іоанна Крестителя, такъ же какъ и исторія рождества Иисуса, окутаны, по словамъ Штрауса, очарованіемъ чудесъ. Появленіе ангела, возвѣщающаго о рожденіи, отверстыя небеса, нисходящіе ангелы, ангельскій хоръ, путешествующая звѣзда, приведшая мудрецовъ съ востока, сны Іосифа—все это, по мнѣнію Штрауса, не могло быть явленіями дѣйствительнаго міра, а есть произведеніе фантазіи. Къ тому же всѣмъ этимъ разсказамъ недостаетъ свидѣтельства авторовъ Священнаго Писанія. Понятно, что такія существа, какъ ангелы, существовать не могутъ. Штраусу кажется страннымъ, что эти существа, которыя въ древности проявляли кипучую дѣятельность при малѣйшемъ поводѣ, въ настоящее время бездѣйствуютъ даже при важныхъ происшествіяхъ.

Намъ ясно, что отрицаніе чудесъ было важнѣйшей причиной для устраненія этихъ подробностей, сопутствующихъ рождеству Христа. Помимо этого, противъ историческаго Рождества Христа вообще не приводится убѣдительныхъ до-

¹⁾ См. № 5—6-й за 1910 г.

водовъ. Именно эти рассказы, благодаря ихъ искренней простотѣ и райскому очарованію чистоты и дѣтской безыскусственности, производятъ на каждаго непредубѣжденного читателя впечатлѣніе непосредственной истины, особенно если сравнить ихъ съ фантастической апокрифической литературой. Отсутствие личныхъ свидѣтельствъ священныхъ писателей-евангелистовъ не можетъ поколебать ихъ достовѣрности; ясно, что эти рассказы исходили отъ лицъ близкихъ Иисусу, особенно отъ лица Дѣвы Маріи, въ нѣжномъ и преданномъ сердцѣ которой запечатлѣлись всѣ рѣчи и слова Ея Сына, а литературное ихъ изложеніе запоздало вслѣдствіе чувства деликатности, запрещавшаго обнародовать ихъ до смерти Маріи.

Сомнѣнія Штрауса относительно того, почему въ древности ангелы появлялись при самыхъ ничтожныхъ поводахъ, доказываютъ, что онъ не понимаетъ, въ чемъ заключаются истинное величіе и значеніе событій. Самый поверхностный читатель, изучающій священную исторію, замѣчаетъ, что появленіе ангеловъ сопровождаетъ всегда великія событія и поворотные пункты въ исторіи спасенія рода человѣческаго. Между тѣмъ современныя событія не имѣютъ у Бога такого важнаго значенія, какое приписалъ имъ Штраусъ.

Штраусъ особенно нападалъ на звѣзду. Онъ спрашивалъ: „Какъ можно приписывать звѣздѣ указаніе мѣсторожденія царя іудейскаго? Это могла дѣлать только астрологія, давно уже признанная суевѣріемъ. Неужели это обманчивое искусство должно было одинъ единственный разъ оказаться истиннымъ? А что же это за звѣзда, останавливающаяся надъ домомъ? Она не принадлежитъ къ существующей природѣ!“—Мы же поставимъ контръ-вопросъ: неужели такъ удивительно, что Богъ говорилъ съ астрономами черезъ посредство звѣзды? Богъ по Своей величайшей благодати снисходитъ до человѣческаго разумѣнія; а развѣ звѣзды не созданы для служенія Богу? Богъ написалъ тайны Своего не-

беснаго царства образнымъ языкомъ природы, а мудрецы имѣли глаза, чтобы прочесть написанное этими образами. Здѣсь нѣтъ и слѣда астрологіи и гаданія по звѣздамъ, такъ какъ эта звѣзда ничего не говорила ни о судьбахъ человѣчества, ни о судьбѣ Иисуса. Она была посланницей и предвѣстницей Искупителя. Понятно, что, по толкованію Штрауса, эта звѣзда не должна была принадлежать къ области природы. Тѣмъ временемъ результаты новѣйшей науки привели къ тому выводу, что звѣзда эта представляетъ собой извѣстное астрономіи планетное соединеніе. Баронъ Феликсъ фонъ Офеле въ своемъ сочиненіи „Сообщенія Восточнаго общества“ (1903, тетр. 2) публикуетъ результаты изслѣдованія египетской астрологіи; у египтянъ существовало суевѣріе, что медицина находится въ зависимости отъ астрологическаго календаря. Офеле же самъ былъ врачомъ и въ то же время изслѣдователемъ старины. Этотъ ученый нашелъ планетную доску древнихъ египтянъ, на которой изображены въ видѣ таблицъ положенія планетъ отъ 17-го года до Р. Х. до 10-го года послѣ Р. Х. Изъ этихъ таблицъ видно, что такъ называемое величайшее соединеніе планетъ, т. е. соединеніе Сатурна и Юпитера, случившееся въ созвѣздіи Овена, произошло въ годахъ 7—5 до Р. Х. Подобное небесное явленіе, случающееся приблизительно разъ въ теченіе 1000 лѣтъ, считалось астрологами всѣхъ временъ пророчествомъ о рожденіи великаго царя. Благодаря этому свѣдѣнію, рассказъ евангелиста Матѳея о звѣздѣ является въ совершенно новомъ свѣтѣ. Выраженія, въ которыхъ евангелистъ Матѳей повѣствовалъ о звѣздѣ, послужившія поводомъ къ многочисленнымъ нападкамъ, оказались техническими выраженіями, употребляемыми въ астрономіи. Лютеръ ошибочно переводитъ: „Мы видѣли звѣзду Его на востокѣ“. Нужно переводить такъ: „на восходѣ“, т. е. не на востокѣ, а въ началѣ астрологически раздѣленнаго на 12 частей неба. Ев. Матѳей повѣствуетъ, что звѣзда, т. е. соединеніе извѣстныхъ планетъ, исчезла. Юпитеръ вошелъ въ созвѣздіе Тельца,

и соединеніе съ Сатурномъ расторглось; это случилось, судя по египетской планетной таблицѣ 21-го іюня года 6-го до Р. Х. Тѣмъ временемъ, 25-го ноября Юпитеръ вернулся въ созвѣздіе Овена, и соединеніе опять наступило, звѣзда опять показала, а 24-го декабря того же года онъ совершенно остановился въ созвѣздіи Овена. Офеле, котораго не интересовала богословская сторона дѣла, былъ пораженъ замѣчательнымъ совпаденіемъ папируса съ текстомъ Евангелія. Онъ объявляетъ разсказъ св. Матѳея настолько точнымъ, что каждый ученый человекъ того времени могъ безошибочно принять эту дату Рождества Христа. Дальнѣйшія изслѣдованія, которыя можно производить для опредѣленія года Рождества Іисуса, насъ здѣсь не интересуютъ. Намъ важно только указать, что упоминаемая св. Матѳеемъ звѣзда не является плодомъ его фантазіи.

3) *Исторія воскресенія.*

Въ изслѣдованіи вопроса о воскресеніи Штраусъ стремится, какъ и всегда, высказаться ясно и точно и занять опредѣленную позицію. Онъ отвергаетъ, напримѣръ, объясненіе Баура (I, 148), утверждающаго, что сущность воскресенія Христова лежитъ внѣ историческаго изслѣдованія. Это нужно запомнить современнымъ богословамъ, желающимъ избѣжать жгучаго вопроса о „пустой могилѣ“. Штраусъ же прямо и открыто смотритъ ему въ лицо и вполнѣ сознаетъ значеніе этой части своей книги. Онъ говоритъ: „Мы достигли чрезвычайно важнаго пункта, гдѣ мы должны или признать недостаточность естественно-историческаго возрѣнія на Христа, въ виду Его чудеснаго воскресенія, и такимъ образомъ отказаться отъ всего вышесказаннаго, или же должны приступить къ изслѣдованію содержанія этихъ разсказовъ, т. е. объяснить, какимъ образомъ безъ соотвѣтствующаго чудеснаго факта образовалась вѣра въ воскресеніе Іисуса“ (I, 148).

Воскресеніе Христа—это чудо, и поэтому отрицаніе его Штраусомъ вполне понятно. Смерть Христа это естественное явленіе, воскресеніе же Его противорѣчитъ природѣ. Что противно природѣ, то невозможно, значить смерть Христа фактъ, а воскресеніе Его легенда. Часто говорятъ о чудесахъ, что ни одно изъ нихъ достовѣрно не доказано. Но воскресеніе Христа—это исторически достовѣрное, удостовѣренное авторитетными свидѣтелями чудо. Но Штраусъ не довѣряетъ евангельскимъ свидѣтельствамъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, недостаточны. Свидѣтельства эти не исходятъ отъ очевидцевъ, а показаніе одной только Маріи, изъ которой Иисусъ изгнать семь бѣсовъ (Лук. 8, 2), обезцѣнивается слѣдующей характеристикой: „Для женщины съ такими тѣлесными и душевными свойствами нуженъ одинъ только шагъ, чтобы внутреннее волненіе выразилось въ галлюцинаціяхъ“ (I, 159). Это объясненіе, правда, уже не ново. Еще старый врагъ христіанства, Цельсій, жившій во второмъ столѣтіи послѣ Р. Х., бывшій Давидомъ Штраусомъ своего времени, спрашивалъ относительно явленій Воскресшаго: „Кто видѣлъ все это? Безумная женщина!“ Штраусъ находитъ въ повѣствованіяхъ четырехъ евангелистовъ столько противорѣчій, что этотъ странный узелъ (II, 153) съ трудомъ, по нему, можетъ быть распутанъ. Что касается противорѣчій, то Штраусъ мало новаго прибавилъ къ тому, что было сказано по поводу воскресенія Иисуса Реймарусомъ (умершимъ въ Гамбургѣ въ 1768 году), и всецѣло опирается въ этомъ вопросѣ на своего предшественника. Въ предисловіи къ сочиненію, трактующему о Реймарусѣ (1862), онъ объявляетъ этого послѣдняго однимъ изъ величайшихъ людей прошлаго столѣтія. Восхваляя своего героя, Штраусъ, однако, долженъ былъ согласиться, что онъ запутался въ странномъ противорѣчій, выставляя Иисуса Христа съ одной стороны, какъ чистѣйшаго и благочестивѣйшаго изъ жившихъ когда-либо людей, съ другой же стороны утверждая, что Иисусъ не брезговалъ даже обманомъ для того, чтобы при-

влекъ послѣдователей. Часть сочиненія Реймаруса, озаглавленную: „Защита для разумныхъ почитателей Бога“, Лессингъ, послѣ смерти автора, издалъ подъ заглавіемъ: „Семь отрывковъ изъ неназваннаго“. Въ нихъ Реймарусъ говоритъ о мнимой недостоверности исторіи воскресенія Христова слѣдующее:

„Свидѣтели, показанія которыхъ такъ различаются въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, не были бы признаны заслуживающими довѣрія ни въ какихъ сдѣлкахъ, даже если бы дѣло шло только о небольшой суммѣ денегъ, и судья не могъ бы опираясь, на ихъ свидѣтельства, произнести приговоръ; какъ же можно требовать, чтобы на основаніи разногласныхъ показаній четырехъ свидѣтелей вся вселенная, весь родъ человѣческій, всѣхъ временъ и мѣстностей, строили бы свою религію, вѣру и надежду на блаженство? Мало того, что рассказы ихъ различны; они безспорно противорѣчатъ себѣ во многихъ мѣстахъ и доставляютъ добросовѣстнымъ толкователямъ, желающимъ внести большее согласіе въ симфонію четырехъ евангелистовъ, много мученій“.

Реймарусъ, съ большой ловкостью и значительной долей проницательности, сопоставилъ всѣ дѣйствительныя и кажущіяся противорѣчія въ повѣствованіяхъ о воскресеніи и сдѣлалъ это съ такимъ совершенствомъ, что его не могъ превзойти даже Штраусъ. Было бы черезчуръ смѣло утверждать, что всѣ эти рассказы не могутъ быть сведены воедино. Не слѣдуетъ только искать согласованія въ каждой мелочи. Для установленія какого-либо историческаго факта нельзя требовать полного согласованія различныхъ повѣствователей во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Не существуетъ фотографически вѣрной передачи хода важныхъ историческихъ событій. Какъ извѣстно, существуетъ много различныхъ версій о великомъ пожарѣ Москвы въ 1812 году; было бы однако ошибочно заключать, что московскаго пожара никогда не было.

Всѣ противорѣчія въ различныхъ повѣствованіяхъ касаются мелкихъ подробностей, на которыхъ не стоитъ долго останавливаться. Что значать, въ сравненіи съ безспорнымъ фактомъ пустой могилы и явленій Воскресшаго въ кругу Своихъ учениковъ, мелочи, подобныя этимъ: увидѣли ли благочестивыя женщины одного или нѣсколькихъ ангеловъ, видѣла ли ангела одна Марія Магдалина, или же и другія также, явился ли Онъ раньше Петру или Маріи Магдалинѣ, или же другимъ женщинамъ, и гдѣ имѣли мѣсто явленія Воскресшаго: въ Іерусалимѣ или въ Галилеѣ. Соединеніе всѣхъ версій въ одно цѣлое, совпадающее во всѣхъ пунктахъ, будетъ для науки всегда неразрѣшимой задачей. Вѣра въ Воскресшаго, во всякомъ случаѣ, не зависитъ отъ того, удастся, или нѣтъ рѣшить эту задачу. Даже при самой полной гармоніи въ повѣствованіяхъ невѣріе было бы возможно.

Отказавшись отъ устраненія всѣхъ различій, можно противопоставить найденнымъ Реймарусомъ, Лессингомъ и Штраусомъ противорѣчіямъ въ изложеніи слѣдующую картину хода событій при воскресеніи Христа. Въ пасхальное утро нѣсколько женщинъ, раздѣлившись, вѣроятно, на группы, отправились ко гробу. Онѣ, безъ сомнѣнія, условились встрѣтиться около города или у гроба. Это были Марія Магдалина и другая Марія, шедшія, повидимому, вмѣстѣ, а также Саломія, Іоанна, и еще другія женщины (Лук. 24, 10). Воскресеніе Христа произошло передъ ихъ прибытіемъ ко гробу (Матѣ. 28, 2—4). Разсказъ о немъ исходитъ, безъ сомнѣнія, изъ устъ стражниковъ, разсказавшихъ о происшедшемъ въ верховномъ судилищѣ (Матѣ. 28, 11). Когда женщины (или сначала только Магдалина и другая Марія) приблизились ко гробу, Марія Магдалина не могла справиться съ охватившимъ ее волненіемъ. Она бѣжитъ впередъ и, благодаря этому, раньше, нежели другія женщины, замѣчаетъ могилу. Увидѣвъ сдвинутый камень, она быстро заключаетъ, что враги взяли тѣло Господа. Она спѣшитъ назадъ, мимо слѣдующихъ за ней женщинъ, чтобы сообщить о видѣнномъ

Петру и Иоанну (Иоанн. 10, 2). Тѣмъ временемъ прочіе женщины подошли всѣ вмѣстѣ ко гробу. И вотъ онѣ видятъ ангельскій ликъ (Марк. 16, 5; Матѳ. 28, и Лук. 24, 4). Отъ страха и радости онѣ приходятъ въ такое смятеніе, что не знаютъ, должны ли онѣ возвѣститъ всѣмъ радостную вѣсть, или же скрыть ее изъ страха. Однѣ изъ нихъ торопливо бѣгутъ обратно въ городъ и возвѣщаютъ о видѣнномъ апостоламъ. Другія же, пораженные страхомъ (по всей вѣроятности это была другая Марія и Саломія или Иоанна), не могутъ такъ поспѣшно пойти въ обратный путь, и имъ-то и является воскресшій Иисусъ (Матѳ. 28, 9 и 10). Очевидно, Марія Магдалина не присутствовала при этомъ явленіи. То обстоятельство, что другіе евангелисты ничего не повѣствуютъ о первомъ явленіи Христа, происходитъ, вѣроятно, отъ того, что женщины не смѣли объ этомъ рассказывать. Тѣмъ временемъ Марія Магдалина нашла Петра и Иоанна (Иоанн. 20, 3). Оба апостола немедленно же отправились ко гробу; Марія Магдалина хотѣла также идти съ ними, но не могла поспѣть за мужчинами. Прибывъ ко гробу, оба убѣждаются, что порядокъ, царящій тамъ, вовсе не указываетъ на кражу тѣла, какъ предположила Марія Магдалина, и возвращаются обратно. Въ это время Марія Магдалина во второй разъ подходитъ ко гробу и тамъ ей является Господь, Котораго она узнаетъ по голосу, зовущему ее: „Марія!“ (Иоаннъ 20, 11—17). Въ тотъ же день Господь явился и Симону Петру. Онъ явился Симону раньше, чѣмъ другимъ апостоламъ потому, что послѣдній былъ очень опечаленъ своимъ отреченіемъ. Подъ вечеръ Воскресшій явился также апостоламъ, шедшимъ въ Еммаусъ. Явленія Иисуса окончательно убѣждаютъ учениковъ, что Онъ дѣйствительно воскресъ. Послѣднее явленіе Господа въ первый пасхальный день произошло поздно вечеромъ въ кругу собравшихся апостоловъ и учениковъ, въ отсутствіи Ѳомы (Лук. 24, 36—43; Иоанн. 20, 19—23 и 1 Кор. 15, 5); черезъ восемь дней Господь снова явился одиннадцати апостоламъ, среди которыхъ былъ и Ѳома. По истеченіи

семи пасхальныхъ дней, апостолы возвратились въ Галилею къ своимъ обычнымъ занятіямъ и тамъ стали ожидать дальнѣйшихъ указаній Учителя. Они жили, какъ бы одна семья. Имъ недоставало главы семьи, но прежняя общность связывала ихъ. Однажды семеро изъ нихъ вмѣстѣ съ Петромъ отправились на рыбную ловлю. На берегу озера явился имъ Господь; Онъ вкусилъ съ ними ихъ пищи и возвратилъ Петру званіе апостола (Іоанн. 21, 1—23). До сихъ поръ Господа видѣлъ только маленькій кружокъ лицъ; но теперь Его должны были узрѣть и другіе Его ученики. Больше всего учениковъ было у Иисуса въ Галилеѣ. И вотъ Онъ велѣлъ пятистамъ Своимъ ученикамъ собраться на гору, чтобы повѣдать имъ Свою послѣднюю волю (Матѣ. 28, 1 Кор. 15, 6). Среди нихъ были и сомнѣвающіеся, но могущественное слово изъ устъ Иисуса убѣдило всѣхъ въ истинности Его воскресенія. Но вотъ приблизилось время, когда Онъ долженъ былъ удалиться. Принявъ страданіе въ Іерусалимѣ, Онъ хотѣлъ тамъ же показать величіе и славу Свою. По истеченіи сорока дней апостолы, вѣроятно, слѣдуя приказанію Господа, вернулись въ Іерусалимъ. Здѣсь Онъ еще разъ явился Іакову, брату Господню (1 Кор. 15, 7), который оставался въ Іерусалимѣ и управлялъ здѣсь главной общиной. Затѣмъ Иисусъ простился на масличной горѣ со Своими учениками, въ послѣдній разъ благословилъ ихъ возложеніемъ рукъ, послѣ чего Онъ сталъ подниматься отъ земли къ небу и исчезъ изъ глазъ ихъ.

Пусть событія шли такъ или иначе, все же нѣтъ основанія преувеличивать различіе въ повѣствованіяхъ и извлекать изъ нихъ доказательства противъ самого факта воскресенія.

Однако, какъ мы ни возстаемъ въ этомъ случаѣ противъ утвержденій Штрауса, въ другомъ пунктѣ мы съ нимъ совершенно согласны. А именно, онъ того мнѣнія, что апостолы дѣйствительно вѣрили въ воскресеніе Иисуса; но вы-

воды, которые онъ отсюда дѣлаетъ, мы должны отвергнуть, какъ ложные. Онъ говоритъ:

„Нужно признать только то, что апостолы твердо вѣрили въ воскресеніе Иисуса; этого вполне достаточно, чтобы понять ихъ послѣдующее выступленіе и дѣйствія; на чемъ покоилась эта вѣра, что послужило основой для легенды о воскресеніи—этотъ вопросъ остается открытымъ; изслѣдователь можетъ отвѣтить на него такъ или иначе, но этимъ онъ не сдѣлаетъ болѣе понятнымъ источникъ христіанства“ (I, 148).

Какъ же образовалась у учениковъ вѣра въ воскресеніе Христа? Притворялся ли Онъ мертвымъ, а потомъ скрылся до Своей настоящей смерти куда-либо въ уединеніе? Басня объ оживленіи мнимо-умершаго Христа нашла въ лицѣ Штрауса справедливое и рѣзкое осужденіе. Вотъ его собственные слова:

„Полумертвый человѣкъ, вышедшій изъ гроба, какъ тѣнь бродящій вокругъ, нуждающійся въ помощи врача, для перевязки, подкрѣпленія и ухода и въ довершеніе всего изнемогающій отъ страданій,—такой человѣкъ не могъ произвести на апостоловъ впечатлѣніе побѣтителя могилы и смерти, Владыки жизни,—впечатлѣніе, которое стало основаніемъ всей ихъ послѣдующей дѣятельности; такое оживленіе скорѣе ослабило бы или совершенно уничтожило впечатлѣніе, полученное ими отъ Его жизни и смерти, но отнюдь не превратило бы ихъ печаль въ восхищеніе и не возвысило бы ихъ почитаніе до преклоненія“ (I, 153).

Штраусъ старается объяснить возникновеніе вѣры въ воскресеніе видѣніями учениковъ. Это воззрѣніе широко распространено и въ настоящее время. По этому воззрѣнію явленія Христа были внутренними явленіями или субъективными видѣніями, ошибочно принятыми подверженными имъ людьми за дѣйствительно существующее. Эти внутреннія явленія, галлюцинаціи, Штраусъ объясняетъ опредѣленнымъ направленіемъ мыслей у апостоловъ; частью также ихъ чрез-

вычайнымъ нервнымъ возбужденіемъ, вызваннымъ смертью Христа. Смерть Христа разбила надежды учениковъ на Месію. Но, придя въ себя отъ безнадежнаго состоянія, они рѣшили, что Онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ умереть, не довершивъ начатаго Имъ дѣла. Онъ не могъ кончить Свою жизнь, какъ покоренный и осужденный преступникъ. Его закончившееся крестной смертью Мессіанское творчество казалось ученикамъ только на время прерваннымъ, такъ какъ народъ оказался недостойнымъ Его. Поэтому небо приняло Его къ себѣ на нѣкоторое время, пока народъ не сдѣлается достойнымъ, чтобы Онъ вновь сошелъ на землю и закончилъ Свое царствованіе. Сюда присоединяется также сильное возбужденіе учениковъ, вызванное внезапной смертью Іисуса. Ихъ воображеніе безпрестанно работало надъ возобновленіемъ Его образа, такъ что они легко могли принять перваго встрѣчнаго незнакомца, столкнувшагося съ ними при загадочныхъ условіяхъ и произведшаго на нихъ сильное впечатлѣніе, за воскресшаго Учителя. Короче говоря: обманы чувствъ, путаница, душевное и нервное возбужденіе—вотъ что породило вѣру апостоловъ (I, 157—159). Благодаря вѣрѣ апостоловъ, образъ Іисуса былъ „помѣщенъ въ такую температуру“, гдѣ онъ въ пышномъ ростѣ неминусемо долженъ былъ пустить безчисленные внѣисторическіе побѣги, одинъ чудеснѣе другого. Боговдохновенный сынъ Давида обращается въ Сына Божія, рожденнаго безъ отца, Сынъ Божій обращается въ воплотившагося Создателя, человѣколюбивый, искусный врачъ—въ Воскресителя мертвыхъ и т. д. (I, 81). Вся Его жизнь окутывается блестящимъ облакомъ, возвышающимъ Его недосыгаемо надъ человѣчествомъ, но удаляющимъ Его все болѣе отъ естѣственной и исторической истины (I 164),

Въ ходѣ мыслей апостоловъ, описанномъ Штраусомъ, недостаетъ самаго важнаго и близкаго момента, соучастія апостоловъ въ смерти Іисуса. Они чистосердечно должны были сказать себѣ: хотя мы и не помогали Его распинать, хотя мы и не засѣдали тамъ, гдѣ надъ Нимъ произнесли

приговоръ, все же мы виновнѣ всѣхъ Его враговъ, потому что Онъ насъ избралъ, любилъ и прижималъ къ груди Своей, мы были Его спутниками въ путешествіяхъ и трапезахъ, Онъ обращался съ нами, какъ съ близкими друзьями. Что же мы сдѣлали?—Мы Его покинули, предали, отреклись отъ Него. Гдѣ намъ найти утѣшеніе? У Него! Но Онъ умеръ; мость, соединяющій Бога съ людьми, разрушенъ. Изъ такого отчаянія и унынія ихъ не могло вывести никакое видѣніе, только личная встрѣча съ истинно Воскресшимъ.

Что же касается видѣній, то Штраусъ думаетъ, что существованіе церкви достаточно объяснено установленіемъ вѣры апостоловъ, и что неважно, какимъ образомъ эта вѣра произошла. Но такимъ образомъ въ основу церкви кладутся грубой самообманъ и безумныя видѣнія. Это значитъ привѣшивать всемірную исторію на паутинкѣ! Критика Штрауса ставитъ передъ нами два чуда, одно изъ которыхъ я обязательно долженъ признать. Или я долженъ повѣрить, что Богъ, по Своему могуществу, воскресилъ изъ мертвыхъ тѣло Іисуса Христа, Своего Единороднаго Сына, или я долженъ допустить другое чудо, что церковь построена на основахъ самообмана и нервнаго возбужденія, и что такимъ образомъ воздвигнутая церковь проявила необыкновенное жизненное могущество, передъ которымъ отступило могущество римскаго государства, а также жизненную силу, которую нельзя было искоренить ни тюрьмами, ни пытками, ни огнемъ, ни львами, ни тиграми. Второе чудо было бы такимъ же удивительнымъ, какъ и первое, но это не было бы чудо Божье, а только лишь духовная ложь. Въ пылу нервнаго возбужденія бываютъ, конечно, видѣнія, но когда наступаетъ повседневная жизнь съ ея трезвой работой и непрерывной цѣпью лишеній и горя, то температура, обыкновенно, замѣтно охлаждается. Штраусъ умѣетъ пользоваться такими охлажденіями температуры душевной жизни, когда ему нужно доказать, что чудесныя исцѣленія Христа были не болѣе, какъ „фантастическія исцѣленія“ (I, 136), такъ какъ старая болѣзнь возвращалась, когда про-

ходило нервное и душевное возбужденіе. Онъ долженъ былъ бы и здѣсь предположить, что душевное возбужденіе и воображаемыя видѣнія улеглись мало-по-малу, и апостолы вернулись къ трезвой истинѣ, что Іисусъ все-таки умеръ. Но мы не находимъ ничего подобнаго ни у апостоловъ, ни у первыхъ христіанъ. Не нервное состояніе, а Божье чудо, свидѣтелями котораго они были, привело ихъ къ постоянному восторгу. Штраусъ совершенно неосновательно указываетъ на то, что какъ Петръ, проповѣдникъ воскресенія (Дѣян. 2), такъ и Павелъ имѣли иногда видѣнія (Дѣян. 10 и 2. Кор. 12). Оба апостола очень хорошо умѣли отличать подобныя состоянія отъ того, что они увидѣли и пережили въ ясномъ сознаніи, и нѣтъ болѣе сильной и трезвой проповѣди воскресенія, чѣмъ 1 Кор. 15 гл.

Исторія необходимо заключаетъ, что великія слѣдствія требуютъ великихъ причинъ. Могуцественный подъемъ умовъ, проявляющійся въ произведеніяхъ трехъ великихъ драматическихъ поэтовъ Греціи, Эсхила, Софокла и Эврипида, объясняется вліяніемъ на греческую жизнь персидскихъ войнъ. Эсхиль участвовалъ въ битвѣ при Саламинѣ, Софокль еще юношей предводительствовалъ побѣдными войсками при Саламинѣ, а Эврипидъ родился въ день Саламинской битвы. Послѣ персидскихъ войнъ въ Греціи взошла блестящая звѣзда въры въ побѣду добра во всемірной исторіи. Объ этомъ поетъ хоръ въ „Агамемнонѣ“ Эсхила. Точно также и въ день Сочествія Св. Духа, когда ап. Петръ возвѣстилъ о воскресеніи Христовомъ, для человѣчества началась новая жизнь. Христіанство вдохнуло новую жизнь правды, простодушія, любви и геройской силы въ отживающей, испорченной, извѣденной сомнѣніями человѣческой родъ и, какъ бы ни измѣнялась всемірная исторія, эта жизнь всегда будетъ могущественна въ насъ и около насъ. Кто вѣритъ въ Іисуса Христа, тотъ убѣждается и нынѣ, что въ Немъ дана побѣда надъ грѣхомъ и смертью и ручательство въ вѣчной жизни. Гдѣ царитъ Воскресшій, тамъ и нынѣ зарождается новая жизнь. Вся

исторія церкви есть исторія великаго воскресенія, и эта исторія воскресенія служитъ нагляднымъ доказательствомъ воскресенія Христа.

Только что упомянутая трагедія Эсхила „Агамемнонь“ начинается монологомъ сторожа, ожидающаго извѣстія о разрушеніи Трои. Наконецъ, онъ замѣчаетъ зарево на горахъ, которое свидѣтельствуеть: Троя пала! Огненною цѣпью проходящею черезъ всю исторію и возвѣщающею: „Христось Воскресъ“! являются воскресные дни, и пока стоитъ міръ, каждое воскресенье будетъ говорить другому: „Онъ воистину воскресъ“!

Перев. П. И. Селивановской.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Новый способъ пастырскаго воздѣйствія на приходъ.

При новыхъ условіяхъ крестьянской жизни, съ особою настойчивостью можно указать и рекомендовать такъ называемые *пастырскіе вечера*. Собственно говоря институтъ *пастырскихъ вечеровъ* — явленіе только послѣдняго времени. Какъ помнится, на немъ въ 1905—1909 г.г. остановилось духовенство Подольской епархіи. Заключается это нововведеніе въ слѣдующемъ. Священникъ дѣлитъ свой приходъ на участки и въ заранѣе назначенные дни отправляется сперва въ одинъ, потомъ въ другой участокъ, потомъ въ третій; и дѣлаеть это до тѣхъ поръ, пока не обойдетъ весь приходъ. Во время этихъ обходовъ священникъ, смотря по обстоятельствамъ, или *собираетъ* всѣ семьи назначеннаго участка *въ одинъ домъ для чтенія и бесѣды*, или обходитъ каждый домъ по отдѣльности.—Несомнѣнно, мѣра эта потребуетъ отъ священника громаднaго напряженія его силъ, но въ равной степени несомнѣнно и то, что она принесетъ приходу громаднѣйшую пользу въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

А за всѣмъ тѣмъ, надо сказать горькую истину: какъ бы ни былъ преданъ своему дѣлу священникъ, все же одинъ онъ никогда не достигнетъ такихъ результатовъ въ своей дѣятельности, чѣмъ когда у него есть помощники. *Помощники* эти и всегда были нужны священнику, а въ настоящее

время они нужны сугубо. Приведемъ, для поясненія нашей мысли, нѣсколько примѣровъ.

Возьмемъ, для примѣра, такую сторону пастырской дѣятельности, которая до сихъ поръ всегда была привилегіей самого священника—оглашеніе прихожанъ истинами вѣры. Наступаетъ время, когда за эту работу нужно браться всѣми силами, привлекая къ ней, подъ руководствомъ священника, не только діакона и псаломщика и вообще причтъ, но и лучшихъ учениковъ церковной школы, чтобы для cadaго поселка или ряда домовъ былъ свой „катехизаторъ“, чтобы каждый прихожанинъ былъ оглашенъ основнымъ истинамъ вѣры. Если этого не сдѣлаемъ мы, то въ теченіи какого-либо десятка лѣтъ это сдѣлають рыскающіе сектантскіе проповѣдники-пропагандисты. Сектантство и религіозный скептицизмъ, по свидѣтельству печати, во многихъ мѣстахъ въ послѣднее время находятъ такую удобную и восприимчивую почву въ народѣ, что рѣшительно приходится страшиться за будущее. И если это замѣчалось при прежней деревенской жизни, то что же будетъ теперь, когда прихожане разойдутся по отдѣльнымъ поселкамъ и хуторамъ? Въ деревнѣ каждый вновь пришедшій человекъ у всѣхъ на виду, а на хуторѣ кто его увидитъ? Тамъ онъ можетъ работать, сколько душѣ его угодно, никѣмъ не стѣсняемый и даже совершенно незнаемый.

Необходима самая энергичная борьба съ пьянствомъ, но, опять таки, чтобы достигнуть и здѣсь какихъ либо результатовъ, нужны люди убѣжденные, на которыхъ священникъ могъ бы положиться, какъ на своихъ добрыхъ помощниковъ и сотрудниковъ, при проведеніи въ жизнь пастырскихъ мѣропріятій для борьбы съ пьянствомъ. Вообще нуженъ кружокъ лицъ, разсѣянныхъ по разнымъ районамъ прихода и, подъ руководствомъ священника, объединенныхъ въ одну семью единствомъ своихъ убѣжденій,—людей воодушевленныхъ и энергическихъ, всею душою преданныхъ благу св. церкви и готовыхъ до послѣдняго издыханія послужить ея интересамъ,—вотъ, по нашему мнѣнію, та почва, на которой современный сельскій священникъ долженъ строить систему своихъ пастырскихъ мѣропріятій на пользу своей паствы, вступающей въ новыя условія своей экономической жизни!.. (Ценз. епарх. вѣдом.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 8-го февраля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу-*
Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 21 февраля.

Содержаніе: I. Памяти блаженнаго почившаго всероссійскаго пастыря о. Іоанна Кронштадтскаго. Свящ. А. Глаголевъ.—II. Апологія Христо-славленія. (Окончаніе). Свящ. А. Веселицкій.—III. Жизнь Иисуса—легенда или историческій фактъ? (Окончаніе). Перев. Н. П. Селивановской.

Памяти блаженнаго почившаго всероссійскаго пастыря о. Іоанна Кронштадтскаго ¹⁾).

Нынѣ вся православная Россія творить молитвенное поминовеніе блаженно почившаго о Господѣ великаго пастыря и молитвенника земли Русской отца Іоанна Кронштадтскаго ради исполнившейся въ сей день первой годовщины его честнаго преставленія. И сами собою воскресаютъ теперь въ душахъ нашихъ тѣ гнетущія мысли, тѣ чувства жгучей скорби по поводу невознаградимой потери, какія цѣлымъ ро-

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ день первой годовщины Кронштадтскаго пастыря—20 декабря 1909 года въ залѣ Кіевскаго Православнаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества.

емъ пронеслись тогда по лицу православной страны нашей—отъ царскаго престола до послѣдней хижины бѣдняка, отъ освященнаго собора іерарховъ помѣстной русской Церкви до каждаго рядового мірянина въ ней. Подлинно то былъ всеобщій, всенародный плачь всей православной Россіи, въ молитвенной памяти объ отцѣ Іоаннѣ сплотившейся въ одну нравственную семью и единодушно оплакивавшей въ Бозѣ почившаго отца и благодѣтеля своего. Смысль этого всеобщаго плача, этой всезахватывающей скорби мы не обинуясь можемъ выразить тѣмъ же восклицаніемъ, которымъ нѣкогда проводилъ пророкъ Елисей возносящагося на небо великаго учителя своего славнаго пророка Ілію: „Отець мой, отець мой! колесница Израиля и конница его (4 Цар. 2, 12)!“ воскликнулъ тогда пророкъ Елисей о пророкѣ Іліи, выражая ту мысль, что великій Ілія былъ могучимъ оплотомъ силы и безопасности современнаго ему Израиля. Подобнымъ образомъ и охватившее весь православный русскій народъ всеобщее чувство сиротства со смертію отца Іоанна есть выраженіе глубокаго сознанія, что въ лицѣ его святая Русь лишилась великаго оплота своей безопасности, потеряла истиннаго ангела-хранителя своего.

Подлинно, это былъ великій боголюбецъ и братолюбецъ, о которомъ опять можно повторить слова, сказанныя нѣкогда о пророкѣ Іереміи: „Это—братолюбецъ, который много молится о народѣ и святомъ градѣ“... (2 Макк. 14, 14). Въдѣ онъ слишкомъ 25 лѣтъ, т. е. всю вторую половину своего 53-лѣтняго пастырскаго служенія, занималъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, психологическій центръ русской народной жизни; въдѣ около личности Кронштадтскаго пастыря въ послѣднія 30 лѣтъ образовалось своеобразное народное движеніе на религіозно-церковной и морально-бытовой почвѣ. Притягательная сила о. Іоанна для широкихъ народныхъ массъ заключалась ближе и прежде всего въ неисчислимыя дѣла духовнаго и вещественнаго благотворенія, совершавшихся имъ для неограниченнаго круга людей: къ пастырю—несра-

вненному молитвеннику, къ пастырю—совѣтнику, къ пастырю—благотворителю устремлялись милліоны людей, имѣвшихъ нужду въ дѣйственной, врачующей немощи духа и тѣла, молитвѣ, въ духовномъ совѣтѣ, въ благотвореніи разнаго рода,—стремились и получали каждый въ мѣру своей вѣры. Но затѣмъ это безпримѣрное тяготѣніе народа къ почившему о. Іоанну, бывшему въ собственномъ смыслѣ всероссійскимъ народнымъ пастыремъ, имѣло въ своей основѣ, несомнѣнно, исключительную близость о. Іоанна народному сердцу, народному русскому духу, задушевному идеаламъ, завѣтнымъ чаяніямъ православнаго русскаго народа. „Подобно Ломоносову,—говорить г. Меньшиковъ—о. Іоаннъ вышелъ изъ глухихъ сѣверныхъ преданій, изъ той благочестивой старины, которая осталась въ полузабытомъ прозвищѣ: „Святая Русь“ Певдалекъ отъ освѣщающихъ сѣверъ, точно полярное сіяніе. гробницъ угодниковъ соловецкихъ о. Іоаннъ воспринялъ свое озареніе вѣры, свою глубокую приверженность къ непостижимому Богу, свою страсть къ Христу и къ общенію съ Нимъ чрезъ трогательные обряды, древніе, какъ самъ народъ, священныя, какъ родное прошлое... Пенодвижный и пламенный въ своей вѣрѣ отецъ Іоаннъ—самое великое, что создалъ простой народъ за послѣднія 80 лѣтъ. О. Іоаннъ—носитель народной культуры, отъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, отъ Сергія Радонежскаго до Тихона Задонскаго и Серафима Саровскаго. Плоть отъ благороднѣйшей плоти народа, кость отъ костей его, Кронштадтскій старецъ не мечталъ только о святой Руси, какъ Толстой, а самъ былъ святою Русью, самъ несъ ее въ своемъ сердцѣ. Вотъ чѣмъ онъ былъ дорогъ народу. Вотъ почему народъ сразу призналъ его своимъ, какъ всѣ видятъ свѣтильникъ на верху горы“¹⁾).

Давно и не напрасно сказано, что русскій нашъ народъ—богоносець, что высшее призваніе его—святость, а

¹⁾ М. Меньшиковъ „Христіанинъ“. 1909, май, стр. 187.

высшій идеаль „жить—Богу и правдѣ Его служить“. Но разладъ и противорѣчіе идеала съ дѣйствительною жизнію на Руси даетъ себя чувствовать нисколько не менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, если еще не болѣе,—и вотъ почему такой подлинный богоносець, какъ о. Іоаннъ, и былъ пастыремъ по сердцу народному.

Не случайно, думается (въ царствѣ благодати ничто не совершается случайно), и самое преставленіе его послѣдовало въ день празднованія св. Церковью памяти св. Игнатія Богоносца и въ первый день церковнаго предпразднества Рождества Христова: великій пастырь — богоносець, всю жизнь отдавшій на служеніе Христу Богу, воплотившемуся нашего ради спасенія, и долженъ былъ отойти къ Богу именно въ настоящій нарочитый день.

Благочестіе и праведность о. Іоанна, несомнѣнно, носятъ русскій народный отпечатокъ; въ о. Іоаннѣ сильно выразился и живо воплотился нашъ національный геній въ его религіозномъ направленіи. Однако было бы большой несправедливостью ограничивать его праведность однѣми чисто національными рамками. Напротивъ, въ его духовномъ обликѣ гораздо болѣе чертъ христіанства вселенскаго, евангельскаго. Это, конечно, надо сказать прежде всего о живой и животворящей вѣрѣ о. Іоанна въ Бога и Христа Спасителя, а также о не менѣе живой и дѣятельной любви его къ ближнимъ: обѣ эти коренныя христіанскія добродѣтели являли въ немъ истиннаго послѣдователя Христова и подлинно добраго пастыря по духу евангельскому. Вѣрою Христовою были проникнуты все его существо, вся его жизнь и дѣятельность; вѣра Христова была родною стихіею его духа; ею онъ жилъ въ каждое мгновеніе своей жизни и ею же возгрѣвалъ божественный пламень вѣры и любви въ сердцахъ милліоновъ людей. Въ высокой степени облагодатствованный, онъ съ полнымъ правомъ могъ бы приложить къ себѣ слово Апостола: *живу не тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). И Христосъ подлинно обиталъ въ

немъ,—обиталь не какъ отвлеченное начало, не какъ совокупность истинъ вѣры, но какъ живая Личность, какъ вѣчно-живущій Богочеловѣкъ, давшій и выну выполняющій Свое обѣтованіе вселяться въ сердцахъ любящихъ Его и отверзающихъ Ему двери сердца своего (Іоанн. 14, 21. 23. Апок. 3, 20). По вѣрѣ во Христа о. Іоаннъ какъ бы утратилъ свое личное существованіе, свою личную жизнь,—его жизнь сдѣлалась, по собственному и любимому его выраженію, „жизнію во Христвѣ“. „Излюбленная мысль о. Іоанна, которая главенствуетъ въ его проповѣдяхъ и дневникахъ, есть та дорогая для православнаго сознанія истина, что *всѣ мы въ Бога составляемъ одно: ангелы, святые угодники и христіане, совершающіе свое спасеніе, живые и умершіе*. Ближайшими способами этого единенія являются: возношеніе души нашей къ Богу въ молитвѣ и тѣснѣйшее соединеніе со Христомъ Богомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи“¹⁾.

Самымъ яркимъ проявленіемъ глубокой, живой и чудотворящей вѣры о. Іоанна была его молитва, чудотворными дарами которой онъ такъ прославился не только въ цѣлой Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Къ нему за молитвою обращались не одни православные, а и инославные, даже не-христіане: и тѣ многократно испытывали чудодѣйственную силу молитвы о. Іоанна. Молитва его, по заповѣди апостола, была непрестанная, и въ ней онъ черпалъ благодатныя силы для несенія непомерныхъ трудовъ и подвиговъ своего свыше полувѣковаго пастырскаго служенія. Въ молитвѣ своей о. Іоаннъ всегда зрѣлъ предъ собою Бога и святыхъ, почему и молящимся съ нимъ казалось, что тогда „небеса отверзались, и слышался шелестъ ангельскихъ крыльевъ“. „Когда, окруженный немощными, обездоленными и обремененными, онъ горячо призывалъ милость Божию, то многимъ чудилось, что Раздаятель милостей стоитъ вотъ тутъ гдѣ-то и только ждетъ, пока о. Іоаннъ кончитъ свой пламенный

¹⁾ Архіеу. Антоній. „Христіанинъ“. 1909. іюнь—іюль, стр. 392.

призывъ, чтобы излить просимыя милости“ („Христ.“ 1909; янв., стр. 147).

Изъ кладезя вѣры и молитвы получала освященіе вся жизнь о. Іоанна, бывшая воистину жизнiю праведника, единымъ „хожденiемъ предъ Богомъ“. Но особенно торжественно проявлялась вѣра о. Іоанна въ Бога, Милосердаго, Творца, Промыслителя, Спасителя и Освятителя при совершенiи „міроспасительной“ литургiи, когда чистая душа великаго пастыря разгоралась небеснымъ, божественнымъ пламенемъ вѣры, любви и молитвы. Тысячекратно выражалъ онъ мысль, что Божественная служба, болѣе всего литургiя—безцѣнное сокровище жизни, воспитаніе, врачеваніе, пища, предвкушеніе будущаго блаженства, и что Божественной литургiи, (ежедневно имъ совершаемой) онъ обязанъ не только постояннымъ обновленiемъ своихъ жизненныхъ силъ, но и самымъ продолженiемъ бытiя своего.

Пламенная любовь къ Богу, при живой—до осязательности—вѣрѣ въ Бога, у о. Іоанна нераздѣльно была соединена съ любовью къ людямъ,—своимъ и чужимъ, ближнимъ и дальнимъ, единовѣрнымъ и иноувѣрнымъ, а особенно къ душевно и тѣлесно страждущимъ всякаго рода. Отсюда его непримѣрная по объему и широтѣ благотворительность. Много, неисчислимо много благотворилъ онъ лично и непосредственно,—благотворилъ, по заповѣди Евангелiя, такъ, что лѣвая рука его не знала, что дѣлаетъ правая (Мате. 6, 3), благотворилъ безъ разсудочно-холодной разборчивости между просителями, идя на встрѣчу всякой непокрытой нуждѣ и бѣдности, подавая, до послѣдней возможности, всякому требующему дневнаго пропитанiя, одежды или иной насущной поддержки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внесъ въ дѣло русской благотворительности новое начало, отдавая предпочтеніе упорядоченной общественной благотворительности, основанной на разумныхъ и нравственныхъ началахъ труда, взаимопомощи и самопомощи. Созданный имъ (первый въ Россiи) домъ трудолюбiя въ Кронштадтѣ навсегда остается

памятникомъ его задушевныхъ думъ, его неустанныхъ заботъ о помощи бѣднякамъ, о направленіи ихъ жизни на путь добра, порядочности и спасенія. Одному Богу вѣдомы многочисленныя жертвы отца Іоанна на устройство по лицу земли Русской монастырей, храмовъ, школъ, всякаго рода просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

Кратко говоря, „явленіе духа и силы“ (1 Кор. 2, 4) въ лицѣ о. Іоанна—единственная разгадка его всенароднаго вліянія при жизни, всеобщаго народнаго плача о немъ по смерти его и—прибавимъ съ твердою надеждою—его неумирающей памяти и по смерти. Какъ истинный христіанинъ, какъ добрый пастырь Христова стада, онъ былъ носителемъ и выразителемъ той истинно духовной жизни, тѣхъ вѣчныхъ чистыхъ и возвышенныхъ стремленій и чаяній, какія должны быть присущи всѣмъ безъ изъятія христіанамъ. Знаменитое сочиненіе о. Іоанна „Моя жизнь во Христѣ“, переведенно на многіе европейскіе языки, должно быть настольною книгою каждаго христіанина, тѣмъ болѣе пастыря. Исполненный благодатнаго духа и силы, о. Іоаннъ въ теченіе полувѣка былъ признаннымъ духовнымъ вождемъ цѣлаго народа, былъ духовнымъ маякомъ, разливавшимъ лучи божественнаго и духовно-нравственнаго свѣта среди грѣховной тьмы, облежавшей страну нашу.

Было бы непозволительною дерзостью пытаться проникнуть въ тайну развитія совершенствованія о. Іоанна по закону Христову. „*Кто бо разумъ умъ Господень, иже изъяснитъ и?*“ (1 Кор. 2, 16). Но для насъ въ высокой степени важно, драгоцѣнно и поучительно самосвидѣтельство о. Іоанна о тѣхъ путяхъ и средствахъ нравственно-религіозной жизни, какими онъ пользовался въ началѣ своего жизненнаго подвига и которыхъ не оставлялъ и впоследствии.

„Что прежде всего, говоритъ о. Іоаннъ, положило начало моему обращенію къ Богу и еще въ дѣтствѣ согрѣло мое сердце любовью къ Нему? Это—святое Евангеліе. У родителя моего было Евангеліе на славяно-русскомъ языкѣ;

любилъ я читать эту чудную книгу, когда прїѣзжалъ домой на вакаціонное время, и слогъ ея и простота рѣчи были доступны моему дѣтскому разумѣнію; я читалъ и услаждался ею и находилъ въ этомъ чтеніи высокое незамѣнимое утѣшеніе. Это Евангеліе было со мною и въ духовномъ училищѣ. Могу сказать, что Евангеліе было спутникомъ моего дѣтства, моимъ наставникомъ-руководителемъ, утѣшителемъ, съ которымъ я сроднился съ раннихъ лѣтъ“. „Особенно я любилъ читать Библию и толкованіе Златоуста на Евангеліе“. „Съ первыхъ дней своего высшаго служенія въ церкви... я принялся за чтеніе Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества“.

Другой путь единенія съ Богомъ—внимательное изученіе богослуженія, этого великаго созданія Церкви. Съ глубокою болью замѣчая паденіе вниманія къ службѣ церковной и истекающее отсюда религіозное равнодушіе и холодность, о. Іоаннъ полагалъ, что виновны здѣсь не одни слушатели, а и самыя совершители: они не давали слушателямъ всего, что было дано въ богослуженіи, потому что сами не могли войти полными хозяевами во владѣніе сокровищницей богослуженія. Чтобы ввести слушателей въ духъ богослуженія, нужно самому понять душу богослуженія: оно написано слезами, любовію, слѣдовательно, только слезами и можно войти въ него. Нужно съ душой, раскрытой для любви, пытаться понять богослужебный чинъ Св. Церкви, воскресить въ душѣ своей тѣ чувства, какія создали литургію. И вотъ онъ читаетъ служебникъ и требникъ, вдумываясь въ каждую мысль, мысленно переносясь въ длинныя галлерей катакомбъ, въ тѣ горницы, гдѣ святыя „агапы“ совершались съ дѣйствительною Христовою любовію. Созданное вдохновеніемъ любви, оно и въ немъ будить то же вдохновеніе и дѣлаетъ его службу пророческой, воскрешаетъ въ ней служеніе христїанъ первыхъ вѣковъ.

Третій путь, обязательный для христiанина и пастыря,— молитва; этотъ путь—все: безъ него нѣтъ ни пониманiя Писанiя, ни пониманiя литургiи, какъ духовнаго дѣланiя. Молитва освѣщаетъ и страницы Писанiя и букву служебника. Но молитвѣ надо учиться. *Методъ* о. Иоанна въ усвоенiи дара молитвы прекрасно описанъ въ его дневникѣ. „Даръ молитвы приобрѣтается усилемъ. Средство для этого—настойчивость въ молитвѣ, а главное—въ способности сосредоточить свои мысли на образахъ Неба. Когда молишься Богу, вообрази живо, Кому ты молишься! Ты молишься безначальному и безконечному Царю всякой твари, всесвятому, всеблагому, всемогущему, премудрому, вездѣсущему, всеправедному, предъ Которымъ благоговѣютъ миллионы миллионъ ангеловъ различныхъ порядковъ, Коего воспѣваютъ воинства мучениковъ, сословіе пророковъ и апостоловъ, соборы святителей, преподобныхъ и праведныхъ“. Развить въ себѣ способность молитвы значитъ развить въ себѣ способность представлять себѣ живо Бога, Его святой ликъ. Самъ о. Иоаннъ въ высокой степени приобрѣлъ эту способность и во всякое время сосредоточивалъ въ себѣ великую силу молитвы. Но тайну этого благодатнаго молитвеннаго дара онъ хотѣлъ передать и другимъ, какъ видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго образнаго разсужденiя и наставленiя его о молитвѣ. „Зажигательное стекло тогда зажигаетъ дерево или бумагу, или другое что удобосгораемое, когда мы наведемъ его на предметъ такъ, что лучи солнечныя, сосредоточенныя въ фокусѣ стекла, всѣ сосредоточиваются на одной точкѣ зажигаемаго предмета, всею своею совокупностью дѣйствуютъ на него, и, такимъ образомъ, какъ бы все солнце въ уменьшительномъ видѣ помѣщается на предметѣ. Такъ и въ молитвѣ,—тогда душа наша согрѣвается, оживляется и воспламеняется умнымъ Солнцемъ—Богомъ, когда умомъ своимъ, какъ зажигательнымъ стекломъ, мы наведемъ на сердце, какъ на духовную точку въ нашемъ существѣ, это мысленное Солнце, и когда Оно будетъ дѣйствовать на сердце всею

Своею простотою и Своею силою. Тоже о Богоматери, объ ангелахъ и святыхъ. Наведи на свое сердце ихъ образы такъ, какъ они есть, со всею силою и святынею пусть сердце приметъ озареніе ихъ на себя съ возможною полнотою и силою, и оно воспламенится ихъ любвеобильнымъ, какъ бы огненнымъ дѣйствіемъ: ихъ чистота, святость, благодать, сила сообщится твоему сердцу, и оно будетъ само очищаться, само укрѣпляться въ вѣрѣ и любви, и чѣмъ далѣе, чѣмъ рѣшительнѣе и постояннѣе ты будешь имѣть сердце свое обращеннымъ къ Нему и Его святымъ, тѣмъ больше сердце твое будетъ просвѣщаться, очищаться и оживляться“. Легко видѣть, что въ этихъ словахъ великаго молитвенника начертывается опытно извѣданный имъ самимъ путь молитвеннаго подвига, и преподается духовное руководство къ тому же подвигу и всѣмъ вѣрующимъ.

Четвертый путь дѣятельнаго единенія съ Богомъ, по ученію о. Іоанна,— работа на меньшихъ братьевъ, дѣятельная любовь къ ближнимъ. Въ этой добродѣтели благотворенія, частнаго и общественнаго, какъ мы видѣли, о. Іоаннъ преуспѣлъ въ особенности, и слава его, какъ великаго благотворителя, равнялась съ его чрезвычайно извѣстностью чудотворящаго молитвенника.

Чтеніе Слова Божія, изученіе исторіи и состава Богослуженія Православной Церкви, молитва и благотворительность—таковы четыре пути духовно-нравственнаго совершенствованія о. Іоанна, по собственному его свидѣтельству.

Но мы нисколько не погрѣшимъ, напротивъ, восполнимъ недостающее; если укажемъ еще и пятый путь восхожденія нынѣ поминаемаго великаго пастыря къ совершенству христіанской жизни. Это— путь исповѣдничества и страданія за проповѣдуемую имъ евангельскую, вселенско-христіанскую истину. Мы думаемъ и убѣждены, что о. Іоаннъ никогда не достигъ бы того совершенства праведности, какое было его удѣломъ, если бы не отличался въ теченіе всей жизни своей тѣми добродѣтелями перенесенія скорбей и пре-

слѣдованій за истину Христову, награды за которыя обѣщаны Христомъ Спасителемъ въ восьмомъ и девятомъ блаженствахъ (Мѣ. 5, 10. 11. Лук. 6, 22). Принято думать, что такое преслѣдованіе и гоненіе за истину Христову о. Іоаннъ началъ испытывать лишь съ 1905 года, когда началась противъ него ожесточенная газетная травля и вообще обнаружилась съ необычайною силою вражда извѣстныхъ слоевъ общества противъ Кронштадтскаго пастыря.

Но такой взглядъ, ограничивающій злключенія о. Іоанна тремя послѣдними годами его жизни, необходимо признать крайне поверхностнымъ, невѣрнымъ и по существу и фактически. Рѣдко добродѣтели и ея носители остаются безъ преслѣдованія со стороны порока и людей порочныхъ. Если уже въ Вѣтхомъ Завѣтѣ великіе подвижники благочестія, „тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли“ и терпѣли всяческія лишенія и озлобленія до побоевъ и мученической смерти (Евр. 11, 36—38), то въ Новомъ Завѣтѣ такое положеніе добродѣтели въ мірѣ предсказано Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Изъ устъ нашего Господа первые слѣдователи Его слышали не только предсказаніе: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоанн. 16, 33, сн. 15, 19), но и предостереженіе: *горе, егда добръ рекуть вамъ вси чловѣцы* (Лук. 6, 26).

Возможно ли теперь, чтобы людская злоба и вражда оставляла въ покоѣ о. Іоанна въ его слѣдованіи по пути добродѣтели цѣлыя 50 лѣтъ его служенія (1855—1905 г.г.)? Это, безъ сомнѣнія, вещь немыслимая сама по себѣ и совершенно недопустимая по фактическимъ даннымъ. Въ дѣйствительности жизненныя тернія устлали весь жизненный путь Кронштадтскаго пастыря, начиная съ перваго года его пастырства. Непониманіе и даже издѣвательства со стороны отдѣльныхъ представителей населенія Кронштадта, непріязнь настоятеля собора къ о. Іоанну, неблаговоленіе къ нему епархіальной власти, зависть сонастырей, столкновенія съ

гражданскими властями и многое другое вплоть до обвинений въ еретичествѣ (!!) — все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало бы жизненное иго отца Іоанна неудобноносимымъ, если бы его живая вѣра въ Христа Спасителя, его высокое христіанское терпѣніе и благодушіе не превращали это иго въ благое и легкое иго и бремя Христово. О. Іоаннъ всю жизнь понесъ подвигъ исповѣдничества за истину Христову, — и это болѣе всего возвысило его на ту духовную высоту, на какой онъ стоялъ по всенародному признанію. И мы глубоко вѣримъ — и думаемъ, что выражаемъ общенародное наше убѣжденіе, что къ памятнику, воздвигнутому себѣ о. Іоанномъ своими дѣлами и жизнiю, никогда не заростетъ народная тропа.

Запомнимъ твердо, что тѣ пути христіанскаго совершенствованія, какіе проходилъ о. Іоаннъ, — не иные, какъ общехристіанскіе, — и на насъ, его почитателей, лежитъ священный долгъ. — въ мѣру силъ cadaго подражать ему въ слѣдованіи по тѣмъ путямъ. Это, несомнѣнно, будетъ пріятнѣйшій ему плодъ благоговѣйнаго почитанія нами его памяти.

А теперь, послѣдую наставленію о. Іоанна — обращаться къ почившимъ съ просьбами, какъ къ живымъ, воззовемъ — отъ лица пастырства православнаго и всего нашего православнаго народа — съ мольбою къ его безсмертному духу: *да будетъ духъ, иже въ тебѣ, сунутъ въ насъ* (4 Цар. 2, 9)!

Свящ. А. Глазюлевъ.

Апология „Христославленія“.

(Окончаніе ¹⁾).

Можно ли и извинительно ли намъ, пастырямъ Церкви русской, съ легкимъ сердцемъ смотрѣть на упадокъ и вымирание одного изъ самыхъ распространенныхъ у насъ церковныхъ обычаевъ, и въ правѣ ли мы согласиться сразу съ установившимся о немъ мнѣніемъ нашего маловѣрнаго, религиозно-индифферентнаго, а отчасти и прямо враждебнаго вѣрѣ общества и печати? Нѣтъ, это было бы съ нашей стороны не малымъ грѣхомъ и непростительной податливостію, слабостію въ ущербъ святому дѣлу вѣры Христовой. Нашъ долгъ—беречь, охранять все принятыя Церковію и существующія въ ней символическія, культовые дѣйствія, обряды, обычаи, если они сами по себѣ являются естественными, соотвѣтствующими духовной природѣ нашей обнаруженіями вѣры и въ то же время средствами ея оживленія и поддержанія въ христіанской душѣ. Пусть даже извѣстный символъ, обрядъ обычай, религиозный, кажутся для извѣстной части общества и на нѣкоторое время утратившими внутреннюю значимость, дѣйственность, плодотворность, это еще не должно давать повода къ ихъ уничтоженію, какъ явленій больше якобы ненужныхъ, отжившихъ.

Вѣдь самый глубокой жизненный символъ, самый прекрасный и естественно-необходимый обрядъ-обычай могутъ быть обезцѣнены при невнимательномъ отношеніи къ нимъ, по невоспріимчивости къ ихъ внутреннему содержанію или по винѣ лицъ, пользующихся ими. Вотъ въ этомъ-то и заключается суть дѣла, и, намъ думается, въ данномъ случаѣ русской церковный обычай славленія оказался въ упадкѣ не по своей внутренней несостоятельности, не вслѣдствіе утраты смысла и значенія жизни религиозной, а именно по винѣ

¹⁾ См. № 7-й за 1910-й г.

отчасти насъ самихъ, а отчасти вслѣдствіе общаго упадка религіозной жизни, ослабленія у насъ религіозной чуткости и способности къ живымъ религіознымъ переживаніямъ.

Итакъ, прежде чѣмъ соглашаться съ ходячимъ мнѣніемъ и легкомысленно признавать ненужность въ нынѣшнее время обычая славленія, попытаемся взглянуть и оцѣнить его съ точки зрѣнія религіозной его жизненности, естественности и соотвѣтствія религіозному состоянію вѣрующихъ, внѣшнимъ выраженіемъ которыхъ по идеѣ должно быть славленіе и было дѣйствительно въ прежней вѣрующей православной Руси. Въ своей внутренней психологической основѣ наше славленіе имѣетъ, думаемъ мы, самый чистый возвышенный порывъ религіозно-настроенной души, стремящейся подѣлиться съ другими вѣрующими, а, пожалуй, и со всѣмъ міромъ, избыткомъ религіознаго восторга, воодушевленія, пробужденнаго радостной религіозной истиной, озарившей душу человѣка. Это неудержимый естественный порывъ, требующій обнаруженія, заставляющій человѣка дѣлиться внутреннимъ духовнымъ сокровищемъ съ ближними, чтобы и ихъ приобщить къ переживаемому восторгу, подѣлиться и съ ними небесной истиной, завладѣвшей всѣмъ существомъ его. Подобное проявленіе нашей духовной природы касается и не одной религіозной области, оно всеобщее. Какимъ бы высокимъ чувствомъ, эмоціей, даже новымъ идейнымъ приобрѣтеніемъ, открытіемъ ни былъ захваченъ человѣкъ, онъ стремится подѣлиться ими непременно съ родственными душами. Здѣсь невольно вспоминается намъ, какъ подтвержденіе и иллюстрація нашей мысли, одно извѣстное стихотвореніе Фета, въ которомъ неподражаемо представленъ подобный естественный порывъ восхищеннаго красотой внешней природы человѣка подѣлиться своимъ восторгомъ съ другими.

„Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
 Разсказать, что солнце встало,
 Что оно горячимъ свѣтомъ

По листамъ затрепетало;
 Разсказать, что лѣсъ проснулся,
 Весь проснулся, вѣткой каждой,
 Каждой птицей вострепенулся
 И весенней полонъ жаждой...
 Разсказать, что съ той же страстью,
 Какъ вчера, пришелъ я снова,
 Что душа все такъ же счастью
 И тебѣ служить готова;
 Разсказать, что отовсюду
 На меня весельемъ вѣть,
 Что не знаю самъ, что буду
 Пѣть,—но только пѣсня зрѣть!..“

Если поэтъ подъ обаяніемъ жизни и красоты весенней природы смѣшитъ подѣлиться своими чувствами съ родственной душой, то не болѣе ли естественно человѣку, проникнутому религіознымъ воодушевленіемъ при созерцаніи и переживаніи величайшихъ истинъ и фактовъ вѣры, идти ко всѣмъ близкимъ и подѣлиться святымъ восторгомъ съ ними! Развѣ глубоко вдохновленный религіозно-праздничными мыслями и чувствами пастырь душъ человѣческихъ не долженъ испытывать подобнаго же стремленія идти къ нимъ, чтобы пріобщить ихъ къ своей святой радости, подѣлиться съ ними полнотою религіознаго восторга? Да, непременно пойдетъ такой пастырь къ своимъ пасомымъ съ радостнымъ привѣтомъ—разсказать, что Солнце правды встало изъ гроба и всюду проливаетъ жизнь, пойдетъ и съ другимъ привѣтомъ, повѣдать бѣднымъ людямъ, что днесъ родился имъ Христосъ Господь!

И намъ вѣрится, что этотъ именно порывъ, это стремленіе охваченной, преисполненной свѣтлой вѣрою и воодушевленіемъ души лежитъ въ основѣ нашего церковнаго обычая славленія. Шли и идутъ пастыри нашей Церкви разсказать міру,—своему приходу,—въ дни великихъ праздниковъ, дни духовной животворной весны обновленія и воскресенія

умершей природы человѣческой, — о великихъ, вѣчно живыхъ и вѣчно повторяющихся въ личномъ переживаніи для вѣрующихъ душъ событіяхъ, повинуюсь своему неодолимому влеченію, и вносятъ своимъ „славленіямъ“ религіозное оживленіе и подъемъ въ жизнь своихъ пасомыхъ. И вносится дѣйствительно свѣтъ и духовная радость нашимъ праздничнымъ славленіемъ въ дома и въ семьи христіанъ тамъ, гдѣ вконецъ не вымерла религіозность, гдѣ есть еще чуткость сердца и воспріимчивость ума къ животворнымъ истинамъ Христовой вѣры, если только славящіе сами проникнуты, искренне воодушевлены святымъ религіознымъ чувствомъ. Отрицать это могутъ лишь тѣ, кому не приходилось самому славить или наблюдать „христославленія“ въ глухихъ деревенскихъ приходяхъ: съ какой неподдѣльной радостью встрѣчается здѣсь причтъ всѣмъ селеніемъ, какъ радушно встрѣчаютъ всѣ члены семьи батюшку отъ мала—до велика и съ благоговѣніемъ идутъ ко кресту послѣ праздничнаго краткаго, иногда даже и спѣшнаго, славленія! Не оставитъ ли необходимо подобное посѣщеніе батюшки съ крестомъ своихъ благотворныхъ слѣдовъ послѣ себя? О, это несомнѣнно, и по уходѣ причта долго еще будетъ звучать въ бѣдной хатѣ эхо отрадныхъ пѣснопѣній о Христѣ, Его рожденіи, Его воскресеніи, исполняя сердца простыхъ людей свѣтлымъ, теплымъ чувствомъ, поднимая ихъ души надъ сѣрой, трудовой дѣйствительностію, и такъ возглавленный праздникъ будетъ для нихъ именно отрадною порою духовно-религіознаго подъема, обновленія.

Вотъ въ чемъ, думается, вѣчный смыслъ нашего обычая, непреходящее значеніе его, какъ нравственно-религіознаго воспитательнаго средства для православнаго народа, притомъ же создавагося изъ самыхъ глубокихъ, естественныхъ психическихъ основъ. Не скажемъ, что для всѣхъ уже и городскихъ прихожанъ, даже интеллигентной среды, исконный обычай славленія сдѣлался какъ бы устарѣлымъ и ненужнымъ. Это же—прямое преувеличеніе и односторонность. Нѣтъ, найдется и среди членовъ городскихъ приходовъ не

мало еще просто и сердечно вѣрующихъ людей, привыкшихъ возглавлять великіе праздники по русскому обычаю также „славою“ съ крестомъ, для которыхъ безъ этого освященія Церковію дома и семьи можетъ показаться и „праздникъ не въ праздникъ“, какъ говорятъ. Для городскихъ прихожанъ съ подобнымъ настроеніемъ несомнѣнно христославленіе имѣетъ тоже неоцѣненное, животворное значеніе, что и для бѣднаго жителя деревни, придавая всему праздничному времени религіозное освященіе и направленіе, не смотря на всевозможныя уклоненія въ сторону свѣтскихъ удовольствій и развлеченій. А это одно уже дорого тѣмъ, что все же можетъ поддержать и въ городахъ христіанскій характеръ праздниковъ, утрачивающійся нынѣ болѣе и болѣе, и въ извѣстной мѣрѣ послужить къ поддержанію ослабѣвающей въ обществѣ религіозности.

При такой внутренней цѣнности разсматриваемаго нами церковнаго обычая христославленія намъ, духовенству, ни въ какомъ случаѣ не позволительно раздѣлять общераспространеннаго мнѣнія о немъ, а, напротивъ, нашъ долгъ заботиться объ его утвержденіи и возрожденіи съ устраненіемъ сопровождающимъ нынѣ этотъ обычай не желательныхъ тѣневыхъ сторонъ. Намъ необходимо взять его подъ свою охрану и защиту отъ взводимыхъ на него, часто напрасно, обвиненій.

Пусть будетъ справедливо утвержденіе, что теперь славленіе для большинства вѣрующихъ не представляетъ уже дѣйствительно вѣрнаго средства оживленія религіозности, что это устарѣлый якобы обычай, не отвѣчающій современнымъ запросамъ христіанъ. Для насъ достаточно, если изъ десяти христіанскихъ семействъ для одного наше посѣщеніе съ крестомъ и „славой“ праздникъ приноситъ духовный свѣтъ и радость и утѣшеніе, чтобы продолжать поддерживать святой обычай. Вѣдь и апостоловъ не вездѣ встрѣчали съ довѣріемъ и радостію, не вездѣ ихъ проповѣдь оживляла сердца людей, но они шли и шли по всему міру со своимъ „хри-

стославлепіемъ“ и побѣдили міръ!.. Намъ ли смущаться и останавливаться въ виду встрѣчаемаго равнодушія, а порой и осужденія, когда мы ходимъ съ крестомъ, по приходу, когда будимъ лучшія свѣтлыя чувства вѣры въ своихъ пасомыхъ! Да не будетъ!

При современномъ несомнѣнномъ охлажденіи къ христославленію большинства православныхъ русскихъ, не смотря на его внутреннюю жизненность и естественно-глубокій религіозный смыслъ, не объ упраздненіи его намъ нужно думать, но о причинахъ такого ненормальнаго явленія. И что, если окажется, что этою причиною здѣсь являемся въ значительной степени мы сами. Дѣло, вѣдь, въ томъ, что религіозное воодушевленіе, подъемъ вѣры имѣютъ контагіозный характеръ. Чтобы наше славленіе имѣло дѣйственную силу на прихожанъ, прежде всего сами славящіе должны быть религіозно воодушевлены, преисполнены живыхъ религіозно-праздничныхъ чувствъ, душевныхъ переживаній, и тогда только ихъ славленіе можетъ вдохновить другихъ. Но если пастыри христославы явятся въ приходъ, какъ лишь рабскіе исполнители традиціонной обязанности, съ чувствомъ тяготы и съ внутреннимъ сознаніемъ ея бесполезности, то можно ли ожидать отъ подобнаго славленія благодатныхъ плодовъ? Не напрасно говорится: сердце сердцу вѣсть подаетъ. Не въ такомъ ли, вотъ, отношеніи къ святому дѣлу и заключается тайная причина упадка жизненнаго обряда обычая? Разъ и два встрѣтивъ такого равнодушно-механически и даже съ видимымъ отягощеніемъ исполняющаго свой долгъ пастыря-христослава, прихожанинъ невольно и самъ охладѣетъ къ исконному обычаю встрѣчи праздника и не вынесетъ изъ него ни духовнаго назиданія, ни подъема религіознаго чувства.

Не здѣсь ли кроется также обостреніе щепетильнаго отношенія къ добротнымъ даяніямъ, сопровождающимъ у насъ обыкновенно славленіе. Когда было на лицо религіозное воодушевленіе и у славящихъ и у прихожанъ, тогда матеріальная сторона дѣла, конечно, отступала на второй планъ: ве-

щественно-проявляемое усердіе прихожанъ было естественнымъ обнаруженіемъ ихъ духовнаго настроенія, и оно не могло смущать пріемлющихъ его, какъ исходящее отъ сердечнаго расположенія. Но теперь, при ослабленіи и даже утратѣ этой всеоживляющей духовной связи между сторонами, всякая матеріальная жертва, всякое даяніе должны были измѣнить свое значеніе и въ глазахъ дающаго и въ сознаніи принимающаго. Для перваго кажется, что за тѣмъ лишь духовенство и славить, чтобы понабрать даяній; для послѣдняго всякое даяніе, всякій рубль, полученный за славленіе, отзывается чѣмъ то горькимъ, укоризненнымъ, унижительнымъ: словно за тѣмъ и ходимъ, чтобы собирать эти несчастные гроши и другія подаенія. Но „изначала“, при жизненности обычая, при искренности религіознаго воодушевленія и у пастыря и прихожанъ, думается, „не бысть тако“, и утвержденіе, особенно распространенное нынѣ, что „всѣ эти славленія выдуманы духовенствомъ только для благовиднаго кормленія“, просто намъ кажется неосновательной и незаслуженной обидой по адресу беззащитнаго духовенства. Оно умѣло и умѣетъ отличать и разграничивать матеріальную сторону существованія отъ своего прямого пастырскаго служенія и дѣла. И въ прошломъ и теперь прямо вещественные сборы съ прихода, утвержденные обычаемъ, оно не связывало и не соединяло нарочито съ религіозными дѣйствіями. Нигдѣ не собираютъ, на примѣръ, ругу съ крестомъ и въ эпитрахили, и другіе сборы не соединяютъ съ какими-либо молитвословіями. Одного этого, кажется, достаточно для опроверженія укоризненнаго и обиднаго обвиненія, взводимаго на насъ. Если къ приведеннымъ выше доводамъ въ пользу удержанія древне-церковнаго обычая прибавить еще соображенія о значеніи вообще въ нашей жизни вѣковыхъ правовъ и обычаевъ, то легкомысленное отношеніе къ славленію съ нашей стороны будетъ совсѣмъ не извинительнымъ. Его не замѣнять рекомендуемыя нѣкоторыми изъ насъ же визитаціи прихожанъ по примѣру протестантской церкви, а мы лишимъ

ся одного изъ немногочисленныхъ и притомъ самаго дѣйстви-
тельнаго средства для духовнаго объединенія съ пасомыми и
подъема въ нихъ религіозной жизни. Нѣтъ, собратіе-пасты-
ри, будемъ настойчиво, воодушевленно всегда славить Хри-
ста, рождающаго и воскресшаго, по всяемъ и градамъ Руси
православной: это—нашъ долгъ, быть можетъ трудный, но
непостыдный и прямой.

Свящ. *Аванасій Веселицкій.*

Жизнь Іисуса—легенда или историческій фактъ?

(Окончаніе ¹⁾).

5. *Что же осталось?*

Въ древнѣйшей обработкѣ „Жизни Іисуса“, за вычетомъ
всѣхъ мифологическихъ примѣсей, изъ евангельскихъ повѣ-
ствованій остались небольшіе остатки, собрагъ которые во-
едино Штраусъ впервые пытается въ народномъ изданіи.
Здѣсь онъ хочетъ начертить общій обликъ того, Кто такой
былъ Іисусъ и чего Онъ хотѣлъ (I, 81). Раньше онъ кри-
тическимъ путемъ доказалъ, чѣмъ Іисусъ не былъ и чего
Онъ не сдѣлалъ, а именно ничего сверхчеловѣческаго и
сверхъестественнаго. Если отрицать все чудесное, то оста-
ется поразительно мало. Штраусъ пишетъ въ заключеніи на-
роднаго изданія (II, 158): „Послѣ удаленія массы разнооб-
разныхъ мифическихъ ползучихъ растеній, обвивающихся во-
кругъ дерева, мы видимъ, что то, что мы считали листвою,
цвѣтомъ и образомъ дерева, принадлежало, по большей ча-
сти, именно этимъ ползучимъ растеніямъ; послѣ уничтоже-
нія этихъ послѣднихъ дерево не принимаетъ своей истинной
формы и образа — паразиты уничтожили его собственные
листья, высосали его соки, изуродовали его сучья и вѣтви;

¹⁾ См. № 7-й за 1910 г.

природный образъ дерева исчезъ“... „Многія историческія черты образа Іисусова совершенно измѣнились и исчезли, благодаря образовавшимся на нихъ мионическимъ наростамъ“.

Поэтому изъ всѣхъ великихъ историческихъ людей мы чуть ли не хуже всѣхъ освѣдомлены объ Іисусѣ. Образъ Сократа, жившаго лѣтъ на 400 раньше Іисуса, рисуется намъ несравненно яснѣе, благодаря описаніямъ Ксенофонта и Платона.

„Чистому воздуху и ясному свѣту аттическаго образованія и просвѣщенности, благодаря которымъ такъ отчетливо выдвигается личность Сократа, противопоставляется густой, пасмурный туманъ іудейскихъ заблужденій и суевѣрій, соединенныхъ съ александрійской мечтательностью, которыя скрываютъ человѣческія черты образа Христа“ (II, 159).

Поразительно, прямо поразительно! Ни одинъ человѣкъ не производилъ на другихъ такого сильнаго впечатлѣнія, ни одинъ не оставилъ такихъ глубокихъ слѣдовъ своей дѣятельности; и образъ Его для насъ долженъ быть неяснымъ! Въ этомъ будто бы виноваты евангелисты и апостолы, прикрывшіе настоящую исторію произведеніями своей фантазіи, такъ что истину различить невозможно. Пусть вѣрять этому, кто можетъ!

Что же послѣ этого остается? Іисусъ, какъ говоритъ Штраусъ (I, 106), имѣлъ отъ природы благородную эллинскую натуру, полную веселой беззаботности и относящуюся ко всѣмъ людямъ сердечно, какъ къ братьямъ. Въ Немъ было что-то ясное, цѣльное. Его прекрасная натура побуждала Его къ поступкамъ свѣтлымъ и радостнымъ. Мы нигдѣ не находимъ свидѣтельствъ о томъ, что этотъ гармоническій характеръ сложился, благодаря тяжелой душевной борьбѣ, какъ было съ ап. Павломъ, бл. Августиномъ и Лютеромъ, очистившимся, благодаря борьбѣ и могучему напряженію.

„Душевное развитіе Іисуса шло въ общемъ ровно, если не безъ сильнаго напряженія, то безъ значительныхъ кризи-

совъ; это объясненіе придаетъ живой смыслъ догмату о безгрѣшности Іисуса, который остается совершенно непонятнымъ въ неподвижномъ церковномъ толкованіи“ (I, 106).

Прекрасная душа Іисуса побуждала Его сдѣлаться проповѣдникомъ идеала совершенствованія. Среди защитниковъ человѣческаго идеала Іисусъ безспорно занимаетъ исключительное мѣсто. Онъ внесъ въ этотъ идеалъ черты, раньше въ немъ отсутствовавшія: терпѣніе, милосердіе и любовь къ ближнему. Не противорѣчитъ ли себѣ Штраусъ, рѣзко критикуя изреченія Господа (см. въ 39 главѣ о мессіанскомъ второмъ пришествіи Іисуса)? Штраусъ находитъ, что тотъ, кто надѣется вернуться на землю, въ качествѣ судьи всѣхъ людей, какъ не возвращался ни одинъ человѣкъ,—это если не сумасшедшій, то во всякомъ случаѣ вредный мечтатель. Іисусу не можетъ служить оправданіемъ то обстоятельство, что у всѣхъ великихъ историческихъ людей высокія дарованія ума и сердца бываютъ обыкновенно соединены съ нѣкоторой долей мечтательности. Поэтому Штраусъ прямо говоритъ въ концѣ главы, что это непозволительное самопревозношеніе, если какой-либо человѣкъ вообразить себѣ, что онъ выше всѣхъ прочихъ, и противопоставляетъ себя имъ, какъ ихъ будущій судья (I, 124). Такимъ образомъ мы видимъ, что Іисусъ не совершилъ Свой жизненный путь безгрѣха.

Все прочее такъ же убого, какъ и описанные нами моменты. Мы должны отказаться отъ подробностей жизни Іисуса. Объ юности Іисуса мы знаемъ только то, что Онъ родился въ Назаретѣ и имѣлъ отца-плотника; въ именахъ родителей Іосифа и Маріи мы также должны предполагать историческую достовѣрность. Безусловно, евангелія содержатъ изреченія, приписываемыя Іисусу, которыя и мы можемъ со всей достовѣрностью приписать Ему.

Но правдоподобность эта далеко не простирается (II, 160). О дѣлахъ Іисуса, нельзя рассказать многого. Возможно, что, благодаря большому возбужденію умовъ, которое

Онъ вызвалъ, могли происходить единичные необыкновенные случаи — фантастическія исцѣленія, какъ ихъ называетъ Штраусъ (I, 136); но старыя болѣзни возвращались съ успокоеніемъ нервовъ. Изъ прочей жизни Иисуса мы знаемъ очень мало достовѣрныхъ фактовъ, исключая Его путешествіе въ Іерусалимъ. Но критика Штрауса не щадитъ даже факта торжественнаго входа Христа въ Іерусалимъ. О послѣдней вечери Христа съ апостолами, о рѣчахъ, которыя Онъ при этомъ произносилъ, о всѣхъ подробностяхъ, ее сопровождавшихъ, о молитвенной борьбѣ въ Гефсиманскомъ саду—обо всемъ этомъ мы можемъ имѣть только смутныя предположенія. И эти событія изъ жизни Иисуса разсматриваются, какъ поэтическія сказанія позднѣйшихъ христіанскихъ общинъ (I, 145). Какъ будто можно было что-либо подобное изобрѣсти, если бы это дѣйствительно не случилось!! Вдобавокъ ко всему, Штраусъ находитъ недостатки въ идеальной личности Христа. Штраусъ осуждаетъ Иисуса за то, что Онъ жилъ, какъ Учитель, не имѣя семьи, что Онъ, повидимому, былъ враждебенъ въ отношеніи къ промышленности, не обращалъ вниманія на все, касающее искусства и украшающей жизнь красоты, и не поощрялъ дѣятельности человѣка, какъ гражданина (II, 161); при этомъ Штраусъ забываетъ, что все это лежало внѣ исключительнаго призванія Иисуса къ освобожденію человѣчества.

Штраусъ своей беспощадной критикой обратилъ жизнь Иисуса въ развалины. Справедливо, что только критически изслѣдованная въ духѣ современной науки исторія можетъ быть исторіей въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но если исторія путемъ критики совершенно уничтожается, то остается только пустынная поверхность, на которой пытаются воздвигнуть изобрѣтенныя въ новѣйшее время миѳы. Если только пять процентовъ изъ того, что описано въ Евангеліи, принимаются за истину въ то время, какъ все прочее объявляется выдумкой, то почему нельзя предположить, что и эти пять процентовъ представляютъ собою выдумку? Послѣ-

довательное мышленіе требуетъ единственно здраваго вывода: Иисусъ вообще никогда не жилъ, и въ послѣднее время, не стѣсняясь, сдѣлали подобный выводъ. Отъ Штрауса прямой путь къ Кальтгоффу. Фактъ жизни Иисуса исторически достоверенъ. Римскій историкъ Тацитъ упоминаетъ, что Иисусъ былъ распятъ при римскомъ императорѣ Тиберіи; если бы языческіе писатели даже совершенно умалчивали объ этомъ фактѣ, то достаточно было бы одного существованія Церкви для доказательства его достоверности. Христосъ жилъ, получалъ, творилъ чудеса и принималъ страданія, какъ объ этомъ повѣствуютъ евангелисты. Онъ умеръ, и ученики увидѣли Его воскресшимъ послѣ смерти; съ этой вѣрой вышли они въ свѣтъ и положили за нее жизнь свою. До скончанія вѣка будетъ существовать общество людей, вѣрующихъ въ Христа и благодарящихъ Вѣчнаго Спасителя и Избавителя, къ которому они, умирая, желали бы обратиться подобно архидіакону Стефану: „Господи Иисусе, прими духъ мой!“ Итакъ, читатель, если ты желаешь убѣдиться, гдѣ истина, возьми въ руки Новый Завѣтъ и прочти всѣ евангелія, которыя рисуютъ Спасителя такимъ простымъ и въ то же время такимъ неотразимымъ, и пусть прочитанное тобой укоренится въ сердцѣ твоёмъ. Евангелія сами свидѣтельствуютъ о своей истинности; они покоряютъ наши сердца, склоняютъ наши колѣни передъ святой личностью Христа и исторгаютъ у насъ въ концѣ концовъ блаженное признаніе: Иисусъ Христосъ существуетъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Переводъ *И. И. Селивановской.*

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го февраля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года февраля 28-го дня.

Содержаніе: I. Слабыя стороны въ рѣшеніи вопроса о старообрядчествѣ въ Госуд. Думѣ. Кир. Тихоміровъ.—II. Чудо и наука. Перев. Н. П. Селивановской.—III. „Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ“. Свящ. Іоаниъ Артичскій.—IV. Необходимое дополненіе къ статьѣ свящ. Нестрякова. II. У—въ.

Слабыя стороны думскаго рѣшенія по старообряд- ческому вопросу.

Недавно въ газетахъ было сообщено, что старообрядче-
ская депутація обращалась съ просьбой къ правительству и
членамъ Госуд. Совѣта о томъ, чтобы имъ закономъ разрѣше-
но было *проповѣдывать ихъ ученіе*, чтобы установленное
наименованіе ихъ духовныхъ руководителей „наставниковъ“
было замѣнено формальнымъ признаніемъ такихъ лицъ *свя-
щеннослужителями*, и чтобы образованіе общинъ могло про-
исходить *явочнымъ порядкомъ*.

Эти пожеланія, какъ извѣстно, цѣликомъ вошли въ
вѣроисповѣднѣй законопроектъ Госуд. Думы, которая приняла
ихъ, очевидно, съ опредѣленнымъ желаніемъ не считаться

съ тѣмъ, что законъ о старообрядцахъ предположенъ къ осуществленію въ русскомъ православномъ государствѣ. Мы скажемъ даже больше: съ опредѣленнымъ желаніемъ не считаться и съ историческими традиціями Православной Церкви, а потому осуществленіе думскаго законопроекта по старообрядческому вопросу является у насъ дѣломъ совершенно невозможнымъ, ибо оно было бы рѣзкимъ противорѣчіемъ не только со всей нашей исторіей, но и съ нынѣ дѣйствующими основными законами, подтвердившими первенствующее положеніе Православной Церкви, которой одной принадлежитъ право проповѣданія вѣры.

Это право первенства наша Православная Церковь приобрѣтала исторически, въ теченіе многихъ вѣковъ—своими великими заслугами предъ государствомъ. Въ до-татарскій періодъ жизнь Церкви и государства представляла въ сущности одно цѣлое, и если Русь, подѣлившись на множество удѣловъ, враждебныхъ между собою, тѣмъ не менѣе, всегда сохраняла сознаніе своего единства, то главной причиной тому была единая православная вѣра. Далѣе, заслуги Церкви предъ государствомъ въ мрачныя времена татарскаго ига—огромны. Русь сохранила свое бытіе только благодаря Православной Церкви, въ средѣ служителей которой всегда жилъ здоровый патріотизмъ, здоровые государственные инстинкты. Общеизвѣстна роль Церкви въ дѣлѣ возвышенія Москвы и собиранія вокругъ нея Руси. Единство Церкви и дѣятельный патріотизмъ московскихъ святителей въ дѣлѣ собиранія и возвышенія Руси имѣли не меньшее значеніе, чѣмъ великая дѣятельность династіи Іоанна Калиты, и имя митрополита св. Петра въ этомъ отношеніи должно быть поставлено рядомъ съ именемъ Іоанна Калиты ¹⁾).

Среди вѣковъ проходятъ предъ лицемъ св. Руси великіе образы защитниковъ и хранителей русскаго государства—это

¹⁾ См. болѣе подробно въ нашей статьѣ, Киевск. еп. В. за 1907 г. № 20, стр. 462.

митрополиты: св. Алексій, Филиппъ; патріархи—Іовъ, Гермогенъ, игуменъ Сергій Радонежскій и другіе. Они въ одномъ ряду съ Димитріемъ Донскимъ, Мининымъ, Пожарскимъ. Все это одинъ духъ, одно торжество Церкви и земли Русской.

И вотъ теперь, вопреки *всѣмъ историческимъ традиціямъ*, Госуд. Дума—большинствомъ голосовъ—лишаетъ Православную Церковь исконныхъ ея правъ и ставитъ въ уровень съ расколомъ, другими вѣроисповѣданіями и сектами, всегда служившими не къ созиданію государства, а къ разложенію его. Всѣ они получаютъ одинаковое съ Православною Церковью право распространенія своихъ ученій, т. е.—религіозныхъ заблужденій...

Въ прекрасномъ пылу вѣрности принципу свободы совѣсти Дума признала равноправнымъ духовный персоналъ старообрядчества и разрѣшила ему не только отбывать свое богослуженіе, но и проповѣдывать на всѣхъ стогнахъ свое вѣроученіе. Кому дается эта льгота и въ какихъ размѣрахъ,— Дума не дала себѣ труда установить. Осталось неопредѣленнымъ самое понятіе о старообрядчествѣ. Хотя законопроектъ говоритъ о старообрядцахъ, но этотъ неопредѣленный терминъ можетъ прикрывать самыя крайнія раціоналистическія или мистическія секты, проповѣдывающія революціонныя и анархическія или глубоко безнравственныя доктрины и оправдывающія самый грубый развратъ и изувѣрство. Мы знаемъ, конечно, изъ исторіи, что такъ называемый „расколъ“ имѣлъ два источника: консервативное, боязливое буквоедство—съ одной стороны, раціонализмъ—съ другой. Первое теченіе и получило названіе старообрядчества. Второе обнимало различныя проявленія вольнодумства, какъ ересь Матвѣя Башкина, стригольниковъ, жидовствующихъ, позднѣе духоборцевъ, молоканъ, штундистовъ, пашковцевъ, баптистовъ и т. д. Между обоими теченіями съ виду общаго ничего нѣтъ. А между тѣмъ они зачастую между собою переплетались, такъ какъ старовѣрчество переходило отъ непризнанія Православ-

ной Церкви, будто бы уклонившейся въ ересь, къ непризнанію самихъ догматовъ православія, которыхъ сперва нельзя было держаться по отсутствіи законнаго духовенства, а потомъ и признавалось, что ихъ соблюденіе совершенно излишне. Въ этомъ послѣдовательномъ развитіи старообрядческая безпоповщина очень близко сходилась съ рационализмомъ. Гдѣ же грань, отдѣляющая дозволенное старообрядчество отъ недозволеннаго? Или теперь уже дозволено все,—и Спасово согласіе вмѣстѣ со всѣми уродливыми отпрысками, и секта бѣгуновъ, отрицающая государство, и проповѣдь о непрекращающихся воплощеніяхъ Спасителя и Божіей Матери, и та вѣтвь поморовъ Преображенскаго кладбища, которые, подъ именемъ бракорбцовъ, живутъ въ вольномъ союзѣ съ цѣлымъ рядомъ временныхъ женъ, не гнушаясь при томъ и кровосмѣшенія? Что же, государство, вопреки уголовнымъ и гражданскимъ законамъ, обязано давать всему этому свободно распространяться и признавать законными дѣтей отъ подобныхъ браковъ?..

Но даже въ отношеніи сектъ болѣе умѣренныхъ свобода проповѣдыванія представляетъ серіозную опасность въ напемъ государствѣ. Съ одной стороны—свобода проповѣди легко можетъ увлечь старообрядческихъ и сектантскихъ проповѣдниковъ въ острую борьбу съ Православною Церковью; съ другой—православное духовенство не можетъ отказаться отъ защиты своей паствы. Эта борьба легко перейдетъ на прихожанъ и можетъ создать такія враждебныя отношенія, какія не разъ уже возникали, но лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Вмѣсто религіознаго мира, который уже давно водворился въ Россіи между православіемъ и умѣренными старообрядцами подѣ властнымъ режимомъ правительства, свобода проповѣди можетъ вызвать такую религіозную борьбу и такое ожесточеніе, печальныя послѣдствія котораго трудно предвидѣть и учесть. Съ другой стороны, трудно учесть и всѣ печальныя и опасныя послѣдствія отъ кореннаго измѣ-

ненія въ положеніи Православной Церкви, такъ тѣсно связанной съ русской народностью и государственностью.

Называть своихъ духовныхъ руководителей старообрядцы могутъ, какъ имъ угодно, но нельзя требовать, чтобы законъ обязательно для всѣхъ призналъ ихъ священнослужителями. Такое обязательное наименованіе, удовлетворяя старообрядцевъ, было бы насиліемъ надъ нашею совѣстью, которая признаетъ священнослужителями своихъ пастырей Церкви и притомъ лицъ, *рукополагаемыхъ во священство*, согласно чину, установленному для этого церковными канонами и апостольскими преданіями. Въ такомъ ходатайствѣ старообрядцевъ видно опять стремленіе къ уравниенію себя съ господствующею Церковью, желаніе поставить чинъ своей іерархіи на одинаковое положеніе съ церковной іерархіей господствующей Церкви, одинаково подвести ихъ подъ одинъ и тотъ же священный санъ. Не трудно, казалось бы, понять, что писанный законъ для инако съ ними вѣрующихъ въ этомъ случаѣ былъ бы мертвою буквою, къ чему же хлопотать о сочиненіи такихъ законовъ? Законъ гласилъ бы, что ихъ наставники—священнослужители, а мы будемъ утверждать, что онѣ не священнослужители, признавая такими лишь своихъ. Законъ не долженъ создавать лишняго повода для распри, обострять наши взаимныя отношенія.

Вопросъ объ образованіи старообрядческихъ общинъ явочнымъ порядкомъ, по нашему мнѣнію, является недоразумѣніемъ. Существующій нынѣ разрѣшительный порядокъ представляетъ для правительства лишь предохранительную мѣру, такъ какъ при нынѣшнихъ вѣроисповѣдныхъ законахъ рѣшительно нельзя ожидать отъ администраціи противодѣйствія возникновенію безвредныхъ старообрядческихъ общинъ; препятствіе будетъ поставлено лишь вреднымъ сектамъ или такимъ обществамъ, которыя, прикрываясь религіозною формою, въ дѣйствительности преслѣдуютъ какія-либо иныя преступныя или безнравственныя цѣли. При явочномъ порядкѣ правительство утратитъ возможность предупреждать

возникновеніе такихъ преступныхъ или безнравственныхъ организацій и будетъ вынуждено закрывать ихъ только тогда, когда они совершатъ рядъ явныхъ преступленій. Не говоря уже о томъ, что для настоящихъ старообрядцевъ разрѣшеніе образованія общинъ не явочнымъ порядкомъ много выгоднѣе, такъ какъ положеніе такой общины подъ охраной правительства будетъ болѣе прочнымъ и авторитетнымъ.

Да, не такъ-то легко превратить въ законъ либеральныя поцолзновенія въ такомъ сложномъ вопросѣ, какъ свобода старообрядчества. Нельзя не пожалѣть, что большинство Государственной Думы, въ пылу увлеченія старообрядческими пожеланіями, совершенно опустило изъ виду то весьма важное обстоятельство, что въ ожиданіи проведенія новаго закона, уже цѣлая армія сектантскихъ проповѣдниковъ организуются для разрушительной пропаганды среди русскаго народа, главная масса котораго—еще необразованная, темная, „неоглашенная въ истинахъ вѣры“ и въ томъ, какъ должно взирать на разныя вѣроисповѣданія, секты, племена и сословія, находится въ самомъ безпомощномъ положеніи предъ инославной и даже иновѣрной пропагандой. Забыто Госуд. Думой и то, что признаніе ею старообрядческаго равноправія явилось бы тяжкимъ насиліемъ надъ народной волей и совѣстью, привыкшей издревле видѣть свою Православную Церковь первенствующею, съ которой неразрывно въ теченіе многихъ вѣковъ были связаны слава и могущество родной земли.

Кир. Тихомировъ.

Чудо и наука.

Возможно ли христіанство безъ вѣры въ чудеса?—Совершались ли дѣйствительно чудеса?—Нарушаютъ ли чудеса законы природы?—Суевѣріе противниковъ чудесъ.

Есть важный пунктъ въ христіанской религіи, служащій камнемъ преткновенія для тѣхъ, которые руководствуются современными воззрѣніями на природу. Это—чудо. Они говорятъ: чудо—невозможно; это доказало естествознаніе. Въ Библии же вездѣ разсказывается о чудесахъ. Поэтому мы не можемъ вѣрить Библии, не можемъ принять религію, которую она проповѣдуетъ.

Между тѣми, которые называютъ себя христіанами, также есть такіе, которымъ доставляетъ много затрудненій вопросъ о чудѣ. Нѣкоторые создаютъ себѣ христіанство безъ чудесъ. Но я боюсь, что такая религія будетъ имѣть мало общаго съ библейскимъ христіанствомъ. Кто отрицаетъ всѣ чудеса, тотъ долженъ также отрицать и воскресеніе Христа. Однако Павелъ, который, конечно, лучше всѣхъ, даже лучше современныхъ профессоровъ знаетъ, что такое христіанство, поясняетъ: „Если же Христосъ не воскресъ, то бесполезна наша проповѣдь, бесполезна и ваша вѣра (1 Кор. 15, 14)“.

Другіе согласны принять такіе чудеса, какъ воскресеніе Господне, а также большинство новозавѣтныхъ чудесъ. Но нѣкоторыя чудеса, о которыхъ повѣствуетъ Библия, звучатъ для нихъ слишкомъ неправдоподобно, чтобы они могли заставить себя разсматривать ихъ, какъ дѣйствительно случившіяся, какъ на примѣръ, рѣчь Валаамовой ослицы, остановка солнца по приказанію Іисуса Навина или трехдневное пребываніе Іоны во чревѣ кита. Они даже, пожалуй, думаютъ: „я много бы далъ, чтобы обо всѣхъ этихъ исторіяхъ не говорилось въ Библии“. Я вполне понимаю, что тому, кто находится подъ вліяніемъ современнаго духа критики, очень трудно принять эти чудеса за истину. Поэтому я не говорю:

„Если ты не хочешь вѣрить въ эти чудеса, то ты не христіанинъ“. Я убѣжденъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые говорятъ: „я не могу вѣрить въ то, что эти чудеса дѣйствительно случались“, лучшіе христіане, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые заявляютъ: „я вѣрю всему этому съ начала до конца“. И Господь Богъ на будущемъ страшномъ судѣ не будетъ спрашивать: „Вѣришь ли ты тому, что Балаамова ослица заговорила?“—Онъ спроситъ только: „Вѣришь ли ты, что Иисусъ твой Спаситель, у котораго ты можешь найти отпущеніе грѣховъ и слѣдовалъ ли ты за Нимъ на своемъ жизненномъ пути?“

Поэтому не осуждай тѣхъ, которые заявляютъ, что они не могутъ переломить себя, не могутъ принять эти чудеса за истину. Не безпокойся также и самъ, если ты не можешь порѣшить вопросъ о такихъ чудесахъ, не отказывайся изъ-за этого отъ христіанства. вмѣсто того, чтобы мудрствовать надъ этими чудесами, углубись лучше въ то, что говорить Священное Писаніе, старайся войти въ болѣе тѣсное общеніе съ Богомъ и усерднѣй подражать примѣру Іисуса. Потомъ, вѣроятно, и эти чудеса пріобрѣтутъ въ твоихъ глазахъ значеніе и сдѣлаются для тебя дорогими, какъ доказательства всемогущества, мудрости и любви Бога нашего. Что касается меня, то я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинности этихъ чудесъ; точно также и многіе другіе, болѣе умные, чѣмъ ты или я, твердо убѣждены въ томъ, что они дѣйствительно происходили.

Изъ предыдущаго ясно, съ какою цѣлью Богъ творитъ чудеса. Они должны служить доказательствами Его всемогущества, мудрости и любви. Благодаря чудесамъ, которыя Богъ творитъ еще и теперь, какъ на примѣръ, исполненіе молитвъ, Онъ хочетъ вступить въ ясную и осязаемую близость съ человѣкомъ, чтобы укрѣпить его въ его вѣрѣ и оказать ему нравственную поддержку. Тѣ чудеса, о которыхъ разсказываетъ Библія, были совершаемы съ той же цѣлью и вообще для того, чтобы строить и увеличивать царство Божіе.

Всѣ чудеса имѣють свое основаніе въ Божественной волѣ, направленной къ спасенію людей; Богъ заставляетъ природу служить Своему царству. Это относится въ особенности къ чуду изъ чудесъ — явленію Іисуса Христа. Поэтому христіанинъ будетъ признавать только такія чудеса, которыя имѣють религіозное значеніе. Такимъ страннымъ вещамъ, которыя будто бы дѣлалъ, хотя бы напрімѣръ, Магометъ, или которыя будто бы случаются у занимающихся спиритизмомъ, онъ вѣрить не будетъ. Приписывать Господу Богу такой безмысленный вздоръ это значить прямо таки взводить на Него клевету.

Противъ вѣры въ чудеса можно прежде всего привести два возраженія, имѣющія вѣсь. Первое: чудеса никогда не случались, по крайней мѣрѣ никогда не были ясно удостовѣрены; второе: чудеса не могли случаться, такъ какъ это противорѣчило бы взаимной связи законовъ природы.

Часто можно услышать или прочесть, что чудеса въ наше время не происходятъ. Тамъ, гдѣ, повидимому, совершается чудо, при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда-де выясняется, что люди или сами обманулись, или были обмануты другими. Чудеса-де совершаются только у людей, жадныхъ до чудесъ, тѣ же, которые относятся ко всему критически, никакихъ чудесъ не переживаютъ. Точно также и чудеса прежнихъ времянь основываются на воображеніи или на обманѣ.

Во всякомъ случаѣ надо быть слишкомъ смѣлымъ, чтобы утверждать: „чудеса въ наше время не совершаются“, и еще смѣлѣе, чтобы закончить: „поэтому они и раньше не происходили“.

Сотни и тысячи людей, достойныхъ довѣрія, и между ними достаточное количество такихъ, которыхъ отнюдь нельзя причислить къ глупцамъ, удостовѣряють, что они многократно испытали это, какъ Богъ чудеснымъ образомъ дѣйствовалъ въ ихъ жизни. Онъ часто исполнялъ ихъ молитвы такимъ образомъ, что ясно была видна Его рука, и часто въ

самой величайшей нуждѣ, когда ни одинъ человѣкъ не могъ бы помочь ни словомъ, ни дѣломъ, неожиданнымъ и чудеснымъ образомъ Онъ посылалъ Свою помощь.—Безъ сомнѣнія, отвѣтятъ многіе, люди только воображаютъ, что Богъ чудеснымъ образомъ дѣйствуетъ въ ихъ жизни, на самомъ дѣлѣ это только случайное совпаденіе. Но такой отвѣтъ кажется мнѣ настолько ребяческимъ, какъ если бы малое дитя начало разсуждать: „Это только чудесная случайность, что именно весной, когда солнце начинаетъ горячѣе свѣтить, деревья покрываются зеленью“.

Конечно, такіа чудеса, какъ воскрешеніе мертвыхъ или укрощеніе бури, въ наше время не совершаются; изъ этого многіе выводятъ заключеніе, что они и въ древнія времена тоже не могли случаться, и что поэтому не слѣдуетъ вѣрить рассказамъ, которые намъ о такихъ фактахъ повѣствуютъ. Однако такіа чудеса по Библии и въ древности случались очень рѣдко и только въ такіе періоды, которые имѣли особо важное значеніе для исторіи царствія Божія, какъ на примѣръ, во время дѣятельности Іисуса Христа. Утверждать, что и раньше такіа чудеса не совершались на томъ основаніи, что они не совершаются теперь, равносильно тому, какъ если бы какой-либо человѣкъ заявилъ: „за послѣдніе годы у насъ не было ни полнаго солнечнаго затменія, ни явленія большой кометы, отсюда я заключаю, что это было одно только воображеніе, когда люди прежнихъ временъ думали, что они наблюдаютъ затменіе солнца или комету“.

Дальше можно услышать слѣдующее: „Ни одно чудо не совершилось при научныхъ условіяхъ. Только тогда я повѣрю чуду, когда оно будетъ констатировано дѣйствительно знающими и непредубѣжденными людьми. Но этого еще не случилось и никогда не случится“. Эту мысль особенно рѣзко выразилъ Ренанъ въ своей „Жизни Іисуса“. Онъ говоритъ тамъ: мы не утверждаемъ: „чудеса невозможны“, а только: „до сихъ поръ ни одно чудо не было констатировано“. Предположимъ, что въ наше время появился бы чудотворецъ

съ гарантіями, которыя были бы достаточно серьезны, чтобы побудить къ ближайшему изслѣдованію, и заявилъ бы, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ,—что было бы сдѣлано тогда? Была бы назначена комиссія, состоящая изъ фізіологовъ, физиковъ, химиковъ и историковъ. Эта комиссія вырыла бы трупъ и установила, дѣйствительно ли наступила смерть; она бы указала мѣсто, гдѣ долженъ былъ бы произойти экспериментъ, и приняла бы всѣ необходимыя мѣры предосторожности, чтобы устранить всякое сомнѣніе. Правдоподобность оживленія при такихъ условіяхъ равнялась бы увѣренности. Такъ какъ экспериментъ всегда можно повторить, такъ какъ всегда можно еще разъ сдѣлать то, что было уже сдѣлано, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ чуду не можетъ быть и рѣчи о томъ, легко или трудно его исполнить, то чудотворецъ былъ бы приглашенъ повторить свое дѣло еще разъ при другихъ условіяхъ, на другомъ мѣстѣ и надъ другимъ трупомъ. Если бы и это удалось, то было бы доказано два положенія: первое, что на свѣтѣ совершаются сверхъестественныя явленія; второе, что извѣстнымъ личностямъ дана сила вызывать сверхъестественныя явленія. Всѣмъ однако извѣстно, что до сихъ поръ еще ни одно чудо не совершалось при такихъ условіяхъ, и чудотворцы сами выбирали объектъ для эксперимента, мѣсто и время; далѣе въ большинствѣ случаевъ сама толпа, въ своей непреодолимой потребности видѣть въ великихъ дѣлахъ и въ великихъ людяхъ нѣчто сверхъестественное, создаетъ себѣ чудесныя сказки“.

Можетъ быть, объясненія Ренана многимъ читателямъ покажутся очень убѣдительными, но при ближайшемъ разсмотрѣніи они обнаруживаютъ поверхностность и отсутствіе мысли. Я не хочу останавливаться на томъ, насколько ложно представленіе Ренана, будто люди могутъ своими собственными силами и по своему усмотрѣнію творить чудеса. Чудеса можетъ творить одинъ Господь Богъ, и если чудеса совершаются какимъ-либо человѣкомъ, то случается это исклю-

чительно силою Божіею. Предположимъ однако, что Богъ даетъ какому-либо человѣку способность воскрешать мертвыхъ на различныхъ мѣстахъ передъ ученой комиссіей, что будетъ этимъ достигнуто? Рѣшительно ничего. Нужно только немного знать людей, чтобы предсказать, что тѣ, которые не захотятъ вѣрить чуду, непременно объявятъ: „тамъ, навѣрно, не совершилось никакого чуда, тѣ профессора были только обмануты. Спириты и индійскіе факиры совершаютъ тоже такія вещи, которыя ни одинъ человѣкъ и ни одинъ профессоръ объяснить не сумѣютъ. Но мы все-таки знаемъ, что у нихъ все совершается естественнымъ путемъ. Быстрота рукъ не есть волшебство. И тотъ человѣкъ, который, по видимому, воскресилъ мертваго, есть не что иное, какъ особенно ловкій фокусникъ“.

Но не только тѣ, которые не желали бы вѣрить въ чудо, говорили бы такъ, точно также и всѣ христіане, вѣрящіе въ истинность всѣхъ, рассказанныхъ въ Библии чудесъ, остановились бы предъ такимъ чудомъ съ большимъ сомнѣніемъ. Какъ христіане, мы убѣждены въ томъ, что Господь Богъ творитъ чудеса, чтобы доказать Свою милость и всемогущество и чтобы помочь людямъ въ ихъ нуждѣ, но мы не можемъ себѣ представить, чтобы Богъ согласился стать передъ трибуналомъ профессоровъ и знающихъ людей затѣмъ, чтобы получить отъ нихъ удостовѣреніе въ томъ, что Онъ имѣетъ могущество и власть творить чудеса. Что, если бы, на примѣръ, Гете получилъ изъ какой-либо деревни Восточной Пруссіи или Познани письмо такого содержанія: „нашихъ дѣтей учатъ въ школѣ, что ты сочинялъ прекрасные стихи. Мы хотимъ однако, чтобы нашихъ дѣтей учили только тому, что твердо установлено. Поэтому мы тебя приглашаемъ пріѣхать сюда и передъ назначенной нами комиссіей сочинить на предложенныя тебѣ темы въ теченіе нѣсколькихъ дней стихотворенія столь же прекрасныя, какъ „Лѣсной царь“ или „Рыбакъ“. Только тогда мы можемъ повѣрить, что стихотворенія эти написаны дѣйствительно тобой“.

Гете, разумѣется, посмѣялся бы надъ такимъ ребяческимъ требованіемъ; точно также и Господь Богъ усмѣхается тѣмъ притязаніямъ, которыя предъявляются Ему людьми.

Еще менѣе основательнымъ кажется мнѣ второе возраженіе, которое выставляютъ противъ вѣры въ чудеса, а именно: „чудеса невозможны. Естественовѣдѣніе все болѣе убѣждается въ томъ, что все въ природѣ совершается сообразно съ законами. Каждое явленіе имѣетъ свои причины, а эти послѣднія въ свою очередь имѣютъ тоже причины. Чудесныя дѣйствія Божіи нарушали бы взаимную связь всѣхъ явленій въ природѣ“. Нѣкоторые даже утверждаютъ, что тотъ, кто вѣритъ въ совершенство Божіе, принужденъ отрицать чудо, потому что всевѣдущій Богъ долженъ былъ бы все такъ устроить, чтобы потомъ не было необходимости починать при посредствѣ чудесъ Свое же собственное твореніе и нарушать такимъ образомъ установленные Имъ же Самимъ законы природы.

Что касается послѣдняго возраженія, то его легко устранить. Когда Богъ закончилъ дѣло творенія, то, какъ сказано въ Библии: „И Богъ посмотрѣлъ на все, что Онъ сотворилъ, и все было хорошо“. Творилъ ли Богъ чудеса также и тогда, если бы все осталось совершеннымъ, это—праздный вопросъ, надъ которымъ могутъ думать только тѣ, которые имѣютъ время для ненужныхъ вещей. Теперь однако на землѣ уже не все совершенно. Болѣзни, нужда, страданія и смерть царятъ не только среди людей, но и среди лишенныхъ разума твореній. Это есть, по словамъ Библии, послѣдствіе грѣха. Нельзя однако ставить въ вину ловкому часовыхъ дѣлъ мастеру, изготовившему искусно составленные часы, если онъ эти часы, испорченные кѣмъ-либо другимъ, поправляетъ, вновь совершая извѣстныя дѣйствія. Также мало противорѣчило бы совершенству Божію, если бы Онъ черезъ Свои чудесныя дѣйствія дѣло творенія, испорченное грѣхами людей, старался понемногу вернуть къ прежнему совершенству. На вопросъ же: „зачѣмъ Богъ допустилъ грѣхъ,

если Онъ всемогущъ?“ надо отвѣтить такъ: „Если Богъ желалъ сотворить людей со свободной волей, а не автоматомъ въ образѣ человѣка, то Онъ долженъ былъ дать имъ также возможность возставать противъ Себя и грѣшить“.

Но не нарушается ли, дѣйствительно, взаимная связь законовъ природы благодаря чудеснымъ дѣйствіямъ Божиимъ? Она не нарушается ни въ этомъ случаѣ, ни въ томъ, когда человѣкъ свободно дѣйствуетъ въ природѣ. Слишкомъ часто, къ сожалѣнію, случается, что люди заболѣваютъ ракомъ. Если ракъ развивается согласно съ законами природы, то онъ вскорѣ разрушаетъ и весь организмъ, и человѣкъ умираетъ. Если же врачъ своевременно оперируетъ больного, то развитію этому будетъ положенъ конецъ, и больной можетъ излѣчиться. Здѣсь мы также имѣемъ дѣло со свободнымъ вмѣшательствомъ въ естественное теченіе событій и однако же мы не говоримъ о нарушеніи законовъ природы. Во время операціи и болѣзни все идетъ естественнымъ путемъ. И все-таки излѣченіе больного нельзя объяснить изъ однихъ только законовъ природы, оно основано на свободномъ рѣшеніи больного позволить себя оперировать, и на рѣшеніи врача произвести операцію.

Итакъ, если человѣкъ, благодаря своей свободной волѣ, имѣетъ возможность вліять на природу, то неужели же Богъ этой возможности не имѣетъ,—Онъ, Который установилъ законы природы? Неужели же Онъ долженъ на моленія бѣдной вдовы отвѣтить: „Я бы тебѣ охотно помогъ, но Я не могу: мнѣ мѣшаютъ законы природы, Я самъ связалъ себѣ руки?“ Мудрость и величіе Божіе проявляются скорѣе всего въ томъ, что Онъ создалъ вселенную не какъ искусно составленную машину, въ которой все закономѣрно и идетъ въ извѣстномъ порядкѣ; Онъ создалъ также и существа со свободной волей, которыя имѣютъ возможность вліять на природу, а законы природы сохраняютъ при этомъ свое значеніе, и все, вообще, что случается, соответствуетъ волѣ Божіей. Чѣмъ болѣе человѣкъ подчиняетъ себѣ природу, тѣмъ легче ему вліять на

нее. Ловкій врачъ нашего времени можетъ съ большимъ успѣхомъ побѣдить многія болѣзни, чѣмъ лѣварь средне-африканскихъ негрскихъ племень, и многое изъ того, что онъ будетъ дѣлать, покажется неграмъ чудомъ. Такъ какъ Богъ неограниченно господствуетъ надъ природой, то Онъ можетъ многое изъ того, что для насъ, людей, невозможно; онъ можетъ, если захочетъ, воскрешать мертвыхъ, вызвать и утишить бурю, послать огопь съ неба и многое подобное этому.

Маттіасъ Клавдій хорошо отвѣчаетъ на вопросъ, не страдаетъ ли закономѣрное теченіе вещей благодаря чудесному вмѣшательству Бога, а именно: „имѣетъ ли какую-либо силу молитва взволнованной души или же, какъ полагаютъ нѣкоторые господа ученые, *nexus rerum* (связь вещей) этого не допускаетъ—по этому поводу я не пускаюсь въ споръ, я питаю полное уваженіе къ *nexus rerum*, но не могу при этомъ не подумать о Сомпсонѣ, который, оставивъ неприкосновеннымъ *nexus* створокъ воротъ, какъ извѣстно, внесъ цѣлыя ворота на гору. Короче говоря, я вѣрю, что олень не напрасно жаждетъ свѣжей воды, также какъ и тотъ, кто хорошо молится и благоговѣйно настроенъ“.

Я полагаю, что нетрудно доказать, какъ неосновательны тѣ возраженія, которыя приводятся противъ чуда. Въ будущемъ, можетъ быть, человѣчество будетъ удивляться, какъ много и ненужно ломало себѣ голову наше поколѣніе надъ возможностью чудесъ. Тогда будутъ говорить всѣ такъ же, какъ и теперь говорить не только каждый вѣрующій въ Библию христіанинъ, но и другіе умные люди, стоящіе вдали отъ христіанства: „Если существуетъ всемогущій Богъ, то понятно, что Онъ можетъ творить чудеса“. Извѣстный французъ Руссо говоритъ съ французской живостью: „Можетъ ли Богъ творить чудеса? Вопросъ, серьезно поставленный, былъ бы безбожнымъ, если бы самъ по себѣ не былъ абсурдомъ; а подвергнуть наказанію того, кто это отрицаетъ, значило бы оказать ему слишкомъ много чести; лучше было бы прямо помѣстить его въ сумасшедшій домъ“. Далѣе мож-

но привести слова великаго естествоиспытателя Тиндаля: „Ясно само по себѣ, что если существуетъ Богъ, то Онъ всемогущъ, а слѣдовательно можетъ творить чудеса; что же касается науки, то она не должна заниматься чудомъ, такъ какъ, если послѣднее существуетъ, то оно лежитъ за предѣлами научныхъ доказательствъ“.

Полезно присмотрѣться поближе къ людямъ, отрицающимъ чудо. Надъ ними часто можно дѣлать интересныя наблюденія. Многіе изъ тѣхъ, которые насмѣхаются надъ библейскими чудесами и на каждаго, вѣрящаго въ ихъ истинность, смотрятъ, какъ на отсталаго человѣка,—многіе изъ нихъ сами въ высшей степени суевѣрны и вѣрятъ самымъ пошлымъ и нелѣпымъ вещамъ. Они пугаются, когда замѣчаютъ, что принадлежатъ къ числу тринадцати, сидящихъ за однимъ и тѣмъ же столомъ; они не поселяются въ домъ, носящемъ 13-й номеръ; они даже, пожалуй, вѣрятъ въ спиритическіе стуки, въ гаданія по картамъ и тому подобную ерунду. Спиритическіе процессы послѣдняго времени ясно показали, въ какпхъ ужасающихъ размѣрахъ распространилось въ наши дни суевѣріе. Многіе изъ тѣхъ, которые смѣются надъ библейскими чудесами и съ гордостью указываютъ на естественныя науки, для того чтобы доказать невозможность чудесъ, сами въ то же время вѣрятъ въ чудеса, въ 20 разъ менѣе заслуживающія довѣрія, чѣмъ библейскія. Беттексъ очень хорошо говоритъ: „человѣкъ не можетъ избѣжать чуда, какъ бы далеко онъ его ни отодвигалъ отъ себя во времени и пространствѣ“. И даже столь враждебно настроенный противъ чудесъ матеріалистъ вѣрить въ чудеса не въ тѣ, правда, которыя случались 1800 лѣтъ тому назадъ и были удостовѣрены многими достойными уваженія людьми, большая часть которыхъ съ радостью приняли бы смерть за истинность своего утвержденія. Отрицатели чудесъ сами вѣрятъ только въ тѣ чудеса, которыя случались милліоны лѣтъ тому назадъ и не были никѣмъ наблюдаемы, кто бы могъ удостовѣрить ихъ подлинность. Для того, чтобы не вѣрить

въ сотвореніе міра, они вѣрятъ въ произвольное зарожденіе, или же въ паданіе органическихъ зародышей на землю изъ неизвѣстныхъ міровъ. Они не вѣрятъ въ то, что Христосъ могъ воскресить человѣка, т. е. вновь оживить бывшій ранѣе живымъ организмъ; но вѣрятъ однако, что нѣкогда изъ мертвой матеріи возникли живые организмы. Они никогда не могутъ повѣрить тому, что Богъ для опредѣленной цѣли отверзъ уста ослицы для того, чтобы она произнесла нѣсколько словъ; а тому, что обезьяна нѣкогда, не зная сама зачѣмъ—начала понемногу говорить и приобрѣла себѣ человѣческую гортань,—этому они вѣрить! Имъ представляется нелѣпой сказкой то, что Богъ, создавшій огонь и людей, сдѣлалъ на нѣсколько мгновеній троихъ людей несгораемыми; но они вѣрятъ тому, что зародыши организмовъ выдержали въ теченіе миллионовъ лѣтъ пребываніе среди раскаленнаго мірового тумана и расплавленнаго гранита“.

Перев. *Н. И. Селивановской.*

Говорятъ: „ссылаться на чудо значить отказываться отъ объясненія“ (проф. *А. Гуляровъ* „Введеніе въ философію“. Кіевъ 1907, стр. 164 ср. 82). Говорить такъ значить ничего не знать о чудѣ или знать не больше освободительной дешевки, среди всякаго другого вздора о религіи усердно распространяющей ходячее мнѣніе о чудѣ. По ходячему мнѣнію чудо считается отрицаніемъ законовъ природы и отвергается наукою. Такъ должно выходить по катехизису невѣрующихъ, но дѣло обстоитъ иначе. Наука совсѣмъ не страдаетъ чудобоязнью, которая записится въ нее совнѣ, а не въ ней развивается. Напротивъ, въ *полномъ* объясненіи міра наука считаетъ невозможнымъ обойтись безъ „сверхъестественнаго элемента“, т. е. безъ признанія Бога Творца и Промыслителя, безъ чуда. Есть, по крайней мѣрѣ, четыре пункта, гдѣ наука вынуждена въ полномъ объясненіи обратиться къ предположенію сверхъестественнаго дѣйствія Божества, или къ чуду Божественнаго творенія: это, конечно, происхожденіе міро-

вой матеріи, появленіе въ ней перваго движенія, происхожденіе жизни и происхожденіе самостоятельнаго человѣческаго духа. Своего объясненія, безъ „сверхъестественнаго элемента“, у науки здѣсь нѣтъ и не можетъ быть для знающихъ, которые науку не могутъ смѣшивать съ шарлатанствомъ Геккелей, удивляющихъ только простаковъ издѣліями въ родѣ „Міровыхъ загадокъ“ и т. п.

Что бы знать, какъ наука на самомъ дѣлѣ относится къ чуду, для этого необходимо выслушать представителей науки, а не постороннихъ ей диллетантовъ и шарлатановъ, ложно выступающихъ отъ ея имени или преднамѣренно, или по невѣжеству. А ученые, настоящіе ученые, говорятъ въ пользу чуда. Химикъ *Шенбейнъ* говоритъ: „Нѣкоторымъ образомъ еще можно понять, что знающіе природу только издали отрицаютъ дѣйствіе въ ней Безконечнаго Ума... Но истинно великіе натуралисты всегда тѣмъ больше убѣждались въ бытіи души и Бога, чѣмъ глубже проникали въ тайны природы“.—Астрономъ *Мэдлеръ*: „Истинный натуралистъ не можетъ быть атеистомъ“. Кто такъ глубоко, какъ мы, проникаетъ изслѣдованіемъ въ природу, эту мастерскую Бога, тотъ въ смиреніи склонится передъ Его святымъ Провидѣніемъ въ мірѣ“. *Онъ же*: „Ученые естествоиспытатели менѣе всѣхъ имѣютъ причину сомнѣваться въ чудесахъ“.—Ботаникъ *Гееръ*: „Чѣмъ глубже мы проникаемъ въ познаніе природы, тѣмъ глубже становится и убѣжденіе наше, что только вѣра въ Бога, всемогущаго и всевѣдущаго, Творца неба и земли, можетъ разрѣшить загадки природы, равно какъ и загадки человѣческой жизни“.—Физикъ *Грове*: „Чѣмъ глубже мы идемъ изслѣдованіемъ въ природу, тѣмъ все настойчивѣе становится убѣжденіе въ насъ, что сущность причины для насъ непостижима. Послѣдняя причина всего есть Воля, твореніе, дѣло Бога“...—Геологъ *Лайелль*: „Въ какомъ бы направленіи мы ни производили свои изслѣдованія, мы повсюду открываемъ яснѣйшія доказательства дѣятель-

ности творческаго ума въ природѣ, всемогущаго и премудраго Его Промысла“.

Добросовѣстный анализъ понятія о законахъ природы и причинности вообще всегда приводитъ къ признанію возможности чуда всѣхъ ученыхъ,—и невѣрующихъ и вѣрующихъ. Физикъ *Дж. Тиндалль* (изъ невѣрующихъ) говоритъ: „Если Богъ есть, то Онъ всемогущъ, а если Богъ всемогущъ, то Онъ можетъ совершать чудеса“. Эту мысль въ болѣе развитомъ видѣ мы находимъ у зоолога *Г. Роменса*, друга Дарвина. Тщательнымъ анализомъ механической причинности природы Роменсъ приведенъ къ слѣдующимъ выводамъ, высказаннымъ имъ въ извѣстныхъ *Мысляхъ о религіи*: „Если есть личный Богъ, то нѣтъ основаній, почему Онъ не могъ бы непосредственно дѣйствовать въ природѣ, или почему всякая причинность не могла бы быть выраженіемъ Его воли. Есть основанія съ вѣроятностью заключать, что Богъ близокъ природѣ. Если это такъ, и если при этомъ воля Бога послѣдовательна, то всякая естественная причинность необходимо должна намъ казаться механическою. Поэтому рѣшительно нельзя видѣть никакого доказательства противъ Божественнаго (сверхъестественнаго) происхожденія какой-либо вещи, или какого-либо явленія въ природѣ и событія въ исторіи, если покажутъ, что ихъ надо приписать естественнымъ причинамъ“. Другими словами, самое различеніе между „сверхъестественнымъ“ и „естественнымъ“ въ мірѣ основано на крупномъ недоразумѣніи и поддерживается, по мнѣнію Роменса, лишь силою привычки и обычной лѣности мысли. По сравненію фізіолога *В. Карпентера* „всѣ силы природы—это безсознательные слуги всемогущаго и премудраго Владыки вселенной, исполняющіе Его повелѣнія, подобно дисциплинированнымъ членамъ большого упорядоченнаго дома, гдѣ всякій знаетъ свое мѣсто и дѣло“.—По мнѣнію ботаника *Г. Рейнке* отрицать мѣсто сверхъестественнаго элемента въ объясненіи явленій природы на основаніи только того, что ближайшія (механическія) причины ихъ намъ извѣстны, зна-

чило бы, напр, утверждать такую нелѣпость, что карманные часы сдѣлались сами собою безъ мастера, потому что механизмъ часовъ намъ ясенъ и причины движенія стрѣлокъ понятны. Если, далѣе, карманными часами не отрицаются никакія законы и силы природы, а послѣднимъ дается только разумною волею мастера опредѣленное направленіе и способъ дѣйствія на пути къ намѣченной цѣли, то точно также не происходитъ никакого нарушенія законовъ природы въ чудесахъ, ибо „законы природы суть законы самаго Бога,—это воины, которыми Онъ распоряжается, какъ полководецъ... Если бы нужно было самое наглядное сравненіе, то міровой разумъ слѣдовало бы представлять невидимымъ часовщикомъ міра“. Ботаникъ *Е. Денпертъ* въ итогѣ обстоятельнаго изслѣдованія механической причинности приходитъ къ выводу, что „совершенно нелѣпо изъ такъ наз. вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы выводить невозможность чуда“, потому что „силы и законы природы суть выраженіе воли Бога“. Еще: „чудо не есть нарушеніе законовъ природы, но сообщеніе теченію вещей въ природѣ опредѣленнаго новаго направленія съ помощью данныхъ силъ и законовъ. Въ этомъ смыслѣ и человѣкъ совершаетъ постоянно чудеса въ своей культурной работѣ, покоряя своей волѣ силы и законы природы. Поэтому тѣмъ болѣе чудеса возможны для Владыки природы“.

Ред. перев.

„Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ“.

(Критико-библиографическая замѣтка).

Поэзія—сестра религіи. Этотъ древній по происхожденію, но всегда новый по своей жизненной правдивости афоризмъ въ особенностяхъ приложимъ къ русской поэзіи. „Русская литература именно религіозно-философскими вопросами

занята главнымъ образомъ. Идея Бога, христіанскій альтруизмъ, жалость къ человѣку, стремленіе сгладить, ступевать рѣзкія раздѣленія между людьми, защитить человѣка, поднять его нравственно, послужить ему—это ея первая задача“. Русскіе писатели, даже „невѣрующіе“, ищутъ Бога, правды, добра, красоты, ищутъ и тогда, когда погружаются въ созерцаніе бездушнѣй природы, которая открываетъ имъ въ небесахъ Бога („и въ небесахъ я вижу Бога“), и тогда, когда останавливаютъ свой вдохновенно-пророческій взоръ на жизни человѣческой съ ея разнообразными проявленіями,—свѣтлыми и мрачными, добрыми и злыми, нравственными и безнравственными. Ищутъ, полные глубокой нравственной серіозности, философской вдумчивости. „Насъ поражаетъ, говоритъ одинъ западно-европейскій критикъ, эта серіозность русскихъ во всемъ. Они какъ будто не пишутъ, а священнодѣйствуютъ, какъ будто не пьютъ, а причащаются... Они постоянно въ заколдованномъ кругу вопросовъ „Зачѣмъ и почему?“ выйти изъ котораго зачастую не могутъ иначе, какъ съ помощью креста и молитвы. Повидимому, у нихъ нѣтъ ничего рѣшеннаго, установленнаго... Каждый ихъ писатель, берясь за перо, одержимъ стремленіемъ создать свою религію, свою нравственность. Поэтому все это у нихъ выходитъ и очень глубоко и немного скучно... Они не жалѣютъ тратить лучшихъ лѣтъ жизни на вопросъ: „что дѣлать?“ главные силы ихъ героевъ уходятъ на исканія, которыя заканчиваются печальнымъ признаніемъ, что сами искатели—ненужные или лишніе люди“. Не принимая этой характеристики иностранцемъ русской литературы во всей полнотѣ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что „наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто художественныхъ интересовъ и вездѣ была каедрой, съ которой раздавалось учительное слово“.

Въ виду такого ея духа и общаго направленія не только важно, но безусловно необходимо и во всѣхъ отношеніяхъ полезно прослѣдить, какъ вопросы религіи и морали пре-

ломлялись въ индивидуальномъ поэтическомъ сознаніи, и насколько художественно-литературное рѣшеніе ихъ можетъ служить интересамъ Церкви, интересамъ духовнаго возрожденія общества и личности. Всякая работа въ этомъ родѣ своевременна, особенно теперь, когда еще не закончился въ Россіи затяжной кризисъ „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“. Въ виду этого мы привѣтствуемъ и сочиненіе *Я. Н. Ктитарева* (священника): „*Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ*“. (Г. Горки, Могилев. губ. 1901 г. Ц. 1 р. 25 коп.).

Авторъ ограничиваетъ свое изслѣдованіе писателями-поэтами второй половины 19 вѣка и нѣкоторыми изъ современныхъ. По его словамъ, „наиболѣе интересными по вопросамъ религіи и морали“ за этотъ періодъ (до нашихъ дней) „слѣдуетъ признать, безспорно, Достоевскаго и Льва Толстого, изъ стихотворцевъ—Фета, Майкова, Полонскаго, Тютчева, Плещеева и Надсона, изъ современныхъ—Короленко, Чехова и М. Горькаго, затѣмъ декадентовъ (Бальмонтъ, Гиппиусъ, Брюсовъ, О. Сологубъ, Мережковскій и др.), наконецъ, позднѣйшихъ „искателей“ въ области словеснаго художественнаго творчества (Л. Андреевъ, Купринъ, Арцыбашевъ, Вересаевъ, Чириковъ, Бунинъ, Серафимовичъ и др.). Наибольшее вниманіе отдано, какъ и слѣдовало ожидать, религіозно-моральному изслѣдованію произведеній О. М. Достоевскаго (22—93 стр.) и Л. Н. Толстого (93—142 стр.); наименьшее—декадентству и позднѣйшимъ писателямъ (267—279 стр.), хотя, казалось бы, и здѣсь нельзя ограничиться почти мимоходнымъ замѣчаніемъ въ виду именно ихъ современности въ самомъ строгомъ значеніи слова.

„Поэтъ евангельской любви“, О. М. Достоевскій отличается наибольшей глубиной проникновенія въ затаеннѣйшіе изгибы человѣческой души. „Паденіе человѣка, проклятія жизни, отступничество отъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, извращеніе нравственной и физической природы и въ заключеніе все-таки „осанна“, все же гимнъ Творцу

міровъ—это основной тонъ произведеній Феодора Михайловича. Религіозное просвѣтлѣніе, болѣе ясное и сердечное уразумѣніе жизни достигается типами Достоевскаго путемъ цѣлаго ряда страданій, моральныхъ и физическихъ. Эта черта его твореній роднитъ ихъ съ общей міровой жизнью и съ каждой душой человѣка“. Достоевскій *любитъ всего человека*, какъ онъ есть, съ его смрадомъ страстей и грѣха, умѣетъ его жалѣть, умѣетъ утѣшить. Авторъ настолько, очевидно, очарованъ этой стороною произведеній Феодора Михайловича, что не боится сравнивать его вдохновенное слово съ любвеобильными рѣчами Спасителя къ блудницѣ, къ мытарямъ, къ разбойнику... Особенно подробно и внимательно разбираются и иллюстрируются соціально-политическія идеи Достоевскаго. Какъ извѣстно, Достоевскій думалъ, что „быть русскимъ, значить жить одной жизнью со всѣмъ русскимъ народомъ, а основное начало народной жизни есть начало религіозное, или иначе, вѣра въ Бога“. Съ этой точки зрѣнія Достоевскій былъ горячимъ противникомъ соціализма во всѣхъ его разновидностяхъ, какъ ученія безрелигіознаго (атеизмъ) и разрушительнаго, и пламеннымъ проповѣдникомъ русскаго мессіанизма и гражданско-общественной теократіи, какъ высшей формы воплощенія религіозно-нравственныхъ христіанскихъ началъ жизни.

Въ вопросѣ объ отношеніи къ душѣ блуднаго сына—человѣка грѣшника близко къ Достоевскому стоитъ В. Г. Короленко, съ тѣмъ различіемъ, что тонъ послѣдняго—„болѣе мягкой и болѣе христіанскій по настроенію. Онъ не беретъ на себя, какъ Достоевскій, суда потому, что не имѣетъ мѣры и критерія для суда, быть можетъ, смутно, къ тому прозрѣвая, что правда Божія въ рукахъ человѣческихъ не можетъ быть такимъ критеріемъ, потому что на вѣсахъ суда Божія будетъ положена не только правда, но и безграничное Его милосердіе, приѣмлющее всякое чистое движеніе хотя бы и падшей души“ (225 стр.). Что касается вѣры въ

великую миссію Россіи среди другихъ народовъ, то здѣсь къ Достоевскому примыкають *Тютчевъ* и отчасти *Плещеевъ*.

Иное религіозно-философское теченіе въ русской литературѣ далъ *Л. Н. Толстой*. Въ то время, какъ Достоевскій стоитъ на почвѣ христіанства, Толстой основывается на естественной религіи. „Достоевскій объясняетъ жизнь и указываетъ цѣли ея съ точки зрѣнія откровенной религіи,—Толстой дѣлаетъ то же самое, раскрывая естественныя свойства человѣческой души, способной, по самому существу своему, стремиться къ истинѣ, добру и красотѣ, но замусоренной фальшью цивилизаціи и условностей“.

Достоевскій исходитъ антропологически изъ факта грѣхопаденія, Толстой—изъ отрицанія этого факта. „Самое представленіе о Богѣ у Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ не даетъ понятія о Немъ, какъ о Существѣ личномъ, могущемъ понимать человѣка во всѣхъ его стремленіяхъ, а размѣнивается на обоготвореніе всего въ природѣ, на обожествленіе предметовъ неорганическихъ и существъ органических“. Рѣчи о Богѣ у Толстого-художника смутныя, шаблонныя по содержанію, склоняющіяся чаще къ признанію за божество древне-греческой судьбы, восточнаго фатализма. Тѣмъ не менѣе, „раскрытіе природной религіозности человѣка (душа по природѣ христіанка) составляло и составляетъ основную задачу великаго художника“. Авторъ имѣетъ въ виду только художественныя произведенія Толстого, минуя его религіозно-философскія послѣднихъ лѣтъ, начиная съ „Исповѣди“. Этимъ объясняется нѣкоторая неполнота въ сужденіяхъ автора о религіозно-моральныхъ воззрѣніяхъ Толстого.

Продолжая сравненіе Достоевскаго и Толстого, мы должны отмѣтить, что и Толстой, какъ Достоевскій, зоветъ къ народу, который, проводя жизнь свою безъ всякихъ затѣй, по естественному порядку, въ трудѣ и въ удовлетвореніи естественныхъ потребностей, тѣмъ самымъ лучше всего рѣшаетъ вопросъ о смыслѣ жизни. Но у Достоевскаго „народъ

отличается смиреніемъ, терпѣніемъ и др. христіанскими качествами, пріобрѣтенными въ суровой школѣ тяжелаго крестьянскаго быта и въ общеніи съ природой“.

Толстой, наоборотъ, „разсматриваетъ христіанскія свойства простаго народа не какъ результатъ активной работы надъ собой, а какъ естественное, индуктивное, прирожденное пониманіе жизни душою, не замусоренной условностями и фальшью культуры“. Анализъ произведеній Толстого показываетъ въ писателѣ античнаго язычника еще до выступленія его въ роли учителя-моралиста. Въ „Аннѣ Карениной“, „Войнѣ и мирѣ“ съ особенною выпуклостью выступаетъ „бездогматическое христіанство“ Толстого, давшаго христіанскимъ формамъ содержаніе не христіанское, а естественное, языческое въ его чистомъ видѣ. „Однако, какъ бы ни относиться къ религіозно-философскому ученію Толстого, содержащемуся въ его художественныхъ твореніяхъ, все же Толстой—естъ прежде всего обличитель, безсмертный свѣточъ и будильникъ совѣсти, величайшій изъ бывшихъ доселѣ во всемірной литературѣ“.

Въ пунктѣ отрицанія культуры, проповѣди опрощенія весьма близко подходитъ къ Толстому М. Горькій, въ культѣ силы въ человѣкѣ родственннй Фр. Ницше. Толстой пытался развязать гордіевъ узелъ разврата и хищничества нашей культуры,—Горькій разрубилъ его и сталъ звать человека въ степь, въ босячество, къ отказу отъ всѣхъ соблазновъ и отреченію отъ всѣхъ обязанностей.

Мы опускаемъ религіозно-моральныя воззрѣнія другихъ нашихъ писателей, разсмотрѣнныхъ авторомъ, такъ какъ это вывело бы насъ далеко за предѣлы „замѣтки“. Отсылаемъ читателей къ самой книгѣ, въ которой на ряду съ взглядомъ самого автора приведено довольно много мнѣній и отзывовъ нашихъ критиковъ о каждомъ изъ разбираемыхъ писателей. Среди русскихъ книгъ сочиненіе Клитарева, насколько намъ извѣстно,—первый опытъ систематическаго аналитико-синтетическаго изслѣдованія произведеній русской

художественной литературы съ точки зрѣнія религіозно-моральной. И какъ таковой, трудъ Ктитарева заслуживаетъ снисхожденія къ недостаткамъ съ одной стороны, и самаго радушнаго приѣма, съ другой.

Искренно желаемъ книгѣ Ктитарева широкаго распространенія. Благодаря популярности изложенія, она доступна широкому кругу читателей; а благодаря сердечности тона и любовному отношенію автора къ нашимъ писателямъ, отыскивающаго разумное, доброе, вѣчное и тамъ, гдѣ привыкли видѣть вражду и отрицаніе, она можетъ послужить однимъ изъ хорошихъ руководствъ для выработки примирительнаго синтеза, котораго такъ часто недостаетъ въ отношеніяхъ между представителями Церкви и современнаго общества.

Законоучитель Кіевскаго Института Императора Николая I-го, священникъ *Іоаннъ Артинскій*.

Необходимое дополненіе къ статьѣ свящ. Пестрякова.

Въ 4-мъ № „Руководства для сельскихъ пастырей“ помѣщена статья свящ. Пестрякова: „Поучительныя стороны въ жизни миссіи Владимірской Епархіи“. Такъ какъ въ этой статьѣ о Пестрякова имѣется отчасти недоговоренное и отчасти такое, чему онъ самъ ставитъ вопросъ, то мы и позволимъ себѣ сдѣлать къ его статьѣ нѣкоторое дополненіе.

Прежде всего братскій отчетъ, на основаніи котораго составлялась замѣтка о Пестрякова, конечно, не реклама, а простое, скромное извѣщеніе для членовъ Братства, куда, на какія дѣла и нужды идутъ ихъ жертвы по Братству. Только послѣ этого въ отчетѣ раскрывается религіозно-просвѣтительная и культурная дѣятельность Братства. Факты и строги провѣренныя статистическія данныя прежде всего имѣлись въ виду при составленіи Братскаго отчета.

Въ своей статьѣ о Пестряковъ, правда, на основаніи того же отчета, считаетъ Владимірскую епархію въ миссіонерскомъ отношеніи неблагополучной, такъ какъ въ ней насчитывается до сорока тысячъ однихъ „старообрядцевъ“. Но это „неблагополучіе“ можетъ быть отнесено не къ составу

собственно мѣстнаго кореннаго населенія, а ко Владимірской епархіи, какъ такой области, которая заключаетъ въ своемъ пространствѣ извѣстные всероссійскіе фабрично-заводскіе центры,—каковы: Орѣхово-Зуево, Дулево, Ивано-Вознесенскъ, Шуя, Кохма, Ликино и другіе, притягивающіе къ себѣ рабочихъ—жителей со всѣхъ мѣстъ необъятной матушки Россіи. Въ частности, Орѣхово-Зуевскій фабричный районъ въ своей западной части примыкаетъ къ „знаменитой въ старообрядчествѣ Гуслицѣ“; часть „гуслицкаго“ населенія даже входитъ въ составъ прихода Орѣховскаго и Горскаго, хотя это населеніе въ собственномъ смыслѣ и не можетъ быть признано въ числѣ постоянныхъ жителей Владимірской губерніи. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно Иванова-Вознесенска, Шуп и Гороховецкаго уѣзда, который въ своей сѣверной части подходитъ къ Нижегородской епархіи, издревле населенной раскольниками старообрядцами.

Главное же обстоятельство, по которому Влад. епархія скорѣе можетъ быть названа „благополучной“ въ миссіонерскомъ отношеніи, это то, что добрая половина „старообрядцевъ Владимірскихъ предѣловъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ принадлежитъ къ безпоповцамъ—малоначальникамъ, т. е. къ такому согласію, которое наиболѣе склонно къ воссоединенію съ Православной Церковію на началахъ единовѣрія. Благодаря этому именно обстоятельству, со времени дарованной свободы совѣсти Манифестомъ 17 апрѣля 1905 г., въ дѣлахъ Владимірской духовной консисторіи не прекращаются производства по открытію и устройству единовѣрческихъ приходовъ. Такъ, въ Гороховецкомъ уѣздѣ единовѣрческіе храмы и приходы устраиваются въ слѣдующихъ селахъ: въ Тарановѣ на 600 душъ (дѣло окончено), въ Поальцѣ на 800 душъ, въ Новомъ Потапѣ на 1500 душъ, Миклаевѣ на 767 душъ и Баландинѣ—въ Радиловѣ (Судогд. уѣзда) на 207 душъ, въ Перовѣ (родина Швецова, или „старообрядческаго епископа Арсенія“) на 250 душъ, а также въ Пруднѣ Мел. уѣзда.

Эти утѣшительныя явленія въ жизни Владимірской миссіи уже отмѣчены духовной литературой (см. напр. „Миссіонер. Сборникъ 1909 г. № 3, стр. 196—200 и „Колоколъ“ январскіе №№ текущаго года).

Въ концѣ своей статьи о. Пестряковъ спрашиваетъ: „существуютъ ли во Владимірской епархіи хотя зачатки организованной приходской благотворительности?“ Отвѣчаемъ утвердительно на этотъ вопросъ, но дѣла о приходской благотворительности находятся въ вѣдѣніи духовной Консисто-

ри, которая и даетъ объ этомъ свѣдѣнія въ своемъ отчетѣ, помимо Братства. Съ своей стороны мы укажемъ для примѣра на не особо давно открытое „Трехсвятительское попечительство о бѣдныхъ Воютинскаго прихода“ (Мелен. уѣзда), благотворительная дѣятельность котораго уже обратила на себя вниманіе печати (см., напр., „Моск. Вѣд.“ 1909 года, № 96; ср. „Новое Время“ за 2-е октября, „Миссіонер. Обзорѣніе“ за августъ—сент. и „Рязан. Мисс. Сборникъ“ № 4, стр. 276—279).

Относительно торжественныхъ архіерейскихъ служеній по деревнямъ, въ противовѣсъ таковымъ же раскольническимъ, слѣдуетъ замѣтить, что викарій Владимір. епархіи, преосвященный Муромскій Евгеній, вѣдѣнію котораго поручено миссіонерское дѣло епархіи, ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы, съ соизволенія Владимірскаго архипастыря Николая, предпринимаетъ поѣздки въ разные уѣзды, совершая тогда по селамъ торжественныя литургіи, а по деревнямъ общіе молебны (см., напр., Влад. Еп. Вѣд. №№ 27 и 38 1908 г., №№ 31—32, 1909 г.; ср. іюльскіе №№ „Колокола“ за тѣ же годы).

Въ заключеніе нашей дополнительной замѣтки выражаемъ глубокую благодарность о. Пестрякову за то, что онъ совершенно объективно отнесся къ фактамъ и статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ отчетѣ Братства, не выдернувъ изъ этого отчета какія-нибудь 5—10 строкъ, какъ это напр., сдѣлалъ обозрѣватель библиографіи въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ (см. „Странникъ“ № 12, 1909 г., стр. 843), дабы отрицательно отнестись къ значенію дѣятельности не только Владимірскаго, но и другихъ Братствъ въ Россіи.

Н. У—вз.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 22-го февраля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 7 марта.

Содержаніе: I. Еврейскій вопросъ. Прот. Д. Говоровъ. — II. Дарвинизмъ.
Перев. Н. П. Селиванской. — III. Кружки ревнителѣй православія.
Н. У—въ. — IV. Угѣшительный фактъ. Н. У—въ. — V. Поѣздка воспи-
танниковъ семинаріи въ цѣляхъ миссіонерства. Н. У—въ.

Еврейскій вопросъ.

Святой Іоаннъ Златоустъ нѣкогда сказалъ антиохійцамъ:
„У насъ большая часть города состоитъ изъ христіанъ, и
однакожь есть еще больные іудействомъ“ (Твор. Злат. т. I,
кн. II, стр. 641). Это онъ сказалъ въ своемъ сочиненіи „Про-
тивъ іудеевъ“ (въ 8 словахъ). Поводомъ къ написанію этого
сочиненія послужило слѣдующее обстоятельство. Св. Злато-
устъ увидѣлъ однажды человѣка, выдававшего себя за хри-
стіанина, который принуждалъ одну почтенную, благородную
и вѣрную женщину войти въ синагогу еврейскую и тамъ
поклясться по спорному дѣлу. Такъ какъ эта женщина взы-
вала о помощи и просила остановить такое незаконное на-
силіе, то Св. Златоустъ воспламенился ревностію, всталъ на

защиту женщины, не дозволилъ влечь ее на такое преступное дѣло и освободилъ ее.

Потомъ св. Златоустъ въ бесѣдѣ съ этимъ человѣкомъ спросилъ его о причинѣ, побудившей его дѣлать такое насиліе надъ женщиною-христіанкою. Человѣкъ сказалъ, что, по словамъ многихъ, синагога еврейская имѣетъ особенное значеніе, предпочтительное предъ Церковію христіанскою, и что клятвы, даваемыя въ синагогахъ, особенно страшны. Златоустъ обличилъ беззаконника и доказалъ его неправоту. Объ этомъ Златоустъ разсказалъ слушателямъ въ своемъ сочиненіи съ тою цѣлью, чтобы и они не относились безразлично къ подобнымъ безчинствамъ, чтобы они въ подобныхъ случаяхъ не говорили: „а мнѣ какое до того дѣло? и пр.“. Златоустъ произнесъ съ церковной кафедрой восемь бесѣдъ, въ которыхъ въ яркихъ краскахъ охарактеризовалъ іудеевъ и іудействующихъ, объяснилъ, что такое синагога и что такое Церковь, подробно выяснилъ отношеніе іудеевъ и іудействующихъ къ Иисусу Христу и Его Церкви и каковы должны быть отношенія христіанъ къ нимъ.

Это сочиненіе представляетъ для насъ большую цѣну, оно отличается проникновенностію религіозной мысли въ судьбы еврейскаго народа и не утратило своего значенія и до нашихъ дней. „У насъ большая часть города состоитъ изъ христіанъ, и однакожь есть еще больные іудействомъ“. Приверженность къ евреямъ и къ еврейскимъ обрядамъ проявляется и до нынѣ среди лицъ, именующихъ себя христіанами: приверженность, во-1-хъ, въ видѣ нѣкоторыхъ ересей, и во-2-хъ, на почвѣ обще-религіозной, національной, культурной, соціальной.

Анализъ сочиненія св. І. Златоуста „Противъ іудеевъ“ ясно покажетъ намъ, во-1-хъ, что еврейство, какъ религіозное ученіе, утратило нынѣ всякое значеніе, и исполненіе его противно Богу; что еврейство, какъ народность, потеряло всякую возможность къ самостоятельному существованію; что еврейство, какъ направленіе, представляется явленіемъ не-

нормальнымъ, болѣзненнымъ, и во-2-хъ, что приверженность къ еврейству явленіе также болѣзненное и требуетъ врачеванія.

Анализъ этого сочиненія покажетъ намъ также, что оно не только отражаетъ современную I. Златоусту эпоху, но что оно носитъ печать жизненности и донинѣ въ смыслѣ разъясненія вопросовъ, касающихся еврейства. Оно даетъ освѣщеніе и современному „еврейскому вопросу“. И потому сочиненіе „противъ іудеевъ“, повторяемъ, имѣетъ для насъ сугубый интересъ.

Мы постоянно слышимъ сужденія съ одной стороны о даровитости евреевъ, о ихъ выдающихся духовныхъ качествахъ, умѣ, сердечности, о преимуществахъ предъ другими націями, о ихъ кипучей дѣятельности, которая оживляетъ ту мѣстность, гдѣ они заселяются. Слышимъ съ другой стороны жалобы на ихъ ужасающую бѣдность, ихъ отчаянную борьбу за жалкое существованіе, жалобы на гоненія и притѣсненія со стороны коренного населенія разныхъ странъ по невѣжеству и фанатизму. Многіе преклоняются предъ даровитостію еврейской націи и располагаютъ къ нимъ симпатіи другихъ; трактуютъ о полномъ равноправіи евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Общій вопросъ о евреяхъ давно уже перешелъ въ спеціальнй „еврейскій вопросъ“. И нѣтъ, кажется, ни одного выдающагося ума въ мірѣ, который не интересовался бы этимъ вопросомъ и не далъ такого или иного отвѣта. Надо сказать, что отзывы великихъ людей всего свѣта, выставляютъ отрицательныя черты евреевъ такъ ярко, что становится обидно за человѣка. Невольно хочется проникнуть въ мотивы дѣлаемыхъ характеристикъ.

Нельзя не обратить вниманія на отношеніе къ евреямъ всѣхъ народовъ Европы, Азии и Америки. У насъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ слышно накопилось много матеріала по еврейскому вопросу. На основаніи этого матеріала будетъ разработанъ законопроектъ по еврейскому вопросу и внесенъ будетъ, по газетнымъ слухамъ, въ Государ-

ственную Думу въ концѣ 1910 г. Никому нельзя стать, при всемъ желаніи, въ сторонѣ отъ этого вопроса. Необходимо быть въ курсѣ дѣла и отнестись къ этому вопросу безпристрастно. Необходимо рассмотреть этотъ вопросъ—*fine igne ex studio*. Разрѣшить этотъ вопросъ, намъ кажется, человѣкъ не въ силахъ, ибо возникновеніе его зависѣло отъ воли Божіей, въ Его же волѣ и разрѣшеніе его. Мы можемъ сдѣлать только обзоръ всего, что сдѣлано на пути къ разрѣшенію вопроса. Самымъ безпристрастнымъ рассмотрѣніемъ вопроса будетъ, рассмотрѣніе его на почвѣ святоотеческой, ибо нигдѣ съ такою объективностію и всесторонностію не разсматривается онъ, какъ въ писаніяхъ отцовъ Церкви, руководимыхъ Словомъ Божиимъ. Но, чтобы не показалось такое изслѣдованіе одностороннимъ, сдѣлаемъ небольшой экскурсъ и въ научную область, т. е. коснемся взглядовъ тѣхъ лицъ, которыя стоятъ на научной почвѣ. Это не можетъ подать поводъ къ обидѣ ни для филосемита, ни для антисемита.

Недавно одинъ молодой Румынъ Манулеско Младіанъ защищалъ въ Парижскомъ Университетѣ докторскую диссертацию на тему: „Средній классъ населенія въ Румыніи“. Докторантъ все свое сочиненіе посвятилъ исключительно еврейскому вопросу и способамъ его практическаго разрѣшенія. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что официальными оппонентами были юдофилы. Вопросъ еврейскій освѣщенъ былъ такъ всесторонне, и съ такимъ научнымъ безпристрастіемъ рассмотрѣны отрицательныя стороны еврейства, что оппоненты, не смотря на шумъ присутствующихъ евреевъ и еврействующихъ, признали диссертента достойнымъ степени доктора правъ. Французы въ признаніи тезисовъ этой диссертации видятъ шагъ впередъ на пути къ разрѣшенію еврейскаго вопроса у нихъ, въ странѣ равноправія, п. ч. докладъ сдѣланъ безъ всякой политической окраски. Если бы подобныхъ работъ было больше, то здоровый взглядъ по этому вопросу сдѣлался бы достояніемъ большого круга людей, что сгладило бы рѣзкія, обостренныя отношенія край-

нихъ партій—филосемитовъ и антисемитовъ, и это въ свою очередь содѣйствовало бы излѣченію болѣзни іудействующихъ и примиренію двухъ расъ.

Намъ слѣдуетъ выяснитъ себѣ прежде всего вопросъ, дѣйствительно ли пристрастіе къ евреямъ есть явленіе болѣзненное, по взгляду св. І. Златоуста. Если оно вытекаетъ изъ уваженія къ достоинству ихъ, то нельзя это назвать болѣзнію. Разсмотримъ же, каковы отличительныя черты еврейства, каковы симптомы больныхъ іудействомъ, и укажемъ причины болѣзни и врачеваніе болѣзни, пользуясь прежде всего твореніями Златоуста.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду, послѣ анализа сочиненія „Противъ іудеевъ“, изложить мнѣніе извѣстнаго нѣмецкаго ученаго родомъ еврея—Вейнингера, который между прочимъ издалъ капитальную книгу подъ заглавіемъ „Поль и характеръ“. Въ этой книгѣ есть особая глава подъ заглавіемъ „еврейство“. Очень важно воспользоваться этою главою въ виду того, что здѣсь имѣются отвѣты на сужденія въ печати и среди публики о даровитости еврейской націи и вообще о высокихъ духовныхъ качествахъ ея, проявляющихся въ соціальной и государственной жизни. Важно воспользоваться этимъ и потому, что много здѣсь согласнаго со взглядомъ св. Златоуста. Такимъ образомъ мы совокупимъ взгляды двухъ противоположныхъ авторитетовъ—св. отца Церкви и ученаго еврея.

Кратко изложимъ содержаніе сочиненія „противъ іудеевъ“, придерживаясь по возможности послѣдовательнаго порядка.

І. Златоустъ вель борьбу противъ аріанъ, названныхъ аномеями. Онъ прервалъ свои бесѣды противъ аномеевъ въ виду необходимости врачеванія болѣзни, поразившей тѣло Церкви,—зараженія іудействомъ. Необходимо было скорѣйшее уврачеваніе, и ч. наступали іудейскіе праздники и посты, и многіе христіане принимали участіе и въ тѣхъ и въ другихъ.

Златоустъ начинаетъ врачеваніе іудействующихъ съ того, что доказываетъ полное неразуміе и упорство іудеевъ. Онъ называетъ ихъ жалкими. „Истинно жалки и несчастны они, намѣренно отринувшіе и бросившіе столько благъ, съ неба пришедшихъ въ ихъ руки. Возсіяло имъ утреннее Солнце правды: они отвергли свѣтъ Его, и сидятъ во тмѣ, а мы, жившіе во тмѣ, привлекли къ себѣ свѣтъ и избавились отъ мрака заблужденія. Они были вѣтвями святаго корня, но отломились: мы не принадлежали корню, и принесли плодъ благочестія... Нѣтъ ничего жалче іудеевъ: они всегда идутъ противъ собственнаго спасенія. Когда надлежало соблюдать законъ, они попрали его; а теперь, когда законъ пересталъ дѣйствовать, они упорствуютъ въ томъ, чтобы соблюдать его. Что можетъ быть жалче тѣхъ людей, которые раздражаютъ Бога не только преступленіемъ закона, но и соблюденіемъ его. Поэтому и называются они жестоковѣйными (Дѣян. 7, 51). Но отчего произошла эта жестоковѣйность? спрашиваетъ Златоустъ, и отвѣчаетъ: „отъ пресыщенія и пьянства. Самъ Моисей говоритъ, *яде Иаковъ, и насытится, и отвержется возлюбленный* (Втор. 32, 15).

Какъ животныя, говоритъ онъ, когда пользуются обильнымъ кормомъ, разжирѣвъ, дѣлаются буйными и неукротимыми, не допускаютъ къ себѣ ни ярма, ни узды, ни руки возничаго; такъ и іудейскій народъ, отъ опьяненія и пресыщенія низвергшись въ крайнее нечестіе, заскакалъ, не взявъ на себя ига Христова и не повлекъ плуга евангельскаго ученія. На это указываетъ и другой пророкъ, говоритъ: *якоже юница стрѣкаломъ стрѣчема разсвиртътъ Израиль* (Ос. 4, 16). А такія животныя, будучи негодны для работы, годны бываютъ для закланія. Это случилось и съ іудеями: сдѣлавъ себя негодными для работы, они стали годными только для закланія. Закланіе это выразилось въ казняхъ іудеевъ, въ разрушеніи Іерусалима и разсѣянїи іудеевъ, что ясно и опредѣленно предсказалъ І. Христосъ. Но іудей, говоритъ Златоустъ, конечно, отвергаетъ сказанное І. Христомъ. Это сказалъ мой

врагъ, говоритъ іудей; я распялъ его, какъ же я приму его свидѣтельство? Это-то и диво, іудей, что Тотъ, Кого ты распялъ, уже по распятіи Своемъ, разрушилъ твой городъ, разсѣялъ твой народъ и разбросалъ по всему лицу земли твое племя. Такъ какъ ты не захотѣлъ познать Его могущества въ благодареніяхъ, то Онъ далъ тебѣ понять Свою непоколебимую и необозримую силу въ карахъ и наказаніяхъ. Но ты и послѣ этого не вѣришь, и не признаешь Его Богомъ и Владыкою всей вселенной, но считаешь обыкновеннымъ человѣкомъ. Но разсуди о немъ даже какъ о простомъ человѣкѣ. Когда мы увидимъ, что извѣстные люди всегда говорятъ правду, то хотя бы они были намъ враги, мы, если у насъ только есть умъ, принимаемъ ихъ слова; напротивъ, когда увидимъ, что они лгутъ, то, хотя бы они о чемъ-либо сказали и правду, мы не легко принимаемъ ихъ слова“. Такъ охарактеризовалъ Златоустъ іудеевъ со стороны ихъ неразумія и упорства.

Такъ какъ іудействующіе большое значеніе придавали синагогѣ и обрядамъ, то Златоустъ и въ этомъ вопросѣ предложилъ врачеваніе.

Нѣкоторые, говоритъ Златоустъ, считаютъ синагогу мѣстомъ досточтимымъ; необходимо сказать нѣсколько словъ и противъ нихъ. Почему вы уважаете это мѣсто, тогда какъ его надлежитъ презирать, гнушаться и убѣгать? Въ немъ, скажете, законъ и пророческія книги. Что же изъ этого? Ужели гдѣ будутъ эти книги, то и мѣсто будетъ свято? Во все нѣтъ. А я потому-то особенно и ненавижу синагогу и гнушаюсь ею, что, имѣя пророковъ, іудей не вѣрують пророкамъ, читая Писаніе, не принимаютъ свидѣтельствъ его; а это свойственно людямъ, въ высшей степени злобымъ. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ, что какого-нибудь почтеннаго, знаменитаго и славнаго мужа завели въ корчемницу стали бы его тамъ носить, бить и оскорблять, неужели бы ты сталъ уважать эту корчемницу или вертепъ потому, что тамъ оскорбляемъ былъ этотъ славный и великій мужъ? Не

думаю. Такъ разсуждай и о синагогѣ. Іудеи ввели туда съ собою пророковъ и Моисея не для того, чтобы почитать, но чтобы оскорблять и безчестить ихъ. Ибо, когда они говорятъ, будто пророки и Моисей не знали Христа и ничего не сказали о его пришествіи, то какое же еще можетъ быть большее оскорбленіе для этихъ святыхъ, какъ не обвиненіе ихъ въ томъ, будто они не знаютъ своего Владыку и участвуютъ въ нечестіи іудеевъ? А что говорить о книгахъ и мѣстахъ?

Во время гоненій палачи держатъ въ рукахъ у себя тѣла мучениковъ, терзаютъ, поражаютъ бичами: такъ ужели ихъ руки стали святы оттого, что держали тѣла святыхъ? То же самое надо сказать и о синагогахъ, въ которыхъ находятся священныя книги. Пора уже показать, что тамъ, въ синагогѣ, живутъ демоны еще лютеѣ прежнихъ; потому что раньше іудеи оскорбляли пророковъ, а теперь ругаются надъ самимъ Владыкою пророковъ.

Златоустъ говоритъ и о праздникахъ іудейскихъ. Праздники іудеи сдѣлали нечистыми, говоритъ онъ; пророкъ Амось сказалъ: *возненавидѣхъ и отвергохъ праздники ваши* (Ам. 5. 21). И чрезъ Исаію сказалъ: *И аще принесете Ми семідалъ, всеу: кадило мерзость. Ми есть* (Ис. 1, 13). Умерщвленный І. Христосъ почтилъ тебя такъ, что сдѣлалъ Своимъ братомъ и сонаслѣдникомъ; а ты столь безславишь Его, что уважаешь убійць и распинателей Его и угождаешь имъ участіемъ въ ихъ праздникахъ.—Нѣкоторые ходили въ синагоги для уврачеванія болѣзней. І. Златоустъ разоблачаетъ это суевѣріе.

Вся вторая бесѣда посвящена убѣжденію въ томъ, что обряды іудейскіе не нужны, и что законъ Моисея пересталъ быть руководителемъ нашимъ. Это доказываетъ онъ на словахъ ап. Павла, который *обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колына Вениаминова, еврейскъ отъ еврей, по закону фарисей, по ревности юнихъ церковь* (Фил. 3, 5, 6).

Тѣхъ, которые больны іудействомъ, необходимо лѣчить радикальными средствами, упорныхъ извергать.

Самыя радикальныя мѣры въ отношеніи этихъ необходимы потому, что іудействующіе сами себя обрекаютъ на гибель отъ волковъ и во всемъ духовномъ стадѣ поселяютъ раздѣленіе, почему они, будучи христіанами, исполняютъ іудейскіе обряды, такимъ образомъ поступаютъ противъ св. отцевъ 1-го Вселенскаго Собора, которымъ постановили, когда праздновать христіанамъ Пасху.

Затѣмъ со всею убѣдительною св. І. Златоустъ доказываетъ, что пасха іудейская по закону Моисея должна праздноваться только въ Іерусалимѣ (Втор. 16. 5, 6, Числ. 9. 7—11). По разрушеніи же Іерусалима должно прекратиться совершеніе іудейской пасхи. Пасха іудейская это—постъ, а пасха христіанская—праздникъ радости и веселія.

І. Златоустъ доказываетъ на основаніи Слова Божія и опыта, что всякое дѣло оцѣнивается по тому, совершается ли оно по волѣ Божіей, или по упорству. Ты христіанинъ? Для чего же слѣдуешь обычаямъ іудейскимъ? Или іудей? Такъ зачѣмъ беспокоишь Церковь Божію? Развѣ споръ у насъ о пустыхъ вещахъ, такъ что можно считать за одно и то же—и христіанство и іудейство? Что ты соединишь несоединимое? Они распяли Христа, Которому ты поклоняешься. Какъ же ты бѣжишь къ нимъ, убійцамъ, ты, говорящій о себѣ, что поклоняешься Распятому? Извѣстно, что даже пророки не приносили жертвъ и не воспѣвали пѣсней и не соблюдали праздниковъ и постовъ на чужой землѣ. Какое же іудеи могутъ имѣть оправданіе? Іудеи не перемѣнили своихъ обычаевъ, хотя должны были перемѣнить, а христіане перемѣняютъ, хотя и не должны перемѣнять.

Если бы Господь хотѣлъ, чтобы эти обряды соблюдались постоянно, то надлежало бы Ему сдѣлать одно изъ двухъ: или не повелѣвать приносить жертвы на одномъ только мѣстѣ, если уже Онъ хотѣлъ разсѣять васъ по всей вселенной; или, если хотѣлъ, чтобы вы приносили жертвы

только въ Иерусалимѣ, не разсѣивать васъ по вселенной и не дѣлать для васъ недоступнымъ того именно города, въ которомъ одномъ надлежало приносить жертву. Что же? Богъ, скажешь, противорѣчитъ Самъ Себѣ: повелѣлъ приносить жертвы въ одномъ только мѣстѣ. Самъ же потомъ заперъ это мѣсто? Вовсе нѣтъ. Онъ вѣренъ Самому Себѣ. Сначала Онъ и не хотѣлъ позволить вамъ жертвы. *Что Ми множество жертвъ вашихъ* (Ис. 1. 11). Если Онъ потомъ позволилъ, то сдѣлалъ такъ, какъ дѣлаетъ врачъ, который, видя, что больной горячкою человѣкъ своенравный и нетерпѣливый, хочетъ выпить холодной воды и угрожаетъ, если ему не дадутъ, накинуть на себя петлю; для предотвращения большаго зла, допускаетъ меньшее; только бы отклонить больного отъ насильственной смерти.

Такъ точно поступилъ и Богъ. Онъ позволилъ имъ жертвы уже послѣ того, какъ они совершили праздникъ въ честь злыхъ демоновъ. И не навсегда далъ имъ это позволеніе. Съ отнятіемъ Иерусалима Богъ отнялъ возможность совершать жертвы.

Поэтому необходимо предохранять христіанъ отъ подражанія іудеямъ.

Если бы іудеи и надѣялись возвратить Иерусалимъ, то и тогда не слѣдовало бы совершать обрядовъ, какъ это дѣлали іудеи въ плѣну Вавилонскомъ, т. е. они не совершали жертвъ. Но несомнѣнно, что храмъ Иерусалимскій, уже не будетъ возстановленъ, и іудеи не получаютъ прежняго устройства.

Иисусъ Христосъ сказалъ, что *Иерусалимъ будетъ попираемъ языки многими, дондеже скончаются времена языкъ многихъ* (Мѡ. 24). А о храмѣ, что *не имать остати камень на камень на мѣсть семъ, иже не разорится*.

Всѣ слова Спасителя, касающіяся даже, повидимому, маловажныхъ обстоятельствъ, напр., проповѣдь о женщинѣ, помазавшей миромъ ноги Спасителя, остаются непреложными. И слово и лицо Іисуса Христа остались извѣстны всему

міру, хотя діаволь старался затмить Его пришествіе и истинное домостроительство тѣмъ, что выслалъ нѣсколько обманщиковъ (Оевда, Іуда Галилеянинъ) съ тѣмъ, чтобы и Христа отнесли къ числу ихъ. Что онъ сдѣлалъ по отношенію къ кресту, подготовивъ двухъ разбойниковъ къ распятію со Христомъ, то же сдѣлалъ и по отношенію къ Его пришествію, — силится примѣсю лжи помрачить истину: однако же не успѣлъ ни тамъ, ни здѣсь, напротивъ, это самое и показало силу Христову. Ученіе Его сдѣлалось выше всякаго ученія. Лицо Іисуса Христа сдѣлалось для дѣтей дороже родителей и для родителей пріятнѣе дѣтей и для женъ — любезнѣе мужей. И это не въ одномъ мѣстѣ, а во всей вселенной. И бѣдствія іудеевъ послѣ убіенія Христа постигли по предсказанію пророковъ, которые назвали іудеевъ *моднолобыми* за непониманіе совершившагося надъ ними (Ис. 11. 8, 4).

Три рабства самыя тяжелыя испытали іудеи по точному предсказанію пророковъ: Египетское рабство, продолжавшееся 400 лѣтъ, Вавилонское — 70 лѣтъ. Рабство при Антиохѣ Елифанѣ 3½ года. Предсказано было пророкомъ Даніиломъ (12. 9—10) и Самимъ Іисусомъ Христомъ четвертое рабство, но времени окончанія этого рабства не указано.

Іудеи не хотѣли примириться съ своимъ положеніемъ, съ своею участью. Они, вопреки очевидному опредѣленію Божію о разсѣяніи, пытались возстановить прежнее царство. Возмутились при Адрианѣ, но результатомъ возмущенія было окончательное разрушеніе Іерусалима, и послужило оно только большему выполненію опредѣленія Божія: *не останется камня на камнѣ*. Послѣ этого искушенія іудеи снова при Константинѣ покушались на то же; но царь въ наказаніе обрѣзалъ имъ уши, и положилъ на нихъ тѣмъ знакъ ихъ возмущенія; водилъ ихъ повсюду, какъ бѣглецовъ и негодяевъ, такимъ искаженіемъ тѣла, дѣлая ихъ примѣтными для всѣхъ и вразумляя жившихъ повсюду іудеевъ не отважи-

ваться на подобныя дѣла. Но и это обстоятельство не укротило мятежный духъ іудеевъ. Онъ снова возсталъ при Юліанѣ отступникѣ за 20 лѣтъ предъ этимъ временемъ. Онъ склонялъ іудеевъ къ идолослуженію, потомъ предложилъ возстановить древнее богослуженіе. Тогда іудеи сказали справедливо, что имъ не позволено приносить жертвъ внѣ города, и что тѣ поступаютъ незаконно, которые совершаютъ обряды на чужой землѣ. Итакъ, говорили они Юліану, если хочешь, чтобы мы приносили жертвы, возврати намъ городъ, возстанови храмъ, открой намъ святое святыхъ, возобнови алтарь, и мы будемъ приносить жертвы, какъ раньше. И не стыдились, говорить, негодные и безстыдные, просить объ этомъ царя нечестиваго и язычника, и приглашать скверныя руки его къ созданію святыни; не чувствовали, что они покушаются на невозможное, и не постигали, что если бы *человѣкъ* разрушилъ эту святыню, то *человѣкъ* могъ бы и возстановить ее, но когда Богъ разрушилъ ихъ городъ, человѣческая сила не можетъ перемѣнить положеннаго опредѣленіемъ Божиимъ. Допустимъ, однако же, что царь возвратилъ бы вашъ храмъ и возстановилъ алтарь, чего вы напрасно ожидаете: но могъ ли бы онъ низвести вамъ свыше и огонь небесный? А безъ него ваша жертва была бы и нечиста и нечестива. Нечестивый царь назначилъ и деньги на издержки, наשלъ смотрителей за работами, вызвалъ отовсюду и художниковъ, привелъ все въ движеніе, чтобы уничтожить опредѣленіе Христово. Но Господь показалъ, что опредѣленіе Его сильнѣе всѣхъ дѣйствій человѣческихъ.

Когда іудеи расчищали основаніе и вытаскали не мало земли и хотѣли приступить къ постройкѣ, вдругъ вышедшій изъ земли огонь сжегъ многихъ людей и даже камни, бывшіе на томъ мѣстѣ, и остановилъ неблаговременную дерзость, такъ что всѣ іудеи, видѣвшіе это, приведены были въ изумленіе и стыдъ. Свидѣтели этому, говорить Златоустъ, всѣ мы, ибо это случилось при насъ. Смотри же, какъ знаменита побѣда. Случилось это не при благочестивыхъ царяхъ, дабы

не сказалъ кто, что христіане напали и помѣшали іудеямъ; нѣтъ, когда Церковь наша была гонима, когда всѣ мы опасались за свою жизнь и лишены были всякой свободы, а язычество процвѣтало; когда одни изъ вѣрныхъ скрывались въ домахъ, другіе переселялись въ пустыни, и бѣжали изъ городовъ, тогда случилось это, чтобы іудеямъ не оставалось никакого предлога къ безстыдному упорству.

Не смотря на все это, іудеи продолжали упорствовать. Но и неудивительно, восклицаетъ Златоустъ: таковъ ужъ вашъ народъ, искони безстыдный, сварливый, привыкшій всегда спорить противъ очевиднаго. Златоустъ далѣе ставитъ такіе вопросы: почему раньше (во времена Моисея, царей, пророковъ) вы, іудеи, хотя жили нечестиво, служили идоламъ, убивали дѣтей, побивали камнями пророковъ, совершали безчисленныя преступленія, однако, пользовались такимъ покровительствомъ Божиимъ; а теперь хотя и не служите идоламъ, не умерщвляете дѣтей, не побиваете камнями пророковъ, однако, живете все въ рабствѣ? Развѣ тогда былъ одинъ Богъ, а теперь другой? Почему же не оказываетъ Онъ теперь снисхожденія? Если вы стыдитесь сказать причину, скажу прямо я, или вѣрнѣе не я, но сама дѣйствительная истина: за то, что вы убили Христа; за то, что подняли руки на Владыку; за то, что пролили драгоценную кровь,—вотъ за что нѣтъ вамъ облегченія, нѣтъ, наконецъ, прощенія, нѣтъ извиненія.

Но чтобы іудеи не упорствовали и не приписывали своего порабоженія людямъ, Богъ попустилъ не только пасть городу и разрушиться храму, но прекратиться и тому, что имѣло свое начало съ неба, какъ то: огню, гласу, сіянію камней и т. п. Посему, когда іудей станетъ говорить тебѣ: люди возстали на насъ, люди сдѣлали зло, скажи ему, что люди не возстали бы, если бы Богъ не попустилъ этого. Пусть люди разрушили твою стѣну; но ужели человѣкъ запретилъ сходить огню свыше? Ужели человѣкъ возбранилъ голосу, который постоянно слышался отъ чистилища?

Ужели и откровене на камняхъ и священное помазаніе, и все прочее уничтожилъ человѣкъ? Не Богъ ли истребилъ это? Всякому понятно. Если бы Иисусъ Христосъ былъ обманщикъ и незаконникъ, какъ говорили іудеи, то имъ вмѣнено было бы въ заслугу убіеніе Христа. Но Онъ законодатель и виновникъ безчисленныхъ благъ. Вотъ почему іудеи, поступившіе съ Нимъ нечестиво, находятся въ угнетеніи и безчестіи, а христіане, поклоняющіеся Ему, прежде бывшіе безчестіе всѣхъ іудеевъ, теперь славнѣе и почтеннѣе всѣхъ.

У іудеевъ нѣтъ священства и нѣтъ посвященія. А что священство ветхозавѣтное отмѣнено, это видно изъ того, что въ Новомъ Завѣтѣ явилось священство по чину Мелхиседека, которому прадѣдъ Левія Авраамъ принесъ десятину и получилъ благословеніе, какъ нѣкій меньшій. Съ перемѣною священства подлежало быть перемѣнѣ и закона.

Синагога не приобрѣтаетъ значенія оттого, что въ ней лежитъ законъ, все равно, какъ діаволъ не перестаетъ быть діаволомъ, когда говоритъ отъ Писанія. Упразднена скинія, упраздненъ законъ, настала благодать: *Въ главизнѣ книжки написано было о Христѣ. Господь навсегда отвергъ жертвы іудеевъ. Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ Ми еси* (Евр. 10. 4). Не смотря на все это, есть еще много такихъ христіанъ, которые приходятъ въ синагогу, какъ въ священное мѣсто, суевѣрно надѣясь получить здѣсь помощь въ нуждѣ и въ болѣзняхъ. Въ почему Іоаннъ Златоустъ называетъ таковыхъ больныхъ іудействомъ. Въ отношеніи ихъ онъ рекомендуетъ совѣты, увѣщанія, угрозы и даже изверженіе отъ общенія съ Церковію.

Вотъ вкратцѣ взглядъ Іоанна Златоуста на іудеевъ.

Протоіерей *Димитрій Горовъ.*

Д а р в и н и з м ъ .

Дарвинизмъ и христіанство.—Несостоятельность дарвинизма.—Дарвинизмъ и цѣлесообразность въ природѣ.—Можетъ ли дарвинизмъ объяснить происхожденіе видовъ?—Происходитъ ли человѣкъ отъ обезьяны?

Ни одинъ естествоиспытатель въ истекшемъ столѣтіи не приобрѣлъ такого вліянія, какъ Дарвинъ. Многіе вѣрили и вѣрятъ еще и теперь, что имъ была рѣшена міровая загадка, и что его ученіе о происхожденіи видовъ нанесло смертельный ударъ христіанству.

Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы пустился въ болѣе подробное изложеніе теоріи дарвинизма, предназначенное для незнакомыхъ съ нею. Я пишу здѣсь только для тѣхъ, кто имѣетъ понятіе объ этомъ ученіи, какъ мало поводовъ имѣетъ христіанство бояться дарвинизма.

Существуютъ прежде всего три пункта, въ которыхъ возрѣнія дарвинистовъ уклоняются отъ ученія Библіи.

1. Христіанинъ причину чудесной цѣлесообразности, которая замѣчается повсемѣстно въ природѣ, видитъ въ мудрости Бога, такъ прекрасно все установившаго. Дарвинизмъ же объясняетъ цѣлесообразность такимъ образомъ, что въ борьбѣ за существованіе все нецѣлесообразное уничтожается, и остается только цѣлесообразное.

2. Библія говоритъ намъ, что многочисленные виды, которые встрѣчаются намъ въ мірѣ животныхъ и растений, происходятъ отъ Бога, сотворившаго „каждое живое существо по роду его“. По дарвинизму же Богъ не имѣетъ ничего общаго съ происхожденіемъ различныхъ видовъ, но они сами развились изъ другихъ простѣйшихъ видовъ или случайно, или подъ вліяніемъ измѣнившихся жизненныхъ условій, причемъ борьба за существованіе имѣла громадное значеніе.

3. Библія учитъ, что Богъ создалъ человѣка по образу и подобию Своему. Дарвинизмъ же примѣняетъ принципъ естественнаго подбора также и къ человѣку и объявляетъ, что человѣкъ развился постепенно изъ обезьяны или изъ

одного общаго для обезьяны и человѣка, предка. Отрицая образъ Божій въ человѣкѣ, дарвинизмъ утверждаетъ въ немъ образъ обезьяній.

Это прямо таки некорректно, когда въ книгахъ, статьяхъ и лекціяхъ дѣло выставляется въ такомъ свѣтѣ, какъ будто бы ученіе Дарвина подтверждено естествовѣдѣніемъ и принято всѣми или почти всѣми естествоиспытателями. Это совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ. Съ самаго начала многіе естествоиспытатели не приняли теоріи Дарвина. Число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, и въ настоящее время можно уже утверждать, что дарвинизмъ оказался несостоятельнымъ съ научной точки зрѣнія.

Можетъ быть, читателя удивитъ такое утвержденіе. Но пусть онъ почитаетъ маленькое сочиненіе Деннерта: „О смертномъ одрѣ дарвинизма“, и тогда онъ увидитъ, что я нисколько не преувеличилъ. Въ этомъ сочиненіи указывается на отношеніе цѣлаго ряда значительнѣйшихъ современныхъ естествоиспытателей къ дарвинизму. Дарвинизмъ можно сравнить съ тяжело больнымъ, котораго большинство врачей приговорили къ смерти. Правда, нѣкоторые врачи еще имѣютъ надежду на его будущность, иные естествоиспытатели еще высказываются за него. Это, однако, неудивительно. Около постели больного, котораго любятъ и съ которымъ тяжело расставаться, надѣются до послѣдняго момента, даже тогда, когда всякая надежда является безуміемъ. Точно также и многимъ естествоиспытателямъ тяжело будетъ обходиться безъ дарвинизма, потому что безъ него у нихъ не будетъ ничего дѣльнаго и согласнаго съ естественными науками для того, чтобы основать свое противохристіанское міровоззрѣніе.

Къ числу такихъ естествоиспытателей принадлежитъ въ особенности Геккель, все еще рѣшительно выступающій въ защиту дарвинизма. Онъ пользуется повсемѣстно величайшимъ уваженіемъ, многіе вѣрятъ его словамъ больше, чѣмъ Библии, и думаютъ, что все, написанное имъ, покоится на твердыхъ научныхъ основаніяхъ. Однако въ кругу ученыхъ, и

именно извѣстныхъ естествоиспытателей, онъ, повидному, не пользуется такимъ же уваженіемъ¹⁾. Я читалъ въ произведеніяхъ этихъ ученыхъ много отрицательныхъ сужденій о немъ. Одного изъ нихъ я приведу. Гисъ, котораго самъ Геккель называетъ „нашимъ первымъ анатомомъ и эмбриологомъ“, говоритъ о немъ (Геккель): „Самъ я выросъ въ томъ убѣжденіи, что изъ всѣхъ отличительныхъ свойствъ естествоиспытателя достовѣрность и безусловное признаніе фактической истины самыя необходимыя, безъ которыхъ нельзя обойтись... Пусть поэтому другіе уважаютъ въ господицѣ Геккелѣ дѣятельнаго и ни на что не обращающаго вниманія предводителя партіи; по моему же мнѣнію, онъ своимъ способомъ веденія борьбы самъ лишаетъ себя права быть причисленнымъ, какъ равный, къ кругу серьезныхъ изслѣдователей“. вмѣстѣ съ Геккелемъ можно также указать на Доделя, книга котораго „Моисей или Дарвинъ“ получила незаслуженно широкое распространеніе. Онъ, какъ естествоиспытатель, не имѣетъ выдающагося имени, а это сочиненіе принадлежитъ къ числу самыхъ поверхностныхъ и ненаучныхъ книгъ, которыя я знаю.

Исторія дарвинизма, который, какъ вѣрили многіе, долженъ былъ научно побѣдить ненавистное для нихъ христіанство, будетъ служить только для того, чтобы снова подтвердить истинность Библии. Уже неоднократно возникали ученія, противныя христіанству, которыя нѣкоторое время пользовались большимъ успѣхомъ и считались твердо установленными истинами. Но чрезъ нѣсколько десятилѣтій обнаруживалась обыкновенно ихъ несостоятельность, и они предавались забвенію, а въ настоящее время мы только удивляемся, какъ могли умные люди вѣрить чему-нибудь подобному. Можно

¹⁾ Сказать точнѣе, среди очень многихъ крупныхъ ученыхъ и специалистовъ за недобросовѣстные приемы и подлоги Геккель пользуется только презрѣніемъ, какъ человекъ, позорящій науку (Рейке, Денвертъ, Гисъ, Раттмейеръ, Врассъ и мн. др.).

Ред. перев.

предсказать, что и съ дарвинизмомъ случится то же самое. Христіанство же существуетъ уже 19 столѣтій и побѣдоносно отражаетъ всѣ нападенія. Выходитъ такъ, какъ сказалъ Иисусъ: „Небо и земля прейдуть, но слова Мои не прейдуть“.

Но, можетъ быть, читатель подумаетъ: „Если ты требуешь, чтобы я не вѣрилъ дарвинистамъ слѣпо, то ты также не можешь требовать, чтобы я слѣпо вѣрилъ твоимъ утвержденіямъ, что дарвинизмъ—несостоятельная точка зрѣнія. Я хочу имѣть доказательства того, что ученіе дарвинизма, противорѣчащее христіанству, не истинно“. Это требованіе вполне основательное, и я вкратцѣ, посколько возможно, дамъ тебѣ эти доказательства.

Въ разсмотрѣніе перваго пункта, по которому дарвинизмъ противорѣчитъ Библии, подробно входить не стоитъ. Міровую цѣлесообразность невозможно объяснить безъ Бога. Въ случаѣ признанія истинности дарвинизма можно было бы утверждать, что Кельнскій соборъ это просто куча камней, принявшая благодаря случайнымъ вліяніямъ свою чудесную форму. Даже самъ Дарвинъ не могъ не согласиться съ правильностью такого разсужденія. И вообще Дарвинъ по поводу многихъ вопросовъ гораздо осторожнѣе и сдержаннѣе высказывается, чѣмъ его послѣдователи. Многое изъ того, что относятъ къ ученію дарвинизма, происходитъ не отъ Дарвина, а отъ его учениковъ, которые извлекли эти слѣдствія изъ высказанныхъ имъ воззрѣній.

Дальнѣйшее утвержденіе дарвинизма, что отдѣльные виды сами собой понемногу безъ помощи Божіей развились одинъ изъ другого, не можетъ быть доказано. Наоборотъ, скорѣе можно доказать, что воззрѣніе это неправильно.

Изъ многихъ возраженій, которыя возникаютъ противъ этой теоріи съ естественно-научной стороны, я приведу только одно, по моему мнѣнію, наиболѣе убѣдительное. Дарвинизмъ объясняетъ, что тѣ органы у растеній и животныхъ, которые благодаря измѣнившимся жизненнымъ условіямъ сдѣлались излишними, мало-помалу исчезаютъ, а болѣе слабые

органы, благодаря упражненію въ борьбѣ за существованіе, дѣлаются постепенно все сильнѣе и крѣпче, но постепенное образованіе новыхъ органовъ дарвинизмомъ не объясняется. По мнѣнію дарвинистовъ, напримѣръ, птицы развились изъ пресмыкающихся путемъ преобразованія переднихъ ногъ въ крылья. Но если постараешься себѣ это представить, то станетъ ясно, что это невысказуемо. Такое преобразование должно было бы длиться безконечно долго и въ теченіе долгаго промежутка времени члены, неспособные уже къ бѣганью, еще не были бы въ состояніи летать. Такимъ образомъ эти животныя на нѣкоторое время сдѣлались бы совершенно безпомощными существами, которыя, навѣрное, весьма быстро бы погибли въ борьбѣ за существованіе.

Никто также еще никогда не наблюдалъ, чтобы новый видъ образовался изъ болѣе стараго. И если мнѣ возразятъ, что это невозможно, такъ какъ для такихъ образованій требовались тысячелѣтія, то на это можно отвѣтить, что въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, въ древнихъ слояхъ земли можно было бы найти переходныя формы. Но такихъ переходныхъ формъ еще нигдѣ не находили. Въ Египтѣ существуютъ 4000-лѣтнія муміи дикой кошки и нубійской степной кошки—онѣ совершенно такія же, какъ современные виды. Ласточка строитъ свое гнѣздо, пчела свои соты, паукъ тклетъ свою паутину точно такъ же, какъ и 3000 лѣтъ тому назадъ. Овца бляла во времена Геродота такъ же, какъ и теперь. Да чего лучше: въ тѣхъ слояхъ земли, которые, по словамъ дарвинистовъ, насчитываютъ 100000 лѣтъ, были найдены листья липы и вяза, совершенно похожіе на современные, а въ янтарѣ еще старѣйшихъ слоевъ—пауки такіе же, какъ и въ наше время.

Если, наконецъ, послѣдователи Дарвина выставляютъ ученіе, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны или, какъ говорятъ нѣкоторые болѣе осторожные люди, что онъ имѣетъ одного съ обезьяной предка, то тутъ возникаютъ тѣ же затрудненія. Ясно, что эта теорія только въ томъ случаѣ мо-

жетъ считаться научно доказанной, если будутъ найдены переходныя формы между человѣкомъ и обезьяной. Раньше еще можно было надѣяться найти подобныя формы. Но послѣ того, какъ земля все болѣе и болѣе разрывалась, а слѣдовъ ихъ все-таки не находили, надежда отыскать посредствующее звено между обезьяной и человѣкомъ мало-помалу сводилась къ нулю. Вирховъ, самый большой авторитетъ въ этой области, говоритъ: „Ученіе о происхожденіи человѣка отъ животнаго миѣ опровергать незачѣмъ; вѣдь въ дѣйствительности-то такихъ переходныхъ стадій нѣтъ, а онѣ должны были бы быть налицо, если бы дѣйствительно существовали. Искомаго предка человѣка не существуетъ“.

Бэръ еще раньше указывалъ на то, что постепенное развитіе человѣка изъ обезьяны немыслимо. По дарвинизму понадобилось много тысячелѣтій для того, чтобы нога обезьяны превратилась въ руку человѣка. Но въ теченіе этого долгаго промежутка времени членъ этотъ не былъ бы годенъ ни къ лазанью, ни къ ходьбѣ. Такимъ образомъ будущій человѣкъ былъ бы очень плохо вооруженъ для борьбы за существованіе и, какъ разъ по защищаемымъ дарвинизмомъ законамъ, онъ долженъ былъ бы погибнуть.

Переводъ *И. И. Селивановской.*

Кружки ревнителѣй православія.

Деревня Ликино, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи—большой фабричный центръ. Въ ея окрестностяхъ расположены три большія фабрики купца А. В. Смирнова. На фабрикахъ работаетъ много православныхъ, много и „старообрядцевъ“. По сосѣдству съ дер. Ликино въ селѣ Кубановѣ проживаетъ „извѣстный“ безпоповецъ брачнаго поморскаго толка И. И. Зыковъ, бывшій товарищемъ предсѣдателя на поморскомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1909 года. Для противодѣйствія „старообрядческо-

му“ вліянію въ деревнѣ Ликино заботами мѣстнаго причта, совмѣстно съ епархіальнымъ миссіонеромъ о. Акипетровымъ, недавно соорганизовался кружокъ ревнителѣй православія. Членами этого кружка на самыхъ первыхъ порахъ записалось двѣнадцать человекъ. Всѣ эти лица—фабричные конторщики,—народъ наиболѣе развитой изъ всего фабричнаго населенія. Двое изъ нихъ обращаютъ на себя наибольшее вниманіе—это Анисимовъ и Антоновъ изъ обывателей поморской „старообрядческой“ деревни Ивоцина. Членомъ кружка записался и управляющій одной изъ фабрикъ П. Л. Воробьевъ, бывший „старообрядецъ“, но обращенный въ православіе.

Нѣсколько ранѣе этого кружка образовался другой кружокъ такихъ же ревнителѣй православія при Морозовской мануфактурѣ въ с. Орѣховѣ. Здѣсь 25 человекъ изъ фабричныхъ рабочихъ состоятъ членами кружка. Двое изъ нихъ Жаровъ и Архиповъ заявили себя трудами собранія мѣстной „старообрядческой“ и сектантской литературы и письменнымъ разборомъ ея подъ руководствомъ епархіальнаго отца миссіонера свящ. А. Акипетрова. Побольше бы такихъ кружковъ среди рабочихъ: при помощи этихъ кружковъ сектантская пропаганда не имѣла бы успѣха.

II. У—въ.

Утѣшительный фактъ.

Въ селѣ Дулевѣ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, имѣется громадная фарфоровая и стеклянная фабрика „старообрядца“ Кузнецова. Хозяинъ-фабрикантъ для своихъ единовѣрцевъ еще въ 1908 году построилъ новое зданіе „старообрядческаго“ храма. Это зданіе было освящено самимъ „старообрядческимъ“ „Архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ“ Иоанномъ Картушинымъ. Истекшей осенью „Епископъ Рязанскій“ изъ г. Егорьевска Александръ съ

помпой поднималъ крестъ на новоустроенное зданіе. У православныхъ въ этомъ селеніи храмъ деревянный, который со вновь выстроеннымъ „старообрядческимъ“ храмомъ не можетъ идти въ сравненіе. И вотъ православные фабричныя рабочіе на своемъ общемъ сходѣ рѣшили возводить новое благолѣпное каменное зданіе православнаго храма. Для этой цѣли они единовременно отчислили уже 15 тысячъ рублей и постановили ежегодно изъ своихъ общихъ заработковъ отчислять на постройку новаго храма по двѣ съ половиной тысячи рублей. Богъ на помощь православнымъ рабочимъ!

И. У—евъ.

Поѣздка воспитанниковъ семинаріи въ цѣляхъ миссіонерства.

За послѣднее время, какъ извѣстно, среди сектантства, особенно же среди „воинствующаго штундо-баптизма“, замѣчается сильное движеніе противъ православія. Это въ частности слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ приходахъ Гороховецкаго и Меленковскаго уѣзда, Владимірской губ. Всюду сектанты соорганизовываются и сплачиваются, устраивая по глухимъ деревнямъ свои богомоленные собранія съ общимъ веселымъ народнымъ пѣніемъ.

Такъ именно дѣло обстоитъ, напр., въ Кожинскомъ приходѣ Гороховецкаго уѣзда. Въ виду этого, по мысли здѣшняго о. миссіонера Орфеева, въ Кожинскомъ и сопредѣльныхъ съ нимъ приходахъ недостаточно было только веденія частныхъ и публичныхъ бесѣдъ, а нужно было показать всю красоту истово совершаемаго богослуженія Православной Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить нѣкоторыя малопонятныя мѣста въ богослуженіи (на которыя нерѣдко указываютъ сектанты), равно какъ возможно шире и больше преподавать уроковъ вѣры и благочестія въ данной мѣстности.

Для осуществленія намѣченной цѣли о. миссіонеръ, съ благословенія Владимірскаго Архипастыря, пригласилъ съ собою въ миссіонерскую поѣздку восемь человекъ лучшихъ воспитанниковъ-семинаристовъ изъ послѣдняго выпускнаго класса, которые отличаются даромъ слова и хорошими голосовыми средствами для пѣнія. Съ ними о. миссіонеръ на средства Братства св. благ. князя Александра Невскаго и предпринялъ поѣздку въ приходъ села Кожина, въ „резиденцію“ проповѣдника, присланнаго изъ Петербурга „евангелическими“ христіанами.

По пріѣздѣ въ Кожино на одинъ изъ воскресныхъ дней истекшаго ноября, наканунѣ въ субботу пріѣзжій о. миссіонеръ вмѣстѣ съ мѣстнымъ причтомъ совершалъ торжественное всенощное бдѣніе.

Прибывшіе воспитанники, пригласивъ учащихъ въ земскихъ и церковныхъ школахъ, составили хоръ и прекрасно исполнили всю службу всенощнаго бдѣнія и на другой день литургію.

Тѣ же воспитанники явились и проповѣдниками какъ за всенощной, такъ и за литургіей. За всенощнымъ бдѣніемъ поученія и бесѣды предлагались послѣ прокимна, послѣ Евангелія, по девятой пѣсни и вмѣсто перваго часа. „Изъясненіе божественной литургіи и значеніе для нашего спасенія таинства евхаристіи“ было предложено вмѣсто 3-го часа. Послѣ литургійнаго Евангелія было сказано краткое поученіе; вмѣсто причастнаго говорилось слово, а послѣ „Буди имя Господне“—поученіе о томъ, что „спасительная всѣмъ человекамъ благодать Божія пребываетъ въ Церкви, а поэтому всегда нужно оставаться въ ней, не увлекаясь увѣщаніями и проповѣдью неприванныхъ учителей“. На происходившей съ 3 до 9 часовъ вечера въ зданіи школы публичной бесѣдѣ хоръ пріѣхавшихъ воспитанниковъ во время перерывовъ исполнялъ различныя церковныя пѣснопѣнія.

Какъ за торжественнымъ богослуженіемъ, такъ и за публичной бесѣдой было множество народу не только изъ Кожина, но и изъ сосѣднихъ приходовъ. Во всякомъ случаѣ

впечатлѣніе отъ бесѣды и особенно отъ торжественнаго богослуженія получилось очень сильное. Оно значительно подняло духъ православныхъ прихожанъ и можно съ увѣренностію сказать, что православные Кожинскаго и сосѣднихъ приходоѡ на долгое время будутъ застрахованы отъ поползновенія „воинствующаго баптизма“.

Пріѣзжавшимъ воспитанникамъ мѣстное духовенство выразило свою глубокую признательность за устройство прекраснаго хора при торжественномъ богослуженіи и за проповѣдь. Народъ въ лицѣ своихъ представителей—черезъ сельскаго старшину и старосту также благодарилъ прибывшихъ, прося и впредь почаще навѣщать ихъ приходъ. Многіе изъ поселянъ наперерывъ старались пригласить пріѣзжихъ въ свои дома, чтобы угостить ихъ, наперерывъ предлагали безплатныя подводы до станціи.

На станціи Чулково (Моск.-Ниж. ж. дор.) начальникъ этой станціи отъ себя и отъ лица станціонныхъ служащихъ, изъ которыхъ многіе были въ Кожинѣ за торжественнымъ богослуженіемъ, принесъ глубокую благодарность какъ отцу миссіонеру, такъ и пріѣхавшимъ съ нимъ воспитанникамъ семинаріи.

Нельзя не признать большой пользы какъ для воспитанниковъ семинаріи, такъ и для народа отъ подобныхъ миссіонерскихъ поѣздокъ. Онѣ оживляютъ духовно какъ народъ, такъ и будущихъ пастырей его. Онѣ приводятъ послѣднихъ въ соприкосновеніе съ деревенскимъ народомъ на болѣе всего желательной почвѣ участія въ торжественныхъ богослуженіяхъ, проповѣди, публичныхъ бесѣдахъ и т. п.

Н. У—въ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го февраля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

УЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 11—12.

1910-го года 14—21 марта.

Содержаніе: I. При какихъ условіяхъ преподаваніе Закона Божія можетъ развивать въ дѣтяхъ религіозно-правственное настроеніе. Э. Н.— II. Еврейскій вопросъ. (Продолженіе). Прот. Д. Говоровъ.— III. Слово ли Божіе—Виблія? Перев. Н. П. Селивановской.— IV. Забѣтка. Мольбы народа.

При какихъ условіяхъ преподаваніе Закона Божія можетъ развивать въ дѣтяхъ религіозное настроеніе.

Преподаваніе въ начальныхъ школахъ Закона Божія имѣетъ ближайшею своею цѣлью развитіе въ дѣтяхъ религіозной настроенности. Но эта цѣль не всегда легко достигается, такъ что даже опытные и ученые преподаватели нерѣдко не могутъ похвалиться полнымъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, приходится встрѣчаться и съ такимъ явленіемъ, что мало свѣдущій въ педагогикѣ (научной) сельскій священникъ или діаконъ безъ особенныхъ усилій

покоряетъ сердца своихъ учениковъ и вполне успѣшно развиваетъ вложенныя въ нихъ въ младенчествѣ сѣмена вѣры и благочестія. Это зависитъ оттого, что Законъ Божій, отличаясь отъ всѣхъ другихъ наукъ своимъ особеннымъ характеромъ, требуетъ также и особенныхъ условій преподаванія, при соблюденіи которыхъ только и возможно развитіе въ дѣтяхъ религіознаго настроенія.

Эти условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ преподаванія Закона Божія, касаются какъ самыхъ предметовъ преподаванія, такъ и личныхъ духовно-нравственныхъ качествъ учителя. Въ содержаніе Закона Божія входятъ всѣ главнѣйшіе предметы христіанскаго вѣроученія и нравоученія, а потому законоучителю приходится имѣть дѣло съ весьма богатымъ матеріаломъ. Но хотя всѣ вообще предметы, входящіе въ содержаніе Закона Божія, такъ или иначе могутъ дѣйствовать на религіозную жизнь дѣтской души, однако не всѣ изъ нихъ способны развивать въ дѣтяхъ религіозную настроенность. Для развитія и укрѣпленія этой послѣдней нужны главнымъ образомъ не многія истины, но такія, которыя способны оказывать сильное вліяніе на душу не только ребенка, но даже и взрослого человѣка, и которыя усвоятся не столько умомъ, сколько сердцемъ. За выборомъ такихъ истинъ не нужно обращаться ни къ практической опытности, ни къ наукамъ, но достаточно внимательно прислушаться къ голосу своего сердца.

Личное чувство каждаго религіознаго человѣка подскажетъ ему, что истины эти суть тѣ, которыми опредѣляется главная цѣль человѣческой жизни, опредѣляющей въ свою очередь характеръ жизни будущей, загробной. Настоящая жизнь есть приготовленіе къ жизни загробной, а эта послѣдняя будетъ заключаться или въ вѣчномъ блаженствѣ, или въ вѣчномъ мученіи: вотъ что нужно непрестанно внушать ученику-ребенку. Нужно самымъ нагляднымъ образомъ разъяснять ему, что все назначеніе настоящей жизни, весь ея смыслъ состоятъ въ приготовленіи къ жизни будущей, а при-

готовленіе это заключается въ томъ, чтобы жить не для себя, а для Бога и ближнихъ, жить по заповѣдямъ Божиимъ. Необходимо, чтобы дѣти твердо усвоили и всегда помнили, что трудиться для настоящей жизни, не заботясь о будущей,—неразуміе, нелѣпость, потому что настоящую жизнь каждый изъ насъ скоро оставитъ, между тѣмъ какъ будущая жизнь никогда не прекратится.

Важно также объясненія свои подкрѣплять болѣе или менѣе сильными примѣрами изъ жизни: напр., указывать на смерть какъ стариковъ, такъ и юношей и дѣтей, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, какъ простыхъ, такъ и знатныхъ. Смерть есть явленіе въ высшей степени поразительное для человѣка. При видѣ смерти религіозное настроеніе человѣка особенно возвышается. Будущее блаженство, а тѣмъ болѣе картина вѣчныхъ мученій еще сильнѣе дѣйствуютъ на сердце человѣка, въ особенности же дитяти. Святой князь Владиміръ, какъ говорится въ лѣтописи, не устоялъ предъ страхомъ будущихъ мученій, когда ему показали картину страшнаго суда, и сталъ религіознѣйшимъ человѣкомъ; сердце ребенка тѣмъ болѣе не можетъ отвѣчать на такую картину (т. е. описаніе или изображеніе) равнодушіемъ, такъ какъ оно отличается большею впечатлительностью, нежели сердце взрослого человѣка. Каждый учитель не можетъ, разумѣется, обойти молчаніемъ эти главнѣйшіе вопросы вѣры и нравовъ христіанскаго; но для развитія въ дѣтяхъ религіозной настроенности нужно останавливаться на нихъ съ особенной настойчивостью, необходимо постоянно, при малѣйшемъ удобномъ случаѣ повторять эти истины предъ дѣтьми: не давать имъ ни на минуту упускать ихъ изъ виду, пользуясь при этомъ болѣе или менѣе поразительными фактами изъ жизни. Кто не сознаетъ, или забываетъ всю важность подобнаго рода повтореній и ограничивается почти только формальнымъ сообщеніемъ дѣтямъ этихъ главнѣйшихъ основъ религіи и религіозности, тотъ упускаетъ одно изъ главнѣйшихъ условій развитія въ душѣ ребенка религіозной настроенности.

Другіе предметы христіанской вѣры также могутъ въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовать развитію религіозности дитяти, но сами по себѣ они не всегда оказываютъ достаточно сильное дѣйствіе. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ (послѣ вышеуказанныхъ) должны стоять идеи всемогущества и вездѣприсутствія Божія, идеи высочайшей любви и милосердія Божія къ людямъ, примѣры строгости правосудія Божественнаго и такъ далѣе. И на этихъ предметахъ, чтобы они имѣли надлежащее дѣйствіе, нужно останавливаться съ особеннымъ вниманіемъ и, не упуская ни одного удобнаго случая, повторять ихъ предъ дѣтьми возможно чаще.

Несравненно большее значеніе имѣетъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія самая личность преподавателя. Хорошій учитель не всегда можетъ быть хорошимъ воспитателемъ, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія требуется именно воспитатель. Главная цѣль преподаванія Закона Божія есть цѣль воспитательная, а самое содержаніе этой науки должно усвоиться не столько умомъ, сколько сердцемъ. Отсюда уже слѣдуетъ, что и религіозное настроеніе, какъ сердечное состояніе, можетъ развиваться только подъ вліяніемъ условій, дѣйствующихъ на сердце. Но ничто такъ не дѣйствуетъ на сердце человѣческое, какъ искренность, не кажущаяся, разумѣется, а дѣйствительная. Такая искренность можетъ быть проявленіемъ и слѣдствіемъ только истинной, глубокой вѣры законоучителя. Искренняя и сильная вѣра одна только въ состояніи сообщить въ глазахъ дѣтей надлежащій авторитетъ словамъ ихъ наставника. Чуткое дѣтское сердце какъ бы инстинктивно узнаетъ душу преподавателя и чувствуетъ, изъ какого источника вытекаютъ его наставленія. Поэтому искренняя и сильная вѣра является необходимымъ условіемъ со стороны законоучителя для успѣшности его дѣла. Тѣмъ болѣе она необходима, что изъ искренней вѣры вытекаютъ и другія, не менѣе важныя для развитія въ дѣтяхъ религіозности, условія. Вѣра сопровождается въ соотвѣтствующей мѣрѣ религіознымъ одушевленіемъ, при кото-

ромъ слова законоучителя будутъ отличаться особенною убѣдительною. Когда приходится слышать искреннюю и одушевленную рѣчь кого бы то ни было, то въ сердцѣ невольно пробуждается сочувствіе какъ къ самому оратору, такъ и къ словамъ его. Отъ законоучителя не требуется, чтобы онъ былъ ораторомъ, но требуется, чтобы слова его, исходя изъ чистаго источника вѣры и искренности, воодушевляющимъ образомъ дѣйствовали на юныя души дѣтей и были для нихъ неоспоримо убѣдительными. Нужно, чтобы, говоря о той или другой истинѣ, законоучитель самъ проникался всецѣло этой истиной, что достигается при глубокой вѣрѣ и благоговѣйномъ отношеніи къ предметамъ вѣры и нравственности христіанской. Благоговѣя самъ предъ этими предметами, законоучитель бѣдетъ невольно сообщать благоговѣніе и сердцамаъ своихъ воспитанниковъ. При благоговѣйномъ же отношеніи къ дѣлу какъ законоучителя, такъ и учениковъ преподаваніе Закона Божія удобнѣе всего будетъ достигать главнѣйшей своей цѣли—развитія и укрѣпленія въ дѣтяхъ религіозной настроенности. Законоучитель не будетъ тогда допускать даже мало-мальски шутливаго тона при объясненіи предметовъ вѣры и правоученія, хотя излишняя серьезность, нерѣдко переходящая въ суровость, также не совсѣмъ и не всегда умѣстна. Она должна смягчаться, въ извѣстной мѣрѣ, духомъ христіанской любви, живой и оживляющей любви, которая является весьма важнымъ составнымъ элементомъ въ религіозной настроенности христіанина.

При такой постановкѣ дѣла преподаваніе Закона Божія приметъ форму живыхъ, искреннихъ и благочестивыхъ бесѣдъ наставника съ дѣтьми, а въ этой только формѣ оно и будетъ имѣть религіозно-воспитывающее вліяніе на дѣтей. И хорошимъ преподавателемъ Закона Божія всегда будетъ не тотъ преподаватель, который старается сообщить дѣтямъ побольше знаній, заставитъ ихъ получше заучить историческіе факты и христіанскіе истины въ извѣстномъ порядкѣ, а тотъ, который будетъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы

изъ каждаго его урока дѣтская душа вынесла извѣстное впечатлѣніе, религіозную мысль, чувство, стремленіе, способныя развивать ея религіозныя задатки.

Много значить здѣсь и живой примѣръ наставника. Всякое вообще ученіе дѣйственнѣе, когда оно сопровождается соотвѣтствующимъ поведеніемъ учителя. Въ особенности это приложимо въ отношеніи къ дѣтямъ, которымъ въ высшей степени свойственна подражательность. Всѣ почти дѣйствія ихъ какъ въ обыденной, такъ и въ религіозной жизни суть дѣйствія подражательныя. По примѣру большихъ, дитя ходитъ въ церковь; молясь Богу, становится на колѣни, подаетъ милостыню нищему и прочее. Вотъ почему законоучителю необходимо подавать всегда собой примѣръ религіозности и благочестія, стараться не только хорошо преподавать свой предметъ, но и быть достойнымъ подражанія въ своей религіозно-нравственной жизни. Такимъ образомъ, необходимыми условіями, при которыхъ преподаваніе Закона Божія будетъ развивать въ дѣтяхъ религіозную настроенность, являются не методъ преподаванія и не научныя приемы, какъ думаютъ многіе, а возвышенныя религіозно-нравственныя качества преподавателя. Методъ есть нѣчто внѣшнее, формальное, содѣйствующее болѣе разсудочному пониманію и усвоенію предметовъ, безусловное значеніе онъ можетъ имѣть только въ наукахъ, которыя усвояются больше умомъ, нежели сердцемъ. Но главная цѣль преподаванія Закона Божія—не знаніе, а возбужденіе, развитіе и укрѣпленіе религіозной настроенности. Для достиженія такой цѣли нужна не форма, не научныя приемы, но живое воздѣйствіе духовно-нравственныхъ силъ наставника, взятыхъ во всей ихъ совокупности, на живую натуру дитяти, на его сердце. Методъ же имѣетъ въ этомъ дѣлѣ значеніе второстепенное.

Э. Н.

Еврейскій вопросъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Разсмотримъ взглядъ на іудеевъ Вейнингера.

Всѣ народы онъ дѣлитъ по духовнымъ качествамъ на двѣ половины, соотвѣтственно дѣленію человѣка на два пола,—мужчина и женщина. Однѣ націи характеризуются свойствами мужчины,—это—арійцы, другія свойствами женщины,—это—семиты. Первые имѣютъ преимущество предъ вторыми по качеству и интенсивности душевной дѣятельности. Разграничить точно эти двѣ категоріи невозможно. Какъ въ отношеніи пола, такъ и въ отношеніи націй, слабости и недостатки, свойственные одной, до нѣкоторой степени свойственны другой. Недостатки еврейства свойственны всѣмъ народамъ, но только до нѣкоторой степени. Нѣкоторыя же свойства во всей полнотѣ осуществляются только въ историческомъ еврействѣ.

Подъ еврействомъ Вейнингеръ, поэтому, разумѣетъ не народность, не націю, расу, а духовное направленіе, которое осуществляется въ народѣ еврейскомъ и которое проявляется въ литературѣ, въ искусствѣ и въ практической жизни. Такъ понималъ еврейство и нашъ писатель Э. М. Достоевскій („Еврейск. вопросъ“).

Филосемиты склонны всѣ несимпатичныя черты еврейства объяснять историческими условіями порабощенности, преслѣдованіями, которыя и воспитали въ немъ то, чѣмъ онъ отличается теперь. Но Вейнингеръ замѣчаетъ, что тѣ же черты проявлялись ясно и отчетливо во времена патріархальныя: Иаковъ обманулъ своего отца Исаака, провель своего брата Исава и неполнѣ правильно обогатился на счетъ своего тестя Лавана. „Духовное своеобразіе еврея, говорить онъ, представляется мнѣ чѣмъ-то самобытнымъ,

¹⁾ См. № 10-й за 1910-й г

цѣльнымъ, совершенно отличнымъ отъ направленія духа и сердца у всѣхъ другихъ народовъ міра"... Путемъ скрещиванія и смѣшенія различныхъ народностей нельзя объяснить еврейства. Это нѣчто цѣльное, самобытное...

Можно быть очень далекимъ отъ юдофильства и вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что вѣра евреевъ въ свой народъ, какъ народъ избранный, содержитъ въ себѣ глубокую истину".

Что такое, по Вейнингеру, представляетъ изъ себя еврей въ интеллектуальномъ отношеніи?

Соотвѣтствуетъ ли онъ тому взгляду, который раздѣляется филосемиами, будто еврей даровитѣйшій изъ всѣхъ народовъ?

Вейнингеръ на это даетъ такой отвѣтъ.—Умъ семита женскій. Въ научномъ отношеніи еврей рѣшительно ничего заслуживающаго вниманія не далъ. Генія въ наукѣ среди евреевъ не было. Въ наукѣ евреи стремятся изгнать все трансцендентное. Аріецъ старается все понять и вывести изъ чего-то другого. Еврей не испытываетъ страха передъ тайнами, такъ какъ онъ ихъ нигдѣ не чувствуетъ. Представить міръ возможно болѣе плоскимъ и обыкновеннымъ—вотъ центральный пунктъ всѣхъ научныхъ стремленій еврея.

Въ медицинѣ евреи стоятъ въ сторонѣ отъ естественныхъ методовъ леченія, ихъ леченіе химическое. Недостатокъ глубины мыслительной дѣятельности и объясняетъ то, почему еврейство не проявило гениальности, какъ и женщины. Самый выдающійся еврей послѣднихъ девятнадцати вѣковъ—Спиноза, но и онъ возвеличенъ потому, что единственный въ еврействѣ. Строго говоря, для самого Спинозы не существуетъ никакихъ проблемъ; въ этомъ смыслѣ онъ проявилъ себя истымъ евреемъ. Въ противномъ случаѣ онъ не выбралъ бы математическаго метода, который рассчитанъ на то, чтобы представить все простымъ и очевиднымъ. Система Спинозы ни въ какомъ случаѣ не является философіею мощнаго духа.

Спиноза неоднократно обнаруживалъ свое истое еврейское происхожденіе. Полнѣйшее непониманіе идеи государства, приверженность къ теоріи Гоббеса о войнѣ „всѣхъ противъ всѣхъ“. Что особенно важно—это абсолютное непониманіе свободы воли (еврей по природѣ рабъ, а потому и детерминистъ). Но рельефнѣе всего это вытекаетъ изъ того факта, что онъ, какъ истый еврей, видитъ въ индивидуумѣ не субстанцію, а лишь акциденцію... Громадная разница между Спинозою и современникомъ Лейбницемъ, защитникомъ ученія о монадахъ, а также еще болѣе великимъ творцомъ этого ученія—Бруно.

Англичане обнаруживаютъ наибольшее родство съ еврействомъ, здѣсь также нѣтъ геніальности. Беркли, Свифтъ—ирландцы, Корнейль, Гамильтонъ—шотландцы.

Не забудемъ, говоритъ Вейнингеръ, что изъ Англій пришла къ намъ психологія безъ души...

Исторію матеріализма можно замѣнить заглавіемъ: „Сущность еврейства“. Антифилософская наука есть въ основѣ своей еврейская наука ¹⁾.

Евреи всегда были особенно предрасположены къ механически-материалистическому міропониманію,—именно потому, что ихъ богопониманіе ничего общаго съ истиною религіею не имѣетъ. Они были самыми яркими послѣдователями дарвинизма.

¹⁾ Отсутствие трансцендентности у еврея подмѣчено и современными нашими беллетристами. У Андреева выведенъ типъ еврея, который можетъ служить прекраснѣйшею иллюстраціею къ этому взгляду Вейнингера. Въ разсказѣ „Звѣзды“ еврей Лунцъ, принимавшій участіе въ разговорѣ съ другими о высшихъ матеріяхъ, восклицаетъ: „Меня пугаетъ безконечность. Зачѣмъ безконечность? Какая безконечность? Вотъ я смотрю на звѣзды: одна, двѣ миллионъ—и все нѣтъ конца. Боже мой, кому же я буду жаловаться? Вотъ я маленькій еврей...“ Вотъ вся философія мыслящаго еврея. Не видимъ ли мы и въ талмудѣ тоже отсутствіе трансцендентности и глубокомыслія?

Тотъ фактъ, что химія въ настоящее время находится преимущественно въ рукахъ евреевъ (какъ раньше родств. арабовъ)—не случайность. Раствореніе въ матеріи, потребность все растворить въ ней предполагаетъ отсутствіе умопостигаемаго „я“—это чисто еврейская черта.

Что такое еврейство въ музыкѣ, усматривается въ произведеніяхъ Вагнера.

Взглядъ Вейнингера, по нашему, нисколько не преувеличенъ. Въ интеллектуальномъ отношеніи они далеко уступаютъ другимъ націямъ. Они выдаются успѣхами благодаря усидчивости и только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ высшихъ же они совершенно уступаютъ, даже въ заведеніяхъ практическаго типа, напр., политехнической институтъ.

Что такое еврей въ жизни сердца, въ области моральной, религіозной? — Въ этой сферѣ Вейнингеръ отмѣчаетъ, во-1-хъ, свойство женскаго характера—сводничество. Сводничество, говоритъ онъ, органическое свойство природы еврея—черта женская. Ни у одного народа нѣтъ столько браковъ не по любви. Отсюда онъ выводитъ такое заключеніе, что у абсолютнаго еврея отсутствуетъ душа. Здѣсь нѣтъ гиперболы, потому что онъ говоритъ именно объ абсолютномъ евреѣ. И еще одно характерное заключеніе отсюда дѣлаетъ: сводничество есть не что иное, какъ уничтоженіе границъ, еврей—это разрушитель границъ¹⁾. Во 2-хъ, въ моральной области Вейнингеръ отмѣчаетъ у еврея, такъ сказать, мизерныя качества положительнаго и отрицательнаго характера. Онъ говоритъ: въ христіанствѣ борются гордость

¹⁾ Нынѣ въ печати, даже въ еврейскихъ газетахъ констатируется тотъ характерный фактъ, что торговля живымъ товаромъ есть занятіе исключительно евреевъ, и не у насъ только, въ Россіи, гдѣ права ихъ ограничены, а во всѣхъ странахъ—въ Аргентинѣ, въ Турціи, С.-Америкѣ, гдѣ имъ открыты всякія профессіи. Но они предпочитаютъ всѣмъ профессіямъ торговлю женщинами (Моск. Вѣд. № 224, 1909 г.).

и смиреніе, въ еврействѣ запосчивость и низпоклонство; въ первомъ самосознаніе, и самоуничженіе, во второмъ высокомеріе и раболѣпство. Въ связи съ отсутствіемъ смиренія—у еврея полное непониманіе идеи милости. Въ-3-хъ, онъ отмѣчаетъ въ психическомъ содержаніи еврея двойственность или множественность. Внутренняя многозначность—абсолютно—еврейская черта, простота—черта абсолютно не еврея. Въ доказательство того, что еврей—самъ по себѣ не однозначенъ, можно привести то, что онъ никогда *не поетъ*. Это потому, что онъ не вѣритъ въ свое пѣніе¹⁾.

Жизнь сердца можно больше всего разсматривать въ области религіозной. Этотъ вопросъ Вейнинггеръ подвергаетъ довольно подробному анализу. Еврей, по его мнѣнію, иррелигіозенъ, невѣрующій. Религіозная вѣра вообще направляется исключительно на внѣвременное, абсолютное бытіе, на вѣчную жизнь. Еврей же не вѣритъ ни во что, не вѣритъ въ свою вѣру, онъ сомнѣвается въ своемъ сомнѣніи.

Еврей не благочестивый человѣкъ въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Еврейская религія единственная не вербующая прозелитовъ, почему человѣкъ, принявшій іудейство, вызываетъ недоумѣніе евреевъ. Молитва его формальная. Іудейская религія не является ученіемъ о смыслѣ и цѣли жизни, а есть только историческая традиція, въ центрѣ которой стоитъ переходъ евреевъ чрезъ Красное море. Разумѣется, конечно, современное еврейство. Къ Іеговѣ онъ относится со страхомъ раба. О Богѣ, Который живетъ въ душѣ, еврей ничего не понимаетъ. Ибо Божественное въ человѣкѣ есть его душа; а у абсолютнаго еврейства, какъ направленія, души нѣтъ. Вейнинггеръ высказываетъ даже такую крайнюю и прямо неправильную мысль, будто въ В. Завѣтѣ отсутствуетъ

¹⁾ У евреевъ нѣтъ національных пѣсень. Евреи поютъ аріи изъ оперъ и другое, но не національныя пѣсни, за неимѣніемъ ихъ.

вѣра въ безсмертіе. У еврея нѣтъ мистики, какъ говорить и Чемберленъ, а есть магія-каббала ¹⁾).

Такъ какъ еврею чужда всякая вѣра, то онъ бѣжитъ въ сферу матеріализма; отсюда его алчность къ деньгамъ. Здѣсь онъ ищетъ нѣкоторой реальности; путемъ *гешефта* онъ хочетъ убѣдиться въ наличности чего-то существеннаго. „Заработанные деньги“—это единственная цѣнность, которую онъ признаетъ, какъ нѣчто дѣйствительно существующее ²⁾).

¹⁾ Прекрасною иллюстраціею къ этому мнѣнію о религіозности еврея можетъ служить сочиненіе современнаго беллетриста еврея Шолома Аша: „Времена Мессіи“. Содержаніе сочиненія: Старый ребъ Хононъ собралъ къ себѣ въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ въ Сіонъ дѣтей и внуковъ, разсѣявшихся по разнымъ городамъ, чтобы благословить ихъ. Всѣ эти потомки не узнали отца, не узнали и другъ друга, потому что у нихъ разные боги. Ханъ забылъ о Богѣ отцовъ. У него новый богъ—угнетенный пролетаріатъ. „Скажи тамъ, говоритъ онъ отъѣзжающему отцу, что мы ткемъ дупу новаго Мессіи, который придетъ, какъ солнце для всего міра, и раскуетъ скованные руки и оботретъ несчастныя слезы“. У Бенъ-Ціонъ другой богъ. „Богъ, говоритъ онъ, это мы сами, которые поидемъ въ Сіонъ, чтобы кровію удобрить почву его, напоить его потомъ. Скажи тамъ, что мы всѣ разсѣянные и разбросанные со всѣхъ 4-хъ концовъ идемъ и т. д.“. Но нашелся и такой, у котораго не было никакого Мессіи. „Моя мать, говоритъ онъ, обронила меня на распутии. Я не знаю, куда мнѣ обернуться: направо, налево. И стою я у заставы и не знаю, кто я, куда иду. Что твое, что мое... Мнѣ все равно, все равно...“

²⁾ Н. Лосскій въ своемъ трудѣ: „Основные ученія психологін съ точки зрѣнія волюнтаризма“ представляетъ чрезвычайно интересный живой типъ человѣка изъ еврейской націи, именно: Натана Ротшильда, котораго онъ причисляетъ, какъ вполне характернаго, къ категоріи людей чувственныхъ. Эти люди, по взгляду Лосскаго, ничего не даютъ другимъ, а только пользуются плодами чужихъ трудовъ. Въ научной области только усваиваютъ съ помощію памяти, компилируютъ, собираютъ и проч. Ротшильдъ всю свою жизнь только собиралъ милліоны, подвергая жизнь свою часто явной опасности. Милліонами самъ не пользовался, не давалъ и другимъ пользоваться. На людей онъ смотрѣлъ такъ: „Я никогда, говоритъ онъ, не имѣлъ и не буду имѣть дѣла съ людьми, которымъ не везетъ. Если они не умѣютъ устранять своихъ собственныхъ дѣлъ, то чѣмъ они могутъ пригодиться мнѣ“. Всѣхъ людей онъ дѣлитъ на два разряда: на должниковъ и недолжниковъ. Къ тѣмъ и другимъ онъ относится съ недобвѣріемъ говоря: „нельзя вѣрить тому, кто вамъ долженъ, такъ какъ онъ очевидно хочетъ увильнуть отъ уплаты; нельзя вѣрить и тому, кто вамъ не долженъ, такъ какъ онъ хочетъ занять у васъ“ (стр. 277).

Итакъ „еврейское“ есть опредѣленная категорія. Еврей „пасынокъ Божій на землѣ“, и въ дѣйствительности нѣтъ ни одного еврея-мужчины, который испытывалъ хотя бы смутныя страданія отъ своего еврейства, т. е. въ глубочайшей основѣ своей—отъ своего невѣрія.

Что такое, по Вейнингеру, представляетъ изъ себя еврей въ жизни общественной, государственной и вообще въ тѣхъ областяхъ, гдѣ проявляется все духовное направленіе его, весь психическій складъ его?

Вейнингеръ, сравнивая арійца и еврея, говоритъ: арійцы представляются намъ въ видѣ огромной толпы отдѣльныхъ людей. Евреи же имѣютъ видъ какого-то слитнаго плазмадія, разливагося по широкой поверхности. Онъ считаетъ неправильнымъ тотъ взглядъ, что евреи способны къ сплоченности въ смыслѣ сознательной еврейской солидарности. Въ дѣлахъ тяжёбныхъ и пр. интересуется еврей не'отдѣльное лицо, а все еврейство—идея еврейства. То самое явленіе, которое замѣчается въ характерѣ женщинъ: оскорбленіе одной жинщины вызываетъ опасенія за всѣхъ женщинъ.

Мысль та, что личность у еврея не имѣетъ самоцѣнности, что она совершенно отсутствуетъ. У еврея нѣтъ сознанія собственнаго достоинства, нѣтъ внутренняго благородства, нѣтъ уваженія и къ чужому „я“. Онъ при отсутствіи собственнаго я имѣетъ потребность поднять цѣнность своей личности путемъ низведенія личности ближняго. Еврей не знаетъ и цѣны своихъ предковъ, ему чужда гордость предками. Традиціи еврейскія важны не какъ таковыя, а какъ показатель будущаго.

Отсутствіемъ сознанія индивидуальности объясняется и то, что еврей чуждъ идеи государственности. Отсюда онъ не имѣетъ привязанности къ землѣ. Онъ значительное предпочтеніе отдаетъ движимымъ благамъ, несмотря на то, что ему доступны всѣ другія формы приобрѣтеній и землевладѣніе. Этимъ объясняется массовое обращеніе къ коммунизму, не имѣющему ничего общаго съ идеею государства. Поэтому

сіонизмъ представляется совершенно безнадежнымъ, сіонизмъ — отрицаніе еврейства, которое по идеѣ своей стремится распространиться на всю поверхность земного шара ¹⁾).

Еврейство и христіанство, по Вейнингеру, составляютъ двѣ самыя крайнія, неизмѣримыя противоположности: первое есть нѣчто разорванное, лишенное внутренней тождественности, второе непреклонно вѣрующее, уповающее на Бога...

Г. С. Чемберленъ, по словамъ Вейнингера, сказалъ много глубоко вѣрнаго о поразительномъ, прямо ужасающемъ непониманіи, которое еврей проявляетъ къ образу и ученію Христа, къ борцу и страдальцу въ Немъ, къ Его жизни и смерти.

Но было бы ошибочно думать, говоритъ Вейнингеръ, что еврей ненавидитъ Христа, ибо еврей не антихристъ, онъ вообще ко Христу никакого отношенія не имѣетъ. Строго говоря, существуютъ только арійцы, которые ненавидятъ Христа—это преступники. Въ еврей образъ Христа, неподдающійся его пониманію, вызываетъ чувство тревоги и непріятной досады, т. е. Онъ непостижимъ для его склонности къ издѣвательству и шуткѣ.

¹⁾ По послѣднимъ отчетамъ дѣятельность сіонизма съ 1901 года выразилась въ составленіи денежнаго, еврейскаго національнаго фонда въ 700 т. руб. и только. Это дѣятельность многихъ миллиардеровъ и милліонеровъ! Раввины талмудисты идею сіонистовъ о приобрѣтеніи Палестины, для переселенія туда евреевъ, считаютъ не сбыточною и цѣль ихъ грѣховною. По мнѣнію раввиновъ, переселеніе евреевъ въ Палестину состоится тогда, когда явится Мессія; заботиться объ этомъ теперь—это значить упредить и нарушить волю Божию.

Безнадежность сіонизма богословски и научно обоснована въ сочиненіи профессора о. А. А. Глаголева подъ заглавіемъ: „Сіонитское движеніе въ современномъ еврействѣ и отношеніе этого движенія къ всемірно-исторической задачѣ библейскаго Израиля“. Изъ этой книги мы узнаемъ, что, по постановленію VI Базельскаго конгресса въ 1903 г., покупка земли въ Палестинѣ должна начаться, когда будетъ минимумъ 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Въ дѣйствительности, явились непреодолимыя препятствія къ покупкѣ земель въ Палестинѣ; такія же препятствія явились къ покупкѣ земель и въ Эль-Арапѣ, смежномъ съ Палестиною, и въ Угадѣ—въ Африкѣ.

Далѣ онъ говоритъ: въ еврействѣ скрывается двѣ возможности. До рожденія Христа обѣ эти возможности находились вмѣстѣ, и жребій еще не былъ брошенъ: отрицаніе и утвержденіе — оба существовали рядомъ. Христосъ явился тѣмъ человѣкомъ, который побѣждаетъ въ себѣ сильнѣйшее отрицаніе—еврейство, и создаетъ величайшее утвержденіе—христіанство — эту рѣзкую противоположность еврейству. Еврейство и христіанство всемірно исторически обуславливаютъ другъ друга, какъ отрицаніе и утвержденіе. Въ Израилѣ таились величайшія возможности, которыя никогда не выпадали на долю другимъ народамъ: возможность Христа.

Другая возможность—еврей. Двѣ крайнихъ противоположности: еврей и христіанинъ. Нѣтъ ничего легче, какъ быть евреемъ, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть христіаниномъ.

Я не могу согласиться, говоритъ онъ, съ Чемберленомъ, что рожденіе Спасителя въ Палестинѣ является простою случайностію. Христосъ былъ евреемъ, но съ тѣмъ, чтобы одолѣть въ себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ еврейство. Христосъ есть величайшій человѣкъ, такъ какъ Онъ мѣрилъ силами съ величайшимъ противникомъ. Христосъ былъ первымъ евреемъ и послѣднимъ, ставшимъ въ полной степени христіаниномъ. Вполнѣ правдоподобно, что и въ настоящее время кроется въ еврействѣ возможность произвести Христа; очень можетъ быть, что ближайшій основатель религіи, долженъ пройти опять таки чрезъ еврейство ¹⁾).

Абсолютно безъ всякой вѣры и евреи не могли бы существовать. Эта вѣра заключается въ какомъ-то смутномъ туманѣ и все же чрезвычайно вѣрномъ чувствѣ, что нѣчто единое должно находиться въ еврействѣ, въ какой-нибудь связи съ еврействомъ. Это единое есть Мессія. Всякій другой народъ осуществляетъ опредѣленную мысль, единую обо-

¹⁾ Второй Христосъ изъ еврейства не произойдетъ. Не произойдетъ ли антихристъ?.. *Ред.*

собленную частную идею, а потому и всякая національность въ концѣ концовъ погибаетъ. Только еврей не осуществилъ никакой частной идеи. Еврейство есть подножіе для основателя религіи. Этимъ Вейнингеръ объясняетъ то знаменательное явленіе, что у евреевъ особая форма служенія Богу. Они молятся не какъ отдѣльныя личности, а цѣлою массою.

Вотъ въ общихъ чертахъ мнѣніе еврея о евреяхъ. Заподозрить его искренность въ сужденіяхъ нѣтъ основанія. Онъ самъ пережилъ своею душою то, что онъ называлъ еврействомъ; боролся съ нимъ, но оказался безсильнымъ въ неравной борьбѣ. Еврейство его подавило.

Общія мысли у св. Златоуста и Вейнингера слѣдующія:

1) пороки евреевъ выработались не исторически, а прирождены имъ. Св. І. Златоустъ это разъясняетъ такъ: доказывая ту мысль, что іудеи лишились Іерусалима только за убіеніе Мессіи, св. Златоустъ говоритъ: развѣ вы теперь только живете во грѣхахъ, а прежде жили правильно и добродѣтельно? Развѣ вы не искони и не изначала пребывали въ безчисленныхъ беззаконіяхъ? Развѣ не обличилъ васъ въ безчисленныхъ злыхъ дѣлахъ пророкъ Іезекиль и т. д. Въ разныхъ мѣстахъ Златоустъ и Вейнингеръ указываютъ на пристрастіе ихъ къ богатству, на продажность первосвященниковъ и проч. Слѣдовательно, и по Златоусту историческія условія не имѣли особеннаго значенія въ выработкѣ пороковъ у іудеевъ. 2) Въ интеллектуальномъ отношеніи и Св. Златоустъ и Вейнингеръ отмѣчаютъ полную умственную несостоятельность іудея, что выразилось, по Златоусту, въ непониманіи смысла тѣхъ событій, которыя они переживали во всѣ времена исторіи своей, и того переворота, который совершился по убіеніи Мессіи. 3) И у св. Златоуста и у Вейнингера проводится мысль, что іудеи не могутъ возстановить своего государства, а обречены на вѣчное разсѣянiе, но только св. Златоустъ объясняетъ это обстоятельство съ религіозной точки зрѣнія, какъ исполненіе пророчествъ. Златоустъ рассматриваетъ невозможность возстановить царство іудеевъ

не со стороны психической особенности евреевъ или со стороны несоотвѣтствующихъ наклонностей ихъ, какъ это дѣлаетъ Вейнингерь, а со стороны опредѣленія Божія, въ наказаніе за жестокость и за величайшій грѣхъ убіенія Месіи. Онъ не только указываетъ отсутствіе у нихъ милосердія, любви къ ближнему, уваженія къ личности, но въ самыхъ яркихъ краскахъ рисуется ихъ жестокость, злобу, коварство. Поэтому, по Златоусту, въ законѣ Моисея и запрещается прежде всего убійство. къ чему они всегда были склонны. „Руки ихъ, говоритъ Златоустъ, навыкли къ убіенію святыхъ“. 4) У Златоуста мы встрѣчаемъ обличеніе іудеевъ за формальное отношеніе къ молитвѣ и склонность къ чувственности—къ матеріализму, какъ и у Вейнингера. 5, Вейнингерь отношеніе евреевъ къ І. Христу считаетъ безразличнымъ. Это у него выходитъ изъ того взгляда, что природа семита не способна къ проявленію ясныхъ, опредѣленныхъ качествъ душевныхъ. Какъ добродѣтели, такъ и пороки его обнаруживаются въ маломъ масштабѣ. Этотъ взглядъ не совсѣмъ вѣрный. Св. І. Златоустъ на основаніи Евангелія и опыта рисуется какъ ихъ жестокость, такъ и отношеніе ко Христу и Церкви Его въ самыхъ крайнихъ и чрезвычайныхъ размѣрахъ, и не потому они жестоки ко Христу, что не понимаютъ, а потому, что упорствуютъ. Не безразличіе іудеевъ навлекло страшныя послѣдствія, а упорное отверженіе. Іудеи пользовались всѣми благами земли, не смотря на ихъ грѣхи, и они не только оказались неблагодарны, но чрезъ это еще болѣе ожесточились¹⁾.

¹⁾ Эту черту характера евреевъ—жестокость св. Златоустъ особенно подчеркиваетъ. Здѣсь можно привести на память геніальнаго художника Шекспира, который въ драмѣ „Венеціанскій купецъ“ изобразилъ жестокость и мстительность ростовщика типичнѣйшаго еврея Шейлока. Шейлокъ проникнуть къ должнику христіанину Антонію ненавистью за то, что послѣдній не раздѣлялъ его взгляда на проценты. Шейлокъ подкрѣпляетъ свою теорію о законности взимать проценты ссылкой на примѣръ патріарха Іакова, успѣвшаго хитростію увеличить приплодъ овецъ.

И св. I. Златоустъ, и Вейнингеръ всю злосчастную судьбу еврейскаго народа ставятъ исключительно въ зависимость отъ отрицательныхъ индивидуальныхъ особенностей евреевъ. Завершеніемъ судьбы народа избраннаго является и должно быть отверженіе и разсѣяніе его по всему міру. Такое состояніе продолжается неизмѣнно 1900 лѣтъ и продолжится впредь до „исполненія языковъ“ (Римл. 11 гл.), *во свидѣтельство народамъ*. Никакія силы и измышленія человѣческія не измѣнятъ опредѣленія Божія о евреяхъ. Евреи достойные потомки своего праотца Каина (о чемъ говоритъ Златоустъ въ VIII словѣ), которому опредѣлено было быть изгнанникомъ и скитальцемъ по землѣ въ наказаніе за убіеніе брата. Онъ готовъ былъ принять смерть отъ перваго встрѣчнаго. Но Господь сказалъ: *Не тако*: всякъ, убивый Каина, седмижды отмститися (15 ст.) Господь сдѣлалъ Каину знаменіе, чтобы никто его не убилъ.

И потомки, достойные его, по убіеніи Мессіи также, мы видимъ, сдѣлались изгнанниками и скитальцами по всей землѣ. Всю жизнь свою носятъ въ душѣ своей страхъ и трепеть, постоянное безпокойство и тревогу за свой народъ. Лучшіе сыны Израиля носятъ въ своей душѣ тяжесть пороковъ и готовы, чтобы пали на нихъ горы и камни и сокрыли ихъ отъ лица сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца,

Шейлокъ типично настаиваетъ на своемъ правѣ, согласно законамъ Венеціанской республики, за неустойку со стороны Антонио вырѣзать „прекрасѣйшій“ фунтъ мяса изъ его тѣла, изъ той части, гдѣ онъ пожелаетъ. Шейлокъ мстителенъ. Въ лицѣ Антонио Шейлокъ желаетъ отмстить всѣми своими силами христіанамъ за то презрѣніе и говеніе, которыя терпѣли евреи (въ XIV—XVI в.). Въ эпоху Шекспира въ Англіи, какъ и на континентѣ, озлобленіе общества противъ ростовщиковъ было весьма сильно. Для Шекспира еврейство было самымъ подходящимъ элементомъ для того, чтобы изобразить типъ безжалостнаго и жестокаго ростовщика. Шейлокъ—не каррикатура, а типичный образъ, придуманный объективнѣйшимъ художникомъ.

котораго убили (Апок. 6, 16). Но мы слышимъ голосъ Бога: *Не тако*. Всякъ, истребившій его (народъ), будетъ наказанъ всемеро ¹⁾).

Протоіерей *Димитрій Говоровъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Слово ли Божіе—Библия.

Библия—книга книгъ. — Библия годится для всѣхъ народовъ.—Чудесное единство Библии.—Библия даеъ утѣшеніе во всѣхъ страданіяхъ, ниспосылаетъ миръ душъ и силу преусиживать въ добръ.—Мнѣнія Гете, Гейне, Канта и Скотта о Библии.—Чѣмъ объяснить то, что Библия превосходитъ всѣ прочія книги?—Есть ли Библия результатъ Божественнаго вдохновенія?—Какъ надо представлять себѣ боговдохновенность Библии?—Вопросъ объ ошибкахъ въ Библии.

Однажды вечеромъ собралось веселое общество, говорили о самыхъ разнообразныхъ вещахъ и въ разговорѣ былъ предложенъ вопросъ: „Если бы кого-либо приговорили къ пожизненному тюремному заключенію и дали бы ему право взять съ собой одну-единственную книгу, то какую книгу онъ выбралъ бы?“ Въ то время какъ раньше, по поводу другихъ вопросовъ, были высказываемы самыя разнообразныя мнѣнія, тутъ всѣ безъ исключенія заявили: „Никакой другой, кромѣ Библии“. Я думаю, что ты далъ бы такой же отвѣтъ; ты не взялъ бы съ собою Гете или Шиллера, „Капиталъ“ Маркса или „Происхожденіе видовъ“ Дарвина, ты

¹⁾ Въ сочиненіяхъ мелкихъ писателей нашего времени злосчастная судьба евреевъ ставится въ зависимость не отъ личнаго нравственнаго состоянія ихъ, а отъ отсутствія якобы социальнаго порядка, отъ искаженныхъ внѣшнихъ формъ общенія, отъ неравенства въ распредѣленіи благъ, отъ того, что трудъ евреевъ, якобы, эксплуатируется *шулерскою изобрѣтательностію* на красоты современной цивилизаціи. И проводится та мысль, что для спасенія отъ всѣхъ бѣдъ евреевъ и для осуществленія мечты о хорошей, спокойной, обезнеченной жизни,—необходимо не бѣгство, а борьба. „Пройдетъ ночь, наступитъ день. Но день будетъ здѣсь, гдѣ мы столько страдаемъ и гдѣ побѣдимъ“ (Юшкевичъ „Евреи“).

выбралъ бы тоже Библию. Этотъ маленькій рассказъ яснѣ самыхъ длинныхъ объясненій доказываетъ, насколько Библия превосходитъ всѣ другія книги. Чѣмъ же это можно объяснить?

Важнѣйшія книги переводятся обыкновенно на другіе языки: на англійскій, французскій, итальянскій, русскій, можетъ быть даже на датскій, шведскій и нидерландскій. Однако же очень рѣдко случается, чтобы сочиненіе какого-либо знаменитаго писателя было переведено на 10 различныхъ языковъ. Библия же, по крайней мѣрѣ большая часть ея, переведена уже на 400 съ лишнимъ языковъ, и съ каждымъ годомъ появляются новые переводы. Въ наши дни осязательно ясно исполняется пророчество Господа (Матѳ. 24, 14): „И проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія по всей вселенной во свидѣтельство всѣмъ народамъ“.

Никому не придетъ въ голову мысль переводить Гете или Шекспира для кафровъ или эскимосовъ. Если бы это случилось, то книги эти не были бы читаемы, такъ какъ онѣ не годятся для этихъ племенъ, стоящихъ на низкой ступени культуры. Но и нѣкоторые чужіе культурные народы также не въ состояніи войти въ духовный міръ этихъ великихъ писателей. Одинъ ученый, прожившій долгое время въ Индіи, пишетъ, что индусы, не смотря на всю свою способность къ философін, не могутъ добиться правильнаго пониманія философскихъ системъ Запада; онъ спрашиваетъ себя, можно ли перевести „Фауста“ Гете на языкъ этого народа, чтобы онъ былъ понятъ имъ, и категорически утверждаетъ, что нельзя. Однако же Библия имѣетъ свойство пролагать себѣ путь къ мышленію и языку cadaго народа, даже къ его самымъ сокровеннымъ чувствамъ. Она годится для всѣхъ народовъ, для низко стоящихъ папуасовъ или готтентотовъ такъ же, какъ и для образованныхъ европейцевъ, индусовъ и китайцевъ. Вездѣ, куда только проникаетъ Библия, она въ скоромъ времени дѣлается наиболѣе читаемой и народной книгой. Изъ всѣхъ странъ слышатся голоса, восхваляющіе

Библию и называющіе ее прекраснѣйшею и наиболѣе цѣпною изъ всѣхъ книгъ. Удостоверено, что поэзія псалмовъ понятна для всѣхъ народовъ, что простые рассказы первой книги Моисея производятъ такое же впечатлѣніе на дѣтей въ чужихъ странахъ, какъ и на нашихъ дѣтей, что даже трудный ходъ мыслей Павла въ его посланіи къ римлянамъ проявляетъ свою доказательную силу на людей, выросшихъ совершенно въ другихъ взглядахъ. Я опять задаю вопросъ: почему же это Библия настолько превосходитъ всѣ другія книги?

Библия не была написана однимъ сочинителемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; она возникла постепенно въ періодъ времени приблизительно лѣтъ въ 1600. Она состоитъ изъ 66 отдѣльныхъ сочиненій, имѣющихъ около 40 различныхъ авторовъ, людей самыхъ разнообразныхъ положеній, ученыхъ и неученыхъ, царей и ремесленниковъ, священниковъ и земледѣльцевъ, государственныхъ мужей и пастуховъ. Содержаніе Библии составляетъ отчасти исторія, отчасти пророчества, отчасти письма, а отчасти законы или религіозныя и нравственныя поученія—содержаніе это чрезвычайно разнообразно. И все-жъ таки какимъ чудеснымъ единствомъ проникнута Библия! Одинъ и тотъ же духъ царствуетъ въ ней отъ перваго листа до послѣдняго, однѣ и тѣ же основныя воззрѣнія высказываются во всѣхъ библейскихъ книгахъ. Часто говорятъ о внутреннихъ противорѣчій въ Библии. Но эти мнимыя противорѣчія основаны или на недоразумѣніи, или на небрежномъ и злонамѣренномъ толкованіи. Усердные читатели Библии, которые лучше другихъ должны знать Библию, не находятъ въ ней никакихъ противорѣчій, за исключеніемъ нѣсколькихъ чисто внѣшнихъ, для внутренняго содержанія Библии безразличныхъ, мѣстъ. Если бы, однако, кто-нибудь захотѣлъ другія книги, напр., сочиненія знаменитѣйшихъ врачей за періодъ времени въ 1600 лѣтъ, соединить въ одну книгу и, слѣдуя ея указаніямъ, лѣчить больного, то я не хотѣлъ бы быть на мѣстѣ этого больного.

Если бы кто-нибудь захотѣлъ философскія сочиненія, издававшіяся въ теченіе такого долгаго промежутка времени, прочесть въ послѣдовательной связи, то онъ на каждомъ шагу находилъ бы величайшія противорѣчія; то, что одинъ философъ считаетъ верхомъ мудрости, другой отбрасываетъ, какъ совершенно ложное. Откуда же происходитъ чудесное согласіе въ Библии, какъ его можно объяснить?

Можно еще многое сказать о превосходствѣ Библии надъ всѣми другими книгами. Мы часто нуждаемся въ утѣшеніи. На землѣ достаточно горя, несчастій и страданій, ни одинъ человѣкъ отъ нихъ не уберется. И нѣтъ ни одной книги, которая бы такъ умѣла утѣшить, какъ Библия. Я не отрицаю того, что прекрасныя стихотворенія и пѣсни могутъ иногда ободрить въ страданіи, если оно не очень тяжело. Но такія стихотворенія похожи на тучки, изъ которыхъ падаютъ нѣсколько капель дождя, въ то время какъ Библия похожа на бьющій ключемъ ручей, изъ котораго можетъ пить всякій, жаждущій утѣшенія. Отдѣльныя изреченія, какъ: „Довѣрь Господу пути твои и надѣйся на Него, и тебѣ будетъ хорошо“, или „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“, или „Довольно съ тебя Моей благодати, потому что Моя сила въ немощахъ совершается“, отдѣльныя главы въ Библии, какъ псаломъ 23 или 121, или Іоанна 11, гдѣ разсказывается о воскрешеніи Лазаря—въ тысячу разъ больше даровали утѣшенія, чѣмъ всѣ книги и стихотворенія на свѣтѣ, вмѣстѣ взятыя. Вообще при всякомъ сильномъ и продолжительномъ страданіи свѣтскія книги не доставляютъ намъ утѣшенія, онѣ кажутся намъ такими ничтожными и убогими. Но Библия можетъ утѣшить во всякомъ горѣ, какъ бы оно ни было велико. Мое призваніе вынуждаетъ меня часто посѣщать людей, постигнутыхъ горемъ, для того, чтобы приносить имъ утѣшеніе. Иногда, когда горе бываетъ особенно велико, я себя съ тревогой спрашиваю: „Принесешь ли ты и тутъ утѣшеніе?“ Но когда я послѣ этого указываю на слова Божьи, когда я чи-

таю 23 псаломъ, я вижу каждый разъ, что нѣтъ горя, какъ бы оно ни было тяжело, въ которомъ Библия не могла бы утѣшить.

Библия ниспосылаетъ миръ душѣ. Каждый человѣкъ стремится къ этому. Прекрасныя слова Гете, не произносятъ ли ихъ отъ всего сердца все человѣчество?.. „Ахъ, я усталъ отъ жизни! Что значать для меня всѣ радости и горести? Сладкій миръ, снизойди въ мою душу“.

Но внутренняго умиротворенія трудно достигнуть. Гдѣ сознаніе вины и нечистая совѣсть мучать человѣка, тамъ душевный миръ невозможенъ. Гдѣ живетъ страхъ, страхъ передъ страданіемъ, болѣзнию и опасностью, страхъ передъ бѣдностью, забота, страхъ передъ смертью и тѣмъ, что за ней слѣдуетъ, тамъ не можетъ поселиться душевный миръ. Гдѣ страсти, гнѣвъ, ревность, дикія страданія разрываютъ душу, тамъ нѣтъ мѣста для внутренняго мира. Гдѣ честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе овладѣваютъ человѣкомъ, они дѣлаютъ сердце неспособнымъ и не допускаютъ умиротворенія. Похоже на то, что мы никогда не можемъ достигнуть внутренняго мира и спокойствія, съ какой бы тоской мы къ нимъ ни стремились. Но есть одна книга, которая можетъ дать внутренній миръ—это Библия. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простымъ предположеніемъ, а съ фактомъ. Десятки тысячъ людей заявляютъ, что они въ Библии нашли душевный миръ. Ты, можетъ быть, видѣлъ людей, глаза которыхъ свѣтятся внутреннимъ миромъ, на лицѣ которыхъ онъ ясно отражается. Обрати вниманіе на такихъ людей и ты увидишь, что всѣ они любятъ Библию и прилежно ее читаютъ. Ни объ одной другой книгѣ никто не посмѣетъ сказать, что она можетъ умиротворить душу, ни объ одномъ стихотвореніи, ни о философскомъ или научномъ трудѣ. Если бы кто-нибудь въ предисловіи къ издаваемой имъ книгѣ пообѣщавъ, что она принесетъ читателю душевный миръ, то онъ бы только сдѣлалъ себя смѣшнымъ. Чѣмъ же можно

объяснить то, что только Библия можетъ совершать это великое дѣло?

Еще одно сильное вліяніе оказала Библия на безчисленное множество людей. Она дала имъ силу избавиться отъ грѣховъ, съ которыми они раньше безуспѣшно боролись. Благодаря чтенію Библии, многіе пьяницы избавились отъ своего порока, вспыльчивые сдѣлались кроткими и миролюбивыми, корыстолюбивые—благодѣтельными, эгоисты—способными на самопожертвованіе, а робкіе—смѣлыми и неустрашимыми. Это не пустыя слова, это—фактъ. Чтеніе Библии оказывало такое дѣйствіе во всѣ времена. Я не хочу при этомъ отрицать, что и другія книги могутъ тоже имѣть облагораживающее вліяніе, но только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Благодаря отдѣльнымъ главамъ Библии, какъ, напр., 50 псаломъ, могущественный покаянный псаломъ Давида, 15 глава Евангелія отъ Луки, гдѣ разсказываются три притчи о Блудномъ сынѣ, потерянной драхмѣ и потерянной овцѣ, 13 глава перваго посланія къ Коринѳянамъ, пѣснь пѣсней о любви, а въ особенности глава, въ которой повѣствуется о страданіяхъ Иисуса,—благодаря имъ въ сто разъ больше людей сдѣлались лучше, въ сто разъ больше людей вернулись на путь истины, чѣмъ при помощи всѣхъ свѣтскихъ книгъ, которыя были когда-либо написаны.

На безчисленномъ множествѣ людей оправдывается истинность Слова Божія: „Все писаніе боговдохновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности“ (2 Тим. 3, 16).

Однажды два путешественника заблудились въ западной Америкѣ. Наконецъ они увидѣли огонь и подошли къ одинокой хижинѣ. Войдя внутрь, они испугались, потому что при ихъ появленіи изъ-за стола поднялся огромнаго роста человѣкъ съ дикой всклокоченной бородой. Когда они ему разсказали о своемъ трудномъ положеніи, онъ отвѣтилъ: „я посмотрю, чѣмъ я могу вамъ помочь“, и вышелъ изъ комнаты. Одинъ изъ путешественниковъ сказалъ: „я не останусь

подъ одной кровлей съ этимъ страннымъ человѣкомъ; поторопимся уйти отсюда, я предпочитаю провести ночь на дворѣ“. Но другой подошелъ къ столу, посмотрѣлъ на книгу, которая тамъ лежала, и отвѣтилъ: „Будь спокоенъ, намъ нечего бояться: человѣкъ этотъ читаетъ Библию“. Отчего же это происходитъ, что Библия имѣетъ такое дѣйствіе на людей?

Библия цѣнится не только теологами, или людьми мало знающими другія книги. Нѣтъ, люди, написавшія сами знаменитыя сочиненія, ставили Библию выше всѣхъ другихъ книгъ. Такъ, напр., Гёте сказалъ: „Каждое поколѣніе, читая Библию, молодѣетъ, и масштабомъ жизненной силы народа всегда будетъ служить его положеніе по отношенію къ Библии“; далѣе: „Чѣмъ дальше двигаются вѣка въ отношеніи культуры, тѣмъ больше пользуются Библией, частью какъ фундаментомъ, частью какъ пособіемъ для воспитанія; конечно, это относится не къ умничающимъ, а къ истинно мудрымъ людямъ“.

Гейне, раньше часто самымъ постыднымъ образомъ издѣвавшійся надъ Евангеліемъ, позналъ во время своихъ тяжелыхъ страданій величіе Библии. Въ предисловіи ко второму изданію своей книги о нѣмецкой религіи и философіи онъ пишетъ по поводу происшедшей въ немъ внутренней перемѣны: „Я обязанъ своимъ просвѣщеніемъ только чтенію одной книги. Одной книги? Да, и это старая простая книга, скромная, какъ сама природа, и такая же естественная, какъ она, книга—будничная и непритязательная, какъ солнце, которое насъ согрѣваетъ, какъ хлѣбъ, который насъ питаетъ... Книга эта называется Библией. Эту книгу по всей справедливости называютъ Священнымъ Писаніемъ. Кто потерялъ своего Бога, тотъ можетъ Его вновь найти, читая эту книгу, а кто Его никогда не зналъ, на того, повѣсть отъ нея благоуханіемъ Божественнаго слова“.

Великій философъ Кантъ пишетъ Штиллиngu: „Вы хорошо дѣлаете, что свое единственное успокоеніе стараетесь

найти въ Евангеліи, потому что оно неизсякаемый источникъ всякой истины, которой нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя найти послѣ того, какъ разумъ измѣритъ всю область ему доступнаго“.

Когда великій англійскій писатель *Вальтеръ Скоттъ* лежалъ на смертномъ одрѣ, онъ сказалъ своему сыну: „Дай мнѣ книгу!“—„Какую книгу?“—спросилъ тотъ. Тогда *Вальтеръ Скоттъ* отвѣтилъ: „Какъ можешь ты объ этомъ спрашивать? Есть только одна книга—Библія“. Такъ говорилъ человѣкъ, написавшій много прекрасныхъ, читаемыхъ всѣми книгъ. Въ сравненіи съ Библіей, онѣ казались ему не имѣющими никакой цѣны.

Итакъ, ты видишь, что тѣ, которые цѣнятъ Библію, какъ книгу книгъ, не составляютъ дурного общества; принадлежать къ этому обществу во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ вести компанію съ людьми, которые ругаютъ Библію дурной и глухой книгой.

Мнѣ кажется, я выше достаточно ясно показалъ, что Библія стоитъ несравненно выше другихъ книгъ, что ни одна книга не можетъ съ ней сравняться и оказать такое же дѣйствіе, какъ она. Чѣмъ же это можно объяснить? Можетъ быть, причина заключается въ томъ, что ея авторы въ умственномъ отношеніи стоятъ выше самыхъ великихъ людей человѣческаго рода, Платона и Софокла, Шекспира и Шиллера, Гете и Лессинга, Канта и Спинозы? Я думаю, конечно, что люди, подобные Моисею, Исаи или Павлу въ духовномъ отношеніи не отстаютъ отъ этихъ героевъ духа, хотя я этимъ и не хочу сказать, что они стоятъ выше послѣднихъ. Но что касается большинства авторовъ библейскихъ книгъ, то надо признаться, что они не могутъ равняться съ тѣми людьми въ познаніяхъ, талантахъ и учености; къ ихъ разряду надо причислить также и составителей нѣкоторыхъ такихъ книгъ, которыя имѣютъ для насъ особенно высокую цѣнность, напр., псалмовъ, евангелій, посланій Петра и другихъ твореній.

Отчего же это происходит, что, несмотря на это, Библия все-таки превосходит всё другія сочиненія, даже сочиненія величайшихъ героевъ духа? Я знаю только одинъ отвѣтъ, — это тотъ, который даетъ церковь, что Библия есть слово Божіе, что Святой Духъ дѣйствуетъ въ ней, и что она Имъ внушена. Святые Божьи люди, по словамъ самаго Священнаго Писанія, говорили, вдохновляемые Святымъ Духомъ (2 Петр. 1, 21).

Въ настоящее время, правда, есть очень много людей, отрицающихъ и оспаривающихъ Божественное вдохновеніе въ Священномъ Писаніи. Но какъ же они объясняютъ то, что Библия оставляетъ далеко позади себя все, что кромѣ нея было написано людьми? На этотъ вопросъ они не даютъ никакого отвѣта.

Люди, не желающіе признавать того, что Библия внушена самимъ Богомъ, указываютъ главнымъ образомъ на ошибки и противорѣчія, которыя будто бы въ ней заключаются; они говорятъ: „Если Библия внушена Святымъ Духомъ, если Духъ Божій присущъ ей, то ошибокъ въ ней не должно быть; однако же въ ней можно найти различныя ошибки и противорѣчія; значитъ, Библия не происходитъ отъ Святого Духа“. Это заключеніе кажется очень убѣдительнымъ, но правильно ли оно? По моему мнѣнію, можно было бы съ такимъ же основаніемъ сказать, что у человѣка, въ котораго вселился Духъ Святой, не можетъ быть грѣховъ; каждый христіанинъ знаетъ однако, что апостолы были въ особенно высокой степени исполнены Духомъ Святымъ, но онъ знаетъ также, что они не были свободны отъ грѣховныхъ немощей и постоянно калялись со смиреніемъ въ своихъ грѣхахъ. Почему же въ книгѣ, въ которой дѣйствуетъ Духъ Святой невозможны также маленькія неточности? Существенныя ошибки, и по моему мнѣнію, конечно, не должны встрѣчаться въ Библии, если она внушена Богомъ, точно такъ же, какъ нельзя представить себѣ, чтобы человѣкъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, былъ погруженъ въ грубѣйшіе пороки. Но надо счи-

тать также преувеличеннымъ, какъ это будетъ доказано ниже, то, что иногда приходится слышать и читать объ ошибкахъ и противорѣчяхъ Библии.

Въ большинствѣ случаевъ имѣютъ совершенно невѣрное представленіе о способѣ, которымъ Библия была внушена Богомъ, и вслѣдствіе этого сомнѣнія и невѣріе овладѣваютъ тѣми, кто полагаетъ, что онъ нашелъ въ ней ошибки. Многіе вѣрятъ въ то, что Святой Духъ диктовалъ пророкамъ и апостоламъ все, что они записывали, подобно тому, какъ чиновникъ диктуетъ своему писцу. Это представленіе невѣрно. Каждый человѣкъ имѣетъ свою особую манеру выражаться, свой особый стиль. Кто прочелъ нѣсколько сочиненій Лютера и находитъ послѣ этого гдѣ-нибудь выдержку изъ нихъ, тотъ знаетъ, что никто другой, кромѣ Лютера, не могъ этого написать. Если бы Святой Духъ диктовалъ библейскія книги, то во всѣхъ частяхъ Библии можно было бы найти одинъ и тотъ же стиль. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе: стиль посланій Павла не похожъ на стиль посланій Петра; у Іоанна иной стиль, чѣмъ у Луки, а у Исаи иной, чѣмъ у Іереміи.

Мы должны составить себѣ другое представленіе о внушеніи Святого Духа. Я знаю очень хорошо, что это останется тайной, какъ вдохновлялъ Духъ Святой людей, написавшихъ Библию. Всякое дѣяніе Божіе пребываетъ для насъ таинственнымъ, также и дѣянія Его въ природѣ. Ты понять не можешь даже того, какъ возникаетъ цвѣтокъ, какъ онъ зарождается, растетъ, цвѣтетъ и благоухаетъ. Долженъ ли ты удивляться, если ты не можешь понять, какъ возникло Священное Писаніе, какимъ чудеснымъ образомъ Духъ Божій и человѣческій духъ соединились вмѣстѣ для его составленія?

Сравненіе, которое я сдѣлалъ для того, чтобы яснѣе показать дѣйствіе Святого Духа на людей, это, какъ я прекрасно сознаю, очень несовершенное сравненіе. Но я надѣюсь, что оно, по крайней мѣрѣ, послужитъ для того, чтобы ты

увидѣлъ, что можно иначе представлять себѣ возникновеніе Библии, не какъ диктовку Святого Духа, и въ то же время можно съ полнымъ правомъ сказать, что Библия—Божіе слово и внушена Святымъ Духомъ.

Я читалъ однажды объ одномъ знаменитомъ французскомъ писателѣ, который давалъ у себя занятія нѣсколькимъ молодымъ даровитымъ писателямъ. Когда онъ собирался писать новый романъ, онъ предварительно во всѣхъ подробностяхъ обсуждалъ его съ ними. Послѣ этого онъ поручалъ тому изъ нихъ, который хорошо описывалъ природу, написать тѣ отдѣлы въ книгѣ, въ которыхъ преобладали описанія природы; тотъ, который умѣлъ хорошо рассказывать смѣшныя вещи, долженъ былъ составить тѣ части, гдѣ выступали комическія личности; третій, особенно способный къ этому, описывалъ битвы и приключенія. Ближайшія указанія дѣлалъ самъ писатель, и они были тѣмъ точнѣе, чѣмъ важнѣе былъ отдѣлъ, но исполненіе онъ предоставлялъ своимъ помощникамъ. При этомъ бывало и такъ, что онъ самъ писалъ важнѣйшія части. Книга послѣ этого выходила подъ его именемъ, какъ его собственное произведеніе, и онъ, дѣйствительно, съ такимъ же правомъ могъ это дѣлать, какъ архитекторъ, говорящій, что онъ выстроилъ церковь, хотя онъ только составилъ планъ и наблюдалъ за работами, имѣя въ своемъ распоряженіи много рабочихъ и, можетъ быть, самъ даже не прикоснулся къ постройкѣ. Приблизительно такое же было отношеніе Святого Духа къ людямъ, написавшимъ Священное Писаніе. Въ теченіе столѣтій Онъ призывалъ способныхъ людей, которые должны были работать надъ составленіемъ книги книгъ, Библии. Одного Онъ призывалъ для изложенія историческихъ событій, другого—для пророческаго записыванія Божественнаго откровенія, третьяго—для составленія посланій или другихъ поучительныхъ книгъ. Святой Духъ ихъ побуждалъ къ писанію, просвѣщалъ тѣмъ точнѣе, чѣмъ важнѣе былъ предметъ изложенія, но Онъ имъ не диктовалъ. При такомъ представленіи можно съ пол-

нымъ правомъ сказать, что Библия есть Слово Божіе, что она написана по вдохновенію отъ Святого Духа, что святыя люди говорили вдохновенныя Святымъ Духомъ; тутъ однако вступаетъ въ свои права другая сторона Писанія, которую отрицать нельзя, а именно человѣческая сторона.

При такомъ представленіи сомнѣнія и искушенія не могутъ одолѣть человѣка, даже если ему покажется, что онъ нашелъ маленькую ошибку въ Библии. Когда вышеупомянутый французскій писатель при чтеніи отдѣловъ, написанныхъ его помощниками, наталкивался на мелочи, которыя не вполне соотвѣтствовали его желаніямъ, то естественно, что онъ не трогалъ ихъ, если вся исторія и ходъ мыслей въ книгѣ отъ этого не терпѣли ущерба. Точно также можно допустить, что Святой Духъ не препятствовалъ авторамъ Библии, если они ошибались во внѣшнихъ второстепенныхъ мелочахъ, въ которыхъ они плохо разбирались, лишь бы только цѣль Библии отъ этого не потеряла какого-либо ущерба.

Какова же однако цѣль Библии? Библия не должна учить насъ естествознанію. Одинъ благочестивый астрономъ сказалъ: „Библия не должна учить насъ тому, какъ движется небо; она учить насъ, какъ намъ достигнуть неба“. Библия существуетъ также не для того, чтобы давать намъ объясненія по поводу всемірно-историческихъ вопросовъ. Она рассказываетъ намъ, что Господь Богъ сдѣлалъ съ человѣчествомъ, а особенно съ израильскимъ народомъ, по Своей любви, чтобы осуществить спасеніе всѣхъ народовъ и всѣхъ людей. Кто хочетъ изучать естествознаніе или всемірную исторію, тотъ пусть читаетъ естественно-научныя или историческія книги. Кто, однако, хочетъ знать, какъ ему достигнуть блаженства, какъ относится Богъ къ людямъ и насколько Онъ намъ отрылся, пусть тотъ читаетъ Библию, какъ и Иисусъ говоритъ: „Изслѣдуйте Писанія, ибо вы думаете черезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную, а они свидѣлствуютъ о Мнѣ“ (Іоанн. 5, 39). По поводу этихъ вопросовъ ты не найдешь въ ней ошибокъ или противорѣчій. Иногда пола-

гали, что и по поводу религиозныхъ вопросовъ въ Библии встрѣчаются ошибки и противорѣчія. Но каждый разъ выяснялось, что заблуждалось не Священное Писаніе, а люди, неправильно понимавшіе его.

Если же по поводу внѣшнихъ вещей, не имѣющихъ ничего общаго съ нашей христіанской вѣрой, въ Библии и можно отыскать нѣкоторыя неточности, то онѣ ни на іоту не могутъ поколебать мою вѣру въ боговдохновенность Священнаго Писанія; такъ же смотреть на это безчисленное множество другихъ христіанъ, которые любятъ Библию больше всего на свѣтѣ, ежедневно ее читаютъ и знаютъ, насколько они ей обязаны.

Но это еще большой вопросъ, встрѣчаются ли вообще въ Библии ошибки въ точномъ смыслѣ этого слова. Многое, что раньше считалось невѣрнымъ, позже оказывалось вполне истиннымъ. Такъ, въ прежнія времена нѣкоторые ученые оспаривали, что еврейскій народъ пробылъ продолжительное время въ Египтѣ; они утверждали, что хотя объ этомъ и говорится въ Библии, но это только поэтическій вымыселъ. Но впоследствии въ пирамидахъ нашли явные слѣды пребыванія еврейскаго народа. Подобно этому вавилонскія раскопки доказываютъ, что все то, что рассказываетъ Библия о ранней исторіи іудейскаго народа, и въ чемъ многіе ученые сомнѣвались, дѣйствительно соответствуетъ истинѣ. Поэтому не должно тотчасъ же вѣрить человѣку, который скажетъ, что то или другое въ Библии невѣрно. Во сто разъ вѣроятнѣе, что человѣкъ этотъ ошибается, чѣмъ что въ Библии заключается что-либо ошибочное.

При этомъ случаѣ уместно мимоходомъ указать на извѣстный споръ о „Библии и Вавилонѣ“. Доклады профессора Делича, который, на основаніи своихъ раскопокъ, среди самыхъ яростныхъ нападокъ на Ветхій Заветъ, протестовалъ противъ взгляда на него, какъ на откровеніе Божіе, надѣлали много шума. Враги церкви ликовали и привѣтствовали его выступленіе съ нескрываемою радостью. Что же касается

тѣхъ, которые любили Церковь, то многіе не безъ тревоги прислушивались къ его колеблющимъ всѣ основы утвержденіямъ. Но для страха здѣсь не было повода; ибо какъ обстоитъ дѣло теперь? Деличь повредилъ не Библию, а только самому себѣ. Ни одинъ изъ болѣе крупныхъ ассиріологовъ не сталъ на его сторону; довѣріе къ нему было потеряно. Даже тѣ, которые сначала подняли его на щитъ, одинъ за другимъ начали отъ него отказываться. Всякій страхъ передъ нимъ также разсѣялся. Если Деличь вздумаетъ теперь опубликовать дальнѣйшія свои нападки на Библию, то имъ не придадутъ уже большой цѣны. Библия стоитъ несокрушимою, какъ скала, о которую разбиваются волны. Она уже побѣдно отразила многія болѣе серьезныя нападенія. И ассирійскія раскопки будутъ служить только для того, чтобы выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ божественную истину Писанія.

Не пугайся такихъ вопросовъ, которые охотно поднимаютъ враги Библии для того, чтобы оправдать свое невѣріе. Они этимъ доказываютъ только несовершенство своего мышленія или убогое знаніе Священнаго Писанія. Чаше всего можно услышать такой, напр., насмѣшливый вопросъ: „Откуда Каинъ взялъ свою жену?“ При этомъ Библии приписываютъ упоминаніе о томъ, что Каинъ нашелъ себѣ жену въ той странѣ, куда онъ удалился послѣ братоубійства. Стоитъ только самому открыть Библию и прочесть (Быт. 4, 16—17). Тамъ написано только, что его жена родила ему сына. При тогдашнихъ условіяхъ не было предосудительнымъ то обстоятельство, что Каинъ женился на своей сестрѣ. Если человечество произошло отъ одной пары,—а это признаютъ въ наше время всѣ, даже самые отъявленные дарвинисты,—то сыновья этой первой пары должны были взять въ жены своихъ сестеръ; иначе никакъ нельзя было устроиться. Поэтому я рѣшительно не понимаю, какъ это можно полагать, что вопросомъ о Каинной женѣ обосновываются невѣріе въ Священное Писаніе и доставляется много затрудненій тѣмъ, кто въ Библии видитъ Божіе Слово.

Если ты хочешь подробнѣе познакомиться съ Библіей, или если у тебя есть какіе-либо вопросы и сомнѣнія по поводу ея содержанія, то обратись къ книжкѣ Мейнгофа: „Biblische Schutz—und Trutzbüchlein“, которая стоитъ всего 50 пфениговъ. Изъ нея ты узнаешь еще больше ¹⁾.

Но для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о Библіи, ты не долженъ ограничиваться чтеніемъ лишь того, что о ней пишутъ, будь это за или противъ нея, ты долженъ читать ее самъ. Къ сожалѣнію, въ наше время есть много людей, никогда не открывающихъ Библіи. Они говорятъ приблизительно такъ: „Я знаю все, о чемъ говорится въ Библіи“, или „Библія это нехорошая и глупая книга“. Что можно отвѣтить на такія невѣроятныя утвержденія? Если кто-нибудь имѣетъ право говорить: „Я знаю все, о чемъ говорится въ Библіи“, то его надо сейчасъ же возвести въ степень профессора теологіи. Ибо никогда не было на свѣтѣ и нѣтъ въ настоящее время такого профессора теологіи, который бы осмѣлился сказать о себѣ что-нибудь подобное, хотя бы онъ ежедневно и изучалъ по цѣлымъ часамъ Священное Писаніе. А нѣкоторые люди въ то же время утверждаютъ, что они знаютъ все, что заключается въ Библіи; я думаю, что эти люди пришли бы въ сильное замѣшательство, если бы ихъ попросили найти въ Библіи книгу Руоѣ или книгу Эсѣирь. Также возмутительно, когда говорятъ, что Библія дурная или глупая книга. Если ты встрѣтишься съ такими людьми, то пригласи ихъ въ твое жилище и попроси послушать тебя спокойно въ теченіе десяти минутъ. Послѣ этого почитай имъ исторію о блудномъ сынѣ Луки 15, или о воскресеніи Лазаря Іоанн. 11, или же главы изъ нагорной проповѣди Мѣ. 5—7, и спроси ихъ, неужели же то, что ты имъ только что прочелъ изъ Библіи, заключаетъ въ

¹⁾ Сочиненіе это предназначается спеціально противъ нападокъ социалистовъ на Библію и на русскій языкъ, къ сожалѣнію, не переведено.

себѣ что-нибудь дурное или глупое? Я думаю, что они непременно смутятся, и послѣ этого имъ уже не такъ легко будетъ утверждать, что Библия нехорошая и глупая книга.

Библии пришлось перенести много нападокъ, но не смотря на это, она остается книгой книгъ, вѣнцомъ всѣхъ книгъ, Словомъ Божиимъ. Чѣмъ больше ты будешь читать, тѣмъ яснѣе будетъ для тебя Божественное величіе Писанія, тѣмъ милѣе оно будетъ тебѣ, и тѣмъ больше благодати ты будешь находить въ немъ. Поэтому-то надо усерднѣе читать Библию.

Перев. Н. П. Селивановской.

ЗАМѢТКА.

М о л ь б ы н а р о д а .

Съ 7 по 11 апрѣля 1909 г. въ г. Боровичахъ происходила выѣздная сессія Новгородскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. При разборѣ дѣлъ выяснился очень интересный фактъ: почти всѣ преступления были совершены обвиняемыми въ возрастѣ отъ 17 до 25 лѣтъ и, кромѣ того, въ пьяномъ видѣ.

Это наблюденіе вызвало со стороны присяжныхъ засѣдателей довольно любопытное заявленіе.

Разбиралось дѣло объ убійствѣ крестьяниномъ Плининымъ крестьянина Зорина. Преступленіе это, дѣйствительно, носило какой то исключительно дикій характеръ.

Двадцатилѣтній крестьянинъ дер. Князева, Новгородской губ., Боровичскаго уѣзда, Хоромской волости, Григорій Алексѣевъ Плининъ, поѣхалъ изъ г. Боровичъ въ деревню съ кр. Иваномъ Григорьевымъ Зоринымъ—оба были сильно пьяны.

Отъѣхавъ отъ города 7 верстъ, Плининъ неожиданно набросился на своего спутника, камнемъ раздробилъ ему черепъ и, кромѣ того, нанесъ перочиннымъ ножомъ 17 колотыхъ ранъ въ шею и голову. Покончивъ съ Зоринымъ, онъ взялъ съ его воза 2 мѣшка ржаной муки и снялъ съ убитаго сапоги. Это было все, ради чего онъ рѣшился на свой звѣрскій поступокъ.

Вернувшись домой, онъ сдалъ мѣшки своей матери; она тоже была привлечена къ дѣлу, какъ укрывательница.

Присяжные засѣдатели обвинили Плинина, отвергнувъ заранѣе обдуманное намѣреніе, и судъ приговорилъ его, какъ не достигшаго совершеннолѣтія, на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ въ каторгу съ лишеніемъ всѣхъ правъ и состоянія. Старуху-мать его присяжные засѣдатели оправдали. Послѣ убитаго осталась вдова и 7 человѣкъ дѣтей,—Зорину было 48 лѣтъ.

Но прежде, чѣмъ былъ вынесенъ приговоръ, произошелъ слѣдующій инцидентъ.

Послѣ перерыва, когда присяжные засѣдатели вышли изъ совѣщательной комнаты, одинъ изъ нихъ, старикъ купецъ Иванъ Семеновичъ Гомзинъ, обратился къ предсѣдательствующему съ просьбой дозволить ему сдѣлать суду заявленіе отъ имени присяжныхъ засѣдателей и сказалъ слѣдующее:

„Я и мои сотоварищи, присяжные засѣдатели, слезно просятъ судъ прійти на помощь обществу, спасти погибающее наше молодое поколѣніе отъ развращающаго вліянія пьянства, такъ какъ въ продолженіе всей настоящей сессіи разбираемыя нами дѣла по совершенію преступленій были совершенны обвиняемыми въ пьяномъ видѣ; просимъ, чтобы судъ вошелъ въ Государственную Думу съ ходатайствомъ принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію пьянства, благодаря которому общество терпитъ столь большія лишенія. Мы, присяжные засѣдатели, выносимъ обвинительные вердикты подсудимымъ, судъ ихъ приговариваетъ, по мѣрѣ содѣяннаго, къ соотвѣтствующему наказанію: такимъ образомъ семь лишаются трудоспособныхъ работниковъ, а если они обвинялись въ преступленіи противъ здравія человѣка, то послѣ убитаго или изувѣченнаго остаются сироты—нерѣдко въ числѣ 7—8 человѣкъ, воспитаніе которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, тяжело отзывается на обществѣ. Все это—благодаря пагубной водкѣ, а потому мы просимъ и умоляемъ судъ прійти, пока не поздно, на помощь обществу и спасти молодое поколѣніе отъ гибели“.

Въ отвѣтъ на это заявленіе предсѣдательствующій сказалъ, что судъ мнѣніе присяжныхъ засѣдателей раздѣляетъ и вполнѣ имъ сочувствуетъ.

Въ приведенномъ заявленіи присяжныхъ засѣдателей обращаетъ на себя вниманіе глубокое сознаніе русскимъ народомъ вреда пьянства. Присяжные засѣдатели просятъ объ отрезвленіи народа Государственную Думу. Но эта мольба

ихъ прежде всего должна ударить молотомъ по сердцу духовенства. Сколько преступленій отъ пьянства, во время которыхъ одни преждевременно кончаютъ свою жизнь, другіе отправляются въ далекую каторгу, третьи остаются безъ кормильцевъ семьи. И ужели призывомъ къ работѣ не отозвутся въ сердца духовенства слова почтеннѣйшаго Ивана Семеновича Гомзина? Настало время, когда духовенство должно вложить весь смыслъ въ великое слово апостола языковъ: „Не подавайте соблазна ни іудеямъ, ни еллинамъ, ни Церкви Божіей“ (1 Кор. X, 32). „Если пища соблазняетъ брата моего, не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнять брата моего“ (1 Кор. 8. 13).

„Пьющимъ не отрезвить пьянствующихъ“, пишетъ въ № 12117 „Новаго Времени“ нѣкто В. С. Кривенко. „Старая истина—учить показомъ, а не рассказомъ, весьма многозначаща для распространенія трезвости. Какую цѣну имѣеть проповѣдь батюшки о воздержаніи, когда приходъ знаетъ, какъ на-дняхъ соборяне еле можаху, чуть не мертвыми пластами, препровождены были съ крестинъ или того хуже—съ похоронъ“, пишетъ тотъ же Кривенко.

Теперь объ отрезвленіи русскаго народа молятъ духовенство уже сами прихожане (Костромск. епарх. Вѣд.).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Опредѣленіемъ своимъ отъ 26-го февраля сего 1910 года Св. Синодъ разрѣшилъ печатаніе „Толковаго Типикона“ въ качествѣ приложенія къ журналу „Руководство для сельскихъ пастырей“ за 1909 годъ. Теперь Редакція приложитъ съ своей стороны всѣ усилія къ возможно скорому появленію въ свѣтъ и разсылкѣ подписчикамъ 1909 года „Толковаго Типикона“.

Съ почтеніемъ Редакція.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го марта 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духо-
вной Семинаріи.

1910-го года марта 28-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о вторыхъ священникахъ. Н. Пальмовъ.—II. Изъ епархіальной жизни. Р.—III. Мои воспоминанія. Проф. В. Пѣв-
ницкій.—IV. Забѣтка. Село Ваутно, Мелеиковскаго у., Владимір-
ской губ.

Къ вопросу о вторыхъ священникахъ.

Мысли о вторыхъ священникахъ, которыми слѣдовало бы замѣнить по селамъ нынѣшнихъ штатныхъ діаконовъ, намъ приходилось уже развѣивать на страницахъ „Р. д. с. п.“. Мы говорили, что старый институтъ вторыхъ или младшихъ священниковъ имѣеть за собою весьма разумныя основанія, разсматривать ли его какъ средство лучшей практической подготовки для молодого іерея, только что облеченнаго са- номъ изъ-за школьной скамьи, незнакомаго съ жизнью и естественно нуждающагося въ опытномъ руководствѣ со стороны старшаго собрата—пастыря, или разсматривать съ точки зрѣнія пользы для самаго пастырскаго дѣла. Въ авторитетномъ настоятелѣ прихода недавній питомецъ школы, молодой священникъ, пріобрѣтаетъ надежнаго совѣтника и ру-

ководителя въ служебной и пастырской дѣятельности, а пожилой, часто утруждаемый немощами настоятель получаетъ въ полномъ силѣ и физическаго здоровья молодомъ помощникѣ хорошаго сороботника и по церкви, и по школѣ, и по приходу. Нынѣшній штатный діаконъ—слабый помощникъ настоятелю. Гораздо лучше будетъ, если его вакансію займетъ лицо въ священническомъ санѣ, которое раздѣлитъ съ настоятелемъ прихода разнообразныя пастырскіе труды.

Эти мысли встрѣтили возраженія со стороны нѣкоторыхъ, несогласныхъ съ нашими воззрѣніями, авторовъ. Въ журналѣ „Р. д. с. п.“ свящ. В. Пестряковъ написалъ статью, въ которой высказалъ, что въ проектируемомъ руководествѣ младшихъ священниковъ старшими надобности нѣтъ, а есть надобность приходскому пастырю въ діаконѣ на псаломщической вакансіи. Въ Ярославскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ *В.* также несочувственно отозвался о проектѣ института вторыхъ священниковъ. Онъ нашелъ, что учрежденія ихъ повело бы къ ссорамъ и раздорамъ между членами причта, а это, конечно, не могло бы не отразиться на всемъ вообще пастырскомъ дѣлѣ¹⁾.

На поставленныя свящ. В. Пестряковымъ и *В.* возраженія мы дали въ свое время отвѣтъ²⁾. Теперь же хотимъ подѣлиться съ нашими читателями новыми данными, которыя могутъ служить къ утвержденію мысли о вторыхъ или младшихъ священникахъ, какъ помощникахъ первому или старшему священнику.

Не такъ давно варшавскій протоіерей о. А. Ковальницкій выпустилъ прекрасную книгу подъ заглавіемъ: „Пастырская медицина“. Въ этой книгѣ онъ говоритъ, между прочимъ, что необходимо обратить самое серьезное вниманіе на

¹⁾ *Связи. В. Пестрякова*—„Къ вопросу о діаконахъ“. Р. д. с. п. 1909 г. № 10. Р.—„Къ вопросу о діаконахъ“, Ярославск. еп. Вѣдомости за тотъ же годъ, № 4.

²⁾ „Діаконы или вторые священники?“ Р. д. с. п. 1909 г. №№ 22—24.

вопросъ объ *отдыхѣ* для священника. Пастырское дѣло въ нынѣшнія времена стало особенно труднымъ. Требуя большой затраты силъ духовныхъ, оно уноситъ и здоровье физическое. Нервность сдѣлалась недугомъ чуть ли не всѣхъ священниковъ. И вотъ, въ виду развивающейся болѣзненности въ духовномъ сословіи, необходимо озаботиться изысканіемъ средствъ и способовъ, при которыхъ наилегче священникъ могъ бы получить себѣ положительно *необходимый* отдыхъ. Указывая на то, что заграничные патеры и пасторы широко пользуются такъ называемымъ у нихъ „*трудоотдыхомъ*“, и отъ этого не только ничего дурнаго не происходитъ, но, напротивъ, получается замѣтная польза для пастырскаго дѣла, прот. А. Ковальницкій рекомендуетъ духовенству предпринимать, время отъ времени, путешествія по мѣстамъ нашего обширнаго отечества, интереснымъ въ отношеніи природы и замѣчательнымъ по святынямъ, по историческимъ воспоминаніямъ, по археологическимъ и инымъ памятникамъ. Изъ путешествія священникъ возвратится съ обновленными силами и душевными и тѣлесными. Все видѣнное и слышанное во время путешествія можетъ быть предложено имъ вниманію любознательныхъ прихожанъ, и эти послѣдніе съ полною готовностью будутъ выслушивать поучительныя рассказы батюшки о его путешествіи.

Мысль прот. А. Ковальницкаго о необходимости привить къ жизни русскаго духовенства заграничный „*трудоотдыхъ*“ весьма симпатична и заслуживаетъ полнаго и самаго серьезнаго вниманія какъ со стороны пастырей, такъ и со стороны архипастырей. Но проведеніе въ жизнь „*трудоотдыха*“ ставитъ въ необходимость рѣшеніе всплывающаго при этомъ вопроса: кто же будетъ замѣщать въ приходѣ священника, когда онъ, исхлопотавъ себѣ отпускъ на путешествіе, оставитъ приходъ и уѣдетъ? Вѣдь нельзя же бросать, какъ бы на произволь судьбы, приходъ хотя бы и не на большой срокъ, а на недѣли три—четыре? Теперь, когда священнику случится выѣхать въ отпускъ на значительное время, обыкновенно

пользуются услугами сосѣднихъ священниковъ или іеромонаховъ, если вблизи есть монастырь. Но такой порядокъ имѣеть неудобства, на которыя сѣтуютъ и прихожане, и сами священники, и (почти всегда) настоятель монастыря, изъ котораго командировуются въ приходъ іеромонахи. Никакихъ жалобъ и сѣтованій ни отъ кого не будетъ слышно, если установится по церквамъ проектируемый порядокъ назначенія къ настоятелю *помощника*. Уѣзжая въ отпускъ, настоятель прихода, безъ всякихъ колебаній и опасеній, передаетъ дѣло младшему священнику, котораго онъ успѣлъ, конечно, узнать во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, какъ человѣка, на котораго вполне можно положиться, а самъ спокойно будетъ путешествовать и отдыхать. Ничто не воспрепятствуетъ, разумѣется, и младшему священнику воспользоваться отпускомъ въ ту или иную пору года, когда вернется изъ отпуска и дома будетъ старшій священникъ.

Въ защиту вторыхъ священниковъ въ „Калужскомъ Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ высказался на дняхъ священникъ Павелъ Спасскій ¹⁾. Ссылаясь на свою долготѣтную служебную практику, о. П. Спасскій съ разныхъ сторонъ разсматриваетъ вопросъ о вторыхъ священникахъ и находитъ, что въ помощь настоятелю прихода гораздо цѣлесообразнѣе назначать другого священника изъ молодыхъ, а не діакона. И эта нужда во вторыхъ священникахъ особенно ощутительна теперь въ приходахъ съ населеніемъ болѣе тысячи человѣкъ и при *разбросанности* селеній; но еще болѣе ощутительна будетъ нужда въ помощникѣ настоятелю, когда произойдетъ разбивка сель на хутора. И теперь одному священнику трудно удовлетворить духовныя, религіозныя нужды прихода, если онъ разбросанъ на нѣсколько верстъ. А что же будетъ потомъ, когда найдетъ себѣ осуществленіе проектъ хуторнаго хозяйства? Конечно, покойники долго будутъ стоять не отпѣтыми, служеніе молебновъ, акаѳистовъ и панихидъ

¹⁾ „О вторыхъ священникахъ“, К. Ц. О. В. № 6.

станеть рѣдкостью и, мало-помалу, послѣдуетъ полное охлажденіе къ храму у тѣхъ, кому рѣдко удается видѣть священника! Затѣмъ—*школьное дѣло*. „Школьная сѣть“ годъ отъ году развивается и будетъ еще больше развиваться. Теперь въ нѣкоторыхъ приходяхъ Калужской епархіи, которую больше другихъ епархій знаетъ о. П. Спасскій, есть по три школы въ разныхъ поселкахъ, разстояніемъ одинъ отъ другого на четыре, шесть и болѣе верстъ. Одному священнику нѣтъ физической возможности посѣтить состоящія въ его приходѣ школы хоть однажды въ недѣлю при многочисленности требъ, при непогодѣ и распутицѣ. Можно ли ожидать сильнаго и прочнаго пастырскаго воздѣйствія на школу, когда священникъ оказывается въ ней теперь рѣдкимъ гостемъ, который, зайдя въ школу, уже начинаетъ посматривать на часы и спѣшить, чтобы не опоздать къ ожидающимъ его прихожанамъ съ требою?

Мы не будемъ передавать указаній о. П. Спасскаго на необходимость помощника въ случаѣ *болѣзни* настоятеля прихода и при хожденіи по приходу въ праздничные дни. Остановимся на признаніи автора, что надежный помощникъ настоятелю прихода особенно нуженъ въ наши лукавые дни, когда и въ деревнѣ среди крестьянъ развивается суемудріе и замѣчается шатаніе умовъ. Священнику приходится вести теперь энергическую борьбу съ проповѣдниками новой вѣры и новаго строя жизни. Въ комъ онъ прежде всего и ближе всего встрѣтитъ сочувствіе, поддержку, ободреніе и братскій совѣтъ? Конечно, въ своемъ сотрудникѣ, если бы таковой оказался у него, молодомъ священникѣ, принесшемъ изъ школы новыя средства и новыя оружія для борьбы съ врагами Церкви и государства, одушевленномъ пыломъ юности къ этой священной и идейной борьбѣ и готовомъ всегда явиться на подмогу своему старшему собрату.

О. П. Спасскій заканчиваетъ свою статью сожалѣніемъ, что различныя обстоятельства заставляютъ окончившимъ курсъ семинаріи молодыхъ людей занимать шаткія и подчасъ не-

благодарныя должности сельскихъ учителей. Они по напрасну теряютъ золотое время молодости! Сколько бы пользы принесли они и себѣ и Церкви, если бы для нихъ были открыты вакансіи вторыхъ священниковъ, и они были бы опредѣляемы на эти вакансіи сейчасъ же по окончаніи семинарскаго курса.

Къ голосу о. П. Спасскаго слѣдуетъ прислушаться, какъ къ голосу практика: высказываемыя имъ мысли внушены не теоріей, а опытомъ дѣйствительной жизни.

Н. Пальмовъ.

Изъ епархіальной жизни.

Участіе приходскаго духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кредита. (Епархіальныя вѣдомости: Гродненскія, Кишиневскія, Пензенскія, Полоцкія, Самарскія, Тверскія, Черниговскія).

Въ настоящее время вездѣ среди духовенства возрастаетъ интересъ къ дѣлу помощи своимъ пасомымъ путемъ удешевленія кредита чрезъ открытіе кредитныхъ товариществъ.

Крестьянское хозяйство почти повсюду находится въ состояніи полного упадка. Одной изъ главныхъ причинъ паденія крестьянскаго хозяйства является отсутствіе доступнаго сельско-хозяйственнаго кредита. Потребность въ кредитѣ ощущаютъ по временамъ всѣ, ведущіе хозяйство, предпріятіе или промыселъ. И богатые, и бѣдные одинаково нуждаются въ кредитѣ; но способы удовлетворенія этой потребности у тѣхъ и другихъ не одинаковы. Ищущій крупнаго кредита всегда можетъ получить таковой за сравнительно небольшіе проценты изъ отдѣленій Государственнаго Банка, тогда какъ нуждающійся въ мелкомъ кредитѣ, т. е. въ ссудѣ въ нѣсколько десятковъ рублей, можетъ удовлетворить свою нужду въ деньгахъ почти исключительно посредствомъ займа у частныхъ достаточныхъ лицъ. Всѣмъ извѣстно, насколько тяжелъ этотъ источникъ для заемщика. И однако, не смотря

на всю тяжесть этого кредита, известнаго въ крестьянской средѣ въ восточныхъ и среднихъ губерніяхъ подѣ именемъ „кулаческаго“, — безысходная нужда, по случаю разоренія отдѣльной семьи или вслѣдствіе раздѣла, или смерти работника, убыли въ хозяйствѣ и т. п., — часто гонить крестьянина-земледѣльца или мелкаго ремесленника къ ростовщику, у котораго онъ и получаетъ необходимую сумму за высокіе проценты. Въ восточныхъ губерніяхъ такимъ ростовщикомъ является „кулакъ“, въ югозападныхъ — еврей. И въ послѣднихъ особенно тяжело положеніе крестьянъ. Очень рѣдко здѣсь найдешь деревню, гдѣ нѣтъ такого еврея ростовщика, а не рѣдкость встрѣтить деревню, гдѣ половина хозяевъ за-кабалена еврею. Нужда гонить человѣка занять денегъ, а разъ онъ уже задолжалъ, то развѣ исключительный какой случай дастъ ему возможность выпутаться, не разорившись вконецъ. Немыслимо, чтобы человѣкъ живущій отъ земли, смогъ платить на затраченный въ хозяйство, а тѣмъ болѣе на свое прокормленіе, капиталъ до 50 и 100% годовыхъ. Пока хозяинъ тянетъ, исправно платитъ %/0/0, его не беспокоятъ, а чуть дѣла пошатнулись, ростовщикъ не медлитъ, взыскиваетъ и, конечно, разоряетъ человѣка вконецъ. Больно видѣть такую безпомощность крестьянина безъ дешеваго кредита. Трудится человѣкъ, потомъ своимъ поливаетъ землю, дастъ она ему хлѣбъ на пропитаніе, а приходятъ другіе, не оравшіе, не сѣявшіе, и забираютъ въ житницы своя. Какъ птицы небесныя, живутъ ростовщики, только птицы-то хищныя... Живутъ припѣваючи, а рядомъ несчастный крестьянинъ и голодаеть и холодаеть, вся семья ходитъ въ отрепьяхъ, въ праздникъ Божій и въ храмъ показаться стыдно, а босымъ дѣтишкамъ не до школы. А поддержки человѣка въ трудную минуту, и стоялъ бы онъ, перебивался кое-какъ, а то упадетъ, силится подняться, а его еще сильнѣе придавливаютъ. И упадетъ человѣкъ, и лежитъ уже и не силится подняться, какъ обезсиленная лошадь; для него

все безразлично, онъ уже не чувствителенъ ко всякимъ ударамъ судьбы, запросовъ духа не существуетъ.

Частный кредитъ въ результатъ очень часто оказывается мертвою петлей для нуждающихся крестьянъ. Покупка скота, часто погибающаго отъ періодическихъ эпидемій, приобрѣтеніе сельско-хозяйственныхъ орудій—всѣ эти насущныя нужды крестьянства въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ могутъ быть удовлетворены только при существованіи доступнаго мелкаго кредита. Трудно перечислить всѣ стороны въ крестьянскомъ хозяйствѣ, неудовлетворительное состояніе которыхъ объясняется почти исключительно отсутствіемъ своевременнаго, вполне доступнаго для крестьянина, кредита. Учрежденія мелкаго кредита и могутъ оказать незамѣнимую услугу въ дѣлѣ развитія народнаго благосостоянія. На нихъ и надлежитъ обратить серіозное вниманіе. Существуетъ нѣсколько такихъ учрежденій мелкаго кредита, но наиболѣе примѣнимымъ въ крестьянскомъ быту являются такъ называемыя кредитныя товарищества. Эти товарищества основаны на взаимной отвѣтственности членовъ, причемъ каждый изъ членовъ гарантируетъ извѣстную сумму. Основной капиталъ обыкновенно получается изъ государственныхъ средствъ, благотворительныхъ учрежденій и отъ сочувствующихъ частныхъ лицъ. По положенію 1905 г. (ст. 8—18) учрежденія мелкаго кредита прежде всего выдаютъ ссуды на а) оборотныя средства, напр., на покупку сѣмянъ, б) на приобрѣтеніе инвентаря, какъ-то: на покупку лошади, плуга и пр. и в) на хозяйственныя улучшенія, какъ, напр., на рытье колодца, канала и т. п. Второй важной операціей, дозволяемой закономъ учрежденіямъ мелкаго кредита, является посредническая операція—главнымъ образомъ, покупка своимъ членамъ необходимыхъ для хозяйства предметовъ и продажа произведеній труда. Наконецъ, имѣются еще двѣ важныя операціи, которыя разрѣшаются мелкимъ кредитнымъ учрежденіямъ,—это приѣмъ денежныхъ вкладовъ и заключеніе займовъ.

Громадное значеніе мелкаго кредита въ хозяйственной жизни страны будетъ понятно, если обратить вниманіе на то, что наше отечество есть страна по преимуществу мелкихъ хозяйствъ, въ сферѣ ремесль и особенно земледѣлія, которыя не могутъ обойтись безъ кредита. Учрежденія мелкаго кредита и удовлетворяютъ этой насущной потребности въ дешевомъ кредитѣ и тѣмъ въ значительной степени устраняютъ ростовщичество. Воспользовавшись этимъ кредитомъ, многія мелкія хозяйства благополучно выдержали бы различныя потрясенія и спаслись отъ разоренія. Лежація въ основѣ кредитныхъ организацій товарищескія начала, т. е. начала взаимной отвѣтственности и довѣрія, вносятъ здоровыя воспитывающія начала въ общественную жизнь. Кромѣ того, всѣ учрежденія мелкаго кредита, несомнѣнно, способствуютъ поднятію хозяйственнаго и вообще матеріальнаго благосостоянія крестьянина. Цѣли кредитныхъ товариществъ высоки и основаны всецѣло на искреннемъ желаніи помочь и доставить доступный кредитъ нуждающемуся населенію; кромѣ прямыхъ своихъ цѣлей, кредитныя товарищества преслѣдуютъ и косвенныя цѣли, какъ, напр., борьбу съ кулачествомъ, міроѣдствомъ, которыя свили себѣ прочное гнѣздо въ деревнѣ и являются язвой на тѣлѣ народа.

Къ сожалѣнію, многіе изъ крестьянъ не знаютъ даже о существованіи мелкаго кредита. Другіе знаютъ, но не умѣютъ взяться за организацію у себя сего учрежденія. Есть, можетъ быть, и такіе, у которыхъ оно уже организовано, но не идетъ на ладъ по неумѣлому веденію дѣла. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нужны интеллигентныя силы въ деревнѣ, которыя могли бы наладить это симпатичное дѣло. И такія интеллигентныя силы есть въ каждой, даже глухой, мѣстности—это мѣстное духовенство. При некультурности народа сельское духовенство представляетъ наиболѣе значительный и наиболѣе постоянный интеллигентный элементъ деревни. Никому такъ близко не знакома вопіющая нужда нашего крестьянина, какъ духовенству, и, прислушиваясь къ голосу

крестьянъ, не трудно понять, что ему нужны такіе пастыри, которые, кромѣ духовнаго руководства, близко вошли бы въ ихъ обыденныя нужды, раздѣляли бы съ ними и горе и радость. Просвѣщеніе народа и воспитаніе его религіознаго сознанія должны идти рядомъ съ стремленіемъ улучшить экономическій бытъ народа. При настоящей нуждѣ и полной необезпеченности нашъ крестьянинъ далекъ и отъ духовнаго совершенствованія.

Матеріальное обезпеченіе деревни подниметъ и ея нравственный уровень. Питая крестьянъ духовной и нравственной пищей, духовенство въ то же время должно указать имъ способъ, какъ удовлетворить ихъ тѣлесный голодъ, потому что чѣмъ меньше крестьянинъ будетъ думать о насущномъ кускѣ хлѣба, тѣмъ больше онъ будетъ чувствовать нужду въ пищѣ духовной. Отсюда, принимать участіе въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго благосостоянія крестьянъ—въ интересахъ самого духовенства. Помогая крестьянину устроиться въ матеріальномъ отношеніи, духовенство создаетъ себѣ почву для достиженія главной цѣли своего служенія—религіозно-нравственнаго воспитанія народа.

Уставы кредитныхъ товариществъ, утвержденные Министромъ финансовъ 14 сентября 1905 года, были измѣнены послѣдующими разъясненіями въ томъ смыслѣ, что духовенство, не имѣвшее ранѣе права на какое-либо участіе въ кредитныхъ учрежденіяхъ, нынѣ призывается къ роли руководителей и учредителей оныхъ, а 15 января 1909 года состоялось и постановленіе Святѣйшаго Синода, разрѣшающее духовенству участіе въ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Это обращеніе правительства къ духовенству обязываетъ пастырей не оставить это благое начинаніе безъ ревностной поддержки. Какимъ же образомъ духовенство должно придти на помощь въ этомъ дѣлѣ?—Прежде всего распространеніемъ свѣдѣній объ учрежденіяхъ мелкаго кредита и сущности производимыхъ ими операций съ тою цѣлью, чтобы прихожане не смущались принимать участіе въ кредитныхъ товарище-

ствахъ и не слушались ростовщиковъ и другихъ злонамѣренныхъ лицъ, въ своекорыстныхъ видахъ могущихъ распространять мысли, противныя симъ учрежденіямъ. Затѣмъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ учрежденій мелкаго кредита, духовенство, въ лицѣ кого-либо изъ членовъ причта, можетъ принять на себя и инициативу въ организациі кредитнаго товарищества. Свѣдѣнія о томъ, какъ организовать послѣднее, можно получить изъ Губернскаго Комитета по дѣламъ мелкаго кредита, при отдѣленіи Государственнаго Банка, откуда можно получить и образцовый уставъ, и самую форму прошенія, и всякія вообще свѣдѣнія, относящіяся къ этому дѣлу. Далѣе, для развитія уже существующихъ кредитныхъ учрежденій весьма важно также участіе духовенства въ качествѣ руководителей дѣла. Конечно, не приличествуетъ священнику стоять у кассы съ деньгами и распоряжаться выдачею и взысканіемъ капитала—не одно простое сердце прихожанина соблазнилось бы этимъ обстоятельствомъ,—но онъ все же можетъ быть душою дѣла, участвуя въ немъ въ качествѣ члена повѣрочнаго совѣта и непосредственно входя во всѣ обстоятельства. Близко стоя къ товариществу, священникъ не будетъ давать проникать въ него духу кривды людской, а станетъ вносить въ него духъ истинной христіанской взаимопомощи и любви къ меньшей братіи, забитой, загнанной условіями современной жизни. Священнику же извѣстны и нравственныя качества прихожанъ—участниковъ товарищества. Отсюда въ опредѣленіи кредитоспособности членовъ товарищества священникъ является незамѣнимымъ человѣкомъ. Кромѣ того, по опыту уже извѣстно, что вклады поступаютъ въ товарищество не вслѣдствіе довѣрія вкладчиковъ къ прочной постановкѣ дѣла, а послѣдніе скорѣе довѣряются лицамъ, которыя стоятъ во главѣ учрежденія. Когда священникъ близко соприкасается съ товариществомъ, это сразу придаетъ послѣднему солидность, и въ такое товарищество крестьяне безъ страха понесутъ свои сбереженія для вклада.

Итакъ, близость духовенства къ приходу, а также знаніе духовенствомъ крестьянской жизни волей-неволей ставитъ въ роль руководителя всякаго симпатичнаго и полезнаго для прихода учрежденія, въ томъ числѣ и учрежденій мелкаго кредита, и участіе духовенства въ управленіи товарищескихъ учрежденій мелкаго кредита должно считаться необходимымъ условіемъ какъ для самаго существованія товарищества, такъ и для успѣшнаго развитія его дѣятельности. Дѣло коопераціи въ деревнѣ—дѣло жизненное, ему предстоитъ широкая будущность и у насъ въ Россіи, если духовенство приметъ въ немъ близкое участіе, примѣры этому—Голландія, Бельгія, Данія и даже Германія. Тамъ духовенство принимаетъ въ дѣлѣ кооперацій широкое участіе и тамъ же духовенство изъ всѣхъ европейскихъ государствъ пользуется и наибольшимъ авторитетомъ не только среди населенія, но и въ дѣлахъ правленія. По сообщеніямъ, многіе епархіальныя сѣзды обсуждали вопросъ объ участіи духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и всѣ они высказались въ положительномъ смыслѣ. Нужно надѣяться, что духовенство, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не останется равнодушнымъ къ новому дѣлу и поведетъ энергично работу на этой почвѣ.

Конечно, на первыхъ порахъ придется понести не малый трудъ, пока удастся направить дѣло, къ тому же въ началѣ своей работы духовенству придется натолкнуться и на препятствія. Эти препятствія могутъ исходить какъ изъ косности и темноты народа, такъ и изъ всякихъ противодѣйствій со стороны сельскихъ кулаковъ. Но, разумѣется, эти препятствія не таковы, чтобы ихъ нельзя было преодолѣть. При нѣкоторомъ усилии всегда возможно организовать дѣло.

Могутъ быть еще и принципиальныя возраженія противъ участія священниковъ въ дѣлѣ учрежденія мелкаго кредита. Ихъ ли дѣло заниматься кредитными товариществами? Не опорочивается ли этимъ званіе священническое? Въдѣ область дѣятельности ихъ—молитва? Подобныя мысли тѣмъ болѣе могутъ угнетать, что онѣ уже находятъ себѣ поддержку въ со-

временной печати, гдѣ на ряду съ укоризнами духовенству въ бездѣятельности раздаются нападки на тѣхъ лицъ изъ духовенства, которыя свою дѣятельность направили на развитіе всевозможныхъ кооперативныхъ учреждений. Да и помимо печати, вѣроятно, нерѣдко будетъ слышать и лично, съ развитіемъ этихъ учреждений, не только укоризны, но и злостныя насмѣшки; и у многихъ волею-неволею поколеблется рѣшимость начать или продолжать начатое дѣло, потускнѣетъ надежда этимъ путемъ принести существенную пользу своимъ прихожанамъ. Но не должно смущаться и этимъ. Хотя апостолы и сказали: „мы въ молитвѣ и служеніи Слова пребудемъ“, но сказали они это тогда, когда благотворительная сторона жизни церковной была обезпечена учрежденіемъ діаконата. А у насъ какая же существуетъ благотворительность?.. По поводу вышеупомянутыхъ нападокъ на духовенство волынскіе пастыри обратились къ нападавшимъ съ воззваніемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорятъ: „ставъ за царство Христово, мы желаемъ и должны заботиться, чтобы начало правды, любви, взаимной помощи, принесенныя Христомъ на землю, проникли во всѣ самыя отдаленныя, самыя темныя и даже скареныя стороны жизни общественной и государственной, чтобы свѣтъ Христовъ насквозь пронзилъ и освѣтилъ и торговлю, и суды, и банки, и всякія предпріятія въ нашемъ православномъ царствѣ, у нашего крещеннаго народа. Такъ, отцы сопастыри, поставивъ себя предъ Богомъ, рѣшили мы противъ всей клеветы, осужденій и насмѣшекъ въ совѣсти своей: это нашъ долгъ стоять за дѣло Божіе, за царство Христово противъ возстающихъ полчищъ сатаны, стараться распространить это царство, пронизать началами христіанства всѣ области жизни. Это наше прямое дѣло—прійти на помощь родному народу и никакую нужную для уврачеванія и помощи несчастному работу не считать унижительною для своего священническаго сана“. Так. обр., по мнѣнію волынскихъ пастырей, никакая работа для священнаго сана не унижительна, если есть только возможность оказать по-

мощь народу; всѣ мірскія учрежденія, всѣ стороны общественной и государственной жизни—все должно быть пронизано свѣтомъ Христовымъ. Съ этой точки зрѣнія, священнику не только можно участвовать въ кооперативныхъ организаціяхъ, но онъ даже обязанъ участвовать, чтобы дать здоровое направленіе подобнымъ учрежденіямъ, чтобы сообщить имъ христіанскій характеръ. Ничего не можетъ быть предосудительнаго въ томъ, если священникъ сорганизуетъ правильное кредитное учрежденіе, чтобы своевременно оказаною помощью нуждающемуся избавить его или отъ разоренія, или отъ кабалы лихого человѣка, къ которому пришлось бы бѣдняку обратиться за помощью. Если повсемѣстно откроются братства и подъ руководствомъ священника свою дѣятельность направятъ на улучшеніе внѣшняго благосостоянія народа, то священникъ, какъ организаторъ или руководитель, не погрѣшитъ, не унизитъ своего сана, а напротивъ, окажется на высотѣ своего призванія. *Р.*

Мои воспоминанія.

Въ Академіи.

Съ Кіевскою духовною Академіею я связанъ неразрывными узами. Ей посвящена почти вся долготѣнная жизнь моя, отъ юности до глубокой старости. Болѣе полувѣка я провелъ въ ней, сначала студентомъ, потомъ долгіе годы наставникомъ. Состоя наставникомъ въ Академіи, я принималъ живое и дѣятельное участіе во всемъ, что предпринимала и переживала Академія. За такой длинный періодъ у меня сохранилось множество воспоминаній о всемъ, видѣнномъ мною въ Академіи и лично испытанномъ мною, и я подавляюсь обиліемъ этихъ воспоминаній, слѣдящихъ за безпредѣльною вереницею событій, раскрывавшихся предо мною. Хотѣлось бы все рассказать, но, пожалуй, не достанетъ мнѣ

времени довести до конца трудно обозримую нить событій, если я подробно стану говорить о всемъ, что удержалось въ хранилищѣ моей памяти.

Академіи я преданъ былъ всею душою, и не могъ мыслить себя внѣ Академіи. Меня не соблазняли нѣкоторыя приглашенія, дѣлаемая мнѣ, поступить на новое поприще, обѣщавшее болѣе матеріальныхъ выгодъ, чѣмъ сколько давала Академія. Мнѣ больно было разстаться съ Академіею, съ которою сжился я, и которая была для меня какъ бы роднымъ домомъ. Любовь и преданность Академіи, о которой нелицемѣрно я могу свидѣтельствовать нынѣ, не можетъ не вліять на тонъ и характеръ моихъ разсказовъ о ея жизни и ея дѣятеляхъ. Но я постараюсь, сколько возможно быть объективнымъ и вездѣ соблюдать безпристрастіе.

Можетъ быть, въ моихъ воспоминаніяхъ окажется нѣчто, не точно воспроизводимое и несогласное съ воспоминаніями другихъ. На разныхъ людей одни и тѣже событія и дѣйствія производятъ не одинаковое впечатлѣніе, и объ одномъ и томъ же предметѣ допустимы различныя сужденія. Но я буду говорить то, что будетъ диктовать мнѣ моя совѣсть, и противъ совѣсти я никого не буду ни хвалить, ни осуждать.

Студенческіе годы (1851—1855).

Первѣе всего предметомъ моихъ воспоминаній объ академической жизни будутъ мои студенческіе годы (1851—1855). Давно минули они; болѣе пятидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Естественно, что многое изъ пережитковъ того времени потускнѣло въ моей памяти. Но когда я пристальнымъ вниманіемъ склоняюсь къ старымъ годамъ, изъ темной дали прошедшаго, заслоненной разнообразными и безчисленными наслоеніями протекшихъ лѣтъ, выплываютъ наружу и оживаютъ въ моемъ воспоминаніи многіе факты и явленія, которыя, среди разсѣянія жизни, полуприкрыты были забвеніемъ.

Первый день въ Кіевѣ.

Начну разсказъ свой съ перваго дня своего прибытія въ Академію, и буду передавать все, что подсказываетъ мнѣ моя память.

Я уже говорилъ, что я прибылъ въ Кіевъ 14 августа 1851 года, на разсвѣтѣ, и вступилъ въ Академію, когда въ ней всѣ еще мирно почивали. Отдохнувши нѣсколько въ указанномъ намъ номерѣ, и переодѣвшись, мы съ Сперанскимъ, вмѣстѣ со мною пріѣхавшимъ изъ Владиміра, отправились съ верхняго этажа академическаго корпуса, гдѣ былъ указанный намъ номеръ, въ нижніе этажи, чтобы искать моего брата, уже перешедшаго въ старшій курсъ. На среднемъ корридорѣ намъ попадаетъ инспекторъ архимандритъ Даниилъ. Увидя незнакомыхъ студентовъ, онъ спрашиваетъ насъ, кто мы такіе. Мы назвали ему свои фамиліи, и сказали, что мы присланы въ Академію изъ Владимірской семинаріи. Вамъ слѣдовало явиться прежде всего къ инспектору, замѣчаетъ онъ. Мы только что пріѣхали, отвѣчаемъ мы на это замѣчаніе, и думали незамедлительно сдѣлать это. Спустившись на нижній этажъ, мы нашли тамъ брата, и онъ сдѣлался тотчасъ же нашимъ руководителемъ. Послѣ представленія инспектору Академіи, братъ представилъ насъ профессору Дмитрію Васильевичу Поспѣхову, нашему земляку, съ братомъ котораго мы пріѣхали въ Кіевъ, который уже поселился въ его квартирѣ. Д. В. Поспѣховъ жилъ тогда въ академическомъ корпусѣ, и имѣлъ казенную квартиру на томъ же среднемъ этажѣ корпуса, на которомъ была квартира и инспектора.

Не успѣли мы хорошенько ознакомиться съ Академіею, какъ братъ повелъ насъ въ Михайловскій монастырь, для представленія преосвященному Аполлинарію, викарію кievской митрополіи, тоже нашему земляку. Преосвященный Аполлинарій принялъ насъ въ высшей степени милостиво. Поговоривъ съ нами минутъ двадцать, онъ между прочимъ

совѣтоваль намъ вечеромъ отправиться въ лавру на торжественную всенощную, по случаю храмового праздника Успенія Божіей Матери въ Кієво-Печерской лаврѣ. „Другіе (говорилъ онъ) изъ-за тысячи верстъ нарочито приходятъ въ Кієвъ, чтобы помолиться въ лаврѣ въ этотъ день. А вамъ, прибывшимъ въ Кієвъ къ этому дню для другой цѣли, пожалуй, совѣстно не воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и не побывать на великой успенской всенощной службѣ, совершаемой съ рѣдкимъ торжествомъ, и привлекающей къ себѣ толпы вѣрующихъ не изъ кієвлянъ только, но и изъ далекихъ странъ“.

Мы послѣдовали совѣту преосвященнаго Аполлинарія, — вечеромъ отправились въ лавру и помолились тамъ въ великой церкви во время всенощной. Но всей всенощной мы не могли выстоять до конца. Въ церкви было большое стеченіе народа, и тяжело было стоять при большой тѣсотѣ и духотѣ. Къ тому же мы были очень утомлены путешествіемъ. Въ дорогѣ послѣднія ночи мы проводили безъ сна, трясаясь на перекладныхъ, и отдыха не имѣли. Но все-таки имѣли силы простоять болѣе половины всенощной, и возвратились въ Академію въ двѣнадцатомъ часу ночи.

О преосвященномъ Аполлинаріи, бывшемъ викаріѣ кієвскомъ¹⁾, всѣ владимірцы, учившіеся въ Кієвской Академіи, хранили, а живущіе донинѣ и теперь хранятъ самую добрую и благодарную память. Онъ въ высшей степени былъ внимателенъ къ студентамъ-землякамъ, и принималъ насъ, какъ родныхъ. Въ годъ моего поступленія въ Академію, окончилъ курсъ въ Кієвской Академіи его родной племянникъ Добровольскій. Но въ своемъ милостиво-добромъ отношеніи къ намъ онъ не дѣлалъ различія между своимъ племянникомъ и другими земляками: всѣхъ принималъ онъ одинаково. Мы являлись къ нему въ большіе праздники, — на Пасху, на Рождество Христово, въ день его именинъ; являлись къ нему

¹⁾ Скончался въ январѣ 1858 года.

и въ другіе простые воскресные дни, согласившись между собою. Всегда привѣтливо принималъ онъ насъ,—поговорить съ нами о нашихъ академическихъ дѣлахъ и занятіяхъ, о нашей далекой родинѣ и т. под., а потомъ поручаетъ насъ своему келейнику Ивану Павловичу, который впоследствии, по принятіи монашества съ именемъ Алексія былъ намѣстникомъ Михайловскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы онъ угостилъ насъ; безъ угощенія чаемъ, а иногда и фруктами, онъ никогда не отпускалъ насъ. Въ большіе праздники онъ чрезъ келейника передавалъ намъ и щедрый денежный подарокъ. Большею частію мы получали отъ него въ праздники по десяти рублей на всѣхъ земляковъ. А насъ было въ 1851—53 годахъ пять человекъ, а въ 1853—55 гг. только трое. Какъ цѣненъ для насъ былъ этотъ подарокъ, это можно заключить изъ того, что всѣ мы были люди бѣдные, не могущіе рассчитывать на присылку намъ щедраго пособия изъ родины. Академія между тѣмъ не вполне удовлетворяла наши матеріальныя нужды. Въ наше время намъ студентамъ не давали ни чаю, ни сахару. А кто хотѣлъ пить чай, тотъ на свои деньги долженъ былъ покупать и чай и сахаръ. Зналъ это преосвященный Аполлинарій, и именно на эту потребность онъ давалъ намъ свой щедрый праздничный подарокъ.—Въ саду Михайловскаго монастыря, примыкавшемъ къ настоятельскому архіерейскому дому, въ прежнее время было очень много плодовыхъ деревьевъ,—яблонь, грушъ, а главнымъ образомъ морелей (много изъ этихъ деревьевъ порубилъ преосвященный Порфирій (Успенскій) въ шестидесятихъ годахъ). Преосвященный Аполлинарій нерѣдко приглашалъ насъ полакомиться плодами его сада. И мы лѣтомъ не одинъ разъ являлись къ нему, и, побесѣдовавъ съ нами, онъ посылалъ насъ въ свой садъ, гдѣ мы, съ его разрѣшенія, лакомились прекрасными морелями.

Приемные экзамены.

Первое дѣло, которое насъ ожидало въ Академіи, и къ которому первѣе всего мы должны были приступить по прибытіи въ Академію,—приемные экзамены. Приемные экзамены въ Академіи въ старыя годы были строже, по крайней мѣрѣ сложнѣе, чѣмъ нынѣ. Нынѣ поступающихъ въ Академію подвергаютъ испытанію только по пяти предметамъ. А насъ экзаменовали по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, желая ознакомиться, насколько мы усвоили каждую изъ наукъ, числившихся въ семинарской программѣ. Только мы, одноклассники, присланные изъ семинарій московскаго и казанскаго округа, не окончившіе полнаго семинарскаго курса, освобождались отъ экзамена по тѣмъ предметамъ, которые преподаются на второмъ году въ богословскомъ классѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, пріѣхавшихъ въ Академію, очень боялись вступительныхъ экзаменовъ,—боялись потому, что въ случаѣ неудовлетворительной сдачи ихъ, ихъ могли не принять въ Академію и отослать назадъ. А это считалось большимъ конфузомъ: отосланнымъ изъ Академіи назадъ стыдно было показаться на родинѣ на глаза своихъ товарищей и наставниковъ. Орловскіе студенты, которыхъ пріѣзжало въ Академію шесть человекъ,—четыре по назначенію и два волонтера, рассказывали, что одинъ изъ нихъ во всю дорогу не выпускалъ изъ рукъ семинарскихъ тетрадей, даже сидя на перекладной; такъ усердно готовился онъ къ строгому экзамену, котораго онъ не надѣялся выдержать успѣшно. И когда въ дорогѣ случайно встрѣчались орловцы съ студентами другихъ семинарій, ѣдущими въ Академію, онъ просилъ своихъ товарищей не разговаривать съ ними: а то придутъ они (говорилъ онъ), станутъ распространяться о томъ и другомъ и отнимутъ время, которое онъ безраздѣльно желалъ употребить на приготовленіе къ экзамену. Но мы, владимірцы, не обнаруживали никакой боязни по отношенію къ приемному экзамену и бодро шли на него: надѣялись, что у

насъ найдется отвѣтъ на всякій вопросъ экзаменатора, если не отличный, то болѣе или менѣе удовлетворительный. Не бѣда, думали мы, если по какому-либо неважному предмету придется сплеховать немного. Эту нашу бодрость ставили въ примѣръ другимъ, съ излишнею робостію смотрѣвшимъ на предстоящіе экзамены.

О самомъ производствѣ пріемныхъ испытаній у меня не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Буду рассказывать только то, что удержалось въ моей памяти, и напередъ извиняюсь, что мои воспоминанія будутъ имѣть неполный отрывочный характеръ.

Прежде устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, мы должны были написать два сочиненія: одно на русскомъ, а другое на латинскомъ языкѣ. Для составленія этихъ сочиненій мы собраны были въ одну изъ аудиторій, и для каждаго сочиненія назначены были утренніе часы, отъ девяти часовъ утра до часу или двухъ по полудни. Въ аудиторіи присутствовалъ одинъ изъ наставниковъ, которому написавшіе должны были представлять свое сочиненіе. Для русскаго сочиненія дана была тема: *идѣже духъ Господень, ту свобода*. А о чемъ мы писали латинское сочиненіе, не помню. Нѣкоторые изъ студентовъ очень скоро справлялись съ сочиненіемъ. Въ этомъ отношеніи насъ всѣхъ удивилъ поспѣшною подачею сочиненія одинъ нашъ товарищъ, донинѣ здравствующій, Теофанъ Леонтьевичъ Доброленскій, присланный изъ Черниговской семинаріи. Большинство изъ насъ не успѣли вникнуть въ суть вопроса и не брались за перо, а онъ встаетъ и подаетъ рукопись, имъ изготовленную, присутствующему въ аудиторіи наставнику, и затѣмъ выходитъ изъ класса, оставляя во многихъ изумленіе, какъ это онъ въ какіе-либо полчаса или часъ успѣлъ написать сочиненіе. Такъ было въ оба раза, когда мы писали экзаменскія сочиненія.

Для устныхъ испытаній мы раздѣлены были на пять отдѣленій, по числу экзаменаціонныхъ комиссій. Три комис-

си засѣдали въ трехъ аудиторіяхъ, одна четвертая въ библиотекѣ, пятая въ физическомъ кабинетѣ. Списки подвергавшихся испытанію составлены были не въ алфавитномъ порядкѣ, но въ порядкѣ семинарій, такъ что всѣ, явившіеся изъ одной семинаріи, напримѣръ, изъ орловской или воронежской, стояли въ списокѣ рядомъ, и всѣ вмѣстѣ, при сдачѣ экзамена, переходили изъ одной экзаменаціонной комиссіи въ другую. Это (какъ замѣчали) сдѣлано въ томъ расчетѣ, что при совмѣстномъ испытаніи воспитанниковъ одной семинаріи получается болѣе цѣльное представленіе о ходѣ образованія въ семинаріи и направленіи и развитіи учащихся, чѣмъ когда они подвергаются испытанію вразбивку, при алфавитномъ списокѣ вызываемыхъ къ отвѣтамъ на экзаменѣ. Мы, одноклассники, прибывшіе изъ семинарій московскаго и казанскаго округа, соединены были вмѣстѣ и въ списокѣ составляли послѣднее пятое отдѣленіе. Насъ сравнительно было мало. А изъ иныхъ семинарій, напримѣръ, полтавской, орловской, воронежской, кievской, подвергалось испытанію шесть, семь человекъ.

Нынѣ, на приѣмныхъ испытаніяхъ, студенты, являясь на экзамены въ ту или другую комиссію, отвѣчаютъ только по одному предмету, и если наканунѣ готовятся къ испытанію, то по одному извѣстному предмету, по которому экзаменуютъ члены извѣстной испытательной комиссіи, наприм., по Священному Писанію ветхаго и новаго завѣта, по церковной исторіи и т. под. А въ наше время въ каждой комиссіи экзаменовали по нѣсколькимъ предметамъ разомъ. Вызванный студентъ даетъ отвѣтъ на данный вопросъ, напримѣръ, изъ догматическаго богословія, затѣмъ, не отходя отъ стола, за которымъ сидятъ экзаменующіе, онъ долженъ отвѣчать по нравственному богословію, потомъ по обличительному, по Священному Писанію. Или на историческомъ отдѣленіи спрашивали сначала экзаменующихся по общей гражданской исторіи, по исторіи Церкви... Передышки или отдохновенія между отвѣтами по предметамъ извѣстнаго от-

дѣленія не давали экзаменующимся: разомъ, не останавливаясь, онъ долженъ былъ пройти по всѣмъ мытарствамъ, лишь только назоветъ его предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи.

Экзаменовали насъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, но не всѣ предметы считались одинаково важными, какъ въ глазахъ экзаменующихся, такъ и въ глазахъ экзаменаторовъ. Мы думали, что по нѣкоторымъ предметамъ, считавшимся въ семинаріяхъ побочными, можно получить за отвѣтъ и не совсѣмъ хорошія отмѣтки, и это не помѣшаетъ поступленію въ Академію, если кто хорошо напишетъ сочиненіе, и дастъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты по главнымъ предметамъ. И конференція при приѣмѣ студентовъ дѣйствительно руководилась такимъ принципомъ: неудовлетворительныя отмѣтки по какимъ-либо не важнымъ предметамъ совершенно покрывались хорошими баллами на сочиненіяхъ и по болѣе важнымъ предметамъ.

Главнымъ предметомъ, и въ семинаріяхъ и въ академіяхъ, считалось догматическое богословіе, и по этому предмету болѣе всего готовились студенты и желали получить хорошую отмѣтку. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы относились къ этому предмету, что экзаменующимъ по нему былъ самъ ректоръ архимандритъ Антоній, незадолго до нашего поступленія въ Академію, переведенный въ нее изъ ректоровъ Кіевской семинаріи. А когда онъ былъ въ семинаріи, молва о немъ была, что онъ человѣкъ очень строгій и экзаменаторъ требовательный, въ особенности по отношенію къ знанію текстовъ Писанія, подтверждающихъ ту или другую догматическую истину. Но въ дѣйствительности на экзаменѣ онъ вовсе не оказался такимъ строгимъ, какимъ мы его представляли, и экзамены по этому главному предмету сошли вполнѣ благополучно, и, кажется, ни у кого изъ экзаменующихся не было неудовлетворительной отмѣтки. Учебною книгою по этому предмету было „Догматическое богословіе православной восточной католической Церкви“, состав-

вленное самимъ архимандритомъ Антоніемъ, незадолго предъ нашимъ экзаменомъ введенное въ употребленіе въ семинаріяхъ, по предписанію духовно-учебнаго Управленія, и авторъ этой книги не безъ удовольствія могъ замѣтить на экзаменѣ, какъ хорошо ученики-семинаристы по его руководству усвоили себѣ ученіе святой православной вѣры.

Частностей экзаменаціоннаго производства мало удержалось въ моей памяти. Я не могу точно припомнить, о чемъ мнѣ приходилось отвѣчать по большинству предметовъ: хорошо помню только вотъ что: по логикѣ или методологіи мнѣ дали вопросъ объ опредѣленіи, и я далъ отчетливый отвѣтъ по этому вопросу, руководствуясь логикою Новицкаго, и моимъ отвѣтомъ остались очень довольны экзаменаторы. По исторіи гражданской экзаменовалъ старый профессоръ Андрей Демьянычъ Граниковъ. Онъ вызывалъ студентовъ, держась того порядка, въ какомъ они записаны въ спискѣ, а въ вопросахъ строго держался порядка системы. Зная и видя это, экзаменующіеся подчитывали напередъ изъ руководства по исторіи тѣ параграфы, въ которыхъ содержался отвѣтъ на ожидаемый отъ профессора вопросъ. У меня подъ руками была исторія Кайданова, и я по ней подготовлялся къ отвѣту предъ профессоромъ. Мнѣ досталось отвѣчать о семилѣтней войнѣ, о чемъ предъ вызовомъ къ отвѣту я прочиталъ въ книгѣ, и отвѣтъ мой оказался очень обстоятельнымъ.

Менѣ всего я въ семинаріи занимался наукою о сельскомъ хозяйствѣ и естественною исторіею, и къ экзамену по нимъ въ академіи нисколько не готовился. Но и по этимъ наукамъ приходилось отвѣчать намъ. По сельскому хозяйству экзаменовалъ профессоръ физики Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ. Меня спросилъ онъ о плугѣ. Плуга я никогда до того времени не видалъ, и устройства его не зналъ, но началъ смѣло говорить, что мнѣ пришло въ голову. Мое описаніе плуга вѣроятно мало отвѣчало дѣйствительности. Чеховичъ замѣтилъ, что я мало знакомъ съ плугомъ, и рисую плугъ, создаваемый моимъ воображеніемъ, и, не давъ мнѣ

распространяться о томъ, чего я хорошенько не знаю, спросилъ меня: чѣмъ у васъ папуть? Я сказалъ: сохой. Ну, такъ скажите о сохѣ. О сохѣ я могъ хорошо говорить; потому что она мнѣ хорошо была извѣстна, и мнѣ за отвѣтъ поставленъ былъ высшій баллъ. По естественной исторіи экзаменовалъ насъ Константинъ Ивановичъ Скворцовъ, бакалавръ, преподававшій нѣмецкій языкъ. Онъ спросилъ меня о домашнихъ животныхъ. На эту тему легко и много можно было говорить, и экзаменаторъ не знавшій, въ какомъ объемѣ преподавалась намъ естественная исторія, удовлетворялся нашими отвѣтами и ставилъ всѣмъ хорошіе баллы.

Во время пріемныхъ экзаменовъ мы подвергались освидѣтельствуванію врача со стороны нашего здоровья. Освидѣтельствованіе производилъ академическій врачъ Пелехинъ, который требовалъ, чтобы мы раздѣвались предъ нимъ донага, какъ раздѣваются принимаемые на военную службу. Меня аттестовалъ онъ со стороны здоровья хуже, чѣмъ прочихъ моихъ товарищей, и написалъ въ вѣдомости, представленной въ правленіе академіи; противъ моей фамиліи: „тѣлосложенія слабого, страдаетъ припухlostію миндалевидныхъ желѣзъ,—признавъ меня мѣнѣ другихъ благонадежнымъ къ продолженію ученія въ академіи. Между тѣмъ Владимірская врачебная Управа, куда мы съ Сперанскимъ являлись, по требованію Правленія семинаріи, для освидѣтельствованія нашего здоровья, прель отправленіемъ въ академію, признала насъ вполне здоровыми. Когда-въ Правленіе академіи представлена была врачомъ вѣдомость, съ указаніемъ, кто изъ насъ здоровъ, и кто слабъ здоровьемъ, инспекторъ Даніилъ, говорилъ моему брату, а потомъ и мнѣ, что докторъ противъ моей фамиліи поставилъ отмѣтку не совсѣмъ хорошую, внушающую нѣкоторыя опасенія. Когда впоследствии, при ректорѣ Филаретѣ, стали больше обращать вниманіе на медицинское освидѣтельствованіе студентовъ, меня, пожалуй, могли бы не принять въ академію.

Этотъ Пелехинъ, бывшій академическимъ врачомъ во время моего обученія въ академіи, былъ воспитанникъ старой Кіевской академіи, до ея преобразованія, по окончаніи курса которой поступилъ въ медико-хирургическую академію и потомъ былъ въ ней профессоромъ. Говорили, что онъ имѣлъ, кромѣ русскаго, нѣсколько заграничныхъ докторскихъ дипломовъ, и былъ въ свое время извѣстнымъ профессоромъ теоретикомъ. Въ наши дни онъ проживалъ въ Кіевѣ уже въ отставку, и на старости лѣтъ предложилъ свои услуги академіи. Но какъ старый, уже отставной, врачъ онъ не удовлетворялъ современнымъ требованіямъ, и въ лѣченіи болѣзней руководствовался старыми приѣмами, и кажется, не слѣдилъ за ходомъ и развитіемъ прогрессирующей медицинской науки. Въ академическомъ кружкѣ, да и вообще въ Кіевѣ, онъ не пользовался репутаціею умѣлаго и искуснаго врача. Ректоръ академіи Антоній представлялъ митрополиту Филарету, что академія желала бы пригласить къ себѣ на службу новаго, болѣе молодого врача, такъ какъ Пелехинъ устарѣлъ уже. На это митрополитъ Филаретъ, покровительствовавшій Целехину, отвѣчалъ ректору Антонію, своему племяннику: „и я старъ; ты, пожалуй, и меня захочешь перемѣнить“. Митрополитъ Филаретъ былъ воспріемнымъ крестнымъ отцомъ дѣтей Целехина, который пріѣхалъ въ Кіевъ, женатый на молодой, сравнительно съ нимъ, англичанкѣ.

Проф. *Василій Пѣвницкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Село Воютино, Меленк. уѣзда, Владимірской епархіи.

Открытіе приходскаго Попечительства.

Извѣстно, что у нашихъ сектантовъ довольно широко развита взаимопомощь, чѣмъ они особенно и увлекаютъ бѣд-

ныхъ и нуждающихся людей въ свои общины. Приходъ села Вожютина Меленковского уѣзда въ сильной степени зараженъ молоканствомъ и штундо-баптизмомъ. Здѣсь, въ противовѣсъ сектантской взаимопомощи, 30-го января текущаго года открылось „Трехсвятительское попечительство о бѣдныхъ Вожютинскаго прихода“. Главными дѣятелями въ организаціи этого сельскаго попечительства явились слѣдующія лица: епархіальный миссіонеръ, священникъ Г. С. Орфеевъ, мѣстный священникъ Ѡ. И. Авроровъ и церковный староста — учитель народной школы Мурашевъ. Для вспомошествованія бѣднымъ учрежденъ особый фондъ. Первую крупную лепту въ 500 рублей на это святое дѣло помощи бѣднѣйшимъ прихожанамъ изъ православныхъ внесъ родственникъ мѣстнаго церковнаго старосты, профессоръ Богословія Харьковскаго Технологическаго Института, протоіерей В. Н. Добровольскій.

Учредители попечительства глубоко вѣрятъ, что начатое ими святое дѣло взаимопомощи бѣднѣйшимъ жителямъ изъ православныхъ не остановится на мертвой точкѣ, а будетъ развиваться при Божіей помощи и сочувствіи и поддержкѣ со стороны добрыхъ людей.

Пора бы ужъ православнымъ, а особенно духовенству, взяться за насажденіе и развитіе приходской благотворительности подъ покровомъ храма Божія и такимъ образомъ приходскія средства, уходяція теперь на сторону, путемъ всевозможныхъ сборовъ по церквамъ, употреблять на нужды своего же прихода.

У.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го марта 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Годъ

Ц.

Руководство

для

Сельскихъ пастырей

Выходить еженедѣльно.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою **шесть**
дублей.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 4 апрѣля.

Содержаніе: I. Теорія и факты. Н. Пальмовъ. — II. Еврейскій вопросъ.
(Окончаніе). Прот. Д. Говоровъ. — III. Мои воспоминанія. (Продол-
женіе). Проф. В. Пѣвницкій. — IV. Замѣтка. Нежелательная двой-
ственность.

Теорія и факты.

Имѣемъ въ виду разсужденія о приходѣ и выборномъ приходскомъ духовенствѣ.

Какой *строй* долженъ принять православный приходъ послѣ его реформы? Какъ, въ какую форму должны сложиться отношенія пастыря къ пасомымъ и пасомыхъ къ пастырю, отношенія прихожанъ другъ къ другу, къ храму и къ предполагаемымъ просвѣтительнымъ, благотворительнымъ и хозяйственно - распорядительнымъ учрежденіямъ въ приходѣ? Если къ этимъ пунктамъ присоединить еще пунктъ объ отношеніи прихода къ епископу и епархіальной власти, то этими пунктами будетъ исчерпано, кажется, все содержаніе вопроса о приходѣ.

Конечно, то или иное разрѣшеніе отдѣльныхъ пунктовъ вопроса о приходѣ, какъ и всей ихъ совокупности, находится въ зависимости отъ точки зрѣнія, которая полагается въ основу разсужденій. Прежде разсужденій необходимо составить *общее понятіе о приходѣ*, чтобы, исходя изъ него, давать то или иное направленіе мыслямъ по созданію проекта лучшаго благоустройства церковно-приходской жизни во всѣхъ ея частяхъ.

Газеты передають заслуживающій полного вниманія взглядъ преосв. рязанскаго Никодима на приходъ и предстоящую реформу его ¹⁾.

Что такое приходъ? спрашиваетъ преосв. Никодимъ.— „Это—семья Божія, въ основѣ жизни которой лежитъ сущность нашей вѣры“. Въ чемъ же наша вѣра?—Въ непрестанномъ общеніи съ Богомъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Это общеніе съ Богомъ достигается молитвою, слушаніемъ Слова Божія, участіемъ въ таинствахъ, а особенно въ таинствѣ Причащенія, и возрастающею отсюда горячею любовью къ Богу и ближнимъ.

„Общеніе съ Богомъ во всѣхъ фазисахъ рождаетъ горячую любовь къ Богу, желаніе быть подобнымъ Ему и исполнять то, что Онъ повелѣлъ во благо наше.

Все это и составляетъ сущность жизни прихода.

Въ таковой жизни пастырь является непремѣннымъ и исключительнымъ дѣятелемъ. Проповѣдь о вѣрѣ, руководство къ молитвѣ, возвѣщеніе Слова Божія посредствомъ его чтенія въ церкви и всюду,—все это составляетъ исключительную область дѣйствованія приходскаго пастыря. Священникъ есть центръ, около котораго группируется жизнь прихода со всѣми ея многообразными потребностями и явленіями.

¹⁾ Мысли преосв. Никодима, излагаемыя имъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Русскаго Слова“ и появившіяся въ этой газетѣ, перепечатаны были въ „Современной Лѣтописи“, а оттуда заимствованы „Ярославскими епарх. Вѣдомостями“ (№ 9 т. г.).

Между прихожанами возникъ, напр., конфликтъ. Священникъ приводитъ ихъ въ храмъ и говоритъ: „Вотъ здѣсь, предъ Всемогущимъ и Всевѣдущимъ Творцомъ, отложите все худое, враждебное, что у васъ на сердцѣ“. И послѣ недолгаго увѣщаванія, обидчикъ мирится съ обиженнымъ... Жена жалуется на мужа. И опять пастырь въ храмѣ или на дому увѣщаваетъ забыть обиду, а отъ обидчика добивается раскаянія, извиненія передъ обиженною и обѣщанія исправиться.

Такимъ же дѣятелемъ въ духѣ ученія Христова священникъ является и въ сферѣ общественной благотворительности. Заболѣлъ крестьянинъ; полоса его не сжата... Пастырь увѣщаваетъ прихожанъ помочь, и прихожане, ради любви Господней, идутъ и жнутъ. Осиротѣла семья,—и опять пастырь призываетъ къ помощи... И вообще, нѣтъ конца для его дѣятельности.

Мнѣ могутъ возразить:

— Помилуйте, да это—идеальный строй прихода, неосуществимый въ наше время, когда люди и нравы измѣнились къ худшему. То, что было естественнымъ въ первые годы христіанства, теперь, въ XX вѣкѣ, кажется анахронизмомъ и безвозвратно ушедшимъ въ Лету.

Но если вы признаете,—можно сказать этимъ скептикамъ,—что жизнь христіанскаго общества уклонилась отъ нормъ, установленныхъ Христомъ и апостолами, то что же?.. Надо приложить усилія вернуть жизнь въ эти нормы, чего мы и добиваемся, ведя безпощадную борьбу съ врагомъ челоувѣческаго рода и его сынами“.

Преосв. Никодимъ находитъ, что въ существенномъ современный строй прихода вполне удовлетворяетъ тому понятію о немъ, какое преосвященный предлагаетъ. Въ пылъшнемъ приходѣ слѣдуетъ только нѣчто почистить, кое-что провѣрить, съ кое-чего снять ржавчину, какъ это дѣлается съ механизмами, пришедшими въ маленькое разстройство отъ насѣвшей на нихъ пыли, отъ продолжительнаго употре-

бленія. Къ этому и должна сводиться вся будущая „реформа“ прихода.

Въ частности, относительно приходскихъ совѣтовъ, завѣдыванью которыхъ проектируется отдать хозяйственную часть, преосв. Никодимъ разсуждаетъ какъ о совершенно излишнихъ учрежденіяхъ. Это—такой сложный аппаратъ, которому не соотвѣтствуетъ приходское хозяйство, весьма немудреное. Нынѣ хозяйственныя дѣла по церкви вѣдаетъ староста, выбранный прихожанами. Но и ему работы не много. Продать свѣчи, запастись ими изъ свѣчнаго склада, купить дровъ, нанять подрядчика, чтобы произвести небольшой ремонтъ: развѣ это составляетъ уже такой большой трудъ, и развѣ это уже такое большое дѣло, которое требуетъ созданія цѣлаго учрежденія въ видѣ приходскаго совѣта?

А что касается приходскихъ собраній, то, въ сущности, они и теперь есть. Они—на богослуженіи, на крестныхъ ходахъ и на всѣхъ вообще общественныхъ моленіяхъ. „Говорите здѣсь о дѣлахъ Божіихъ, о дѣлахъ храма, сколько хотите. Душа здѣсь мягка, воспримчива и не строптивая“. Защитники приходскихъ собраній однимъ изъ аргументовъ къ учрежденію этихъ собраній выставляютъ *право самообложенія* приходовъ. Но что это за право самообложенія? Кто кого можетъ заставлять вносить опредѣленную денежную цифру на церковь и на благотвореніе? По православному, исконному русскому взгляду—никто никого. „Давай по влеченію сердца, сколько позволяетъ тебѣ достатокъ, при чемъ богатый давай больше, потому что отъ Господа одаренъ больше, и не дожидайся, когда и бѣдный принесетъ... Обложеніе всѣхъ поровну—принципъ скорѣе просто товарищескій, съ оттѣнкомъ социалистическимъ. „Да я сомнѣваюсь“, прибавляетъ преосв. Никодимъ, „и въ цѣлесообразности для интересовъ прихода прибѣгать къ собраніямъ. Пользуясь своимъ экономическимъ превосходствомъ, туда, конечно, легче всего пролѣзутъ кулаки и міроѣды. Но вообще хозяйственная и правовая сторона прихода въ отношеніи къ го-

сударству и обществу для церкви не имѣеть особаго значенія. Поэтому, что касается вопроса, будетъ ли приходъ земскою единицею, или юридическимъ лицомъ, я не скажу ни противъ, ни за по принципу: отдавайте кесарево Кесареви, а Божіе Богови, и не совмѣщайте вещей несомвѣстимыхъ—церкви Божіей съ парламентомъ“.

Что касается до выборнаго духовенства, то преосв. Никодимъ считаетъ этотъ проектъ не болѣе, какъ „фантазіей“. „Всѣмъ извѣстно“, говоритъ онъ, что „въ переживаемое время мы имѣемъ дѣло уже съ цѣлымъ, отчасти скрытымъ, отчасти явнымъ, походомъ противъ Церкви. Соціалисты не скрываютъ, что они идутъ противъ религіи, противъ установленій Христа на землѣ, святой Церкви, христіанскаго брака и христіанской морали. Тайна беззаконія дѣется всюду въ городахъ и въ селахъ. Представьте себѣ положеніе епископа. Ему предлагаютъ поставить въ приходъ, въ которомъ пропаганда иновѣрія, инославія и современныхъ лжеученій ведетъ отчаянный натискъ на Церковь,—священника съ слабымъ, кроткимъ и мягкимъ характеромъ, неспособнаго, что называется, мухи обидѣть,—пастыря, весьма можетъ быть, полезнаго для спокойной, мирной дѣятельности въ средѣ послушнаго ему стада. Между тѣмъ мнѣ до яркаго, можно сказать, органическаго ощущенія очевидно, что сюда необходимо поставить человѣка съ энергичнымъ, рѣшительнымъ характеромъ, не съ мягкимъ только вѣщаніемъ слова истины, а съ огненнымъ словомъ обличенія и пастырскаго пламенія, человѣка сильнаго духовнаго мужества, способнаго на борьбу до самоотверженія и могущаго огнемъ одушевленія и привлекать и прожигать сердца. Въ семъ случаѣ мое положеніе—положеніе генерала въ бушующемъ сраженіи, которому предлагаютъ смѣнить одного офицера другимъ, явно не способнымъ къ защитѣ ввѣряемой ему боевой позиціи. Какъ разрѣшить подобную коллизію?“

Нельзя не согласиться съ основательностью опасеній преосв. Никодима, что предоставленіе приходу права самому

выбирать себѣ настоятелей можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ въ отношеніи религіозно-нравственной жизни прихода. Кто прежде всего лучше способенъ опредѣлить достоинства того или другого кандидата во священники—приходъ, или епархіальная власть? Сколько бы мы ни говорили о возможной высотѣ религіозной настроенности прихожанъ той или другой церкви, равно какъ и о чистотѣ ихъ намѣреній и искренности желанія имѣть у себя добраго пастыря, все-таки за епархіальною властью остается преимущество *спеціальнаго* знанія требованій, которымъ долженъ удовлетворять кандидатъ священства, равно какъ и соображеніе различныхъ условій, при которыхъ одно и то же лицо можетъ принести не одинаковую пользу церковному дѣлу. Со стороны яснѣе можетъ быть видимо то, что остается незамѣченнымъ на мѣстѣ. Развѣ не могутъ прихожане, выбравъ себѣ извѣстное лицо въ пресвитеры, исполнѣ достойное, по ихъ мнѣнію, заблуждаться иногда даже совершенно добросовѣстно заблуждаться, думая, что лучшаго священника имъ и не нужно? Напр., среди православныхъ есть не мало склонныхъ къ старообрядчеству. Кого выберутъ они себѣ въ настоятели? Естественно предположишь, что выберутъ такого, кто одного духа съ ними, т. е. такъ же, какъ и они, придаетъ великое значеніе обряду, внѣшности и буквѣ. И что же? Неужели этотъ избранный приходомъ настоятель больше будетъ на мѣстѣ, нежели тотъ, кого назначило бы епархіальное начальство, принявшее въ соображеніе, при назначеніи, и эту особенность прихода—излишнюю приверженность его къ внѣшнимъ религіознымъ формамъ? Подобное можетъ случиться при выборахъ въ черезчуръ либерально настроенномъ приходѣ. Тамъ могутъ выбрать въ настоятели такое лицо, которое внѣшности и преданіямъ старины не придаетъ никакого значенія и всю суть религіи и религіозной жизни полагаетъ въ одномъ духѣ. Что же? На мѣстѣ будетъ выбранный настоятель? Поведетъ его управленіе къ утверженію православія въ приходѣ?..

Протопресвитеръ А. А. Желобовскій склоненъ допустить выборное начало при опредѣленіи на настоятельскія должности въ приходахъ. Онъ думаетъ, что выборное начало подниметь церковную дисциплину. Если же опасаются, при выборномъ началѣ появленія по приходамъ недостойныхъ пастырей, то не надо забывать, рассуждаетъ протопресвитеръ Желобовскій, что у епископа всегда останется право утверждать или неутверждать избранное въ настоятели лицо ¹⁾. Но нельзя не видѣть, что положеніе епископа станетъ затруднительно, когда ему будетъ представлено на утверженіе выбранное отъ прихода лицо. Епископъ можетъ совершенно не знать его. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что приходъ будетъ останавливаться выборами на однихъ богословахъ, о достоинствахъ которыхъ епископъ, по крайней мѣрѣ, можетъ навести справки у надежныхъ людей, если даже допустить, что онъ не познакомился съ кандидатами священства, когда они обучались въ духовной школѣ? Откуда епископъ можетъ получить вѣрныя свѣдѣнія о такихъ кандидатахъ, которые не проходили ни богословской школы, и даже не состояли въ церковномъ клирѣ? Разумѣется, епископъ долженъ положиться на избирателей, которые, какъ сказано, могутъ дѣлать при избраніи невольныя ошибки. Особенно трудно опредѣляется *духъ*, т. е. то главное, что даетъ направление дѣятельности.

Со виѣшней стороны представленный къ утвержденію епископа кандидатъ священства можетъ быть безупреченъ. Но какъ проникнуть въ его настроеніе, если епископу приходится тутъ же, въ первый разъ, и знакомиться съ кандидатомъ въ настоятели прихода? Не держать же его епископу при себѣ и не примѣнять же къ нему тѣ средства испытанія, которымъ удобно можно подвергать воспитанниковъ въ школѣ! Допустимъ теперь, что епископъ не захотѣлъ утвердить выбора прихожанъ. Онъ долженъ мотивировать чѣмъ-

¹⁾ Ibid.

нибудь свое неутвержденіе. Но въ какое же затрудненіе епископъ будетъ поставленъ, когда, при отсутствіи внѣшнихъ основаній, ему надо будетъ указывать на свое внутреннее убѣжденіе, что избранное лицо не подходитъ къ настоятельству въ приходѣ, куда его выбрали! И въ этомъ случаѣ, какъ и въ томъ, когда епископъ укажетъ, что интересы общаго церковнаго дѣла заставляютъ его отказаться отъ утвержденія выборовъ, ему придется отбиваться отъ безконечныхъ „почему“, тратя энергію мысли и слова, достойную у епископа болѣе высокаго назначенія.

Протопресвитеръ Желобовскій указываетъ, что и теперь, на практикѣ „голосъ прихода въ назначеніи того или иного лица всегда почти учитывается епископомъ. И въ весьма рѣдкихъ случаяхъ епископъ не пойдетъ на встрѣчу желаніямъ прихожанъ и назначить не то лицо, за которое просятъ прихожане“.—Но вѣдь иное дѣло *учитывать* голосъ прихожанъ при выборѣ достойнаго кандидата на приходъ при нынѣшней постановкѣ дѣла, когда назначеніе всецѣло зависитъ отъ епископа, и иное дѣло будетъ тогда, когда епископу остается только утверждать или не утверждать избраннаго кандидата. Какъ, напр., разрѣшить такого рода конфликтъ. Прихожане выбрали одно лицо, а у епископа есть еще болѣе достойный кандидатъ. Польза церковная требуетъ назначенія именно этого, втораго кандидата. Но прихожане настаиваютъ на первомъ. Отмѣнить выборы епископъ не имѣетъ права, потому что не можетъ признать представленное къ утрежденію лицо *недостойнымъ*. И епископъ долженъ будетъ утверждать выборы, хотя для него и ясно, что утверждаемое имъ лицо принесетъ меньше пользы приходу, чѣмъ то другое, которое онъ знаетъ... Учитыванье епископомъ голоса прихожанъ можетъ быть весьма цѣлесообразно въ томъ случаѣ, если епископъ колеблется и не знаетъ, на комъ изъ представляющихся достойными кандидатовъ ему остановить выборъ. Во всякомъ же другомъ случаѣ полагаться, при назначеніи членовъ клира, исключительно на желаніе прихо-

жанъ не значить ли епископу признавать и собственное безсиліе, какъ администратора, и подчеркивать непригодность состоящаго при немъ органа епархіального управленія—консисторіи, которая первая должна помогать епископу при исполненіи сложныхъ обязанностей высокаго и отвѣтственнаго епископскаго служенія?..

Предполагая завѣдомую неспособность или малоспособность епархіальной власти назначать въ приходы хорошихъ настоятелей (неспособность или малоспособность, разумѣется, не доказанную), сторонники выборнаго начала не обращаютъ вниманія на возможность положительнаго злоупотребленія при выборахъ духовенства, особенно—по селамъ, среди грубаго и необразованнаго населенія, факты чего имѣются уже и теперь. Вотъ что, напр., рассказывается въ Ставропольскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ статьѣ нѣкоего о. *Сухумскаго* подъ заглавіемъ: „Выборное начало въ приходской жизни“¹⁾. Въ 1905 году добивавшіеся автокефаліи грузины-епископы Кирионъ, Леонидъ и какой-то третій епископъ, неизвѣстный автору, обратились въ Св. Синодъ съ слезнымъ прошеніемъ о предоставленіи самому клиру выбирать благочинныхъ и намѣчать кандидатовъ на свободныя священническія, діаконскія и псаломщическія вакансіи. Предполагалось, что выборные благочинные не будутъ чувствовать зависимости отъ экзарха, а духовенство будетъ избираться опредѣленнаго лишь колера. Въ смыслѣ ослабленія власти экзарха и объединенія грузинскаго духовенства для борьбы изъ-за автокефаліи, выработанная грузинами-епископами мѣра должна была оказаться цѣлесообразною... Св. Синодъ предоставилъ, однако, грузинскому духовенству право выбирать лишь благочинныхъ, а выборъ клирошанъ предоставилъ не духовенству, а приходу. Правила относительно порядка выборовъ прихожанами членовъ причта, преподанныя грузинскому духовенству Св. Си-

¹⁾ См. № 8 т. г.

нодомъ въ указѣ отъ 10 февр. 1907 г. за № 1615, изложе- ны въ двѣнадцати пунктахъ и заключаются въ слѣдующемъ:

1) По открытіи вакансіи священноцерковнослужителей, по случаю смерти кого-либо изъ членовъ причта, выхода за штатъ, перемѣщенія или лишенія мѣста по суду, прихожане не позже какъ черезъ двѣ недѣли со дня освобожденія мѣста заявляютъ мѣстному Епархіальному Начальству о своемъ желаніи или нежеланіи воспользоваться правомъ избра- нія кандидата.

2) Если желаютъ воспользоваться правомъ, то тутъ же могутъ приступить къ выбору.

3) Въ выборѣ кандидата участвуютъ всѣ тѣ лица изъ числа прихожанъ, которыхъ допускаются при выборѣ ста- росты.

4) Во время выборовъ не могутъ присутствовать лица, ищущія опредѣленія на освободившееся мѣсто, въ против- номъ случаѣ такія лица не будутъ утверждены Епархіаль- нымъ начальствомъ.

5) Ищущій мѣста въ причтѣ отнюдь не долженъ вхо- дить въ соглашеніе или сдѣлки съ прихожанами относитель- но содержанія, получаемого отъ прихожанъ. Если же впо- слѣдствіи обнаружится, что онъ входилъ въ соглашеніе или сдѣлки, или же располагалъ въ свою пользу прихожанъ ис- кусственными средствами, напр., угощеніями и т. п., то таковой будетъ уволенъ за штатъ, хотя бы онъ и былъ утвержденъ епархіальнымъ начальствомъ въ должности.

6) Собраніе прихожанъ данной церкви для выбора кан- дидата считается состоявшимся и правильнымъ, когда на ономъ будетъ участвовать не менѣе *двухъ третьей* лицъ, имѣющихъ право участія въ ономъ.

7) Время выборовъ назначается старшиной даннаго сельскаго общества, а въ городахъ церковнымъ старостою; этими же лицами производится созывъ собранія прихожанъ для выборовъ.

8) Выборъ кандидата въ клиръ рѣшается въ собраніи по большинству голосовъ присутствовавшихъ на собраніи лицъ.

9) Въ приговорѣ должны быть означены: сколько изъ прихожанъ имѣло право присутствовать на собраніи, сколько именно подано голосовъ за того или другого кандидата.

10) При равенствѣ голосовъ между кандидатами, производится перебаллотировка между ними.

11) Подпись присутствовавшихъ на собраніи при выборѣ кандидата въ клиръ и правильность выборовъ должны быть завѣрены сельскимъ старшиною, а въ городахъ мѣстнымъ церковнымъ старостою за своею подписью и приложеніемъ печати; послѣ же этого никакіе другіе приговоры о выборѣ какого-либо другого кандидата не допускаются.

12) Завѣренный такимъ образомъ приговоръ собранія о выборѣ имъ кандидата въ клиръ церкви представляется на утвержденіе мѣстнаго архіерея“.

Таковы правила. Но что же вышло? Какъ только преподанныя Св. Синодомъ правила стали примѣняться къ практикѣ, все грузинское духовенство завопіяло гласомъ велимъ, потому что оказалось въ рукахъ такихъ экземпляровъ изъ народа, каковы Чхендзе, Гегечкори et tutti quanti, которымъ интересы церкви менѣ всего дороги.

И вотъ, въ 1909 году въ Св. Синодъ полетѣла отъ грузинскаго духовенства петиція въ томъ смыслѣ, чтобы предать чуть ли не анаѳемѣ выборное начало. Св. Синодъ до сихъ поръ еще не далъ отвѣта на петицію, хотя въ томъ же 1909 году предложилъ духовенству епархій грузинскаго экзархата высказаться по поводу новаго въ жизни приходо-въ порядка вещей.

Изъ практики Сухумской епархій авторъ цитируемой статьи приводитъ слѣдующіе, говорящіе сами за себя факты.

Въ городахъ Сухумской епархій Новороссійскѣ и Анапѣ ¹⁾ не произошло ни одного выбора. Были однѣ попытки

¹⁾ Въ этихъ городахъ, надо сказать, чисто русскіе приходы.

выборовъ, которые повели къ столкновенію страстей и къ безчинію въ храмѣ. Кандидатами выставлялись такія лица, которыя, какъ выражается авторъ, „могли бы оказаться, въ будущемъ, хорошими митинговыми товарищами, или же образцовыми завсегдатаями кабаковъ“. Лучшій элементъ населенія не шелъ на выборы, а желавшіе провести своихъ кандидатовъ не располагали законнымъ количествомъ голосовъ.

Наиболѣе сплоченною массою оказалось выборное собраніе прихожанъ Скорбѣющей церкви г. Новороссійска. Въ эту церковь искали діакона, и выборное собраніе остановилось на кандидатѣ, котораго тѣснили за „подвиги“ въ Тамбовской епархіи. На выборахъ діаконъ, однако, не прошелъ, но насколько соотвѣтствовалъ онъ своему назначенію, можно судить, говоритъ *Сухумскій*, по тому, что въ данное время онъ уже снялъ съ себя діаконскій санъ и, по упорнымъ слухамъ, собирается открыть въ Новороссійскѣ трактирное заведеніе или гостиницу!.. При выборѣ псаломщика въ Вознесенскую церковь г. Новороссійска между избирателями возникъ сильнѣйшій споръ, едва не перешедшій въ драку: спорили двѣ партіи, убѣждая голосовать каждая за своего кандидата... Въ г. Анапѣ пришлось отказаться отъ выборовъ, потому что трижды назначенное выборное собраніе не могло состояться за неприбытіемъ законнаго числа выборщиковъ (сначала явилось 50 избирателей, во второй разъ—30 и въ третій—20). Не состоялись и выборы кандидата на вакансію священника въ Новороссійскомъ соборѣ. На первое собраніе (3 янв.) пришло челоуѣкъ 30, на второе (10 янв.) пришло 59 челоуѣкъ, которые поговорили другъ съ другомъ и рѣшили отказаться отъ права избранія, предоставивъ епархіальному архіерею по своему усмотрѣнію назначить священника въ соборъ.

Интересно, что въ то время, какъ соборный староста, предсѣдатель собранія, указывалъ на отсутствіе прошеній отъ правоспособныхъ кандидатовъ въ священники, которые желали бы поставить свое имя на баллотировку, у епархіаль-

наго архіерея не было недостатка въ прошеніяхъ объ опредѣленіи на вакантное мѣсто отъ лицъ, правоспособныхъ занять его... Прихожане с. Васильевки два раза имѣли возможность воспользоваться правомъ избранія: въ этомъ селѣ открывались двѣ вакансіи псаломщиковъ, но оба раза жители Васильевки отказывались отъ своего права, и епархіальному начальству пришлось самому сдѣлать назначеніе.

Вотъ, значить, каковы факты: избиратели или отказываются отъ права избранія, или останавливаются избраніемъ на недостойныхъ кандидатахъ. Есть ли, послѣ этого, какое-либо побужденіе домогаться введенія въ церковно-приходскую жизнь выборнаго начала?—Нѣтъ, отвѣтимъ мы.

Н. Пальмовъ.

Еврейскій вопросъ.

(Окончаніе ¹⁾).

На ряду съ мученіемъ карающей десницы Божіей, предъ которой слѣдуетъ только смиренно склонить главу, мы видимъ стремленіе евреевъ и еврействующихъ отстранить отъ народа эту карающую десницу, стремленіе основать царство въ какомъ-либо пунктѣ земного шара (Сіонизмъ), и другое стремленіе—завоевать равноправіе съ арійцами-христіанами. Первое стремленіе, какъ раньше видѣли, появившееся 10 лѣтъ назадъ, начало охладѣвать и скоро перейдетъ въ область преданія. Второе же стремленіе съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливается. Это стремленіе охватываетъ всѣхъ іудеевъ и всѣхъ іудействующихъ всѣхъ народовъ не только русскихъ, но и всей Европы.

Но гдѣ это равноправіе людей и народовъ было, или гдѣ оно существуетъ? Э. М. Достоевскій въ своемъ дневни-

¹⁾ См. №№ 11—12-й за 1910-й г.

къ писателя, мартъ 1887 г., говорить: „Въ то время, какъ еврей требоваль свободнаго выбора мѣстожителства, двадцать три милліона русской трудящейся массы терпѣли отъ крѣпостнаго состоянія, что ужь, конечно, было потяжелѣе выбора мѣстожителства. И что же, пожалѣли ихъ тогда еврей?—Нѣтъ, они и тогда точно такъ же кричали о правахъ, которыхъ самъ не имѣль русскій народъ, кричали и жаловались, что они забиты и мученики. Но вотъ пришелъ Освободитель и освободиль русскій народъ, и что же, кто первый бросился на него, какъ на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплѣль его вѣковымъ золотымъ своимъ промысломъ, кто тотчасъ замѣстиль, гдѣ только могъ и поспѣль, упраздненныхъ помѣщиковъ съ тою разницею, что помѣщики хотъ и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своихъ крестьянъ, пожалуй для себя же, чтобы не истощать рабочей силы; а еврею до истощенія русской силы дѣла нѣтъ,—взяль свое и ушелъ“.

То же самое еврей сдѣлали и въ Америкѣ, въ южныхъ штатахъ, по словамъ Достоевскаго, съ многомилліонною массою освобожденныхъ негровъ. Въ западномъ краѣ еврей сивали литовское населеніе и только ксендзы спасли бѣдныхъ при помощи обществъ трезвости. Этотъ знатокъ народныхъ нравовъ въ Россіи указываетъ и на то, съ какимъ высокомеріемъ еврей относится къ коренному русскому населенію, т. е. указываетъ исконный характеръ іудеевъ въ отношеніи не евреевъ, гоевъ. А затѣмъ задаетъ себѣ такой вопросъ: „ну, что если бы это не евреевъ было 3 милліона, а русскихъ, а евреевъ было 80 милліоновъ—ну во что обратились бы у нихъ русскіе, и какъ бы они ихъ третировали? Дали бы они имъ сравняться съ собою въ правахъ? Дали бы имъ молиться среди нихъ свободно? Не обратили бы ихъ прямо въ рабовъ? Хуже того: не содрали бы кожу совсѣмъ! Не избили бы до тла, до окончательнаго истребленія, какъ дѣлали они съ чужими народностями въ старину, въ древнюю свою исторію?“

Нельзя заподозрить Ф. М. Достоевскаго въ предразсудкахъ, человѣконенавистничествѣ и въ антисемизмѣ. Онъ былъ носитель идей братства, идеи мира всего міра. Это составляетъ благочестивое желаніе и всѣхъ русскихъ: мы не страдаемъ ненавистничествомъ. Напротивъ, у насъ излишекъ уступчивости въ отношеніи другихъ народовъ въ ущербъ своимъ интересамъ; мы, по словамъ Златоуста, можно сказать, больны іудействомъ. Равноправіе! Не скрывается ли подъ этимъ словомъ нѣчто другое? Не разумѣвается ли здѣсь преимущество евреевъ передъ другими народами, гегемонія, status in statu? На этотъ вопросъ мы въ правѣ отвѣтить утвердительно. Да, здѣсь выражается тенденція древне-еврейская-талмудическая, расширеніе границъ обитанія, что констатируетъ и Вейцингеръ, овладѣніе народами, преобладаніе надъ ними. Во всей Европѣ и въ Америкѣ всегда говорили, а въ послѣдніе дни особенно заговорили о невозможности выносить еврейскаго засилія. Мы слышимъ стоны изъ страны, гдѣ впервые, сто лѣтъ тому назадъ, провозглашенъ принципъ еврейскаго равноправія—изъ Франціи. Столѣтіе еврейскаго равноправія выдвинуло тамъ на очередь вопросъ объ ограниченіи его. Въ печати нерѣдко появляются возгласы: „Евреи насъ поѣдаютъ, евреи насъ съѣли—евреямъ чужды принципъ: живи самъ и давай жить другимъ“. Это слышится въ различныхъ слояхъ французскаго общества. Интеллигентныя классы общества видятъ въ еврействѣ ужасную, разрушительную силу, сокрушающую государственность. Въ настоящее время, говорятъ французы, нѣтъ ни одной отрасли государственной, общественной и муниципальной жизни, гдѣ евреи не завладѣли бы прочнымъ положеніемъ. Евреи—и судебныя слѣдователи, и судьи, и предсѣдатели окружныхъ судовъ. Въ муниципальномъ управленіи евреи фигурируютъ не только въ роли совѣтниковъ, но и въ роли мэровъ и предсѣдателей генеральныхъ совѣтовъ. Французская пресса находится въ рукахъ евреевъ, о банкахъ и финансовыхъ учрежденіяхъ нечего и говорить. Проникли евреи и въ началь-

ныя школы и изгнали изъ нихъ имя І. Христа. Въ войскахъ сухопутныхъ и морскихъ высшія должности занимають евреи. Медицина въ рукахъ евреевъ. Отсюда получается такой результатъ. Французъ въ тяжёбныхъ дѣлахъ съ евреемъ не получитъ законнаго удовлетворенія. Фильсификація распространена во Франціи до такой степени, что народъ не можетъ пользоваться даже медициною. Медикаменты и медицинскія средства, въ родѣ хинина, антиперина, фенацитина и пр. выписываютъ изъ Лондона. Въ торговлѣ только еврей пользуется кредитомъ банковъ. Такимъ образомъ во всѣхъ сферахъ жизни французовъ полное разложеніе отъ пресловутаго равноправія и ассимиляціи евреевъ.

Теперь началась ожесточенная война противъ христіанства. Пресса, —могущественный рычагъ жизни народовъ, находится во всей Европѣ и Россіи, какъ показываютъ статистическія данныя, въ рукахъ евреевъ¹⁾. Въ религіозномъ отношеніи необходимо ли равноправіе? Яркою иллюстраціею къ отвѣту на этотъ вопросъ можетъ служить привлеченіе архіепископа французскаго кардинала Андрье къ суду іудействующихъ за рѣчь въ храмѣ при своей интронизаціи и оштрафование его. А рѣчи раввиновъ на еврейскомъ жоргонѣ въ синагогахъ, спрашивается, контролируются гдѣ-либо и кѣмъ-либо? Евреи имѣють не равноправіе, а преимущество. Трактующіе о равноправіи евреевъ не знаютъ ни исторіи ихъ, ни исторіи своего народа. Требують допустить всѣхъ евреевъ въ русскія среднія и высшія учебныя заведенія въ безпроцентномъ отношеніи. Развѣ можно считать такое требованіе справедливымъ? Всѣ сословія Россійской Имперіи мирятся съ тѣмъ положеніемъ, какое признается необходимымъ въ государственномъ отношеніи, а евреи примириться не могутъ.

Зачѣмъ же имъ привилегія безпроцентнаго доступа во всѣ учебныя заведенія, когда у насъ до 100 милліоновъ коренного русскаго населенія нуждаются въ первоначальномъ

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“ №№ 69, 104 за 1909 г.

образованіи? Еврей долженъ быть окончившимъ университетъ, а русскій мужикъ-хлѣборобъ—безъ всякаго образованія? Развѣ только потому еврей долженъ быть съ высшимъ образованіемъ, что онъ бѣжитъ изъ деревни отъ трудовой жизни и селится въ городахъ для легкой торговли. Въ отношеніи образованія еврей пользуется большимъ преимуществомъ предъ кореннымъ русскимъ деревенскимъ населеніемъ. Изъ евреевъ 5%—10% получаютъ высшее и среднее образованіе, а изъ деревенскихъ жителей русскихъ, быть можетъ, $\frac{1}{2}\%$ и того менѣе. Менделѣевъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Къ познанію Россіи“ говоритъ, что съ высшимъ и среднимъ образованіемъ въ Россіи $\frac{1}{5}$, остальные неграмотны, т. е. изъ 5 чел. 4 неграмотны. Какого же равноправія еще нужно евреямъ въ отношеніи образованія?

Больные іудействомъ требуютъ равноправія евреевъ въ промышленномъ отношеніи. Но намъ извѣстно, что евреи въ Россіи и безъ равноправія владѣютъ богатствами, главнымъ образомъ лѣсными и эксплуатируютъ ихъ въ ущербъ страны (Кіевлянинъ № 228, 1909 г.). Намъ извѣстно также, что и въ 1-ой и 2-ой Государственной Думѣ этотъ вопросъ не прошелъ въ виду того, что отъ промышленности евреевъ получается только оскуднѣніе природныхъ богатствъ Россіи, что фабрично-заводская промышленность процвѣтаетъ внѣ черты осѣдлости евреевъ (Москва, Н. Новгородъ, Владиміръ, Иваново-Вознесенскъ, Кинешма) наименѣе развита въ чертѣ осѣдлости (въ юго-западномъ краѣ). Еврейское равноправіе въ фабрично-промышленномъ отношеніи нежелательно не только у насъ, но оказывается нежелательнымъ теперь и въ Америкѣ, странѣ свободы и равноправія. Если бы евреи были талантливы въ фабрично-промышленномъ отношеніи, то страна фабрикъ оцѣнила бы евреевъ и считала бы ихъ желательнымъ элементомъ. Но мы видимъ противное. Нынѣ въ литературѣ уже слышится голосъ самыхъ евреевъ о томъ, что наилучше имъ живется въ Россіи, что не нужно искать

счастья вѣ черты осѣлости, его вездѣ въ Россіи можно найти ¹⁾. Да и не всѣ евреи остаются въ Америкѣ. Черезъ 3—5 лѣтъ они получаютъ тамъ права американскихъ гражданъ, возвращаются въ Россію и освобождаются отъ всякихъ ограниченій.

Нынѣшнее направленіе кадетское въ политикѣ и новохристіанское въ религіи носитъ явные признаки филосемитскаго направленія или, по словамъ св. Златоуста, болѣзненное. Чѣмъ же можно объяснить эту болѣзнь? Вліяніе іудейства на христіанскія воззрѣнія при св. Златоустѣ было понятно. Многіе изъ христіанъ могли быть подъ обаяніемъ теократическихъ взглядовъ избраннаго народа; отъ этихъ взглядовъ трудно было отрѣшиться въ короткое время. Для нашего же времени отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ книгѣ Вейнингера въ главѣ о еврействѣ. Здѣсь онъ, между прочимъ, сказалъ: „нѣтъ ничего легче, какъ быть евреемъ, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть христіаниномъ“. Дѣйствиительно легче казаться религіознымъ, каковы фарисеи, чѣмъ быть на самомъ дѣлѣ религіознымъ, каковы истинные христіане; легче держаться буквы закона, чѣмъ понимать духъ его; легче заниматься пинкертоновскою литературою, издаваемою еврейскими фирмами, чѣмъ святоотеческими писаніями, легче заниматься мелочною торговлею, чѣмъ въ потѣ лица воздѣлывать землю. При пониженной жизнѣдѣтельности человека, при равнодушіи и теплохладности, что нынѣ мы замѣчаемъ, избирается болѣе легкій образъ жизни и мыслей,

¹⁾ Это мы читаемъ въ разсказѣ Айзмана: „Земляки“.—„Говорятъ, стонуть въ чертѣ, говорить Сора мужу. а ты выгляни изъ черты. Тамъ что дѣлается! Стонъ, плачь, предсмертный хрипъ. Для живущихъ тамъ тоже, вѣдь, есть „черта“, не географическая, а другая, можетъ быть не лучшая. У мужика и у еврея интересы общіе. Чтобы тамъ ни говорили, а наша судьба тѣсно переплетена съ судьбою русскаго народа. Когда несчастіе онъ, больнѣе дѣлается и намъ; если солнечный лучъ упадетъ на него, пригрѣветъ и насъ.

и нравственность человека оцѣнивается критеріемъ болѣе низкимъ.

Но какова бы ни была жизнь тѣхъ или другихъ народовъ, и какой бы критерій ни примѣнялся къ нравственности, настанетъ пора и настанетъ уже, когда должны быть подведены итоги исторіи семитовъ—евреевъ и арійцевъ христіанъ, и должна быть сдѣлана самая безпристрастная оцѣнка дѣятельности тѣхъ и другихъ на основаніи евангельскаго ученія, какъ наивысшаго критерія. Нерѣдко въ разсмотрѣніи еврейскаго вопроса играютъ большую роль фанатизмъ и шовинизмъ, и среди читающей публики распространяются эпизоды о всякихъ происшествіяхъ и дѣяніяхъ семитовъ и ихъ противниковъ съ окраскою ненавистничества. Теперь настало время отрѣшиться отъ малѣйшей доли шовинизма, ибо наука и образованіе расширили свои границы и вширь и вглубь. Назрѣла необходимость разъясненія еврейскаго вопроса самымъ безпристрастнымъ образомъ—путемъ научнымъ¹⁾.

¹⁾ Попытку разъяснить и разрѣшить „еврейскій вопросъ“ взялъ на себя г. Ковалевскій Максимъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“ за сентябрь 1909 г. подъ заглавіемъ: „Какъ рѣшенъ былъ еврейскій вопросъ на Западѣ“. Въ этой статьѣ проводится та мысль, что „еврейскій вопросъ“ возникъ, будто, только со времени крестовыхъ походовъ и возбужденъ онъ былъ фанатизмомъ духовенства, для котораго важно было поддержать то возрѣніе, что іудеи терпятъ гоненія и невзгоды за распятіе Христа; проводится мысль, что „еврейскій вопросъ“ возбуждался, будто, искусственно буллами папъ 1198 и 1205 годовъ, что это возрѣніе проводилось Томою Аквиномъ; проводится также та мысль, что равноправіе евреевъ ведетъ непременно къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія страны, гдѣ это равноправіе введено. Какъ неоспоримое доказательство справедливости этого положенія, г. Ковалевскій приводитъ слова Спинозы, которыми онъ прославляетъ Амстердамъ за вѣротерпимость къ евреямъ. Г. Ковалевскій говоритъ, что „еврейскій вопросъ“ всего менѣе даетъ себя чувствовать въ обширныхъ предѣлахъ англо-американской гражданственности, что здѣсь прежде всего онъ сойдетъ со сцены. Въ дарованіи равноправія онъ видитъ разрѣшеніе „еврейскаго вопроса“ на Западѣ и у насъ, въ Россіи. Какъ видимъ изъ нашей статьи, разрѣшеніе его еще далеко и менѣе всего зависитъ отъ равноправія; онъ даетъ себя чувствовать одинаково во всѣхъ странахъ.

Такою роль взялъ на себя австрійскій органъ антисемитической печати „Die Judenfrage“. Задача органа почтенная. Онъ общаетъ всю громадную литературу этого вопроса привести въ цѣльную, стройную, научно исторически обоснованную систему, создать энциклопедію по еврейскому и антисемитскому вопросу безъ всякой политико-партиійной тенденціи. Органъ, кстати скажемъ, издается не идейнымъ противникомъ іудейства, а нѣмцемъ—соціалъ демократомъ, скорѣе сторонникомъ его, при участіи лучшихъ силъ со стороны нѣмцевъ, французовъ, русскихъ, румынъ, сирійцевъ-арабовъ, турокъ и др.

Приведетъ ли этотъ органъ къ установленію нормальныхъ отношеній двухъ расъ и уврачуеетъ ли больныхъ іудействомъ—Богъ вѣсть. Мы знаемъ только, что судьбами міра править Всевышній и преимущество предоставитъ на исторической аренѣ достойнѣйшему. Язычники раньше не считались народомъ, или считались *языкомъ неразумливымъ* (Втор. 32. 21), но вѣра, говоритъ Златоустъ въ сочиненіи „противъ евреевъ“ произвела въ язычникахъ такую переменъ, что они сдѣлались досточтимѣе бывшихъ въ чести іудеевъ. По зависти къ нимъ и іудеи сдѣлались лучшими, перестали служить Веельфегору, которому раньше закалывали дѣтей, перестали заниматься волхвованіемъ (Тв. Зл. т. I, к. 2, ст. 616). Руководящая роль въ исторіи народовъ незримо принадлежитъ арійцамъ, а не семитамъ. И по человѣческимъ разсужденіямъ достойнѣйшимъ народомъ долженъ быть тотъ, чья вѣра истинна, чей идеаль будетъ выше матеріальныхъ интересовъ. Только поверхностный взглядъ больныхъ іудействомъ можетъ давать преимущество тѣмъ, которые, при всей немощи духа и тѣла, имѣють временный успѣхъ въ мелочныхъ побѣдахъ. Не изсякнетъ никогда могучая сила христіанскихъ народовъ-арійцевъ. Она распространяется среди терній незамѣтно медленнымъ, но твердымъ шагомъ, и оказываетъ благотворное вліяніе на семитовъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ пока, разсѣивая предрасудки и исправляя болѣзненные явленія. И

въ концѣ концовъ преимущество будетъ предоставлено не тѣмъ, которые, по внушенію талмуда, ищутъ этого, а тѣмъ, которые ищутъ и проповѣдуютъ братство и единеніе во Христѣ Иисусѣ.

Вейнинггеръ, развивая свой научный взглядъ на евреевъ, высказалъ ту мысль, что національность еврейская доселѣ не погибла потому, что она не осуществила никакой идеи, что еврейство и донинѣ подножіе для основателя религіи. Слова эти не совсѣмъ понятны. Но если перевести ихъ на языкъ ортодоксальный, то это значить: евреи доселѣ заблуждаются во взглядѣ на Мессію. Пройдутъ, быть можетъ, еще многіе вѣка ихъ заблужденіямъ, и пока не разъяснятся они, евреи будутъ, по выраженію Златоуста, повсюду влачить жизнь, какъ блуждающіе и безпріютные, какъ бѣглецы и изгнанники, и будутъ носить знаменіе своего наказанія. Идея іудеевъ выполнится тогда, когда они прійдутъ и поклонятся своему Мессіи Христу. Тогда только перестанутъ быть предметомъ еврейскаго вопроса и сойдутъ, такъ сказать, съ исторической сцены, потому что привьются къ лозѣ Христа и сдѣлаются новымъ Израилемъ. Это ихъ конечная цѣль и назначеніе. Настанетъ время, когда *исполнится число язычниковъ, и тогда спасется Израиль* (Римл. 11. 25, 26), какъ спасаются и нынѣ лучшіе изъ евреевъ чрезъ усвоеніе Евангельскихъ истинъ искреннимъ, пытливымъ сердцемъ ¹⁾. Слитная масса еврейская не пропускаетъ лучей Евангельскихъ истинъ, ибо ожесточеніе продолжается; но оно служитъ *знаменіемъ и свидѣтельствомъ* для арійцевъ-христіанъ, т. е. служитъ въ поученіе и назиданіе, а по словамъ Вейнинггера,—для напоминанія о „еврействѣ“.

Одинъ христіанскій ученый богословъ (Фарраръ) сказалъ: „Я имѣю основаніе думать, что іудейскій народъ давно

¹⁾ Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчено большое желаніе учениковъ и ученицъ слушать Евангеліе съ объясненіемъ на урокъ Закона Божія православнаго законоучителя; по этому ирепятствуютъ раввины.

уже научился съ любовью и почтеніемъ смотрѣть на Того, Котораго отвергли отцы ихъ; мало того, многіе изъ нихъ, убѣжденные неотразимою логикою исторіи, открыто признали, что Онъ былъ истинный обѣтованный Мессія, хотя они отвергаютъ вѣру въ Его Божество“. Взглядъ отрадный, но исполненный слишкомъ большого оптимизма, и можно при-мѣнить его только къ избраннымъ, лучшимъ изъ евреевъ. Къ прискорбію, въ массѣ еврейской *до сего дня* Онъ считается обманщикомъ, отвергаютъ вѣру въ Него.

Но будемъ до конца безпристрастны и справедливы. И арійцы-христіане грѣшны предъ Нимъ: уклоняются отъ вѣры въ Него. Тамъ ожесточеніе, здѣсь отступленіе. Тамъ Іуда не раскаявшійся, здѣсь Петръ отрекающійся. Если бы Іуда раскаялся, то былъ бы принятъ въ царство Христово, а христіанинъ-преступникъ нераскаявшійся будетъ изверженъ изъ царства Его. И у семитовъ есть возможность спастись, и у арійцевъ возможность погибнуть. Неизреченное милосердіе Божіе простирается и на убійцъ Мессіи Христа, когда они приходятъ къ Нему и поклоняются Ему, *но Онъ великъ и полнотою правосудія* (Іос. 37. 23) ко всѣмъ дѣлающимъ беззаконіе. Смыслъ жизни всѣхъ народовъ—сгладить, побѣдить въ себѣ то, что Вейнингеръ называетъ „еврействомъ“. Къ этому должны стремиться и семиты и арійцы. „Мы, скажемъ словами богослова Фаррара, можемъ смиренно вѣровать въ то, что быстро близится день, когда Тотъ, Котораго распяли іудей, и божественныя откровенія Котораго такъ часто и такъ постыдно опозоривались христіанами, разрушить средостѣніе между ними, и оба племени сдѣлаются единымъ въ религіи, въ сердцѣ и жизни; семитъ и аріецъ, іудей и язычникъ—всѣ соединятся для того, чтобы нести благословеніе и благовѣстіе міру“ (Жизнь І. Хр. 25 гл.). Тогда не будетъ различія между еллиномъ и іудеемъ, тогда не будетъ и больныхъ іудействомъ, тогда сойдетъ со сцены и „еврейскій вопросъ“, и настанетъ равноправіе.

Протоіерей *Димитрій Говоровъ*.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Составъ нашего XVII курса.

Нашъ курсъ (1851—1855 г.) былъ семнадцатый, со времени преобразованія старой Кіевской Академіи въ 1819 году, по Уставу 1814 года.

Послѣ вступительныхъ экзаменовъ принято было въ Академію 54 студента, въ томъ числѣ одинъ священникъ Мартиніанъ Андріевскій изъ Кіевской епархіи. Впрочемъ, нѣкоторые (немногіе) приняты были условно, *до усмотрѣнія* ихъ успѣховъ въ теченіе перваго учебнаго академическаго года. Такая практика, — принятіе въ Академію студентовъ *до усмотрѣнія*, — держалась въ Академіи, до введенія Устава 1869 года. Кромѣ этихъ 54 студентовъ въ составъ курса вошли три иностранца, принятые въ Академію по особому распоряженію Святѣйшаго Синода. Такимъ образомъ полное число студентовъ въ курсѣ было 57 человекъ. Но изъ нихъ окончило курсъ только 52 студента. Пять человекъ выбыли изъ Академіи до окончанія курса. Одинъ (Александръ Діомидовъ, сынъ переяславскаго протоіерея и смотрителя Переяславскаго духовнаго училища) скончался черезъ два года академическаго курса. Другой (Григорій Вержеховскій изъ могилевскихъ) долженъ былъ оставить Академію по своему болѣзненному состоянію, при переходѣ изъ младшаго курса въ старшій. А три студента, принятые *до усмотрѣнія* (Иванъ Нестеровскій изъ Полтавской семинаріи, Иванъ Диковскій и Михаилъ Шевченко изъ одесской), въ половинѣ перваго учебнаго года къ Рождеству были уволены изъ Академіи, какъ не подававшіе надежды на хорошіе успѣхи въ будущемъ, главнымъ образомъ по представленію профессора словесности

¹⁾ См. № 13-й за 1910 г.

Василія Ивановича Трейфова, которому они подали сочиненія, признанныя имъ неудовлетворительными. Куда дѣвались Диковскій и Шевченко, не знаю. А Нестеровскій, выбывъ изъ Академіи, поступилъ на гражданскую службу, и скоро приобрѣлъ на ней репутацію дѣловаго человѣка. Впослѣдствіи времени онъ занималъ очень видное мѣсто въ администраціи Туркестанскаго края.

Изъ иностранцевъ съ нами вмѣстѣ учились одинъ румынъ (Димитрій Константиновичъ Перьянъ) и два грека, — іеромонахъ Агаѳангель Властарисъ, окончившій курсъ въ Халкинской богословской школѣ, и Николай Попандопуло, учившійся прежде въ аѳинскомъ университетѣ. Д. Перьянъ, до поступленія въ Академію, учился въ Московской духовной семинаріи. Это былъ добрыйшій человѣкъ, преданный Россіи и любившій русскихъ. Онъ даже нашелъ себѣ невѣсту въ Кіевѣ; но по окончаніи курса, онъ уѣхалъ на родину и не возвращался въ Кіевъ для заключенія брака, не потому впрочемъ, чтобы онъ измѣнилъ своей невѣстѣ, а потому (какъ ходили слухи), что прибывъ на родину, онъ скоро скончался, кажется, отъ холеры.

Успѣхами иностранцы не отличались, и при окончаніи курса академической степени не получили. Изъ нихъ лучше успѣвалъ Перьянъ, которому Московская семинарія дала достаточную подготовку къ слушанію академическихъ лекцій, и который старался выполнять, какъ умѣлъ, все, что считалось обязательнымъ для студентовъ, чего греки не дѣлали. Особенно скорбѣлъ по поводу своихъ недостаточныхъ успѣховъ Агаѳангель Властарисъ. Его досада и скорбь по этому поводу увеличивалась еще отъ того, что въ нашей Академіи, почти въ одно время съ нимъ (въ XVI курсѣ) учился его товарищъ по Халкинской школѣ архидіаконъ Григорій Веглерисъ, который умѣлъ заслужить вниманіе и Академіи и общества, чего Властарисъ не могъ приобрести. Этотъ Григорій Веглерисъ былъ чрезвычайно красивый мужчина: его привлекательная наружность сразу спискали ему въ Кіев-

скомъ обществѣ многихъ почитателей. Иные изъ кіевлянъ нарочито приходили въ Братскій монастырь, чтобы посмотрѣть на него во время служенія, и онъ былъ принятъ въ аристократическіе дома города Кіева: кіевскія дамы баловали его, сколько могли. Онъ былъ племянникъ Дерконскаго митрополита и обладалъ хорошими средствами. Къ своимъ товарищамъ-студентамъ онъ относился въ высшей степени любезно и, владѣя хорошими средствами, нерѣдко угощалъ ихъ. Этотъ Веглерисъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ академіи и даже удостоенъ былъ степени магистра, за сочиненіе, самостоятельная обработка котораго многими была заподозрѣна. По окончаніи курса въ Академіи, онъ нѣкоторое время провель за границей, и по возвращеніи оттуда, нѣсколько лѣтъ былъ бакалавромъ греческаго языка въ С.-Петербургской духовной Академіи, а потомъ настоятелемъ греческой церкви въ С.-Петербургѣ, и затѣмъ въ Одессѣ, гдѣ и скончался. Успѣхи Веглериса возбуждали зависть въ Агаѳангелѣ, и онъ не разъ съ неудовольствіемъ высказывалъ свое недоумѣніе по поводу предпочтенія, оказываемаго всѣми Веглерису. Какъ это случилось (говорилъ онъ), когда Веглерисъ, при окончаніи курса въ Халкинской школѣ, выпущенъ былъ съ титуломъ „*καλὸς διδάσκαλος*, а я *ἄριστος διδάσκαλος*? Но что дѣлать? *Ἄριστος διδάσκαλος* Халкинской школы оказался плохимъ ученикомъ Кіевской Академіи, что условливалось частію недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка Властарисомъ.

Изъ товарищей нашихъ двое поступили въ Академію, по окончаніи университетскаго курса. Одинъ изъ нихъ, Илья Станиславовичъ Келюсъ, полякъ, бывший прежде римско-католикомъ, обращенъ былъ въ православіе іеросхимонахомъ Кіево-Печерской Лавры Теофиломъ, и по его совѣту поступилъ въ Академію, для большаго утвержденія въ православіи. Келюсъ, будучи студентомъ, отличался особою религіозностію, но въ монахи не поступилъ, какъ мы предполагали вначалѣ, по его настроенію, когда онъ сталъ жить вмѣстѣ съ нами. Онъ былъ добрый и кроткій товарищъ, но и ино-

гда выступалъ съ скромнымъ осужденіемъ нѣкоторыхъ вольностей, допускаемыхъ студентами. Но успѣхи его были очень слабы, и отмѣчены баллами ниже, чѣмъ успѣхи прочихъ его товарищей. У меня сохранилась вѣдомость студентовъ XVII курса, съ показаніемъ ихъ успѣховъ за всѣ четыре года академическаго курса. Отмѣтки въ вѣдомости сдѣланы рукою секретаря Правленія Академіи профессора Венедикта Павловича Чеховича по шестибальной системѣ цифрами и подѣ цифрами соотвѣтствующими цифрамъ похвалами. У Келюса почти по всѣмъ предметамъ стоитъ низшій баллъ 1, что въ вѣдомости означено словами: порядочно, не худо,—но нѣкоторымъ 2 (достаточно, довольно, хорошо), и только по одному 3 (хорошо). Вслѣдствіе своихъ малыхъ успѣховъ Келюсъ не былъ удостоенъ академической степени. По этой же причинѣ онъ не былъ приглашенъ на служеніе церкви, не смотря на заявленное имъ прежде желаніе принять духовный санъ. Коллежскимъ секретаремъ поступилъ онъ въ Академію, коллежскимъ секретаремъ и вышелъ изъ нея. По окончаніи академическаго курса, онъ поступилъ на гражданскую службу, служилъ въ Кіевѣ и въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Кіевской губерніи. Служба его была очень скромная: онъ занималъ низшія, подчиненныя мѣста въ канцеляріяхъ, и ему не удалось достигнуть виднаго мѣста въ томъ вѣдомствѣ, которое приняло его на службу, хотя онъ былъ исполнительный чиновникъ.

Другой нашъ товарищъ изъ студентовъ Харьковскаго университета Василій Мокринскій успѣвалъ лучше, чѣмъ Келюсъ, но тоже не блистательно. Онъ, кажется, до поступленія въ университетъ, прошелъ семинарскую школу (въ Екатеринославѣ), и это помогло ему въ теченіе академическаго курса нѣсколько сравняться съ студентами изъ семинаристовъ. Въ разрядномъ спискѣ онъ занималъ очень низкое мѣсто (44-е), но при окончаніи курса удостоенъ былъ степени кандидата, и по окончаніи курса опредѣленъ былъ учителемъ въ Кіево-Софійское духовное училище.

Широкое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ занимаютъ студенты-товарищи, принявшіе иночество. Большинство изъ нихъ поступили въ монашество не въ Академіи, а уже на службѣ, по окончаніи курса. Въ этомъ указывали рѣдкое отличіе нашего курса отъ предшествующаго ХVІ курса. Въ ХVІ курсѣ, въ теченіе академическаго курса, приняли иночество до десяти свѣтскихъ студентовъ. А изъ нашихъ товарищей, до окончанія курса въ Академіи, пострижены въ монахи, кромѣ вдоваго священника Андріевского, только два свѣтскихъ студента,—Иванъ Михайловичъ Семовъ (изъ орловской семинаріи) и Теофанъ Леонтьевичъ Доброленскій (изъ Черниговской семинаріи). Оба они пострижены въ монашество въ лаврѣ, въ вакацію, за годъ до окончанія курса, въ одинъ день (27 іюня 1854 года). Ректоръ Академіи Антоній, далъ имъ при постриженіи, имена славянскихъ первоучителей, назвавъ одного (Семова) Меѳодіемъ, а Доброленскаго Кирилломъ.

Проф. *Василій Пивницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Нежелательная двойственность.

Исходя изъ словъ Священнаго Писанія „болитъ кто въ васъ да призоветъ“... (Іак. 5—14) и практики апостольской подавать исцѣленіе болящимъ чрезъ елепомазаніе, Св. Церковь установила совершеніе св. таинства елеосвященія надъ болящими и преимущественно тяжело больными. Весь чинъ елеосвященія или, какъ обыкновенно принято его называть, соборованія, проникнуть моленіемъ къ Господу о дарованіи исцѣленія больному, о воздвиженіи его отъ одра болѣзни. Между тѣмъ, непривычнаго человѣка странно поражаетъ практика нѣкоторыхъ монастырей совершать елеосвященіе надъ здоровыми тѣлесно: соборуются монашествующіе, а глядя на нихъ и богомольцы-міряне Не видя ничего по-

добнаго въ практикѣ сельскихъ приходо́въ, гдѣ къ соборова-
нію прибѣгаютъ въ крайнихъ только случаяхъ, при тяжелой
болѣзни, мы на первыхъ порахъ не рѣшались соборовать
здоровыхъ. Но затѣмъ, настойчивыя просьбы желающихъ
собороваться, недружелюбный взглядъ монашествующихъ на
наше уклоненіе отъ монастырской практики, а также практи-
ка нѣкоторыхъ сосѣднихъ монастырей—все это заставило и
насъ *допустить* фактъ соборова́нія здоровыхъ. Но несмотря
на это, соборованіе здоровыхъ мы признаемъ явленіемъ не-
согласнымъ съ извѣстнымъ апостольскимъ правиломъ и по-
грѣшительнымъ противъ церковной практики. Въ самомъ
дѣлѣ, ни съ чѣмъ нельзя примирить обращеніе чело́вѣка,
безъ всякой нужды, за помощію къ дѣйствию благодати Бо-
жіей, съ молитвою къ Богу объ исцѣленіи даннаго лица,
которое чувствуетъ себя совершенно здоровымъ. Какъ ни
горько сознаться, но въ этомъ нельзя не признать религіоз-
наго абсурда и профанаціи св. таинства, на что никогда не
долженъ рѣшиться сознательно вѣрующій христіанинъ. Мы
особенную чувствуемъ неловкость и душевное раздвоеніе,
когда елеосвящаемъ здороваго; совѣсть немолчно говорить,
что въ великомъ таинствѣ совершается неправое дѣло. Правда
и душевное исцѣленіе испрашивается въ этомъ таинствѣ,
что отчасти и примиряетъ совершителя его съ неловкостію
своего положенія,—но исцѣленіе это предполагается, какъ
дополненіе и прида́токъ къ тѣлесному выздоровленію: ...и
какіе сотворилъ грѣхи, отпустятся ему. Да для прощенія
грѣховъ есть особенно опредѣленное таинство покаянія.—
Вообще, едва ли чѣмъ можетъ быть оправданъ обычай еле-
освященія здоровыхъ; онъ долженъ подлежать безусловному
искорененію, но наложить руку на него безсиленъ каждый
въ отдѣльности священникъ монастыря: только епископскій
авторитетъ будетъ здѣсь имѣть рѣшающее значеніе.

Монастырскій іерей.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 29-го марта 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 11 апрѣля.

Содержаніе: I. Народно-пѣвческое дѣло. Свщ. В. Пестраковъ.—II. Стра-
стная седмица. Н. У—въ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе).
Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Запѣтка. Въ чемъ заключается секретъ
хорошаго чтенія?

Народно-пѣвческое дѣло.

Передъ нами весьма интересный отчетъ о дѣятельности Пермскаго попечительства о народной трезвости за послѣдній отчетный годъ. Попечительствамъ этимъ за послѣдніе годы пришлось перенести не мало всякихъ невзгодъ¹⁾. Какъ одна изъ правительственныхъ мѣръ въ борьбѣ съ вѣковымъ русскимъ недугомъ, какъ учрежденіе „официально-бюрократическое“, попечительство о народной трезвости уже на первыхъ порахъ своего существованія въ нѣкоторой части общества и печати встрѣтило рѣзкую критику и осужденіе. Поверхностные разговоры о большомъ и полезномъ дѣлѣ

¹⁾ Въ послѣдніе годы на Руси вошло въ моду либо осуждать, либо замалчивать всякую полезную правительственную мѣру.

привели къ тому, что въ послѣдніе два года стали ходить упорные слухи сначала о полномъ упраздненіи, а затѣмъ о реформѣ попечительствъ. Во что выльется эта реформа, къ какимъ результатамъ она приведетъ—говорить пока трудно, но что и теперь, при существующемъ положеніи, попечительства приносятъ свою пользу—для безпристраснаго наблюдателя—очевидно, и всего лучше доказывается это печатными отчетами, подобно отчету Пермскаго попечительства. Мы не будемъ разсматривать отчетъ во всей его полнотѣ, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста,—отмѣтимъ одну весьма интересную и при томъ новую черту въ дѣятельности этого попечительства. Удостоенный въ 1903 году *Высочайшей* отмѣтки: „*Желалъ бы видѣть повсемѣстное распространеніе пѣвческихъ обществъ*“, Пермскій Губернскій Комитетъ на эту именно сторону обратилъ свое особое вниманіе.

Съ цѣлью развитія народно-пѣвческаго дѣла, Комитетъ каждое лѣто, въ Перми или Екатеринбургѣ, устраиваетъ курсы пѣвческой грамоты. Преобладающій элементъ среди курсистовъ—простецы: „сельскіе и заводскіе обыватели, затѣмъ—учителя и псаломщики. Значительная часть вниманія и времени на курсахъ посвящается церковному пѣнію: такъ въ программу курсовъ отчетнаго года входило: изученіе основъ постановки голоса, теоріи музыки, краткой исторіи церковнаго пѣнія, ознакомленія съ методами обученія пѣнію и нотной грамотѣ, разборъ учебниковъ; изученіе церковныхъ и внѣцерковныхъ хоровыхъ произведеній и практическія занятія по регентскому дѣлу.

Для ознакомленія съ пѣвческой церковной литературой выбирались преимущественно обиходные распѣвы, переложенія церковныхъ пѣснопѣній лучшихъ русскихъ композиторовъ, а также композитовъ мѣстныхъ—пермскихъ:—Шиляева и Яичкова.

По внѣцерковному пѣнію дѣло велось серіозно и солидно, въ русскомъ духѣ: здѣсь преобладало изученіе духовныхъ

стиховъ, былинь и пѣсенъ въ переложеніяхъ лучшихъ русскихъ композиторовъ.

Кромѣ курсовъ, попечительствомъ были устроены бесплатныя народно-пѣвческія классы въ Перми и Екатеринбургѣ. Число учащихся въ классахъ достигало до 100 чело-вѣкъ. Въ 1907 году Пермскимъ попечительствомъ было отпущено 5781 экземпляръ нотъ на 3828 рублей, изъ нихъ въ собственность разныхъ лицъ и учреждений отпущено на сумму 832 рубля.

Общая сумма расхода на народно-пѣвческое дѣло за отчетный годъ выразилась въ суммѣ 13,859 руб. Главная статья расхода—пособіе хорамъ—потребовала 5038 руб., что на 204 хора, получившихъ пособіе, даетъ въ среднемъ 24 рубля 14 коп.

Свѣтлую и дорогую Православной Церкви сторону въ дѣятельности Пермскаго попечительства о народной трезвости составляло то, что работа его велась въ церковномъ духѣ, и въ тѣсномъ союзѣ съ Церковью. Такъ, пермскій бесплатный народно-пѣвческій классъ помѣщался бесплатно въ зданіи Богородицкаго церковно-приходскаго попечительства. Изъ 263 народно-пѣвческихъ хоровъ только 6 не пѣли въ церквахъ и часовняхъ. 20% курсистовъ на курсахъ пѣвческой грамоты были учителя церковно-приходскихъ школъ и 10%—псаломщиковъ. Главное вниманіе на курсахъ было посвящено церковному пѣнію. Лекторами на народныхъ чтеніяхъ были священники, учителя и учительницы. Изъ общаго числа лекторовъ—109 чело-вѣкъ 23 лектора—лица духовнаго званія. Членовъ соре-внователей духовенство дало въ отчетномъ году 130 чело-вѣкъ изъ общаго числа 285 чело-вѣкъ, 11 лицъ священно-церковно-служителей были участковыми попечителями. При соликамской библиотекѣ-читальнѣ завѣдывающимъ книжнымъ складомъ состоялъ преподаватель духовнаго училища. Кромѣ книгъ и картинъ въ этомъ складѣ продавались книжки для поминовенія и крестики.

Что касается значенія народно пѣвческаго дѣла для подъема религіи, утвержденія въ народѣ православной вѣры, то оно несомнѣнно. На вопросъ Комитета о томъ, „вліяеть ли пѣніе хора на число молящихся въ церкви и на число посѣщающихъ бесѣды и чтенія“ отъ 238 хоровъ получился отвѣтъ утвердительный.

Въ заключеніе нашей краткой замѣтки, пожелаемъ Пермскому Комитету успѣха въ дальнѣйшей его плодотворной дѣятельности и будемъ вѣрить и надѣяться, что полезное учрежденіе, представителемъ котораго является Пермское попечительство, не погибнетъ и не заглохнетъ и будетъ приносить свой добрый плодъ.

Свящ. В. Пестряковъ.

Страстная седмица.

Какъ въ природѣ видимой, при всей правильности смѣняющихся въ ней изъ года въ годъ явленій, послѣ зимняго холода приходитъ весна, и все оживаетъ, торжествуетъ подъ живительными лучами солнца, такъ и въ жизни духовно-разумныхъ существъ, въ жизни церковно-религіозной, ежегодно наступаютъ періоды особеннаго духовнаго подъема, духовнаго оживленія и озаренія, которые освѣщаютъ жизнь нашу великими, чудными моментами и служатъ источникомъ рѣдко испытываемыхъ нами восторговъ небесныхъ на землѣ. Чѣмъ являлась бы жизнь наша съ ея однообразіемъ и монотонностью, съ ея постоянною суетою и злобою безъ этихъ отраднѣйшихъ, вожделѣннѣйшихъ періодовъ, которые всегда навѣвають на душу полноту сладостнаго умиленія, всегда питаютъ и согрѣваютъ сердце, никогда не теряя своей свѣжести и силы?

Такимъ священнымъ временемъ въ кругу года церковнаго является цѣлая седмица, издревле называемая великою и святою. Эта Страстная седмица, посвященная воспомина-

нію событій величайшаго, безпримѣрнаго всемірно-историческаго смысла и значенія, воспоминанію послѣднихъ дней изъ жизни нашего Спасителя, дней Его страданій и смерти, когда, по выраженію Церкви, богатый Божествомъ, Самъ Создатель пришелъ послужить обнищавшему Адаму, коего и образъ волею на Себя принялъ, и, безстрастный по Божеству, восхотѣлъ положить за него душу ¹⁾).

Съ самаго начала христіанской Церкви Страстная недѣля, по своей неизмѣримой важности, была почитаема всѣми особеннымъ, глубочайшимъ образомъ. Еще святые апостолы, благоговѣя къ великимъ событіямъ смерти и воскресенія Христова, по вознесеніи Господа на небо, начали праздновать великую недѣлю страданій и смерти Его и всѣмъ вѣрующимъ заповѣдали съ особеннымъ благоговѣніемъ хранить ее ²⁾). Отсюда и св. Церковь, пишетъ блаженный Симеонъ Солунскій, „дни Страстной седмицы посвящаетъ особенному, торжественному благоговѣнію ради Господнихъ страданій, которыя за насъ претерпѣлъ Господь, безстрастіе намъ даруя“ ³⁾). „Въ эту седмицу“, говоритъ святой Іоаннъ Златоустъ, „совершены великія дѣла Господомъ: сокрушено продолжительное насиліе діавола, упразднена смерть, связанъ крѣпкій, и оружія его уничтожены, изглаженъ грѣхъ, отнято проклятіе, отверзся рай, небо перестало быть неприступнымъ, люди стали обитать съ ангелами, стѣна разрушена, ограда разорена, Богъ мира умиротворилъ горнее и земное ⁴⁾).

И, конечно, Страстная седмица всегда, въ теченіе вѣковъ всегда просвѣтляетъ наше религіозно-нравственное чувство, поддерживаетъ вѣру, подавляетъ грѣхъ.

Остановимся же своимъ вниманіемъ на этихъ знаменательнѣйшихъ, священнѣйшихъ испуительныхъ дняхъ, всмо-

¹⁾ Ирмосъ на утрени въ велик. понедѣльн.

²⁾ Апостол. Постановл. кн. V, гл. 12.

³⁾ Новая скрижаль архіеп. Веніаміна о св. Четырдесят. § 6.

⁴⁾ Бесѣда на псал. 145, Бес. 30-я на кн. Бытія.

тримся ближе въ тѣ величественныя черты, изъ которыхъ слагается богослуженіе Страстной седмицы. Въ немъ ярко отразился Божественный ликъ Самого Христа, идущаго на вольныя страданія и смерть, страдающаго, умирающаго за грѣшный родъ человѣческой. Спаситель міра, въ послѣдніе дни земной жизни Своей, является вмѣстѣ и во всемъ Своемъ Божескомъ величїи, и во всемъ человѣческомъ униженїи, которое доходитъ до смерти крестной. Но нигдѣ еще эта противоположность не получаетъ такого яркаго, такого осязательнаго выраженія, какъ въ Богослуженїи Страстной недѣли съ его дивными священнодѣйствїями, которыя своею грустною торжественностїю способны заставить углубиться въ себя самое разсѣянное, самое вѣтренное и порабощенное мірской суетѣ сердце.

Главное, господствующее чувство, которымъ проникнуто богослуженіе Страстной седмицы, есть чувство глубочайшей скорби о страданїяхъ Христа за грѣхи міра, но въ то же время это чувство умиротворяется радостнымъ воззрѣнїемъ на благодатные плоды искупительной смерти Сына Божїя и утѣшительною надеждою на близкій и необходимый часъ Его славнаго воскресенія.—Церковь и скорбитъ, и радуется, и постится, и празднуетъ въ великіе дни страданїй, смерти и погребенїя Искупителя. Такимъ именно двойственнымъ характеромъ поста и праздника отличалась Страстная седмица и въ другія времена христіанства. Апостольскія постановленїя изображаютъ ее то какъ время строгаго поста, то какъ великій праздникъ, стоящій наравнѣ съ Пасхою, и даже называютъ ее *Пасхою крестною*¹⁾. Въ кодексѣ государственныхъ законовъ императора Θεодосїя Великаго находится такое предписаніе относительно Страстной седмицы: „семь дней Пасхи, которые предшествуютъ, и семь дней, которые послѣдуютъ за днемъ Воскресенїя Христова, пусть одинаково

¹⁾ См. Ап. Постановл. кн. V, гл. 18 и кн. VIII, гл. 33.

почитаются“¹⁾). И дѣйствительно, древніе христіане, причисляя Страстную седмицу къ Пасхѣ, соблюдали въ продолженіе ея. тѣ же благочестивые обычаи, которыми отличали и празднованіе Пасхальной седмицы. Евсевій передалъ, что богослуженіе Страстной седмицы во II в. въ Іерусалимѣ отличалось особенною торжественностію и великолѣпнымъ освѣщеніемъ богослужебныхъ мѣстъ²⁾). Императоръ Константинъ Великій въ ночныя бдѣнія въ продолженіе всей Страстной седмицы украшалъ Константинополь великолѣпнымъ освѣщеніемъ³⁾). Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ Страстную седмицу называетъ всенароднымъ праздникомъ⁴⁾). „Вотъ, говорилъ въ рѣчахъ къ своей паствѣ блаженный Августинъ, тѣ дни, которые весь міръ, при приближеніи Пасхи, празднуетъ съ достохвальнымъ благоговѣніемъ“⁵⁾). Только строжайшій постъ и воздержаніе всегда отличали Пасху крестную отъ Пасхи воскресной. „Одни проводили всѣ шесть дней въ постѣ, другіе два послѣдніе, а иные три, четыре“⁶⁾). „Всѣ шесть дней предъ Пасхою, говоритъ св. Елифаній Кипрскій, народъ привыкъ проводить въ сухояденіи, спать на землѣ, проводить время въ молитвахъ, бдѣніяхъ и во всякомъ удрученіи тѣла“. „Въ это время, пишетъ св. Златоустъ, всѣ собираются для общественнаго богослуженія, многіе усугубляютъ свои благочестивые подвиги; иные увеличиваютъ пощенія; другіе—священныя бдѣнія, иные творятъ обильнѣйшую милостыню, и таковымъ усердіемъ къ благимъ дѣламъ и сугубымъ благочестіемъ свидѣлствуютъ о великости благодѣяній, намъ оказанныхъ отъ Бога⁷⁾). Не только Церковь заботилась о благочестивомъ настроеніи въ-

¹⁾ Codex Theodos lib. II t t. 8. 1. 2.

²⁾ Церков. Исторія Евсевія кн. VI. гл. 8.

³⁾ См. о жизни Констант. Евсевія кн. IV, гл. 22.

⁴⁾ См. Бес. 37 на Еванг. отъ Мате.

⁵⁾ См. Рѣчи 253, 254, 126.

⁶⁾ См. Діонисій Александрійскій сбор. посл. прав. 1.

⁷⁾ См. т. 3, Бесѣд. на Псал. 145.

рующихъ въ теченіе Страстной недѣли, но и христіанское государство помогало ей въ этомъ великомъ дѣлѣ. Всѣ суды закрывались, государи прощали плѣнныхъ, должниковъ и другихъ виновныхъ, владѣльцы давали рабамъ своимъ отдохновеніе отъ трудовъ и даже свободу; епископы примиряли съ Церковію кающихся, показавшихъ признаки исправленія. Христіанскіе цари въ эту недѣлю отличались такою благотворительностію, что св. Амвросій и св. Златоустъ считали необходимымъ представлять ихъ въ примѣръ, чтобы подражали имъ и прочіе вѣрующіе ¹⁾. „Наши цари, поучалъ нѣкогда св. Златоустъ, даруютъ въ это время свободу отъ дѣлъ всѣмъ находящимся на общественной службѣ, чтобы они во дни Страстной седмицы, прекративъ свои занятія, проводили въ служеніи Богу ²⁾).

Вступленіемъ въ великую недѣлю какъ тогда, такъ и нынѣ, служитъ Вербное Воскресеніе, или недѣля Ваи. Подражая первенствующимъ христіанамъ, Православная Церковь взываетъ: „отъ вѣтвій и ваи, яко отъ божественнаго праздника, въ божественный прешедше праздникъ, стецемся, вѣрніи, къ честному и спасительному таинству Христовыхъ страстей и Господа видимъ терпяща за насъ страсть вольную“ ³⁾. Сопровождая же Господа на вольныя страданія и принимая живое участіе въ этихъ страданіяхъ, сообразуясь, по заповѣди апостола, смерти Его“ ⁴⁾, св. Церковь облекается, такъ сказать, въ трауръ, и свои дѣйствія, свои службы согласуетъ съ этими печальными воспоминаніями. Самое богослуженіе Страстной седмицы, по своему внутреннему содержанію, отличается необыкновенно живымъ и полнымъ изображеніемъ воспоминаемыхъ событій. Вообще, „со дня входа Господня въ Іерусалимъ до дня смерти Его, святая Церковь внимательнымъ окомъ любви и благоговѣнія

¹⁾ См. Письмо къ Марцелл. и Бесѣду на псал. 145.

²⁾ Бесѣд. на псал. 145.

³⁾ См. повечеріе нед. Ваи на стих. стих. самогласны.

⁴⁾ Филип. гл. III, 10.

слѣдить за каждымъ моментомъ послѣднихъ дней Спасителя; сама входитъ и насъ вводитъ въ самыя душевныя расположенія грядущаго на вольную страсть Христа, Бога нашего. Поэтому все, что только въ Ветхомъ Заветѣ было предъизображено или предсказано, а въ Новомъ изображено и сказано о послѣднихъ дняхъ и часахъ земной жизни Богочеловѣка, Церковь сводитъ въ одинъ живой и величественный образъ, который постепенно и раскрывается предъ нами въ богослуженіи Страстной седмицы. Всмотримся въ черты этого образа.

Первые три дня Страстной седмицы назначены Церкви, главнымъ образомъ, для приготовленія насъ къ послѣднимъ днямъ ея. Но и эти первые три дня ознаменованы различными незабвенными событіями, которыя имѣютъ самое близкое отношеніе къ событіямъ Великой пятницы и субботы.

Начиная съ Великаго понедѣльника „прославлять честныя страданія Господа“, св. Церковь вспоминаетъ въ этотъ день патріарха Іосифа, жизнь котораго изъ всѣхъ посланниковъ Божіихъ, пострадавшихъ отъ злобы братій своихъ, представляетъ особенно живой и ясный прообразъ жизни Христовой. „Господь“,—говоритъ св. Златоустъ въ одной своей бесѣдѣ на Страстную недѣлю ¹⁾),—„образованъ въ Іосифѣ задолго до того, что имѣло впоследствии произойти. Въ Іосифѣ есть великое подобіе Господа“.—Іосифъ, читаемъ въ синаксарѣ на Великій понедѣльникъ,—есть прообразъ Христовъ, потому что и Христосъ былъ предметомъ зависти для своихъ единоплеменниковъ—іудеевъ, былъ проданъ ученикомъ за тридцать сребренниковъ и заключенъ, какъ въ темницу, въ мрачный гробъ“ ²⁾). Евангельское повѣствованіе въ Великій понедѣльникъ знаменательно напоминаетъ объ изсохшей, безплодной смоковницѣ. По изъясненію Церкви, изсохшая смоковница, знаменуя собой лицемѣрное сонмище іудейское,

¹⁾ Том. VI слово 70.

²⁾ См. Синаксаръ въ Великій понедѣльникъ.

въ которомъ Спаситель нашель наружное благочестіе безъ внутренняго, указываетъ на конечную судьбу всѣхъ упорныхъ противниковъ благодати спасенія, всѣхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. Смоковницѣ подобна всякая душа, не имѣющая духовныхъ плодовъ. На зеленѣющей безплодной смоковницѣ Спаситель показалъ то, что онъ имѣеть силу не только благотворить, но и наказывать ¹⁾.—Воспомявая поэтому страшный судъ Божій надъ іудеями, знаменательно предуказанный въ проклятій смоковницы, св. Церковь переносится мыслию къ будущему страшному суду надъ всѣмъ человѣчествомъ. Предостерегая насъ, въ виду неизвѣстности дня и часа второго пришествія Христова, отъ крайняго ожесточенія въ грѣхахъ, св. Церковь съ утрени Великаго понедѣльника начинаетъ оглашать слухъ нашъ пѣніемъ глубоконазидательныхъ пѣснопѣній: *Се женихъ грядетъ въ полнощи и Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный.*

Великій вторникъ, по значенію священныхъ событій, которыми онъ ознаменованъ, составляетъ какъ бы продолженіе Великаго понедѣльника. Судъ на враждебныхъ Богу іудеевъ, выраженный въ проклятій безплодной смоковницы, Господь произноситъ теперь въ возвышенномъ пророчествѣ о конечномъ разореніи Іерусалима и храма. Видя, что ожесточеніе книжниковъ и фарисеевъ достигло крайней степени, Іисусъ Христосъ произнесъ противъ нихъ обличительную рѣчь, въ которой многократно взывалъ: „горе вамъ, книжники и фарисеи,—лицемѣры“ ²⁾, затѣмъ угрожалъ Іерусалиму и храму окончательнымъ запустѣніемъ, такъ что „не имать остатися камень на камени“ ³⁾.

¹⁾ См. Синаксарь въ вел. понед., равно и пѣсноп. въ тотъ день.

²⁾ Гл. 23 отъ Мате.

³⁾ Луки гл. 19 ст. 43—44. Какъ поразительно это пророчество! Не прошло и 40 лѣтъ, по вознесеніи Іисуса Христа, какъ стѣны храма были сравнены съ землей, и плугъ, въ собственномъ смыслѣ слова, прошелъ по развалинамъ славнаго города. Въ настоящее время ученые путешественники, посѣщая Палестину, съ величайшею скорбію описываютъ за-

Но такъ какъ у іудеевъ было общее вѣрованіе, что съ паденіемъ Іерусалима и храма послѣдуетъ и кончина міра, то Спаситель, въ пророческомъ отвѣтѣ своемъ на вопросъ учениковъ о времени и знаменіяхъ этихъ страшныхъ событій, перенесъ мысль своихъ слушателей отъ паденія Іерусалима къ послѣднимъ временамъ царства благодати и всего міра.

Второе пришествіе Свое для послѣдняго суда надъ всѣми противниками благодати спасенія, Спаситель сравниваетъ съ приходомъ вора въ глубокую полночь и внушаетъ всѣмъ и каждому быть въ постоянной готовности ко дню судному ¹⁾).

Описывая затѣмъ всеобщій судъ, Спаситель главнымъ образомъ указываетъ на чрезвычайную важность дѣлъ милосердія, такъ какъ основой ихъ является любовь ²⁾)... Свою бесѣду о второмъ пришествіи Іисусъ Христосъ заключилъ двумя притчами: о мудрыхъ и неразумныхъ дѣвахъ и о талантахъ, показывая этимъ, насколько необходима духовная бдительность, духовное бодрствованіе вмѣстѣ съ запасомъ добрыхъ дѣлъ.

Чѣмъ ближе Спаситель подходитъ къ Своему кресту, тѣмъ живѣе представляется Церкви страшная мысль о будущемъ судѣ надъ христоубійцами—іудеями и надъ всѣми упорными врагами благодати спасенія.—*Се женихъ грядетъ въ полнощи...*,—внушительно вѣщаетъ св. Церковь, *блуди убо, душе моя, да не сномъ отялотишися. Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да*

пустыніе древней столицы Іудейской. „Если бы я“, пишетъ Піатобріанъ, жилъ тысячу лѣтъ, то никогда не забылъ бы того мѣста въ Палестинѣ, съ котораго я бросилъ первый взоръ на Іерусалимъ. Когда проводникъ мой воскликнулъ: „вотъ святой городъ Іерусалимъ“,—то я не могъ вѣрить словамъ его. Мнѣ показалось, что я вижу безобразную массу каменныхъ обломковъ... (См. у Барсова въ собраніи статей по истолковат. и назидательному чтенію Четвероевангелія).

¹⁾ Мѡ. 24, 42—43; Лук. 22, 9—12 и д. Марка 13, 8 и д.

²⁾ Мѡ. 25, 35—45.

виду въ онь. Просвьти одъяніе души моя, Свьтодавче, и спаси мя!

Въ среду Страстной седмицы Православная Церковь издревле воспоминаетъ о женѣ грѣшницѣ, которая въ этотъ день умыла своими слезами, отерла своими волосами и помазала драгоценнымъ миромъ ноги Спасителя на вечери въ домѣ Симона прокаженнаго ¹⁾. При этомъ случаѣ первый разъ ясно обнаружился въ Іудѣ Искаріотскомъ ²⁾ духъ ко-рыстолюбія, который, подѣ вліяніемъ духа злобы, развился въ погибельную страсть, сдѣлавшую изъ него „предателя Спаса“ ³⁾. Грѣшница принесла къ ногамъ Христовымъ главу свою,—говоритъ Св. Златоустъ въ бесѣдѣ на Великую среду, „Іуда простеръ руки къ незаконнымъ; та искала оставленія грѣховъ, а сей искалъ сребренниковъ. Грѣшница принесла миро для помазанія Господа, ученикъ вошелъ въ соглашеніе съ незаконными; она радовалась, тратя миро драгоценное, сей заботился о продажѣ Неоцѣнимаго; она Владыку познала, а сей отъ Владыки удалился; она освобождалась отъ грѣха, а сей сдѣлался плѣнникомъ его“ ⁴⁾.—Видя, какъ щедро кающаяся грѣшница изливала драгоценное миро на ноги Спасителя, Іуда, сильно огорченный потерей прибѣтка, замѣтилъ Господу, что жена поступила неразумно, потому что на деньги, истраченныя ею на миро, могла бы быть оказана большая помощь нищимъ.

Христось видѣлъ душу ученика—предателя и, въ отвѣтъ на его укоризну, принялъ на себя защиту кающейся грѣшницы, объясняя, что предѣ чистотою и глубиною ея чувства

¹⁾ См. Матѣ. 26, 6—13; Мар. 14, 3—9).

²⁾ Искаріотъ такъ названъ отъ селенія, изъ котораго происходилъ Каріотъ. Теперь это бѣднѣйшая деревушка, населенная арабами—Абу-кошъ.

³⁾ См. Синаксарь въ Велик. среду.

⁴⁾ См. Бес. 80 на Матѣ; ср. стихиры самогласны, на утрени, въ среду.

и предъ символическимъ значеніемъ помазанія, въ виду предстоявшей Его смерти на крестѣ, вопросъ обо всемъ остальномъ теряетъ всякое значеніе. *Ничиѣхъ вы всегда имѣете съ собою и можете добро творить имъ, когда хотите, а Меня не всегда имѣете. Она, что могла, то и сдѣлала: предварительно помазала тѣло Мое на погребеніе. Истинно говорю вамъ, идѣти ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мѣрѣ, сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала* ¹⁾).

Почти въ то же время, когда происходили эти событія, первосвященники, старѣйшины и книжники іудейскіе собрались на чрезвычайное, тайное собраніе, и здѣсь окончательно рѣшили взять Іисуса Христа, но не насиліемъ, а хитростію, тайно, безъ возмущенія народной массы ²⁾. „Это былъ союзъ фанатизма, невѣрія и порока, соединившихся для погубленія Христа ³⁾. *Се лукавый совѣтъ, плачевно взываетъ Церковь въ Великую среду, въ истину собрася неистово: яко осужденника осудити Судію встѣхъ Бога* ⁴⁾. Прежде чѣмъ „лукавно совѣщавшіеся“ разошлись, имъ принесено было извѣстіе, которое бросило въ ихъ сердца лучъ злобной радости: имъ доложили, что человекъ, знавшій Іисуса, бывавшій съ Нимъ, Его собственный ученикъ, готовъ положить конецъ ихъ затрудненіямъ, ибо далъ обѣщаніе предать своего Учителя и Господа. Съ радостію ⁵⁾ неправедные судьи приняли коварный умыселъ Іуды и не постыдились немедленно назначить цѣну, которую Моисей велѣлъ взыскивать за раба, когда онъ будетъ убитъ кѣмъ-либо ненамѣренно, т. е. тридцать сребренниковъ ⁶⁾. Со-

¹⁾ Матѣ. 26, 11—13; Марк. 14, 7—10; Іоанн. 12, 5—6.

²⁾ Матѣ. 26, 5; Лук. 22, 2.

³⁾ См. „Жизнь Іисуса Христа“ Фаррара, стр. 455.

⁴⁾ См. *сѣдаленъ на повечер*.

⁵⁾ Лук. 22, 5. Марк. 14, 11.

⁶⁾ Исходъ 21, 32.—Оцѣнка въ тридцать сребренниковъ въ глазахъ еврей временъ Христа служила знакомъ ничтожества и выражала презрѣніе къ тому, кто ею оцѣнивался: это цѣна рабская. Но Промыслъ

глашеніе Іуды съ первосвященниками, безъ сомнѣнія, было извѣстно Іисусу Христу, какъ всевѣдущему, но избранные ученики Его ничего не знали о замыслѣ Іуды.—По должности хранителя денегъ въ маломъ обществѣ Іисусовомъ, Іуда могъ благовидно оставлять сіе общество и отлучаться за покупками въ городъ, и потому имѣлъ возможность вести постыдные переговоры съ врагами своего Учителя и торговаться за Его жизнь, не будучи никѣмъ подозрѣваемъ въ измѣнѣ¹⁾.

Великая среда служитъ окончаніемъ покаянія, которое вѣрующіе должны являть во дни Великаго поста. По древнему обыкновенію²⁾ прекращается чтеніе въ церкви великопостныхъ молитвъ и совершеніе земныхъ поклоновъ. Преждеосвященной литургіей оканчивается порядокъ службъ собственно великопостныхъ, оканчиваются также каѳизмы какъ на утренѣ, такъ и на часахъ и на вечернѣ.

Важною и существенною особенностію каждаго изъ первыхъ трехъ дней Страстной седмицы является продолжительнѣйшее благовѣстіе, по всѣмъ четыремъ евангелистамъ, о жизни, ученіи и дѣяніяхъ Господа. Приготовляясь встрѣтить великіе дни страданій, св. Церковь издревле³⁾ постановила прочитывать въ Великій понедѣльникъ, вторникъ и среду всю исторію земной жизни Богочеловѣка съ тою именно цѣлію, чтобы мы видѣли, кто—Страдалецъ, за кого Онъ идетъ на вольныя страданія, каковы послѣдствія Его страданій и смерти для тѣхъ, которые, подобно іудеямъ, окажутся упорными противниками благодати искупленія.

Божій намель средство дать этой цѣли другое значеніе: именно въ этой презрѣнной сумѣ буквально исполнилось пророчество Захаріи о 30 сребренникахъ, коими неблагодарный народъ оцѣнилъ отеческое попеченіе о немъ Іеговы (Зах. 11, 12—13).

¹⁾ См. „Послѣдніе дни Господа нашего Іисуса Христа“ архіеп. Инновентія, стр. 208.

²⁾ Объ этомъ упоминаетъ св. Амвросій Медиоланскій въ пис. 33.

³⁾ Объ этомъ обыкновеніи упоминаетъ св. Златоустъ въ Бес. 87.

Чѣмъ ближе подходитъ Пасха, тѣмъ болѣе возвышается печальная трогательная торжественность Страстной недѣли, и особенно въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней ея. Первый изъ этихъ дней, великій четвергъ, открываетъ собою рядъ великихъ празднествъ, въ которыхъ вѣрующіе должны участвовать съ душою, уже очищенною покаяніемъ. „Въ этотъ день пробилъ нѣкогда послѣдній часъ Ветхаго Завета, и кротко, за мирною вечерею, Богочеловѣкъ предначалъ Новый, не агнемъ изъ сталъ, но тѣломъ и Кровію Своею“¹⁾. У древнихъ христіанъ Великій четвергъ назывался различно: святымъ и великимъ днемъ установленія Евхаристіи, — чаши днемъ хлѣба, таинства, свѣта, омовенія, вечерею Господнею. Третій Карфагенскій соборъ и Блаженный Августинъ упоминаютъ о Великомъ четвергѣ, какъ о днѣ воспоминанія тайной вечери и умовенія ногъ, а св. Златоусъ въ этотъ день проповѣдуетъ о предательствѣ Іуды и святѣйшемъ таинствѣ Причащенія. Къ особенностямъ этого дня въ древности относилось то, что оглашенные были испытываемы въ знаніи святыхъ догматовъ, читали торжественно Символь вѣры предъ епископомъ и пресвитерами, а кающіеся, по разрѣшеніи, принимались въ церковное общеніе²⁾. Кромѣ того, въ Великій четвергъ торжественно было произносимо отлученіе на всѣхъ закоснѣвающихъ въ своемъ заблужденіи еретиковъ и ихъ приверженцевъ, каковой обычай существовалъ въ церкви восточной и западной.

Какъ день духовнаго единенія Церкви съ ея Божественнымъ Женихомъ, Великій четвергъ съ ранняго времени считался самымъ свѣтлымъ, самымъ праздничнымъ днемъ Страстной седмицы, такъ что соборъ Лаодикійскій позволяетъ въ этотъ день даже ослаблять постъ³⁾. Только воспоминанія пре-

¹⁾ См. преосв. Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“, стр. 222.

²⁾ См. правило 46 Лаодикійск. собора и писъмо 118 Блаж. Августина.

³⁾ См. правило 50. — Въ ознаменованіе особенной важности этого дня на утрени положено пѣть уже не трипѣснецъ, какъ въ первые три дня, а полный канонъ, составленный св. Космой Маѳюскимъ.

дательства Иуды омрачаетъ радость Церкви и побуждаетъ ее, въ опасеніи за наши души, настоятельно предостерегать всѣхъ насъ отъ мыслей и расположеній, которыми омраченъ былъ духъ Иуды—предателя въ то самое время, когда онъ вмѣстѣ съ апостолами Христовыми вечерялъ за таинственной трапезою своего Учителя и Господа¹⁾. „Да никто же, о вѣрніи, взываетъ св. Церковь, владычнія вечера тайно не наученъ, никто же отнюдь, яко Иуда, льстивно да приступитъ къ трапезѣ, онъ бо образомъ сый ученикъ, вещь же сый убійца, со Иудеи убо веселися, со Апостолы же водворяяся: ненавидя лобзаніе, лобзая же предавши Искупившаго насъ отъ клятвы, Бога и Спаса душъ нашихъ“²⁾. „Бѣжи насытныя души, учителю таковая дерзнувшія,—снова дѣлаетъ материнскія предостереженія и внушенія св. Церковь всѣмъ своимъ чадамъ, приступающимъ къ таинственной трапезѣ Господней. „Лють звѣрь“, восклицаетъ при семъ случаѣ св. Златоустъ: „лють звѣрь есть сребролюбіе, отсюда гробокопатели, отсюда мужеубійцы, отсюда рати и брани, и еже аще речеши всяко зло, отсюда есть“³⁾. „Ввчери Твоя тайныя, неоднократно воспѣваетъ отъ лица нашего св. Церковь на литургии въ Великій четвергъ, „Сыне Божій, причастника мя пріими. Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзаніе Ти дамъ, яко Иуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ“. И обычная похвальная пѣснь Богоматери замѣняется 9 ирмосомъ утренняго канона, приглашающимъ: „вѣрныхъ насладиться Владычнею безсмертною трапезою“, чтобы многократнымъ на-

¹⁾ Какъ Иуда могъ быть допущенъ до трапезы Господней?—Такъ же, какъ и доселѣ допускаются къ ней всѣ нераскаянные грѣшники, въ показаніе преизбытка милосердія и великодушія Домовладыки и въ доказательство, что, доколѣ мы на землѣ, всякому возможенъ доступъ ко всему. На вечери небесной—тамъ уже будутъ одні мудрыя дѣвы; а здѣсь не затворяютъ дверей ни отъ кого изъ самыхъ юродивыхъ (см. слово въ Великій четвер. преосвящ. Иннокентія).

²⁾ См. на утрени въ Вел. четвер. стихиры стихов.—самогласны.

³⁾ См. Бес. 80 на Матѣ.

помянуемъ о вечери все болѣе и болѣе готовить насъ къ достойному принятію ея. Такъ какъ таинство евхаристіи Спаситель установилъ вечеромъ (на пасхальной вечери), то и литургія въ Великій четвергъ совершается—непосредственно послѣ вечерни. Въ воспоминаніе же того, что исполненный любви Искупитель нашъ, въ Своемъ безконечномъ смиреніи и самоотреченіи, на тайной вечери умылъ ноги ученикамъ Своимъ, въ Великій четвергъ издревле¹⁾ совершается въ церкви архипастыремъ, какъ носящимъ на себѣ образъ Христа, послѣ заамвонной молитвы, обрядъ омовенія ногъ, такъ величественно и наглядно проповѣдующій высоту христіанскаго смиренія и кротости. Даже государи, побуждаемые тѣмъ же духомъ смиренія Христова, умывали въ этотъ день ноги своимъ подчиненнымъ или двѣнадцати нищимъ²⁾. Въ тотъ же день въ древности, въ продолженіе литургіи, крестнымъ знаменіемъ и молитвами было освящаемо миро, которое раздавалось потомъ священникамъ для употребленія при совершеніи церковнаго таинства³⁾.

Нынѣ торжественное освященіе мира на цѣлый годъ совершается въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ Кіевѣ въ Лаврѣ, которое употребляется священниками во всѣхъ православныхъ церквахъ. Россіи при таинствѣ миропомазанія, а также архіереемъ при освященіи церквей, при освященіи антиминовъ и при помазаніи вступившаго на престолъ Государя Императора.

Н. У—овъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Объ этомъ говорятъ блажен. Августинъ въ письмѣ 119 и препод. Нилъ, подвижникъ и писатель V вѣка, въ письмѣ къ Флавіану.

²⁾ См. у Кодина въ „Церемоніяхъ Византійскаго двора“.

³⁾ См. св. Кипріяна пис. 70 св. Опата Милевійскаго кв. 7, Григор. Назіанз. рѣчь 48.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Одинъ изъ этихъ моихъ товарищей, принявшихъ иночество въ 1854 году, Теофанъ Леонтьевичъ Доброленскій, до сихъ поръ здравствующій, напечаталъ недавно въ Мирномъ Трудѣ за 1909 годъ „Воспоминанія о пройденной жизни“, гдѣ, говоря о постриженіи его и Симова въ монахи, дѣлаетъ замѣчаніе, что „постриженіе ихъ въ монашество произвело на остальныхъ товарищей тяжелое впечатлѣніе, и что это впечатлѣніе вызвало у нихъ желаніе противодѣйствовать поступленію товарищей въ монахи. Съ этою цѣлію (говоритъ онъ) организовано было общество студентовъ, имѣющее цѣлію склонять товарищей ко вступленію въ бракъ“ ²⁾. Это ли общество, или новый строй академической жизни, начавшійся съ поступленіемъ новаго инспектора Леонтія, (говоритъ онъ далѣе), выразились тѣмъ, что въ Кіевской Академіи съ XVII курса прекратилось поступленіе въ монахи надолго“.

Какъ товарищъ О. Л. Доброленскаго, хорошо знавшій настроеніе студентовъ своего курса, рѣшительно не могу подтвердить справедливости этого замѣчанія. Никакого особенно тяжелаго впечатлѣнія постриженіе его и Симова въ монахи на насъ не произвело. Это не было въ то время какимъ-либо не обычнымъ явленіемъ, особенно послѣ того, когда въ предшествующемъ курсѣ такъ часты были постриженія студентовъ въ монашество. Зная настроеніе его и Симова, мы давно ожидали, что они примутъ иночество. И когда это совершилось, мы отнеслись къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ, безъ всякой тѣни какого-либо скорбнаго чувства, думая, что они будутъ добрыми представителями своего курса на служеніи церкви и усердными молитвенниками предъ Богомъ. Я

¹⁾ См. № 14-й за 1910 г.

²⁾ Воспоминанія о пройденной жизни. О. Доброленскаго. Отдѣльный оттискъ изъ Мирнаго Труда, стр. 10.

лично, скоро послѣ ихъ постриженія, навѣщаль ихъ въ лаврѣ, чтобы привѣтствовать ихъ въ новомъ иноческомъ званіи и выразить имъ свое сочувствіе. Принятый ими съ такою же товарищескою пріязнію, какая привлекла меня къ нимъ, я встрѣтилъ у нихъ двухъ лаврскихъ иноковъ, и послѣ довольно продолжительной бесѣды съ ними о жизни лаврскихъ насельниковъ, вышелъ отъ нихъ съ такою мыслию: много въ лаврѣ добрыхъ людей и истинныхъ молитвенниковъ. **Θ. Л. Доброленскій** говоритъ, что послѣ постриженія его и **Семова** въ монахи между студентами образовалось и организовано было общество, которое поставило своею цѣлію противодействовать поступленію товарищей въ монахи и склонять ихъ ко вступленію въ бракъ. Хорошо помню я товарищескую жизнь нашего **XVII** курса, и могу вѣрно засвидѣтельствовать, что такого антимонашескаго общества, съ такою цѣлію, какая указана **Θ. Л. Доброленскимъ**, не было въ нашемъ курсѣ. Говорю это, какъ непосредственный свидѣтель, стоявшій въ средоточіи студенческой жизни. А **Θ. Л. Доброленскій**, послѣ поступленія въ монашество, удалился отъ круга своихъ товарищей, велъ болѣе уединенную жизнь и не раздѣлялъ тѣхъ всѣхъ интересовъ, какіе волновали свѣтскихъ его товарищей. Онъ какъ бы издали слышалъ о томъ, что дѣлается въ интимномъ кругу студентовъ, и отъ того въ его показанія могла вкрасться неточность. Въ послѣдній годъ нашего академическаго курса дѣйствительно образовалось у насъ общество, но совершенно на иныхъ началахъ, и не съ такою цѣлію, чтобы противодействовать поступленію студентовъ въ монахи. Общество это образовалось съ двойною цѣлію,—во-первыхъ, чтобы содѣйствовать возможно большому объединенію студентовъ нашего курса (всѣ мы жили очень дружно) и во-вторыхъ, чтобы доставить и урегулировать намъ легкія и благородныя развлеченія въ часы досуга. Другой не благовидной тенденціи, ни политической, ни антимонашеской здѣсь не замѣчалось у устроителей этого общества. Это была своего рода невинная юношеская забава. Этого об-

щества не чуждались и принимали участіе въ его забавахъ самыя строгіе по направленію студенты, близкіе къ иночеству, и общество отнюдь не дѣйствовало на нихъ неблагопріятно, къ ослабленію ихъ строго благочестиваго настроенія. Но такъ какъ объ этомъ обществѣ, забытомъ эпизодическомъ явленіи изъ жизни прежнихъ студентовъ академіи, сдѣланы заявленія въ печати, то я сочту долгомъ подробно разсказать о немъ, когда буду изображать бытъ и жизнь студентовъ XVII курса, и это я могу сдѣлать съ тѣмъ большею достовѣрностію, что у меня до сихъ поръ сохранились и нѣкоторые письменные документы, относящіеся къ образованію и дѣятельности этого студенческаго общества.

Общество, о которомъ упоминаетъ *Θ. Л. Доброленскій*, совершенно не повинно въ томъ, что съ XVII курса въ Кіевской Академіи прекратилось (собственно говоря, стало рѣже) поступленіе студентовъ въ монахи. Не зависѣло это и отъ перемѣны инспектора (на что указываетъ *Θ. Л. Доброленскій*). Строй академической жизни, при новомъ инспекторѣ *Леонтіи*, смѣнившемъ *Даніила*, нисколько не измѣнился, а остался тотъ же самый, какой былъ прежде. Главнымъ начальникомъ и руководителемъ студентовъ, дававшимъ тонъ и направленіе студенческой академической жизни, былъ ректоръ архимандритъ *Антоній*, а онъ и въ XVII курсѣ дѣйствовалъ точно такъ же, какъ и въ XVI. Въ XVI курсѣ было очень много монаховъ, были изъ нихъ очень достойные люди, достигшіе высшихъ степеней, какъ сербскій митрополитъ *Михаиль*, архіепископъ казанскій *Владиміръ* (*Петровъ*); епископъ пензенскій *Павель* (*Вильчинскій*), епископъ минскій *Евгеній* (*Шершиловъ*), архіепископъ волынскій *Модестъ* (*Стрѣльбицкій*), епископъ черниговскій *Веніаминъ* (*Быковскій*). Но были и неудачники, по принятіи иночества сбившіеся съ добраго пути, и тѣмъ показавшіе, что они сдѣлали опрометчивый шагъ, когда подали прошеніе о постриженіи ихъ въ монашество, какъ *Самуиль* (*Зубаревскій* и *Наркиссъ* (*Сильвестровъ*). Послѣдній имѣлъ уже и невѣсту,

но вдругъ замѣтилъ, что она отдаетъ предпочтеніе другому его товарищу, который и не думалъ на ней жениться. Съ досады, не обдумавши хорошенько, на другой же день послѣ вечера, на которомъ особенно сильно возбуждена была его ревность, онъ подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество. Прошеніе его было принято, и вышелъ изъ него плохой, жалкій монахъ, котораго старался поддерживать, сколько возможно, его товарищъ преосвященный Евгеній Шершиловъ ¹⁾. Вотъ примѣры такихъ неудачниковъ отрезвляющимъ образомъ могли дѣйствовать на студентовъ и предохранять ихъ отъ пошибнаго шага. Да и самъ ректоръ, Антоній, вообще благопріятствовавшій иночеству и склонявшій къ тому достойныхъ людей, сталъ осторожнѣе въ принятіи отъ молодыхъ студентовъ прошеній о постриженіи въ монашество. Въ нашъ курсъ, кромѣ Сомова и Доброленскаго, подавалъ прошеніе о принятіи монашества Кузьма Саввинъ, одинъ изъ самыхъ плохихъ студентовъ, любившій подчасъ лишнее выпить, къ тому же крайне неряшливый и невзрачный. Ректоръ Антоній не принялъ его прошенія и не далъ ему хода, а сказалъ просителю, чтобы онъ побольше присмотрѣлся къ себѣ, когда онъ будетъ на должности, и по испытаніи себя, если не ослабѣетъ его желаніе, пусть проситъ свое епархіальное начальство о постриженіи въ мона-

¹⁾ Для курьеза могу сообщить, какія мечтанія питали въ себѣ скороспѣлые монахи, оказавшіеся неудачниками. Вотъ какую бесѣду, правда, шутливую, но довольно характерную, велъ съ однимъ изъ своихъ товарищей Самуилъ Зубаревскій, будучи студентомъ. „Буду архіереемъ. Вы являетесь ко мнѣ. Докладываютъ. Я заставляю васъ около четверти часа ждать своего выхода. Иду: шелковая ряса шуршитъ. Вы кланяетесь, принимаете благословенье. Кто такой (спрашиваю я)? Пѣвничій (отвѣчаете вы). (Бесѣда ведена была съ моимъ братомъ, товарищемъ Зубаревскаго, который здравствуетъ донныѣ и служитъ въ Москвѣ протоіереемъ церкви Гребневской Божіей Матери). А, а!.. По мнѣ, по мнѣ. Къ сожалѣнію, не могу долго бесѣдовать съ вами... Занятъ. Но до такого величія не судилъ Богъ дойти молодому, мечтавшему о высокихъ почестахъ, скоро послѣ того, какъ онъ надѣлъ рясу и клобукъ.

шество. Но это желаніе, должно быть, въ немъ ослабѣло: монашества онъ не принялъ, когда былъ на должности, а остался свѣтскимъ человѣкомъ. Другой примѣръ Илья Келюсъ, принятый въ Академію, какъ человѣкъ, подготовлявшійся къ иночеству, и выпущенный изъ Академіи простымъ міряниномъ, когда увидѣли, что онъ, въ иноческомъ чинѣ, не составитъ цѣннаго пріобрѣтенія для церкви.

Что въ нашемъ курсѣ не было никакой противомонашеской тенденціи, въ которой напрасно заподозрилъ насъ нашъ любезнѣйшій товарищъ Ѡ. Л. Доброленскій, вслѣдствіе которой, по его словамъ, надолго прекратилось поступленіе академическихъ воспитанниковъ въ монахи, доказательствомъ этого можетъ быть принятіе иночества нѣсколькими изъ нашего курса на службѣ. Не одного Меѳодія и Кирилла нашъ XVII курсъ далъ иночеству. На ихъ путь, по выходѣ изъ академіи, вступили слѣдующія наши товарищи: Гавріиль (Александръ Горностаевъ), Веніаминъ, бывшій епископъ Воронежскій (Василій Смирновъ), Вареоломей, ректоръ томской семинаріи (Василій Медвѣдевъ) Софроній (Сила Мацкевичъ), Ксенофонтъ, бывшій смотрителемъ Кіево-Подольскаго духовнаго училища (Петръ Григоровичъ), Макарій, бывшій епископъ калужскій (Макарій Трифонычъ Троицкій), Никонъ, епископъ туркестанскій (Филиппъ Егоровичъ Богоявленскій). Присоедините къ нимъ іеромонаха Агаѳангела изъ грековъ, Мелетія, принявшаго иночество изъ священниковъ (Мартиніана Андріевскаго). вмѣстѣ съ двумя главными,—Меѳодіемъ и Кирилломъ сонмъ иноковъ изъ нашего курса достигаетъ одиннадцати человѣкъ. Нельзя сказать, чтобы это былъ малый процентъ по отношенію ко всему составу курса (52 кончившихъ курсъ студента). Высокихъ степеней въ іерархіи никто изъ нихъ не достигъ между прочимъ потому, что тѣ, на кого возлагались особыя надежды, скончались сравнительно въ молодыхъ лѣтахъ. Впрочемъ, трое изъ нихъ удостоены были епископскаго сана.

Считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ лицахъ, избравшихъ своимъ жребіемъ иноческій путь, не только способствующій личному нашему спасенію, но и ведущій людей, получившихъ высшее богословское образованіе, къ высшему служенію въ церкви.

Проф. *Василій Пшонницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Въ чемъ заключается секретъ хорошаго чтенія?

На этотъ вопросъ нѣкто „*Феофилъ*“ въ „Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ отвѣчаетъ такъ: „Въ желаніи чтеца установить связь со слушателями, въ желаніи *дать* имъ нѣчто цѣнное, *дать имъ мысль, чувство*. Кто не привыкъ *давать* слушателямъ, тотъ не разовѣетъ своихъ декламаторскихъ способностей и часто впадаетъ въ неразборчивое бормотанье. Кто же вкусилъ сладости имѣть психическую связь съ слушателями, исполненъ желанія *дать*, и *дать* имъ всегда, тотъ уже на половину артистъ слова. А на поприщѣ Божія слова желаніе всегда *дать* слушателямъ болѣе и болѣе цѣнное не даетъ ему покоя: онъ подыскиваетъ лучшія проповѣди, изучаетъ ихъ наизусть, находитъ способы къ ясному произношенію, бережетъ свой голосъ, развиваетъ его. Изъ желанія *дать* вытекаетъ желаніе послужить ближнимъ, во всемъ быть имъ образцомъ, вытекаетъ желаніе святости.

Что же касается церковнаго чтенія, то можно къ сему общему взгляду приложить слѣдующій практической совѣтъ: надо произносить за разъ по два, по три слова—не больше и всячески стараться *не сливать* согласныхъ буквъ: одной, стоящей въ концѣ слова, и затѣмъ другой, съ которой начинается слѣдующее, напимѣръ: „вниде Іисусъ въ весь нѣкую“. Въ неразборчивомъ, небрежномъ чтеніи неграмотный, подозрѣваю, почуветъ „веснѣ—кую“. Во вторыхъ, въ каждомъ евангельскомъ чтеніи надо различать по крайней мѣрѣ двѣ части: одну спокойную, повѣтствовательную, другую, такъ сказать, патетическую. Первую часть читать спокойно, тихо, вторую повышено, громко, съ особымъ подъемомъ чувства. Напимѣръ, отреченіе Петра: переговоры апостола во дворѣ Каіафы—это первая часть; а со словъ: *и помяну Петръ*—

совсѣмъ другая, а заключительныя слова: *и изшедъ вонъ, плакася горько*—ихъ надо сказать раздѣльно, съ чувствомъ, ихъ надо пропѣть, прорыдать... вспомнивъ и свои отреченія...

Помню, какъ протодіаконъ Т—кій читаль о воскрешеніи сына Наинской вдовы. Во первыхъ, идетъ спокойное повѣствованіе о наинскомъ погребальномъ шествіи; затѣмъ малый подъемъ чувства, на словахъ *„сына единородна матери своей; и та бѣ вдова“*. Далѣе болѣе чувства: *„и видѣвъ ю Иисусъ, милосердова о ней... Не плачи“*... Затѣмъ моментъ творческаго чуда: *„юноше, тебѣ глаголю, востани!.. И страхъ пріятъ всѣхъ“*,—протодіаконъ и самъ изъ глубины вѣковъ получилъ, видимо, страхъ сей, и намъ его далъ. Закончилось чтеніе въ ноту *ми*, но не вышло непристойнымъ крикомъ, а было такъ естественно, хорошо! Я держаль тогда рипиду и видѣль, съ какимъ волненіемъ сердца читаль добрый протодіаконъ евангеліе.

Возьмите любое евангельское чтеніе, и вы тамъ найдете двѣ—три части. Наканунѣ приготовьтесь произнести чтеніе, подумайте надъ каждымъ словомъ, а не такъ, какъ иные дѣлають,—послѣ малаго входа перелистываютъ евангеліе и спрашиваютъ, которая *у насъ* нынче недѣля?

Хорошее чтеніе апостола—разумное, внятное, одушевленное—еще труднѣе указать въ храмахъ православныхъ“.

Съ своей стороны прибавимъ: къ недостаткамъ чтенія о.о. діаконами евангелія и апостола нужно еще отнести форсированіе голоса и стремленіе дойти непременно до послѣднихъ своихъ верхнихъ нотъ, которыя обыкновенно даются имъ съ натугою, переходятъ въ крикъ и угнетающе дѣйствуютъ на слушателей. Несомнѣнно, чтеніе всякаго евангелія и апостола должно возбуждать въ читающемъ наростаніе чувства и подъемъ духа, выражающіяся усиленіемъ голоса, но возвышающее душу волненіе не можетъ доводить до неистоваго крика. Мы совѣтовали бы о.о. діаконамъ обладателямъ баса или баритона, заканчивать чтеніе предѣльною нотою *до*, на которой можно обнаружить силу чувства и голоса, не доходя до крика и форсировки (Волин. епарх. вѣд.).

При семъ №-ръ рассылаются Проповѣди на м. май.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 6-го апрѣля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 16—17.

1910-го года 18—25 апрѣля.

Содержаніе: I. Разбитый колоколъ. Н. Колосовъ. — II. Гость о. Агаѳона.
Свящ. А. Веселичій. — III. Страстная седмица. (Окончаніе). Н.
У—въ. — IV. Новое изданіе Троицкой Сергіевы лавры.

Разбитый колоколъ.

Пасхальный разсказъ.

(Посвящается З. П. Л.).

Пасха, двери райскія намъ
отверзающая.

Какъ будто бѣшеный ураганъ пронесся по деревнѣ. Все
въ ней закружилось, завертѣлось, взволновалось. Облака
удушливой пыли окутали деревню, и люди теряли возмож-
ность видѣть другъ друга, видѣть жизнь, цѣнить радости,
любоваться солнцемъ. Люди стали злыми и ходили раздра-
женные. Можно было подумать, что они сплошь были по-

крыты ноющими ранами, и самое легкое прикосновение къ нимъ причиняло имъ жгучую боль. Братскія чувства, безкорыстная любовь, мирныя бесѣды, ласковыя слова, привѣты отъ сердца—гдѣ все это? У людей измѣнился самый языкъ, и въ новыхъ словахъ ихъ таился и клокоталъ ядъ, взрываясь иногда жестокостью, неистовствомъ, насиліемъ, грубой расправой. Жизнь стала похожа на адъ, на игру діавола, и хотя люди говорили, что это революція, что это прогрессъ, что еще немного,—и вездѣ по землѣ потекутъ медовыя рѣки, и вырастутъ золотыя горы, хотя люди говорили такъ,—но старый звонарь Трофимычъ не вѣрилъ въ это, совсѣмъ не вѣрилъ; наоборотъ: онъ всѣмъ своимъ, много извѣдавшимъ существомъ, всей своей душой, выросшей и окрѣпшей у храма, чувствовалъ, что еще немного, и не рай настанетъ на землѣ, а совершится что-то ужасное, богохульное и настолько грѣшное, что придетъ на людей Божій судъ, праведный, но строгій и безощадный. По цѣлымъ часамъ ударя въ могучій, дорого стоящій, приобрѣтенный многими и долгими трудами прихожанъ колоколъ и часто даже въ великіе праздники не „дозваниваясь“ почти ни до одной души, Трофимычъ начиналъ испытывать острую тоску; съ болью лепеталъ онъ:

— Господи, Господи!

И недоумѣло вопрошалъ:

— Что же это будетъ? Конецъ? Преставленіе свѣту? Господи!

И показалось ему, что дѣйствительно насталъ конецъ; когда люди совершили преступленіе.

Была большая сходка. Говорили о деньгахъ, о землѣ, о богатствѣ, о силѣ, о вкусномъ хлѣбѣ. Требовали мести и непременно хотѣли крови. И когда старый звонарь видѣлъ, что крови требуетъ и бѣлокурый, съ задумчивыми глазами, молодой мельникъ, всегда такой тихій, разсудительный, благочестивый, любившій позвонить на колоколы и всегда запленный бѣлой мучной пылью, а теперь встрепанный, из-

ступленный, съ красными отъ злости глазами и съ оскалвившимися зубами, когда видѣлъ это старый звонарь, онъ уже совершенно увѣренно говорилъ:

— Конецъ!

И смотрѣлъ на опыленную мукой, бѣлую, теперь лохматую голову мельника остановившимися отъ испуга, широко раскрытыми глазами, и чудилось ему, что мельникъ уже не мельникъ, что это уже не тотъ тихій, добродушный мужикъ, который любилъ благочестивые разговоры и часто взлѣзалъ на колокольню позвонить, не тотъ...

— Это злой духъ... Навождение...

Но о крови кричалъ не одинъ мельникъ: крови требовалъ и сельскій пастухъ, и лѣсной сторожъ, и даже младшій помощникъ конторщика, о которомъ до сихъ поръ было извѣстно только то, что онъ ловилъ по лѣсамъ филиновъ и совъ и сажалъ ихъ подъ плетухи изъ подъ сѣна, которыми былъ уставленъ весь дворъ у его отца, промотавшагося мужика-пьянчуги. У всѣхъ были искаженные лица, всѣхъ грызла зависть и змѣнная злость, и всѣ кричали о крови.

Когда явился священникъ и сталъ говорить о Богѣ, о совѣсти, о правдѣ, о мирѣ, о жизни будущей, поднялся демонскій вой, свистъ, хохотъ. Толпа обезумѣла, и слышались выкрики, что „не до Бога“, что „можно и безъ Бога“. И двинулись всѣ жечь чужіе дома и грабить чужое добро.

Въ воздухѣ стояло одно безумное:

— Жечь, жечь!

Священникъ пробовалъ говорить еще, но толпа смяла его, а нѣкоторые грозили ему силой и смертью.

Было близко къ преступленію, и Трофимычъ, возмущенный, трепещущій отъ горя и растерянности, взлѣзъ на колокольню и ударилъ въ набатъ. Онъ хотѣлъ помочь батюшкѣ, хотѣлъ подтвердить его слова о Богѣ, хотѣлъ послужить Божьей правдѣ. Онъ звалъ на помощь, но кто могъ прийти? На площади въ огнѣ злости кипѣло все село. И едва раздались первые набатные удары колокола, какъ десятки

людей ворвались на колокольню и хотѣли овладѣть колоколомъ. Завязалась борьба. Языкѣ колокола ударялъ неровно, дробно и рѣзко, крикливые звуки летѣли по сторонамъ и метались, какъ испуганныя большія птицы. Трофимычъ почувствовалъ, какъ кто-то тяжело ударилъ его въ голову, послѣ чего на колокольнѣ не оказалось никого, кромѣ Трофимыча. И онъ продолжалъ звонить бурно, гнѣвно и призывающе. Отъ частыхъ и сильныхъ ударовъ колоколь звучалъ сплошнымъ ревушимъ стономъ, словно это жаловался оскорбленный богатырь, но шумъ и свалка на селѣ заглушали колоколь... А Трофимычъ не замѣчалъ ничего и звонилъ—звонилъ, весь изнемогая отъ усталости и обиды. И не вытерпѣлъ колоколь: острый, пронзительный и какъ будто переломившійся звукъ пронесся надъ селомъ, и звонъ оборвался—колоколь разбился.

И для Трофимыча дѣйствительно настала „конецъ“... Барская усадьба сгорѣла. Выгорѣла и половина села. Священникъ былъ раненъ. Былъ судъ. Многихъ изъ села увезли и засудили. Священника перевели въ новый, далекій приходъ. А церковь, гдѣ десятки лѣтъ служилъ старый звонарь, закрыли: службы въ ней уже не отправляли, и разбитый колоколь молчалъ. Только по ночамъ караулил Трофимычъ выгорѣвшее и обнищавшее село и звонилъ въ маленький колоколь, который, какъ сирота-малютка оплакивалъ свое сиротство. И подъ жалобные звуки „караульнаго“ колокола еще тоскливѣе становилось на душѣ у Трофимыча. Съ самаго „того несчастнаго случая“ въ глазахъ у него всемъ потемнѣло. Погасъ для него Божій свѣтъ. Ходилъ онъ самъ не свой. Не было теперь дѣла. Не было Божьей службы, и не стало дѣла! Вся его жизнь прошла у храма. И онъ думалъ: кто ошибся—звонарь, что всю жизнь и всю душу отдалъ храму, или же они, что бросили храмъ? Храмъ нужно было бросить? Но тогда напрасно протекла его жизнь! Не нужно? Но тогда они накликали на свою голову великую бѣду. И Трофимычъ разсѣянно ударялъ въ колоколь, звуча-

шій по-похоронному. Ничего еще не могъ дѣлать Трофимычъ. Жиль, какъ птица Божія. Питался, чѣмъ Богъ послалъ. Ходилъ къ роднымъ и къ другимъ, кто былъ тише и больше думалъ. Хотѣлъ наняться пасти стадо. Но не могъ служить преступникамъ: возмущалась душа. И села не караулилъ бы, если бы не пужно было звонить въ колоколь. А это все ближе къ прежнему, хотя службы не было и хотя храмъ стоялъ пустой, покинутый и одинокій.

А въ селѣ стихало. На пожаръ и обнищаніе начинали смотрѣть, какъ на Божій бичъ. О звѣрствахъ и о кощунствѣ говорили уже теперь, какъ о чемъ-то такомъ, что было не три года назадъ, а десятки лѣтъ, и такъ, какъ будто не сами участвовали въ ужасныхъ преступленіяхъ, а кто-то другіе. Казалось, что случившееся было сонъ, и о немъ рассказывали именно какъ о снѣ, который, слава Богу, прошелъ. Непривѣтливо, темно и страшно становилось безъ праздниковъ, безъ священника, безъ колокольнаго звона. Люди сознались въ своемъ грѣхѣ, раскаялись, стали просить о прощеніи и о возстановленіи прихода. Трофимычъ напряженно ждалъ чего-то новаго, ободряющаго, чутко настороживался, ко всему прислушивался, но время шло и... по прежнему жалобно вздыхалъ караульный колоколь...

Великій постъ былъ уже на исходѣ. Новый священникъ пріѣхалъ какъ разъ тогда, когда снѣгъ сталъ хрупкимъ и блестящимъ, когда звонко застучала капель съ крышъ, когда прилетѣли грачи, когда стала распускаться пушистая верба, когда казалось, что съ неба сыплется золотой пухъ: такъ много было въ воздухѣ свѣта, мягкаго и теплаго. И оттого, что священникъ пріѣхалъ какъ разъ тогда, когда въ воздухѣ повѣяло весной, и когда стала распускаться пушистая верба, его пріѣзду были особенно рады, а свѣтлый праздникъ становился свѣтлѣ вдвойнѣ.

Всѣ собрались къ церкви, когда настала святая полночь. Всѣ были празднично-нарядны, веселы, восторженны, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—и благоговѣнно молчаливы. Горѣли огни, сіялъ

увитый цвѣтами храмъ, восхищенно смотрѣли впередъ, — на иконы и на священника, — тысячи глазъ, но все было тихо. Казалось, что люди застыли въ своей святой радости, что они были очарованы ею, что радость все изгнала изъ ихъ душъ, и можно было подумать, что эти люди, эти огни и эти цвѣты, — что все это только яркая и красивая картина, занесенная на полотно: радость сковала людей и держала ихъ въ своихъ сладкихъ объятіяхъ.

Трофимычъ ликовалъ. Никогда еще до сихъ поръ онъ не переживалъ такой жгучей истомы, такой мучительной радости: возвратилось все прежнее, возвратилась молодость, вспомнились прежніе праздники, прежніе огни, прежній красный звонъ. Было очень жаль, что разбился самый звонкій, самый могучій и торжественный колоколъ. Что было съ нимъ дѣлать? Трофимычъ очень жалѣлъ о колоколѣ. Онъ обходилъ его кругомъ, трогалъ его руками, ударялъ по нему ладонью, какъ бы лаская его, качалъ головою, вздыхалъ и думалъ, какъ бы починить колоколъ? Нельзя ли чѣмъ-нибудь замазать трещину? Нельзя ли — воскомъ? — Шальные мысли, и Трофимычъ самъ смѣялся имъ... Можетъ быть, когда-нибудь перельютъ колоколъ, а пока... Что же дѣлать пока? И празднующая мысль Трофимыча нашла исходъ. Онъ рѣшилъ напечь всѣ силы, призвать на помощь все свое искусство, чтобы мастерствомъ звона сгладить дребезжащій, фальшивый звукъ разбитого колокола. И дѣйствительно: всѣ удивились, когда, при выходѣ изъ храма съ огнями въ темную ночь, чтобы весь міръ осіять вѣстью о воскресеніи, звуки перваго пасхальнаго гимна слились съ нѣжнымъ, тихо рокочущимъ переговоромъ мѣдныхъ голосовъ. Низкій тонъ разбитого колокола такъ заботливо перебивался бодрою, порхающею трелью другихъ колоколовъ, какъ будто это молодая дѣвушка цвѣтами увивали израненную голову больного старика... И выливалось въ колокольныхъ звукахъ радостное волненіе въ груди звонаря, которое при каждомъ новомъ повтореніи гимна разрасталось до широты бурнаго порыва. Но звонарь си-

лой искусства умѣрялъ порывъ, и колокола тихо журчали, какъ весенній ручей, и не было слышно дребезжащаго звука. Колокола совсѣмъ замолкли, когда народъ остановился у закрытыхъ дверей храма. Среди полной тишины прозвенѣлъ голосъ священника, впервые воспѣвшій Христову Пасху. Но когда пѣснь священника была подхвачена многоустой толпой богомольцевъ, тогда какъ бы потряслась вся колокольня: колокола загудѣли мощно, неугомонно, нетерпѣливо, словно безсильные выразить то огромное, что нужно было выразить, и въ стремительномъ разливѣ звуковъ опять не было слышно хрипа разбитаго колокола, и чудилось, что звонить молодой юноша въ только что отлитые серебрянные, сладкозвучные и полногосые колокола, и что въ звонѣ этомъ юноша хочетъ выразить свой первый восторгъ передъ жизнью, первую свою радость бытія, свое пониманіе впервые предъ ними открывшейся тайны земли и неба. Трофимычъ чувствовалъ, что онъ помолодѣлъ, что онъ возрождается; силы въ немъ прибывали, искусство утончалось, и богомольцы въ храмѣ не знали, что слушать: вдохновенные ли гимны богослужебные, или же радостную пѣсню мѣдныхъ голосовъ. И еще больше просвѣтлялись ихъ лица, и еще пламеннѣе дышала ихъ вѣра:

— Воистину, воистину воскресе!

А Трофимычъ звонилъ и не уставалъ. Онъ даже не чувствовалъ настоящаго момента. Восторгъ радости унесъ его въ прошлое и прошлое слилъ съ будущимъ. Искусная музыка колоколовъ навѣяла ему дивную повѣсть о томъ, что въ жизни все благо и красота, что ничего нѣтъ въ жизни кромѣ счастья, покойнаго, сладкаго, плѣнительнаго. Одно только счастье было въ прошломъ, когда было здоровье, были силы, была любимая жена, были маленькія ласковыя дѣти, когда Трофимычъ любилъ слушать въ лѣсу шумъ вѣтра, когда любовался на лугу цвѣтами, когда пѣлъ на работѣ звонкія пѣсни, когда онъ вѣрилъ и видѣлъ, что люди добры и сердечны, когда онъ никому не дѣлалъ зла, когда съ увлеченіемъ

звонилъ на колокольнѣ, когда, не зная устали, работалъ серпомъ вмѣстѣ со всѣмъ „міромъ“, чтобы достать денегъ на новый, теперь разбитый, колоколь, когда онъ потомъ сочинялъ новые красные звоны для большихъ праздниковъ, а чаще всего для Пасхи, для любимой, свѣтлой, красной Пасхи... Что же, какъ не счастье было все это? Что, какъ не счастье, была вся его жизнь, кроткая и трудовая? Все по Божьи, все для Бога... И хорошо жилось, счастливо... Слава, слава Богу! И теперь хорошо, такъ хорошо! А говорили, что нельзя безъ богатства, безъ денегъ, безъ вкуснаго хлѣба. Неправда, неправда. Развѣ радость Пасхи—въ хлѣбѣ? Развѣ счастье жить въ эту святую полночь—въ деньгахъ? Неправда, неправда. Все въ Богѣ. Все для Бога. Только въ этомъ счастье, въ этомъ одномъ счастье... Такъ было, такъ будетъ... Колокола ударили четко, гулко, звенѣли бурно, не удержимо, и счастье Трофимыча росло. Трофимычъ видѣлъ, что въ его вѣрѣ—правда, что она побѣдила тѣхъ, кто были внизу; онъ видѣлъ, что они сознали свой грѣхъ, раскаялись, и вотъ пришли сюда, на зовъ разбитаго колокола, и радуются теперь вмѣстѣ съ Трофимычемъ. И отъ этого радость стараго звонаря удвоилась, удесятерилась. Она всецѣло захватила Трофимыча; онъ звонилъ, и ему чудилось, что отъ свѣтлой радости въ его душѣ свѣтло стало и все вокругъ, чудилось, что окутывающая колокольню черная ночь разрывается отъ твердыхъ ударовъ его колокола и кусками разлетается прочь, а передъ нимъ открывается небо, чистое, лазоревое, залитое солнцемъ. Солнечно и легко, такъ легко здѣсь въ вышинѣ, далеко отъ земли, въ голубой лазури неба. Звонилъ Трофимычъ, и уже чудилось ему, что совсѣмъ, совсѣмъ легко ему стало, что онъ уже и безъ подмостковъ могъ бы держаться здѣсь далеко отъ земли, высоко въ лучезарныхъ небесахъ, и что вотъ... вотъ уже слетаются къ нему изъ-за розовѣющихъ облаковъ блистающіе ангелы съ серебряными крыльями и такъ же, какъ тамъ, внизу, въ храмѣ поютъ ему о воскресеніи и увлекаютъ его за собою

впередъ, еще выше, откуда сыплются эти огненные брызги свѣта. Трофимычъ звонилъ, напрягалъ силы, налегалъ руками на веревки, но... нѣтъ... не веревки уже у него были подъ руками, а тоже крылья, какъ и у ангеловъ, которые серебряной толпой окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и увлекаютъ его туда, впередъ, въ высоту безконечную, къ свѣту неизъяснимому, къ красотѣ несказанной... Трофимычъ взмахнулъ бѣлоснѣжными крыльями...

Въ церкви всѣ вздрогнули. Звонъ, который звучалъ, какъ волшебная музыка, вдругъ оборвался, и слышно было, какъ тяжелые желѣзные языки со скрипомъ и лязгомъ задвигались и застучали по мѣднымъ краямъ колоколовъ.

Когда пошли на колокольню, то увидѣли, что старый звонарь умеръ. Руки его запутались въ протянутыхъ черезъ колокольню веревкахъ, и онъ, стоя, повисъ на нихъ, слегка согнувъ ноги и запрокинувъ назадъ голову. И въ недоумѣннн остановились люди, когда увидѣли мертваго человѣка, который стоялъ и запрокинутой къ спинѣ головой устремлялся впередъ, въ небо. А тамъ, на небѣ, занималась румяная, свѣтлая заря...

Николай Колосовъ.

Г о с т ь о . А г а е о н а .

Разсказъ.

I.

О. Агаѳеонъ,—рѣдкое нынѣ, но прекрасное и благозвучное имя—сидѣлъ за письменнымъ столомъ у раствореннаго окна своей рабочей комнатки и задумчиво смотрѣлъ въ даль синѣющаго спокойнаго моря, вдыхая полной грудью крѣпкій живительный, насыщенный морскою влагой воздухъ. Домъ,—квартира о. Агаѳеона,—стоялъ на горѣ, откуда виденъ былъ весь городъ, раскинувшійся внизу, какъ на ладони вокругъ просторной бухты, превращенной въ портъ; изъ окна можно

было наблюдать портовую жизнь, движеніе пароходовъ, любоваться безбрежной далью то мрачно-грознаго, то свѣтлаго улыбающагося чернаго моря. Хорошъ былъ видъ, хорошо было и время—стояла ранняя весна, конецъ марта, когда южная природа, послѣ зимнихъ тумановъ и пронизывающихъ вѣтровъ, начинала снова дышать настоящимъ живительнымъ тепломъ, въ которомъ, видимо, нуждался сидѣвшій за столомъ у окна батюшка.

Пожилыхъ уже лѣтъ, своимъ блѣднымъ, безкровнымъ худымъ лицомъ и осунувшейся тощей фигурой онъ напоминалъ человѣка, недавно перенесшаго тяжелый недугъ. Оно такъ и было въ дѣйствительности. О. Агаѳонъ съ годъ тому назадъ, когда онъ былъ на приходѣ въ одномъ большомъ и душномъ городѣ внутри Крыма, перебравшись туда съ дальняго сѣвера, едва не умеръ отъ длительной страшной болѣзни и теперь все еще не могъ вполне возстановить свои силы. И сюда, въ этотъ приморскій городокъ, перебрался онъ законоучителемъ одного средняго учебнаго заведенія главнымъ образомъ для поправленія здоровья. Наступающая весна бодрила батюшку, поднимала самочувствіе, влекла къ жизни, къ людямъ. Вотъ и сегодня вспомнилъ онъ близкаго, дорогого для души человѣка, съ которымъ хотѣлось увидѣться, подѣлиться оживающими мыслями, чувствами, и онъ сѣлъ къ столу съ неотложнымъ намѣреніемъ написать ему настойчивое дружеское приглашеніе. Передъ о. Агаѳономъ лежалъ въ готовности листъ почтовой бумаги, по временамъ шелестя и раскидываясь отъ легкаго вѣтра, словно нетерпѣливо напоминая сидѣвшему человѣку, чтобы онъ скорѣе заполнилъ его ласковыми привѣтливими, добрыми строками.

Батюшка оторвался, наконецъ, отъ заманчивой чарующей картины раскинушагося вдаль взморья и началъ письмо. „Милый и безцѣнный старѣйшій собратъ во Христѣ и отецъ Андрей Семеновичъ! Простите, что рѣдко и мало пишу. Но увѣренъ въ вашемъ снисхожденіи и добротѣ: не осудите и не подумайте, что вотъ, молъ, уѣхалъ и забылъ,

съ глазъ долой—изъ сердца вонь. Нѣтъ, это не такъ и быть такъ не можетъ. И помню, и думаю, и молюсь о васъ всегда, дорогой мой о. Андрей, какъ и вы, вѣрю, молитесь за меня своей хорошей, чистой молитвой. Дѣло, по моему, въ томъ, что когда человѣкъ начинаетъ оживать, онъ жадно прислушивается къ этому внутреннему процессу оживанія и вотъ изъ-за того невольно опускаетъ изъ вида исполнить во время то или иное другое неотложное и важное дѣло. Тутъ—просто невольное опущеніе, разсѣянность, слабость воли, которую можно и простить. Теперь, видно, силъ стаетъ больше, и снова потянуло къ людямъ, жить съ ними вмѣстѣ, дѣлиться и радостями и печалями. Но больше и сильнѣе всего захотѣлось близости съ вами, страстно желательно видѣть васъ, вести, попрежнему, тихія бесѣды. Пріѣзжайте-ка, милый о. Андрей, въ нашу семью погостить, отдохнуть, отвести душу. Всѣ будемъ рады. Скоро Пасха—вотъ бы хорошо-то вмѣстѣ встрѣтить, чтобы радость была исполнена. Пріѣзжайте же непременно, неотложно, какъ получите письмо. Вѣдь и скучно же, уныло,—знаю я,—на вашемъ монастырскомъ подворьѣ, и въ городѣ у васъ то же—грязь, духота и шумъ непрестанный. А здѣсь у насъ благодать-то какая, Боже мой! Сижу вотъ сейчасъ у открытаго окна—видъ на море, на городъ прелестный, воздухъ—способный оживить мертвеца. А дальше, какъ развернется природа во всей красѣ и силѣ, что будетъ?.. Такъ будемъ васъ ожидать непременно и я, и всѣ наша семья. Будьте здоровы“.

Письмо было готово, бѣлое поле почтоваго листка заполнили неровныя черныя строки нервнаго, порывистаго писанья о. Агаѳона. Онъ тутъ же вложилъ его въ конвертъ, изобразилъ скромный адресъ: „Въ г. N., монастырское подворье, Его преподобію заштатному священнику о. Андрею Семеновичу Талантову“.—Пользуясь свободнымъ временемъ и прекрасной погодой, батюшка самъ рѣшилъ снести письмо въ городъ до почтоваго ящика.

— Ты куда это?—спросила уходящаго мужа матушка, отрываясь отъ швейной машины, за которой работала въ соседней комнатѣ.

— Да вотъ письмо нужно отправить о. Андрею. Зову его въ гости на Пасху. Непростительно забыли, словно, милого старика. Спасибо тебѣ же, Аня, вчера напомнила.

— Вотъ и отлично. Да какъ же ты скоро надумался, о. Агаѳонъ,—я и не ожидала отъ тебя такой поспѣшности. Иди въ добрый часъ... Дверь затворилась за о. Агаѳономъ, а матушка Анна Васильевна предалась наединѣ тихимъ свѣтлымъ думамъ,—какъ, навѣрно, доволенъ будетъ добрый старикъ письмомъ, какъ хорошо будетъ у нихъ на праздникѣ вмѣстѣ съ нимъ, и какъ будутъ рады ея дѣти, когда узнаютъ, придя изъ гимназіи, пріятную новость о приглашеніи на Пасху ихъ общаго любимца, интереснаго рассказчика о. Андрея.

II.

Отецъ Андрей Талантовъ въ свое время, въ самую роковую, ужасную пору для семьи о. Агаѳона и для него самого явился совершенно неожиданно истиннымъ провидѣніемъ, добрымъ геніемъ, и съ той поры между ними установилась незримая внутренняя духовная связь. Произошло все это такимъ образомъ.

По образу птицъ перелетныхъ, или скорѣе по необходимости какъ-нибудь протянуть для семьи надорванную, погасающую жизнь о. Агаѳонъ Надеждинъ вынужденъ былъ покинуть свой родной сѣверъ и оказался въ одно прекрасное лѣто на югѣ, въ Крыму, священникомъ маленькаго прихода въ большомъ, совершенно чужомъ, иноплеменномъ городѣ. И вотъ тутъ-то постигла его съ семействомъ бѣда неминуемая. Только что успѣла семья Надеждиныхъ прибыть на новое мѣсто, глава семьи и единственный кормилецъ заболѣлъ безнадежно. День за день слабѣли силы о. Агаѳона, три-четыре врача, перебивавшіе у него, не могли даже точно опредѣ-

лить болѣзни, не упуская случая получать гонорары, которые щедро выплачивала растерявшаяся Анна Васильевна изъ скудныхъ сбереженій, таявшихъ быстро, подобно воску „отъ лица огня“. Кромѣ дорогихъ рецептовъ да глубокомысленныхъ минъ и легкомысленныхъ фразъ врачи не оставляли ничего. А время шло, приближалось дѣло къ роковой развязкѣ: больной слабѣлъ окончательно и представлялъ одно подобіе скелета, облеченнаго кожей. Упала духомъ бѣдная матушка, на рукахъ которой была семья изъ пяти душъ— трехъ дочерей и двухъ сыновей: съ осени они должны были продолжать ученіе въ гимназіяхъ, гдѣ учились уже всѣ тамъ на сѣверѣ, а чѣмъ содержать, чѣмъ уплачивать взносы за право ученія?.. Бѣдныя дѣти, въ предчувствіи надвигающейся бѣды, бродили, какъ тѣни, молчаливыя, подавленные, унылыя.

Но больше всѣхъ мучился и терзался внутренне самъ больной при видѣ растерявшейся, безпомощной семьи. Онъ винилъ себя—зачѣмъ такъ легкомысленно перетащилъ сюда въ чужой невѣдомый край, вырвавъ изъ родной обстановки, отъ знакомыхъ и близкихъ людей, среди которыхъ все же было бы легче ей устроиться въ случаѣ бѣды. А здѣсь,— что они будутъ дѣлать, жена и дѣти, безъ него, безъ средствъ: вѣдь, прямая для нихъ и вѣрная гибель. И эта гибель неотразимо близилась, о. Агаѣонъ ясно чувствовалъ, какъ слабѣетъ день ото дня, какъ уходитъ жизнь изъ его жалкаго тѣла. Въ ужасѣ и какомъ-то тупомъ отчаяніи отворачивался больной къ стѣнѣ, чтобъ не видѣть свѣта, не видѣть убитыхъ, по его винѣ, горемъ жены и дѣтей; лгать, обманывать ихъ возможностью выздоровленія не хватало у него силъ. Въ мрачномъ, давящемъ душу молчаніи тянулись долгіе, мучительные дни въ унылой квартирѣ Надеждиныхъ; подавленность состоянія увеличивалась еще сознаниемъ одиночества, заброшенности въ чужомъ городѣ, гдѣ не было не одной близкой знакомой души. Кромѣ докторовъ никто почти не заглядывалъ въ семью къ больному, некому было внести сюда хотя бы крупицу утѣшенія.

Правда, заглядывали къ о. Агаѳону раза два—три служившіе за него въ церкви наемные батюшки изъ городского духовенства, но своими торопливыми посѣщеніями и безучастно, изъ приличія брошенными, казенными словами утѣшенія лишь обостряли страданія больного. А когда они брали изъ рукъ Анны Васильевны плату за службу и, не стѣсняясь, тутъ же провѣряли, много ли вручено,—какое-то невольное чувство гадливости, отвращенія пробуждалось въ о. Агаѳонѣ, и уста больного презрительно шептали во слѣдъ уходившимъ: „левиты“... Но вотъ разъ предъ воскресеньемъ, псаломщикъ, ходившій промышлять для службы батюшку, принесъ Аннѣ Васильевнѣ извѣстіе, судя по тону, съ какимъ онъ сообщалъ его, не мало утѣшительное.

— Назавтра, матушка, отыскалъ я для службы у насъ другого священника, старичка одного заштатнаго, о. Андрея; живетъ онъ на монастырскомъ подворьѣ, добрый и славный старичекъ. Все же вамъ легче будетъ, за платой не погонится, пожалуй, и ничего еще не возьметъ. Жаль, что не было его все время дома, вчера лишь пріѣхалъ откуда-то. Только рассказалъ ему про ваши дѣла,—сейчасъ же согласился послужить за о. Агаѳона сколько угодно. А какъ убивался-то и все спрашивалъ и про батюшку и про семью вашу: ужъ сразу видно жалостливую, добрую душу.

Словно по предчувствію, какъ-то бодрѣе и лучше почувствовала на сердцѣ убитая горемъ Анна Васильевна отъ этого сообщенія псаломщика. Какая-то неясная надежда зашевелилась внутри, что этотъ старый священникъ долженъ непремѣнно своимъ появленіемъ принести и больному и семьѣ облегченіе, помощь. Вечеромъ въ субботу матушка съ нетерпѣніемъ ожидала, когда пройдетъ въ церковь ко всенощной вновь приглашенный батюшка о. Андрей. Вотъ показался въ воротахъ церковной ограды, гдѣ находилась и квартира Надеждиныхъ, высокій, еще прямо держащійся старикъ въ сѣренькой ряскѣ съ палкой въ рукахъ; изъ-подъ соломенной шляпы выглядывало благообразное лицо, окаймленное сѣдыми

волосами и бородой. Старикъ глядѣлъ прямо передъ собой, направляясь къ церкви, и не замѣтилъ даже матушки, стоявшей въ дверяхъ казеннаго дома. Матушкѣ страстно хотѣлось идти за нимъ въ церковь, помолиться за всеобщей, но о. Агаѳону въ этотъ день было особенно худо, и покинуть его было нельзя. „Зайдетъ, можетъ быть, послѣ службы“,— подумала она про о. Андрея и со вздохомъ возвратилась къ умирающему... Однако въ этотъ разъ о. Андрей не зашелъ къ о. Агаѳону.

III.

Ночь выдалась для больного особенно тяжелая; еще съ вечера о. Агаѳонъ говорилъ матушкѣ: „ты сегодня, Аня, за мной чаще присматривай, какъ бы ночью не помереть—худо что-то чувствуется“. Утромъ, за обѣдней, пріѣзжалъ докторъ и, глядя на заплаканное, осунувшееся лицо Анны Васильевны, проводившей доктора, можно было догадаться, что онъ сказалъ ей мало утѣшительнаго. Она, дѣйствительно, услышала сегодня отъ него страшный приговоръ: „надежды нѣтъ, больше нѣсколькихъ дней больной не протянетъ“. Да и чего другого можно было ждать, если больной превратился уже въ совершенный скелетъ и не могъ принимать пищи нѣсколькими днями?

Между тѣмъ служба кончилась, небольшая группа богомольцевъ шла изъ церкви; показался и о. Андрей, направляясь къ квартирѣ о. Агаѳона. Пораженной горемъ матушкѣ было не до встрѣчи старца-священника, и онъ одинъ пробирался по темному коридору, отыскивая дверь въ комнаты.

— „Спаси васъ Господи! Гдѣ вы тутъ живете, милые?— Услышала Анна Васильевна за дверями старческой голосъ и, порывисто поднявшись отъ изголовья больного мужа, отворила дверь предъ о. Андреемъ. Вошелъ сѣдой старецъ, въ той же сѣренькой ряскѣ, прямой, высокій, съ добрымъ, милымъ лицомъ, съ глубокими сѣрыми глазами. Придерживая рукой

просфору, онъ перекрестился на образъ, благословилъ матушку и дѣтей, приговаривая: „спаси васъ Господи!“ и потомъ сталъ предъ кроватью больного. О. Агаѳонъ съ усиленіемъ повернулъ къ нему лицо и смотрѣлъ на него молча, страдальческимъ, истомленнымъ взглядомъ; смотрѣлъ прямо и ласково на больного нѣсколько мгновеній и о. Андрей.

— Здравствуйте отецъ... Агаѳонъ, спаси васъ Христось!—заговорилъ старецъ, ввявъ руку больного и наклонясь для поцѣлуя:—что это вы, отецъ, болѣть вздумали? Да развѣ вамъ можно: смотрите-ка, семья у васъ... Нѣтъ, нѣтъ, нельзя такъ: выздоравливать надобно, непремѣнно надобно, спаси васъ Господи! Вотъ покушайте, подкрѣпитесь просворкой—заздравная она, за васъ молился я грѣшный...

— Да онъ, батюшка, ужъ давно ничего не можетъ принимать,—робко замѣтила Анна Васильевна.

— И не можетъ, да пусть попробуетъ... Господь дастъ облегченіе... Вотъ, посмотрите, поправляться будетъ.

— Гдѣ ужъ поправляться!—упавшимъ голосомъ, безнадежно промолвилъ со вздохомъ о. Агаѳонъ, все же взявъ дрожащей рукой просфору.

— Да вы что это, отецъ, такъ малодушны, а еще—слава Богу, священникъ! Развѣ же можно намъ доходить до такого отчаянія? Подумайте, вѣдь есть Богъ, есть святые угодники: какъ же они дадутъ погибнуть человѣку, погибнуть напрасно цѣлой семьѣ? Не можетъ этого быть; и васъ Господь поправитъ, не отниметъ отъ семьи. Когда я шель сюда, когда молился за обѣдней, я много думалъ о васъ, о вашемъ семействѣ,—мнѣ псаломщикъ все рассказалъ,—и теперь твердо вѣрю, что Господь устроитъ ваши дѣла. Вамъ надо жить, непремѣнно надо: иначе было бы жестоко, и Христось васъ спасетъ—поправитесь, вотъ посмотрите. Только вѣрьте, отецъ, крѣпче, надѣйтесь, молитесь... И я буду молиться, и семья ваша, и вы—и Богъ непремѣнно услышитъ. Эхъ, какой же вы малодушный, о. Агаѳонъ!..

Въ порывистой, убѣжденной рѣчи о. Андрея чувствовалась вмѣстѣ и глубокая сердечность и твердая, крѣпкая вѣра; отъ того простыя слова его невольно начинали пробуждать въ унылыхъ, упавшихъ духомъ слушателяхъ отдаленныя, казавшіяся до того несбыточными надежды. Что-то свѣтлое, теплое, отрадное подобно солнечному лучу заглянуло въ мрачную комнатку больного и въ самую изстрадавшуюся душу о. Агаѳона. А виновникъ этого чуднаго оживленія несчастной семьи продолжалъ еще и еще, капля за каплей вливать незамѣтно въ малодушныя сердца животворную струю вѣры, надежды...

— И это вы могли отчаяваться, когда у васъ здѣсь же всегда на глазахъ такой могучій и вѣрный цѣлитель-молитвенникъ,—говорилъ о. Андрей, указывая на икону св. Серафима, предъ которой онъ перекрестился снова, когда сѣлся къ столу за стаканъ чая:—о, вы не знаете еще, какой онъ милостивый и скорый помощникъ въ бѣдахъ, а я вѣрю и убѣдился самъ въ его дивной силѣ. Забросила меня разъ судьба въ Сибирь, въ Томскъ, тоже на службу, какъ вотъ васъ теперь; при мнѣ была маленькая дочь, ребенокъ лѣтъ шести. И заболѣлъ я истинно смертельнымъ недугомъ, доктора отказались, надежды никакой. И вотъ ночью, когда ужъ совсѣмъ смерть подходила, взмолился я Господу, собравъ всю свою вѣру: Господи!—говорилъ я, помоги мнѣ ради малютки-дочери. Она должна безъ меня погибнуть. Неужели Ты, милосердый, допустишь это? Нѣтъ, не можетъ того быть: вѣрю я, Господи, слышишь ли, вѣрю, что Ты непременно спасешь меня и дочь-младенца... И что же, думаете? Заснулъ и вижу: стоитъ предо мной св. Серафимъ и говорить:—„завтра тебѣ надо служить—выздоровливай“! Пробудился утромъ и не узнаю себя: весь я былъ въ опухоли, и ноги и руки, что бревна, а тутъ—отъ опухоли и слѣда нѣтъ и боли не чувствую... Выздоровѣлъ сразу... И это Богъ творить милости надъ такими грѣшниками, какъ я! Какъ же не вѣрить, друзья мои, послѣ этого?..

— Да, отъ слѣпоты своей погибаетъ человѣкъ часто, и въ отчаяніе приходитъ,—продолжалъ свои утѣшительныя рѣчи словоохотливый старецъ:—не видятъ люди, что кругомъ ихъ чудеса, что Богъ близко къ намъ со своей помощью, что даетъ Онъ силу Свою и угодникамъ Своимъ. Убѣдился я грѣшный въ этомъ за свою долгую жизнь, видѣлъ чудныя дѣла Божіи, какъ они совершаются въ людяхъ. Всего сразу и не перескажешь... Такъ-то, друзья мои! Будетъ вамъ унывать, спасетъ васъ Христосъ, поможетъ, и радость наша Серафимъ блаженный... Но пока что,—надо больному отдыхъ дать.

О. Андрей собрался уходить. Взявъ за руку о. Агаѳона, онъ сердечно говорилъ ему на прощаньи:

— Такъ какъ же, о. Агаѳонъ? Вѣдь надо выздоравливать! Поправляйтесь-ка, утѣшите матушку, дѣтокъ, а я буду заходить, коли позволите. Спаси васъ всѣхъ Господи, помощи вамъ Серафимъ угодникъ Христовъ!—Анна Васильевна хотѣла, было, вручить и о. Андрею плату за службу, но тотъ отклонилъ ея руку, промолвилъ всколзь: „на что, моль, это... послѣ ужъ, послѣ“... Гость ушелъ, но послѣ него осталось на весь остальной день новое, давно уже не испытываемое несчастной семьей свѣтлое, бодрое настроеніе.

IV.

Необыкновенную, на всю жизнь памятную ночь пришлось пережить о. Агаѳону послѣ посѣщенія его удивительнымъ, чуднымъ старцемъ. Еще ни разу не встрѣчалъ онъ въ людяхъ такой сердечности, участія къ чужому горю, такой крѣпкой дѣтски-простой вѣры, дѣйствовавшей неотразимо, заразительно. Уже въ присутствіе о. Андрея, онъ чувствовалъ на себѣ глубокое, оживляющее вліяніе отъ его бодрыхъ рѣчей, и теперь въ тиши ночной, полумракѣ освещенной лишь одной лампадкой комнаты это вліяніе сознавалось больнымъ еще опредѣленнѣе. Чувствовалось, что гдѣ-то глубоко въ полумертвомъ организмѣ загорается снова искра жиз-

ни, и мысль, подавленная страданіемъ, загнанная въ тупикъ отчаяніемъ, ко всему уже равнодушная, начинаетъ робко шевелиться, работать, даже уноситься впередъ, въ будущее. О. Агаѳону представилось живо и ярко, какъ этотъ милый старикъ лежалъ когда-то такъ же вотъ, какъ теперь онъ, безнадежно больнымъ, въ далекомъ сибирскомъ городѣ и метался, мучился страшно опухшій, задыхающійся; какъ онъ охрипшимъ голосомъ настойчиво, неотступно призывалъ небесную помощь, и она пришла же къ нему въ образѣ преподобнаго... А что, если бы и сейчасъ... но нѣтъ, этого ожидать не будетъ ли страшною дерзостью съ его стороны: у того была крѣпкая вѣра, а онъ сознавалъ себя такимъ маловѣрнымъ и слабымъ и грѣшнымъ... Но вотъ больной взглядывалъ на образъ преподобнаго, и ликъ св. Серафима умильный и кроткій снова будилъ въ немъ робкую надежду и упавшую вѣру. И о. Агаѳонъ пытался сосредоточить всѣ свои силы въ одномъ устремленіи, молитвенномъ порывѣ къ Богу, къ преподобному. Это была необыкновенная молитва,—безъ словъ, безъ опредѣленныхъ мыслей; это было обращеніе къ Источнику жизни всего угасающаго жалкаго человѣческаго существа съ однимъ страстнымъ желаніемъ остаться въ живыхъ. Нѣсколько разъ, до полного изнеможенія, порывался больной въ своихъ молитвенныхъ устремленіяхъ къ Богу, и только къ утру, незамѣтно для себя, забылся тихимъ, спокойнымъ сномъ.

О. Агаѳонъ не сподобился чудесныхъ видѣній и небеснаго посѣщенія преподобнаго; но напряженіе душевныхъ силъ и необыкновенный подъемъ религіознаго чувства, пережитые имъ ночью, оказали постинѣ чудное, благодатное воздѣйствіе на больного. Утромъ пробудился онъ совсѣмъ инымъ: исчезла апатія, непростительное равнодушіе къ роднымъ, близкимъ людямъ, захотѣлось поговорить съ ними, пожалѣть, приласкать, ободрить, чего ужъ онъ давно не дѣлалъ, предпочитая лежать, въ досадномъ, тупомъ безчуввіи, отвернувшись къ стѣнѣ...—Аня, мнѣ посидѣть бы, помощи-ка под-

няться,—сказаль о. Агаѳонъ подошедшей къ нему матушкѣ:—отлежалъ уже всѣ бока.—И при ея помощи устроился полулежа на кровати.

— Коля, Клаша, вы что сидите все дома, какъ убитые, шли бы въ садикъ погулять всѣ, пока не жарко! Слабымъ голосомъ остановилъ онъ дѣтей, заглянувшихъ въ комнату:— а гдѣ остальные?.. Милые, милые все-то лѣто изъ-за меня мучаетесь; а вы не унывайте—дасть Богъ, жить станемъ. Подите на воздухъ, освѣжитесь... И матушка и дѣти почували радостную перемену въ этотъ день, всѣ вздохнули легче послѣ долгаго, беспросвѣтнаго горя—кошмара. Началось и въ самомъ дѣлѣ постепенное возвращеніе къ жизни для умирающаго: небо, видимо, сжалилось надъ несчастной, безпомощной семьей.

А о. Андрей продолжалъ свое святое дѣло любви, по часту навѣщая о. Агаѳона и внося всякій разъ свѣтъ и утѣшеніе для измученныхъ душъ. Скоро сталъ онъ близкимъ, роднымъ человѣкомъ въ семьѣ Надеждиныхъ, всѣхъ привязаль къ себѣ своей сердечностью, простотой. „Спаси васъ, Господи, спаси васъ Христосъ“—были у него не шаблонныя фразы,—въ нихъ чуялось благожелательное сердце, и лишь раздавались они въ коридорчикѣ,—кто-нибудь изъ семьи, опережая другого, стремился встрѣтить милаго гостя. И по долгу иногда засиживался словоохотливый старецъ, бесѣдуя тихо съ выздоравливающимъ о. Агаѳономъ, посвящая его въ свою поистинѣ удивительную жизнь. Правдолюбецъ въ душѣ, врагъ компромиссовъ, о. Андрей всю жизнь провелъ скитальцемъ, гонимымъ, исколесивъ въ поискахъ за правдой чуть не всю Русь; но не утратилъ ни свѣтлаго взгляда на жизнь, ни вѣры въ торжество правды, ни любви къ людямъ. Слушая дивныя повѣсти старца о его столкновеніяхъ съ человѣческой кривдой, всегда заканчивающіяся въ примирительномъ, всепрощающемъ духѣ, о. Агаѳонъ невольно думаль: Боже мой! Какія иногда нравственно христіанскія силы скрываются въ Твоихъ избранникахъ, незримыя не оцѣненные міромъ“...

О. Андрей исполнилъ свой добровольно взятый долгъ христіанской любви до конца: служилъ за о. Агаѳона до его выздоровленія и, когда онъ уѣзжалъ на новое мѣсто службы, добрый старикъ напутствовалъ отъѣзжающую семью своимъ сердечнымъ: „Спаси васъ Христосъ“. Не диво, поэтому, что благодарный о. Агаѳонъ такъ усердно приглашалъ теперь на Пасху своего „добраго генія“, посланнаго, какъ онъ вѣрилъ, Самимъ Богомъ въ нужную пору; онъ надѣялся, что тотъ не откажется по взаимной любви и сочувствію.

Но отвѣта на письмо отъ о. Андрея не приходило, и самъ онъ не являлся; былъ уже первый день праздника. Въ семьѣ Надеждиныхъ начинали, было, думать, не заболѣлъ ли ихъ общій дорогой другъ; какъ вдругъ, къ великому удовольствію всѣхъ, о. Андрей попрежнему бодрый и жизнерадостный заявился съ вокзала. Спаси васъ Господи!—раздалось знакомое привѣтствіе и, слѣдомъ, еще болѣе дорогое: „Христосъ воскресъ!—дорогіе мои!“ О. Агаѳонъ, Анна Васильевна и всѣ дѣти окружили милаго гостя и „радость ихъ была исполнена“

Свящ. *Аванасій Веселуцкій.*

Страстная седмица.

(Окончаніе ¹⁾).

Торжество и радость Великаго четверга смѣняется глубокою скорбію Великой пятницы, когда былъ отнятъ у Церкви ея Безжественный Женихъ, ²⁾ и пригвожденъ ко кресту, „вмѣнившись съ беззаконными“ ³⁾. Это великій и страшный день, единственный во всей священной лѣтописи челоуѣчества, такъ что событіе его служатъ предметомъ благоговѣй-

¹⁾ См. №№ 16—17-й за 1910-й г.

²⁾ Лук. 5, 34. 35.

³⁾ Исаи 53, 12.

наго удивленія для самихъ ангеловъ 1). Столько въ этотъ день произошло разныхъ событій, и великихъ и безчестныхъ для человѣчества и горькихъ и утѣшительныхъ, что цѣлая исторія рода человѣческаго должна служить его изъясненіемъ; но одна только вѣчность раскроетъ вполнѣ то, что совершилось на маломъ холмѣ голгоетскомъ 2) „Поэтому Великая пятница, говоритъ одинъ изъяснитель православнаго богослуженія, стоитъ между знаменательными днями Страстной седмицы, какъ нѣкій возвышенный крестъ, пріосѣняющій субботній гробъ Христовъ: до такой степени исполненъ онъ весь безчестіемъ и славою креста! Каждый часъ его есть мѣра исключительныхъ страданій Богочеловѣка 3).—Уже въ ночь на этотъ день, послѣ чудной прощальной бесѣды съ учениками, начались въ Геосиманскомъ саду страданія Спасителя, Его душевныя муки за грѣхи человѣчества. Здѣсь Господь началъ и плакать, и тужить и изнемогать 4). Но не о Себѣ онъ плакалъ, а о родѣ человѣческомъ, погрязшемъ во грѣхѣ, о родѣ человѣческомъ, который хотѣлъ Онъ возвести отъ грѣха къ правдѣ. Всѣ тѣ муки совѣсти, всѣ тѣ невыразимыя скорби о содѣянной безднѣ зла, которыя надлежало понести человѣчеству,—все это перенесъ теперь Господь по любви Своей къ намъ. Съ самою жгучею болью, съ великимъ позоромъ, со всею тяжестью грѣха и тьмы человѣческаго бытія въ состояніи богоотступленія и паденія, вотъ съ чѣмъ долженъ былъ встрѣтиться Спаситель въ искупительную ночь, 5) когда въ зеркалѣ Своего Божественнаго всевѣдѣнія усмотрѣлъ, до какого безобразія доведены души, созданныя Имъ чистыми и святыми, и чего они заслуживаютъ своими поступками, за которые всю вину и наказаніе Онъ

1) 1 Петр. 1, 12.

2) Преосвящ. Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“ стр. 428.

3) Муравьевъ, „Письма о Богослуженіи Правосл. Церкви“ Письмо VI.

4) Матѳ. 26, 37; Лук. 23, 28.

5) См. у Фаррара „Земная жизнь Иисуса Христа“, стр. 485.

принимаетъ на Себя. До того была полна чаша страданій, и до того отяготѣло взятое Имъ бремя, что даже Его силы изнемогали, и душа Его скорбѣла смертельно ¹⁾. „Это, говоря безъ всякаго преувеличенія, было совмѣщеніе всѣхъ страданій и всѣхъ смертей всѣхъ людей. Одни страданія совѣсти, большею частію забываемыя, при размышленіи о страданіяхъ Сына Божія, должны имѣть лютость мученій адскихъ; ибо если самый грубый человѣкъ нерѣдко изнемогаетъ отъ страданія пробудившейся совѣсти, мучимой представленіемъ одной его грѣховной жизни, то какое мученіе должно быть для пречистой души Богочеловѣка, когда она въ сознаніи Своемъ представляла Себя покрытою грѣхами всего міра, въ такомъ видѣ, со всею тяжестью ихъ, должна была идти для изглаженія ихъ Своею кровію на крестѣ? Богъ Отецъ зреть теперь въ возлюбленномъ Сынѣ Своемъ главу грѣшниковъ, всего міра грѣхами обложенную: „не Вѣдавшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ“ ²⁾... Посему, дабы истощить всю силу наказанія за грѣхи человѣческіе надъ всемірною Жертвою, страданія Спасителя Божественнымъ правосудіемъ раздѣляются, такъ сказать, на два періода: Геосиманскія и Голгоѣскія.—На Голгоѣ страждущее тѣло приводитъ въ страданіе духъ; здѣсь страждущій духъ заставляетъ капать кровавымъ потомъ Пречистое тѣло ³⁾. „Бысть же потъ Его, яко капли крове, капляція на землю“ ⁴⁾. Пала нѣкогда на землю кровь невиннаго Авеля, но она вопіяла на небо объ отмщеніи; падаетъ кровавый потъ Спасителя, но вопіетъ объ отпущеніи и прощеніи ⁵⁾... Сострадавая Господу, въ этихъ первыхъ страданіяхъ Его, св. Церковь въ ночь на Великую пятницу издревле ⁶⁾ совершаетъ одно изъ

¹⁾ Мѡ. 26, 37

²⁾ 2 Корин. 5. 21.

³⁾ См. Пресвящ. Иннокентія „Послѣднія дни земной жизни І. Христа“ стр. 269, 272.

⁴⁾ Луки гл. 22, 44.

⁵⁾ Изъ сл. Вел. пят. Филарета, митроп. Кіевскаго.

⁶⁾ См. бес. 87 св. Златоуста.

умпительнѣйшихъ и трогательныхъ богослуженій во всемъ церковномъ году: „Послѣдованіе святыхъ и спасительныхъ страстей Господа нашего Іисуса Христа“. Въ двѣнадцати, исторически расположенныхъ, евангеліяхъ св. Церковь раскрываетъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ полную картину страданій Господнихъ, подъятыхъ ради нашего спасенія,— отъ геосиманскихъ мукъ и кроваваго пота до голгоускаго позора и заключенія во гробъ Господа славы. Всю эту священную повѣсть Церковь возглашаетъ предъ нами для того, чтобы совокупнымъ зрѣлищемъ страстей Христовыхъ всецѣло занять вѣрующую душу, сосредоточить ее на страшной жертвѣ за челоуѣчество и всецѣло погрузить въ созерцаніе креста и смерти Богочелоуѣка, привести въ то состояніе, въ которомъ св. апостоль Павелъ ничего не хотѣлъ знать, „точію Іисуса Христа и сего распята“ (1 Кор. 2,2).

При каждомъ евангельскомъ чтеніи предстоящіе зажигаютъ свѣчи, что знаменательно указываетъ на торжество и славу, сопровождавшія Сына Божія во время самаго уничтоженія Его и свидѣтельствовавшія о Его величайшей святости и Божествѣ. Господь, идя на страданія и смерть, Самъ предрекъ: „нынѣ прославися Сынъ челоуѣческой, и Богъ прославися о немъ. Аще Богъ прославися о немъ, и Богъ прославить Его въ Себѣ, и абіе прославить Его“ 1). Дѣйствительно, страданія Господа за грѣхи наши были сколько тяжки, столько же и славны для Него. Враги идутъ взять Его на страданія и смерть, и падаютъ предъ Его Божественнымъ всемоуществомъ и исцѣляются отъ ранъ 2) Они злобствуютъ противъ Спасителя, но Его невинность и высочайшая святость торжествуетъ надъ ихъ ослѣпленіемъ и злобой. „Не челоуѣки ругаются Божію величеству, говоритъ святитель Филаретъ, промысль Божій посмѣивается буйству челоуѣческому, безъ нарушенія свободы заставляя его служить высо-

1) Іоанн. 13, 31—32

2) Іоанн. 18, 6—10.

чайшей своей Премудрости; не лукавые рабы перехитрили Господа, а всеблагій Отець не щадилъ Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная изъявляетъ любовь небесную; небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертію любви убить вражду и распространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣнь смертную¹⁾. Между евангеліями поются различныя церковныя пѣсни, выражающія скорбныя чувства Церкви по поводу евангельскихъ чтеній, и какъ глубоко трогательны эти священныя пѣснопѣнія! Въ нихъ Церковь попеременно выражаетъ то глубокую скорбь о голгоѣскомъ Страдальцѣ, то священное негодованіе на совершителей этого страшнаго дѣла, то ужасъ при представленіи грѣховъ человѣческихъ, низведшихъ Сына Божія на землю и доведшихъ Его до смерти крестной. Сообразно съ воспоминаніемъ невыразимо скорбныхъ событій, Великая пятница издревле была днемъ строжайшаго поста и глубочайшей христіанской печали о Богѣ. Христіане первенствующей Церкви отличали его особенными подвигами: всю ночь на Великую пятницу и самый день они проводили въ бдѣніи и молитвѣ съ кратковременными отдыхами. Въ этотъ день благочестивые государи останавливали всѣ общественныя занятія, которыя могли отвлечь христіанъ отъ богослуженія. Вкушать что-либо изъ пищи въ этотъ день положительно воспрещалось; въ Постановленіяхъ Апостольскихъ относительно этого есть отдѣльное предписаніе: „особенно держите постъ въ пятницу и субботу и не вкушайте ничего до ночного пѣтелоглашенія“²⁾. По св. Иринею Ліонскому, не могшіе поститься предъ Пасхою два дня—постились одинъ день, именно въ Великій пятокъ³⁾. „Посмотри на весь кругъ вселенной, бесѣдовалъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, сколько тутъ весей, сколько городовъ и мѣстъ, сколько людей, сколько

¹⁾ См. Слово въ Великій пятокъ Филарета, митроп. Московскаго.

²⁾ Апостол. Постановл. кн. V, гл. 18.

³⁾ См. посл. къ Евсеію, V, гл. 26.

острововъ, сколько рѣкъ и морей, сколько племенъ и поколѣній и варварскихъ народовъ, и всѣ они нынѣ постытятся ради креста, умерщвляя страсти силою его, а у многихъ и по прошествіи ночи подвигъ поста не оканчивается¹⁾. Словомъ, это былъ день всеобщей скорби глубочайшаго сѣтованія и безусловнаго удаленія отъ всего мірскаго, отъ всего, что могло бы отвлечь мысль христіанина отъ воспоминанія о страданіяхъ Спасителя. Съ печалію и сѣтованіемъ Великой пятницы несомнѣстимъ духъ торжества и радости, съ которыми совершается принесеніе безкровной жертвы, и потому Церковь въ этотъ день издревле не совершаетъ литургій. Дневное богослуженіе Великой пятницы состоитъ изъ царскихъ часовъ, которые въ своемъ составѣ имѣютъ много особеннаго и отличаются торжественностію. Со стороны своего содержанія часы Страстной пятницы представляютъ полную и живую картину дня смерти Божественнаго Страдальца. Церковныя пѣснопѣнія,—тропари и стихири, а также чтенія изъ пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ имѣютъ прямое отношеніе къ послѣднимъ событіямъ Геѳсиманіи, Іерусалима и Голгофы, притомъ все это расположено въ такомъ порядкѣ, что каждый часъ церковной службы, соотвѣтствуетъ своимъ содержаніемъ тому же часу послѣдняго дня уничиженной жизни Богочеловѣка. Св. Церковь, въ своихъ необыкновенно трогательныхъ пѣсняхъ то укоряетъ ветхозавѣтнаго Израиля, ярко изображая его крайнюю неблагодарность къ своему Избавителю, то подробно живописуетъ неизреченныя страданія Божественнаго Примирителя и Посредника между Богомъ и человѣкомъ, то указываетъ на удивленіе умныхъ воинствъ, взиравшихъ на терновый вѣнецъ и багряницу Царя царствующихъ, то влагаетъ слово жалости и скорби въ уста осужденнаго Искупителя объ окаменѣніи сердце челоуѣческихъ, то, наконецъ, поражаясь страшными явленіями природы, послѣдовавшими за смертію Богочеловѣки, запечатлѣ-

¹⁾ См. св. Іоанна Дамаскаго, слово на великій пятокъ.

васть Его Божественное величіе. Къ вечеру Великой седмицы Спаситель нашъ уже былъ мертвъ. Двое изъ членовъ синедриона, Іосифъ и Никодимъ, исповѣдавшіе Христа Сыномъ Божиимъ, озаботились погребеніемъ Его. Этимъ двумъ благочестивымъ мужамъ Провидѣніе предоставило, такимъ образомъ, право оказать Сыну Божию послѣднее благодареніе въ Его земной жизни. Іосифъ и Никодимъ, при участіи возлюбленнаго ученика Христова, скорбящей Богоматери и другихъ любившихъ Господа, съ благоговѣніемъ обвили Его плащаницею, помазали ароматами и положили въ новомъ каменномъ гробѣ, въ саду, находившемся недалеко отъ Голговы ¹⁾).

Вечерня своимъ содержаніемъ вполне соотвѣтствуетъ воспоминаемымъ событіямъ: на ней въ самый день распятія, св. Церковь еще разъ возводитъ духовный взоръ нашъ ко кресту и распятому на немъ Спасителю, въ стихирахъ на „Господи воззвахъ“. Затѣмъ предлагаются чтенія изъ Ветхаго Новаго Завѣтовъ, изображающія то несказанную славу, то крайнее униженіе Господа. Наконецъ, въ „стиховныхъ“ живописуется предъ нами самое погребеніе пречистаго тѣла Христова. А чтобы событіе это живѣе отразилось и крѣпче напечатлѣлось въ въ душахъ нашихъ, среди храма полагается плащаница съ изображеніемъ Спасителя. Всѣ повергаются на землю предъ симъ священнымъ изображеніемъ и въ притрепетномъ благоговѣніи, съ умиленною душою, лобызаятъ язвы своего Господа и Его Евангеліе, запечатлѣнное святѣйшею кровію Его. При концѣ вечерни, поется особенно умирительная и трогательная пѣснь—изъ стиховныхъ: „Тебе одѣющагося свѣтомъ, яко ризою“, въ которой такъ живо изображается

¹⁾ Іоани. 19, 38—42. Голгова—это небольшой холмъ къ сѣверо-западу отъ Іерусалима. Теперь это святѣйшее мѣсто заключено въ храмъ Воскресенія. Якоже о Адамѣ вси умирають, говоритъ апостолъ также и о Христѣ вси оживуть (1 Кор. 15, 22). Итакъ, Божественный Врачъ, второй Адамъ, вознесенъ былъ на древо тамъ, гдѣ лежалъ больной“, первый Адамъ. Смерть побѣждена на томъ мѣстѣ, на которомъ низвела она перваго человѣка во гробъ (Мысли блаж. Августина).

„благосердый плачь“, чувствованія благообразнаго Іосифа и каждой души христіанской при видѣ Господа „мертва, нага, непогребенна“... Душа вѣрующихъ то изливается въ скорбныхъ чувствахъ при мысли о грѣхѣ и великой жертвѣ за грѣхъ, то проникается утѣшительнымъ сознаниемъ благодатныхъ плодовъ смерти Христа и радостнымъ предчувствіемъ Его близкаго воскресенія.

Такимъ образомъ, печаль Великой пятницы не есть для Церкви печаль отчаянія. Кратковременная смерть Искупителя есть вѣчная смерть грѣху. Съ знаменательнымъ словомъ: „совершишася“, —кончились страданія Богочеловѣка, исполнено Его посланничество и воля Отца небеснаго: міръ спасенъ крестомъ Сына Божія, и мы, „врази бывше, примирихомся Богу смертію Его“¹⁾. Власть діавола надъ падшимъ человечествомъ теперь побѣждена; Ветхій Заветъ окончился, открылся Новый Заветъ, и началось на землѣ царство благодати, устройство котораго и было цѣлію искупительнаго дѣла Христова²⁾!

Заключительный, послѣдній день безпримѣрнаго уничтоженія и первый день прославленія Іисуса Христа на землѣ есть Великая суббота, день погребенія Искупителя и Его нисхожденія во адъ, гдѣ содержались во власти смерти души всѣхъ отъ вѣка умершихъ, ожидая искупленія и суда.—Спасителю нашему нужно было пройти черезъ весь установленный грѣхомъ порядокъ жизни человѣческой, чтобы грѣхъ нигдѣ не имѣлъ себѣ убѣжища, даже въ темномъ царствѣ смерти. И вотъ Искупитель, второй Адамъ³⁾, погребенный плотію во гробѣ, нисходитъ Своею душею туда, куда нисходили вслѣдъ за первымъ Адамомъ всѣ повинные грѣху дѣти

¹⁾ Римл. 5, 10; 1 Петра 2, 24; 2 Кор. 5. 21.

²⁾ Въ этотъ день всеобщаго искупленія первенствующая Церковь разрѣшала отъ грѣховъ и принимала въ число чадъ своихъ многихъ изъ отпавшихъ, но покаявшихся христіанъ.

³⁾ 1 Кор. 15, 45—47).

его; нисходитъ для того, чтобы принести плоды искупленія даже въ царство смерти.

Великая важность и значеніе этого дня изображается въ слѣдующемъ сколько древнемъ, столько же и трогательномъ пѣснопѣніи святой Церкви: „днѣшній день тайно великій Мойсей прообразовавше глаголя: и благослови Богъ день седьмый, сія бо есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день, въ онъ же почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ Единородный Сынъ Божій, смотрѣніемъ еже на смерть, плотію субботствовалъ и во еже бѣ, паки возвращая воскресеніемъ, даровавъ намъ животъ вѣчный, яко Единъ благъ и человеколюбецъ“ ¹⁾. Какъ вначалѣ Богъ, создавъ въ шесть дней міръ и человека, въ седьмой почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, такъ нынѣ въ искупленіи міра, въ шестой снова воссоздавъ истлѣвшаго человека и обновивъ его животною крестною смертію, въ седьмой день Господь Іисусъ Христосъ почилъ отъ дѣлъ воссозданія совершеннымъ и животворнымъ упокоеніемъ ²⁾.

Воспомявая эту субботу субботъ, безпримѣрную во всемъ мірозданіи, св. Церковь въ своихъ священныхъ пѣснопѣніяхъ призываетъ ко гробу Христа Жизнодавца и небо, и землю, и ангеловъ, и человекъ; окружаетъ его и свѣтлымъ облакомъ древнихъ свидѣтелей, за цѣлыя тысячелѣтія провидѣвшихъ спасительную страсть Пскупителя человекъ, и соборомъ новозавѣтныхъ провозвѣстниковъ, какъ бы дающихъ предъ гробомъ Господа отчетъ въ своей всемірной проповѣди о крестѣ и воскресеніи.

Церковныя пѣснопѣнія въ этотъ великій день начинаются съ глубокаго утра. Важность дня побудила благочестивыхъ составителей церковной службы въ Великую субботу дать ей тотъ особенный, трогательный и вмѣстѣ торжественный видъ, который теперь такъ неотразимо дѣйствуетъ на

¹⁾ См. на вечер. Велик. суб. стихиры—самогласны.

²⁾ См. Сѣваксаръ въ Велик. субботу.

насъ въ православныхъ храмахъ. На утрени въ Великую субботу св. Церковь совершаетъ „самый образъ погребенія Христа“. Ко гробу Божественнаго страдальца, вмѣсто ароматовъ и плащаницы, Церковь приноситъ трогательную и надгробную пѣснь. Вся эта пѣснь, раздѣленная на три статьи, состоитъ изъ 176 тропарей, изъ коихъ каждому предшествуетъ одинъ изъ стиховъ 118 псалма, въ которомъ пророкъ такъ живо и величественно изобразилъ судьбу праведника, вѣрнаго истинѣ и закону Божію, но гонимаго завистию и злобою людей незаконныхъ. Въ ознаменованіи того, что эти пѣснопѣнія—не вопли и рыданія безнадежности, а выраженія скорби при созерцаніи страданій Спасителя, вмѣстѣ съ предощущеніемъ Его свѣтоноснаго воскресенія, непорочны поются съ горящими въ рукахъ каждаго православнаго христіанина свѣчами, проливающими по всему храму свѣтъ, какъ зарю того невещественнаго свѣта, который на утро возсіяетъ изъ гроба Христа—Жизнодавца¹⁾. Вслѣдъ за непорочными предъ тѣмъ же гробомъ Спасителя, среди храма, поется великосубботній канонъ, который отличается необыкновенною торжественностію тона, силою чувства и глубиною догматическаго содержанія²⁾. Не только мысли, которыя содержитъ въ себѣ этотъ канонъ, но и самый напѣвъ ирмосовъ его съ неодолимою силою дѣйствуетъ на душу, такъ что трудно найти православнаго человѣка, который бы не зналъ, хотя нѣкоторыхъ ирмосовъ его. Кому, дѣйствительно, неизвѣстны умиленные ирмосы, сложенные благочестивою поэтессою, инокиней Кассією: „Волною морскою скрывшаго древле“ и проч.? Между множествомъ другихъ прекрасныхъ пѣсней, которыми такъ богата великосубботняя утрени, вниманіе христіанъ не можетъ не остановиться на тѣхъ вдохновенныхъ стихирахъ, которыя поются „на хвалитехъ“. „Днесъ содержитъ гробъ Со-

¹⁾ См. Письма о Богослуженіи правосл. церкви Муравьева VI, 97.

²⁾ Объ этомъ высоко-поэтическомъ канонѣ см. подробнѣе № 7 Влад. Епарх. Вѣдом. за 1900 г.

державо дланію тварь, покрываєть камень докывшаго добродѣтелию небеса: спить Животъ и адъ трепещеть и Адамъ отъ узъ разрѣшается. Что зримое видѣніе? Кое настоящее успокоеніе? Царь вѣковъ, иже страстію совершивъ смотрѣніе, во гробъ субботствуетъ, новое намъ подаѣя субботство... Придите, видимъ животъ нашъ во гробъ лежащъ, да во гробѣхъ лежащія оживить¹⁾... Съ великимъ славословіемъ кончаются торжественнѣйшія минуты великосубботней утрени, и трудно передать, какія ощущенія преобладають въ это время въ душѣ христіанина, изъ самой глубины ея вызывая обильныя слезы²⁾; священнослужители облакаются во всѣ священныя одежды, поднимають плащаницу съ среды храма, вносять ее чрезъ царскія врата въ алтарь и полагають на святомъ престолѣ³⁾ въ ознаменованіе того, что Господь Іисусъ Христосъ, распятый и погребенный, не разлучался по Божеству отъ Отца, но бывши „во гробъ плотски“, въ то же время былъ „на престолѣ со Отцемъ и Духомъ“. Затѣмъ, при звонѣ колоколовъ, при печальномъ пѣніи: „Святой Боже, въ сопровожденіи всѣхъ вѣрующихъ съ горящими свѣчами начинается торжественное съ хоругвями, какъ съ побѣдными знаменами, несеніе плащаницы вокругъ храма. Есть ли истинно-православный человѣкъ, который холодно и безучастно могъ бы смотрѣть на это грустно-торжественное шествіе плащаницы? Чья душа не переполняется разнообразными чувствами, чувствами благоговѣнія, благодаренія и любви къ Спасителю⁴⁾! По окончаніи этого шествія, плащаница снова вносится въ храмъ и полагается на прежнее мѣстѣ. Здѣсь надъ ней, какъ бы надъ самимъ гробомъ Искупителя, св. Церковь торжественно исповѣдуетъ въ замѣчательномъ видѣ-

¹⁾ См. въ Вел. субботу на утрени стих. на хвалитехъ—самогласны 1, 2 и 3.

²⁾ См. „Письмо о церковн. Богослуженіи“ Бѣлюстина стр. 530.

³⁾ Не вездѣ это дѣлается.

Ред.

⁴⁾ См. „Письма о церковн. Богослуженіи“ Бѣлюстина стр. 530.

ни пророка Іезекііля изсохшихъ, а потомъ ожившихъ костей, свою надежду не только на востаніе Господа, но и на воскресеніе всѣхъ членовъ Его благодатнаго царства (Іезек. 37, 1—14). За пророческимъ видѣніемъ слѣдуетъ чтеніе Апостола и Евангелія. Ап. Павель объясняетъ намъ тайну страданій и смерти Христовой, научаетъ насъ, что Господь есть истинная Пасха, пожертвая за всѣхъ насъ, и что Онъ благоволилъ сдѣлаться клятвою за насъ, чтобы избавить насъ отъ клятвы закона ¹⁾. А евангелистъ Матѳеѣй повѣствуетъ о послѣднихъ усиліяхъ клеветы и злобы книжниковъ и фарисеевъ, думавшихъ стражею и печатію удержать во гробѣ Сына Божія ²⁾ и остановить дѣло Божіе. Евангеліе отнесено на самый конецъ утрени, можетъ быть, потому, что она оканчивается съ разсвѣтомъ дня, а съ разсвѣтомъ дня явились нѣкогда архіереи и фарисеи къ Пилату, глаголюще: „господи, помянухомъ, яко льстець Онъ рече, еще сый живъ, по тріехъ днехъ востану: повели убо утвердити гробъ до третяго дне“... Наносить оскорбленіе лежащему во гробѣ, кто бы онъ ни былъ, всегда запрещаетъ человѣку естественное чувство. Но надъ гробомъ Сына Человѣческаго, взяшаго грѣхи міра, попрано было и это чувство. Умертвивъ на крестѣ Начальника жизни, іудеи почувствовали, что они не достигли своей цѣли, что свѣтъ и жизнь не могутъ быть объяты могильной тьмой, и сдѣлали послѣднее усиліе: они поставили стражу ко входу въ погребальную пещеру Сына Божія. Какая безмысленная слѣпота, повторяющаяся въ фарисеяхъ всѣхъ мѣстъ и временъ ³⁾!..

Печальное празднованіе дня Великой субботы въ древности отличалось особенною внутреннею сосредоточенностію и торжественною тишиною въ церковной жизни. „Что это, говоритъ св. Епифаній Кипрскій въ своей замѣчательной бе-

¹⁾ 1 Кор. 5, 6—8) Галат, 3, 3—15.

²⁾ См. Матѳ. 27, 62—65.

³⁾ См. Труды К. Д. Академіи 1891 г. ч. I стр. 650.

сѣдѣ на Великую субботу,—что это нынѣ за безмолвіе великое на землѣ? Что за безмолвіе и молчаніе? Глубокое молчаніе, потому что почиваетъ Царь. Земля убоялась и замолкла, потому что Богъ во плоти уснулъ, и адъ ужасается. Богъ почилъ на короткое время, чтобы пробудить тѣхъ, которые во адѣ. Нынѣ спасеніе всему міру видимому и невидимому, нынѣ сугубое промышленіе, сугубое человѣковъ посѣщеніе: Богъ приходитъ съ неба на землю, съ земли подъ землю,—врата ада отверзаются, и спящіе отъ вѣка радуются. Съ рабами—Господь, съ мертвыми, Богъ, съ умершими—Жизнь, съ находящимися во тьмѣ—Свѣтъ невечерній; съ плѣнными—Освободитель, въ преисподней—Сый превыше небесъ: Христосъ среди мертвыхъ¹⁾).

Теперь древній многознаменательный церковный покой Великой субботы также сохраняется въ православной церкви, выражаясь въ томъ, что литургія въ этотъ день совершается уже къ вечеру²⁾. Такъ какъ въ это время Церковь созерцаетъ уже зарю воскресенія Христова, то обряды ея становятся свѣтлѣе и торжественнѣе, пѣснопѣнія ея славятъ или всемогущее нисшествіе Господа во адъ, разрѣшившее столько вѣковѣчныхъ оковъ, или Его дивное воскресеніе изъ мертвыхъ. Послѣ стихирь „на Господи воззвахъ“, въ которыхъ св. Церковь выражаетъ стоны ада, поражаемаго во главу Великимъ Потомкомъ Евы, предлагается 15 паремій или чтеній изъ Ветхаго Завѣта, представляющихъ важнѣйшая прообразованія и пророчества о возстановленіи человѣческаго рода силою смерти и тридневнаго воскресенія Сына Божія. Все чтеніе паремій заключается торжественнымъ призываніемъ всего живущаго, всей жизни, и всего, что служитъ для жизни, къ пѣнію и прославленію Господа. Этимъ и оканчивается вечерня. Литургія начинается чтеніемъ апостола, предъ которымъ, вмѣсто трисвятого, поется: „елицы во Христа

¹⁾ Твор. св. Отцевъ т. II стр. 258—259.

²⁾ См. Церкви. Уставъ въ Велик субботу.

креститесь“. Эта пѣснь указываетъ на тотъ обычай первенствующей Церкви, когда она, желая сдѣлать участниками радости о воскресшемъ Господѣ новообращенныхъ христіанъ, въ Великую субботу совершала крещеніе оглашенныхъ. Въ Апостольскомъ чтеніи объясняется таинственное отношеніе смерти и погребенія Христова къ таинству крещенія. Вслѣдъ за симъ раздается во храмѣ первый воскресный гимнъ: „Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ“. Въ это время священнослужители перемѣняютъ свои черныя ризы на бѣлыя, дабы ничто, включительно до самой внѣшности, не могло омрачать чудной, радостной вѣсти о воскресеніи Христовомъ“. Когда діаконъ выходитъ изъ алтаря благовѣствовать о воскресеніи Христовомъ, то все становится въ церкви такъ свѣтло и радостно, что въ ней какъ бы присутствуетъ Самъ воскресшій Господь съ привѣтомъ: миръ вамъ! Проникнутая таинственнымъ ужасомъ послѣ всѣхъ необъятныхъ созерцаній дня Великой субботы ¹⁾ св. Церковь, вмѣсто херувимской, воспѣваетъ особенную пѣснь: „Да молчитъ всякая плоть человѣча“. А вмѣсто: „Достойно есть“ полагается ирмосъ 9 пѣсня утренняго канона, гдѣ св. Церковь передаетъ утѣшительный голосъ Самого Господа: „не рыдай Мене, Мати“. По окончаніи литургіи бываетъ благословеніе хлѣбовъ, которое во всякое другое время совершается только среди всенощной. а въ Великую субботу слѣдуетъ за литургіей. Это потому, что въ древности въ то же самое время, въ обителяхъ, начиналось чтеніе Дѣяній Апостольскихъ, и нужно было подкрѣпить на ночное бдѣніе тѣлесныя силы, естественно ослабѣвшія отъ подвиговъ страстной недѣли, дабы чудно-радостное: „Христосъ Воскресе“ слушать съ духомъ бодрымъ, съ мыслию свѣжею, а не ослабленною крайнимъ изнуреніемъ тѣла ²⁾. Ночное собраніе въ церкви

¹⁾ См. Письма о Богослуженіи Православ. Церкви“ Муравьева, письм. VI, стр. 112.

²⁾ См. „Письма о Церкви Богослуженіи“ Бѣлостива стр. 558.

предъ Пасхою Блаженный Иеронимъ производить отъ апостольскаго преданія. 1) Императоръ Константинъ Великій всю эту ночь проводилъ во храмѣ и самъ предлагалъ поученіе къ собравшемуся народу 2). Какъ тогда, такъ и теперь, въ полночь оканчивается чтеніе Дѣяній, и совершается полунощница съ канономъ Великой субботы. Наконецъ, раздается торжественная пѣснь: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славить“, и наступаетъ великій день Воскресенія Христова. Да сподобитъ же Господь всѣхъ насъ, чтобы мы, примиренные, въ теченіе св. Четыредесятницы, съ Богомъ, съ ближними и со своею совѣстію, свѣтло и радостно съ чистою душою, съ открытымъ сердцемъ провели дни страстей Господнихъ и встрѣтили день его славнаго воскресенія. Дай Богъ всѣмъ намъ еще разъ въ жизни своей испытать то безмѣрное, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое наслажденіе небесное, которое доступно бываетъ христіанину въ эти великіе дни!..

Н. У—въ.

Новое изданіе Троицкой Сергіевой Лавры.

Съ февраля сего 1910 года въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ выходитъ подъ редакціей преосвященнаго *Никона*, епископа Вологодскаго, еженедѣльное изданіе „ТРОИЦКОЕ СЛОВО“.

Изданіе это предпринято обителію преподобнаго Сергія въ ознаменованіе исполнившагося 300-лѣтія освобожденія лавры отъ польско-литовской осады. По своему содержанию, духу и направленію „Троицкое Слово“ будетъ то же, что и извѣстные „Троицкіе Листки“.

1) См. Бес. 25 на Ев. Мате.—Обыкновеніе древнихъ христіанъ проводить ночь наканунѣ Пасхи въ молитвенномъ бдѣніи происходило вообще изъ благочестиваго желанія ихъ достойно встрѣтить ранній часъ Воскресенія Христова.

2) См. Жизнь Константина Великаго у Евсевія к. 4, гл. 22.

Вотъ приблизительно программа сего изданія:

I. *Благодатное слово*: выписки изъ твореній святоотеческихъ.

II. *Старческое слово*. Здѣсь дадимъ мѣсто выдержкамъ изъ писаній извѣстныхъ старцевъ-подвижниковъ, ихъ письмамъ, дневникамъ, наставленіямъ и т. под.

III. *Толкованіе на Священное Писаніе* и особенно на тѣ мѣста, которыя искажаются въ смыслѣ врагами Православной Церкви—еретиками и сектантами.

IV. *Подвижничество во Христв*. Жизнеописанія болѣе близкихъ къ намъ по времени подвижниковъ, воспомнанія о нихъ, ихъ письма и разные матеріалы для ихъ біографій.

V. *Явленія Божіей благодати въ наше время*. Чудеса промысла Божія, служація къ укрѣпленію вѣры.

VI. *Отвѣты на запросы духовной жизни*.

VII. *Мой дневникъ*. Забѣтки редактора по вопросамъ церковной и общественной жизни.

VIII. *Переписка съ читателями*.

IX. *Троицкая лѣтопись*. Наиболѣе достойныя вниманія событія въ жизни Троицкой Сергіевой лавры.

X. *Книжная лѣтопись*. Забѣтки о книгахъ, достойныхъ вниманія и предостереженіе отъ книгъ, вредныхъ и пустыхъ по содержанию.

Цѣна за 50 №№ въ годъ съ пересылкою *одинъ рубль*.

Подписка принимается: 1) въ редакціи „Троицкаго Слова“ Сергіевъ посадъ, Моск. губ.; 2) въ Петербургѣ—въ часовнѣ Троицкаго подворья Фонтанка, 44, у Аничкина моста; 3) въ Вологдѣ, въ канцеляріи преосвященнаго; 4) въ Москвѣ на Троицкомъ подворьѣ у о. эконома, на Самотекѣ.

Всѣ письма и статьи, назначаемыя для изданія, высылаются по адресу редактора: Вологда, преосвященному Никону.

Редакторъ цензоръ Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 11-го апрѣля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.